

Коуль Дж

Атланты, Кутгар

Джонс Коуль (Дмитрий Колосов)

Атланты. Кутгар

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДРЯННАЯ ПЛАНЕТКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я сидел на вершине скалы, прислонившись спиной к шершавому камню, и наблюдал за тем, как от подножия по тропинке поднимается вверх нестройная цепочка ломтиков - буро-зеленых, высотой примерно в полтора фута существ, странным образом напоминавших дынную дольку, почему, собственно говоря, я и прозвал их ломтиками. Спину существ покрывала морщинистая шкурка из костяной брони, дальше шла розовая, чуть прозрачная плоть мякоти, а на том месте, где из сладкого мяса зеленого плода вырастали блеклые плоские косточки, у ломтиков располагалось бесчисленное множество жадных ртов. Однажды я задался целью пересчитать эти воронкообразные отверстия, но, дойдя до двух с половиной сотен, оставил эту затею как бессмысленную. Пасть ломтиков, а если быть более точным, - функциональная щель для поглощения пищи - была бесконечной. Столь же бесконечным был и их аппетит. Ломтики отличались завидной всеядностью. Они пожирали все, что встречалось на пути. С помощью кислотных выделений, исполнявших роль слюны, эти твари истачивали даже кремнистые утесы Сиреневого плато. А, надо отметить, кремний в здешних местах вовсе не тот, что на Земле или Атлантиде. Скорей это даже не кремний, а нечто среднее между кремнием и алмазом. Очень замысловатая структура и невероятная прочность. Эдакий кремнеалмаз. Уверен, стальной бур на Сиреневом плато был бы совершенно бесполезен. Еще ломтики потребляли песок и разнообразные фтористые образования. Но любимейшим их блюдом была органика, к которой они не без основания причисляли и меня.

Передний ломтик достиг площадки на вершине скалы, избранной мной местом для отдыха. Пора! Концентрация воли заняла неуловимое мгновение. Затем я открыл глаза и освободил энергию. Невидимая волна накрыла шеренгу ломтиков и моментально разметала ее. Подобное зрелище я видел такое бессчетное количество раз, что пора бы и привыкнуть, но оно неизменно продолжает доставлять мне удовольствие. Человек слаб до эффектных зрелищ! Прожорливые слизистые стручки полетели вниз. Прodelывая лихие кульбиты, они один за другим шлепались на землю, издавая мокрый хлюпающий звук, подобный тем, что рождает куски глины, которые бросает гончар на свой круг. Хотя высота падения была достаточно велика, ни один из ломтиков не пострадал. Да и не мог пострадать. Ведь недаром эти твари представляли собой самое могучее среднее звено на треклятой планетке. Чрезвычайно примитивные в физиологическом отношении, они обладали неуязвимой мономолекулярной структурой. Венец эволюции на кремнефтористой основе. Я заподозрил это давно, заметив странную нечувствительность ломтиков к фотонным пучкам. На днях - оговорюсь, день здесь понятие растяжимое - мне довелось подтвердить свою догадку. Серый леопард поймал ломтика, а я подоспел прежде, чем он приступил к трапезе. Обычно я не ссорюсь с серым леопардом; он, как и я, гордый охотник-одиночка, мы уважаем друг друга, но это был особый случай. Я ударил по хищнику огненной волной, и он, воя, отступил. Мертвый ломтик достался мне по праву сильного, что в традициях мерзкой планетки. С помощью меча я разделал отвратительное создание. Меч порядком затупился, прежде чем рассек бронированную шкуру. Как я и предполагал, ломтик оказался типичным космическим червяком с полным отсутствием легких, печени и селезенки. Был лишь огромный желудок, выполнявший заодно функции сердца, а также комочек некоего зеленоватого вещества, про которое я деликатно рискнул предположить, что это нечто вроде примитивного мозга. Именно тогда я попробовал пересчитать пасти чудовища, но так и не довел эту затею до конца...

Сброшенные с тропы ломтики опомнились от падения и сбились в кучу. Похоже, они подпитывались общей энергией, а может быть, и совещались. Я усмехнулся, поймав себя на невольной мысли - как бы не поумнели! Не хотелось бы, чтобы мое нечаянное присутствие повлияло на здешнюю эволюцию. А то, неровен час, Вселенную заполнят корабли, ведомые поумневшими ломтиками. Апокалипсис примитивизма! Потому я ударил по слизнякам дезинтегрирующей волной. Так сильно, как только смог. Только одно это и могло подействовать на мерзких тварей. Шесть или семь ломтиков рухнули замертво, прочие бросились врассыпную, быстро переставляя покрытые неряшливой бахромой щупальца, которые исполняли роль конечностей.

Проняло. Твари давали мне передышку. Впрочем, недолгую. Впрочем, я и не нуждался в долгой. Я приходил в долину ручьев лишь с одной целью - напиться воды.

Плохо быть человеком и в то же время нечеловеком. Хотя, что есть человек? Что его определяет? Две пятипалые руки, способные держать палку, две ноги и голова? Или потенция к мышлению? Николай Кузанский называл человека *humanus deus* [Человеческий бог (лат.)], Эразм Роттердамский - странным животным, неким средним между божественным созданием и скотиной. Для Паскаля человек не более чем тростник, правда, мыслящий, а человеческий мир - сборище

негодяев и убогих, созданных лишь для того, чтобы быть проклятыми. Слова, сказанные в припадке раздражения? А может быть, напротив - плод долгих раздумий? Мудрее прочих окажется Гоббс, который верно оценит волчью суть венца мироздания. Номо homini lupus est - человек человеку волк. Человек - тварь, жрущая окровавленное мясо собрата. Возвышенное посещает его помыслы лишь единожды в жизни - в мгновение умиротворяющей смерти. Да и то не всегда. Тидей, расставаясь с жизнью, ел трепещущий мозг врага. В этом суть человека. Убей, иначе убьют тебя. Убей и сожри! Человек есмь. Впрочем, не судите, да не судимы... Особенно, если судит тот, в ком соединены человеческое и нечеловеческое. Человек - нечеловек. Монстр, и сам не знающий, кто он есть на деле. Я закрыл глаза и представил никогда не виданные мной ледяные равнины Зрентши. Они дали мне холодную суть. Лед медленно таял, из-под серебристых ломких комочков пробивались зеленые ростки. Это уже была Земля. Она давала мне силу. И еще она делала меня человеком, я хотел пить.

Раздался негромкий свист. Любой звук на этой планетке предвещал опасность. Поэтому я мгновенно открыл глаза. В желтом небе парил орел. По правде говоря, летающий монстр мало походил на гордую земную птицу. Шесть лап, веретенообразное, покрытое бронированной чешуей тело, морда - причудливый симбиоз рептилии и одноглазой свиньи. И еще - две пары огромных, багрового цвета крыльев. Из-за них я и прозвал этого урода орлом. Орел был могучим и злобным существом, но он не мог причинить мне вреда, пока я оставался на земле. Он парил над Долиной ручьев, надеясь, что сидящий на камне кусок мяса рано или поздно поднимется в воздух.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что поблизости опасных созданий не наблюдается, я спустился со скалы, не отказав при этом себе в удовольствии потыкать мечом в уродливые, покрытые грязной слизью трупы ломтиков. Источник был неподалеку, но я направился к нему окольным путем, так как в котловине, разделявшей нас, было полным-полно алых тюльпанов. Я шел по скользким каменистым склонам, перебирался через нагромождения валунов - синеватых, с серебристым рисунком то морской волны, то причудливых звездных пейзажей. За все это время мне не попалось ни одного врага, если не считать колонии ядовитых лишайников, прельщавших путников сочной зеленью и мнимой мягкостью. Симпатичный поролоновый коврик, насквозь пропитанный едким соком, способным в мгновение ока растворить незащищенную органическую ткань. Этой пакостью охотно питались прозрачные свиньи. Искренне восхищаюсь выносливостью желудков этих слоноподобных созданий.

Осталась позади очередная скала, и я очутился в крохотной рощице из комкообразных растений. Размером с человека, скучного серого цвета, они поглощали испарения, высасывая их из воздушной среды. Один из немногих мирных обитателей планетки. Однако я не ослаблял бдительности. В подобных рощицах, где была вода, нередко обитали летающие пиявки - примитивные и отвратительные существа, знакомство с которыми могло окончиться для неосторожного путешественника плачевно. Потому я настороженно посматривал по сторонам и отреагировал на возникшую опасность незамедлительно.

Пиявка метила мне в грудь, но я успел упасть на колено и пригнуться. Черный комок со свистом пронесся надо мной и прилип к одному из деревьев. Взмах меча - и он развалился надвое, брызнув зловонной яркой жидкостью. Эта жидкость разлагала органику, потому я благоразумно отскочил подальше, оберегаясь от едких капель. Пиявка была не одна. Следом появились ее товарки. Черные комки поочередно набрасывались на меня, пытались присосаться к эластичной ткани комбинезона. Я махал мечом, машинально размышляя над тем, почему они не нападут на меня сообща. Кодекс чести? Мне стало весело. Расхохотавшись, я отскочил в сторону и раздвоил очередного агрессора. Черные ошметки упали на островок едкого моха. Раздалось шипение, растение раздраженно выплонуло облачко пара. В тот же миг на шершавой поверхности серого дерева вырос хоботовидный отросток. Он с шумом втянул облачко и моментально убрался восвояси. Ничто не должно пропасть напрасно в вечном круговороте жизни. Пока дерево обедало, я расправился еще с двумя тварями. На этом

представление окончилось. То ли в пиявках разыграло подобие инстинкта самосохранения, то ли я изрубил всю здешнюю популяцию. Второе было верней. На всякий случай я постоял еще немного, ожидая, не появится ли какой-нибудь припозднившийся экземпляр. Все было спокойно. Тогда я двинулся дальше и вскоре очутился у источника.

Вода в здешних краях представлялась мне несообразным атавизмом. На планетке, где все кусалось, царапалось, жгло, растворяло в едких объятиях, по логике должны были существовать лишь источники с серной кислотой. Но, видно, часть здешней живности все же нуждалась в прозрачной влаге. В любом случае мне повезло. Я могу обходиться без воды довольно долго, но не бесконечно. В этом я отличаюсь от отца, для которого вода представляет лишь наслаждение, но никак не потребность.

Мысленно зажмурившись в предвкушении предстоящего удовольствия, я погрузил руки в желтоватую, припахивающую серой жидкость. Состав здешней воды весьма своеобразен. В ней присутствуют тяжелые металлы, мышьяк, сурьма и масса прочей гадости. Обычный человек распрощался бы с жизнью, едва сделав глоток, но для меня она безвредна. Поднеся сложенные

ладонью ко рту, я начал медленно тянуть влагу. Предварительно внял голосу Контроля, сообщившего, что все в порядке. Это было излишней предосторожностью. В позапрошлый раз я едва не хлебнул водички, переполненной мощнейшим токсином. Шарообразная змея, самая отвратительная тварь, с какой мне здесь приходилось сталкиваться, решила подвести итог моей жизни. Для этого она прополоскала в роднике свои боковые плавники, влив в воду такую порцию яда, какая могла бы убить даже многоногого. Хорошо, что Контроль не проспал. Помнится, я тогда в бешенстве долго бегал по окаймляющим родник валунам в тщетной надежде найти подлую тварь. Она погубила самый лучший источник - близкий и безопасный. Родник в Долине ручьев, к которому я пришел сегодня, не имел столь удобных подходов.

Первый глоток был подобен сладкому поцелую. Готов согласиться с теми, кто утверждает, что нет ничего слаще обычной воды. Хотя нет, я все же предпочел бы чашу фалернского... Послышался шорох. Пальцы моментально впились в рукоять меча. Что ни говори, на этой примитивной планетке титановый клинок - самый лучший аргумент. Он действует куда вернее, чем все эти хитрые штучки, которые я перенял у отца. На столь примитивном уровне сознания они не всегда действенны. Ядовитого иглоноса не проймешь фотонным излучением, клинок вразумляет его куда успешнее. Из-за кустов с противоположной стороны родника появился серый леопард. Взгляд его изумрудных глаз был насторожен. Но я не выказывал враждебности, и тогда зверь медленно приблизился к воде. Серый леопард - единственное существо на этой гнусной планетке, вызывавшее у меня некое подобие симпатии. Он благороден и по-своему красив. Вообразите огромное, до десяти футов в длину существо, гибким грациозным туловищем напоминающее кошку. Вот только лап у этой "кошки" было восемь, а поверх плотной серой шкуры располагались ряды костяных бляшек, надежно защищавших бока и спину; голову хищника венчал огромный рог, а треугольная пасть была полна острых акулиных зубов. Меня поражала стремительность, с какой серый леопард настигал свою жертву. В его коротких конечностях таилась невероятная мощь.

Зверь утолял жажду, настороженно кося в мою сторону. С короткой жесткой щётки, окаймлявшей морду причудливой бородкой, стекала вода. Глотая воду, леопард издавал звуки, похожие на рыдание униженной женщины. Вот он напился и, подняв голову, пристально взглянул на меня. В изумрудных глазах играли розовые блики заходящего солнца. Из-за спины леопарда поднималось второе светило. День вступал в завершающую фазу. Зверь вздохнул и направился прочь. В его ленивых движениях сквозило сомнение. Он был не прочь полакомиться невиданным существом, облаченным в потрепанную, черного цвета шкуру. Но от существа исходила уверенная сила, подобная той, что исходит от многоногих или от ломтиков, когда те объединяются в огромные стаи. С такой силой лучше не связываться.

Серый леопард ушел. Я сделал еще несколько глотков и поднялся с колен. Налетевший ветерок подхватил полы плаща. Розовое солнце совершенно скрылось за горизонтом, фиолетовое поднималось к высшей точке своей эллипсоиды, чтобы стремительно упасть вниз. Заключительная фаза дня коротка. И если не покажется белый карлик, холодный и расчетливый, словно луна, скоро придет полная темнота, непроницаемая даже для моих глаз. И тогда на охоту выйдут ночные твари. Я мало что знаю о них, но ночи боятся даже многоногие, забирающиеся в сумерках на неприступные плато. Если возвращаться домой пешком, я рисковал не успеть. Можно было, конечно, разложить время, но это отнимало много сил, а ими здесь приходилось дорожить. Потому я избрал самый короткий, хотя и небезопасный путь. Зажмурившись, я сконцентрировал волю, оторвался от земли и взвился в небо.

Кое-кто называет это левитацией. Да, плавать в воздухе, не используя мускульной силы или каких-либо приспособлений - это левитация, но не в моем случае. Левитация - удел примитивных существ, овладевших умением сбрасывать оковы притяжения. Я же не левитирую, а перемещаюсь в пространстве, используя пересекающиеся плоскости. Внешне это выглядит схоже с левитацией, но принцип совершенно иной. Левитация заканчивается там, где исчезает сила притяжения. А я могу перемещаться в абсолютной невесомости, только не очень долго.

Я поднялся вверх и распластался подобно птице, уменьшая силу сопротивления. Атмосфера здесь более разрежена, чем на Земле, воздух наполнен голубоватыми капельками влаги. Плащ совершенно намок, он уже не развевался, а свисал липким комком, прохладная жидкость струйками пробегала под пластинами бронедоспеха. Не очень приятное ощущение - плыть в непрерывно морозящем дожде. Но я терпел, внимательно осматриваясь по сторонам. Где-то здесь меня должен был поджидать орел.

Тварь объявилась, когда я был на подлете к дому. Она зашла со стороны солнца, но просчиталась - фиолетовое светило слишком тускло, чтобы ослепить меня. Орел несся навстречу, угрожающе растопырив все четыре крыла. В самый последний миг я резко ушел вниз. Не ожидавший подобного маневра орел резко замолотил по воздуху кожистыми лопастями. Не знаю, испытывает ли это примитивное существо боль, но по крайней мере я нарушил его аэродинамическое равновесие, обрубив правое заднее крыло. Оно полетело вниз, планируя, словно лепесток диковинного цветка, а следом, издавая воющие звуки, стал падать орел. Я пожелал ему счастливого пути. Скорей всего, он не сумеет вовремя добраться до своего логова, и его растерзают ночные твари. В ином случае через

несколько дней он будет искать реванша в новой встрече со мной. Эти летающие монстры проявляли чудеса регенерации.

Вот, наконец, и мой дом - высокий, идеально ровный, словно острое меча, пик, прозванный мною скалой Ариадны. Взобраться сюда было не под силу ни одному из здешних существ, за исключением мохнатых пауков. Но с ними я лажу.

Ноги коснулись гладкой поверхности камня. Я ослабил концентрацию, но не освободился от нее полностью. Контроль информировал меня, что не все ладно. Держа перед собой меч, я быстро осмотрел верхушку скалы, заглядывая в каждую расселину, мне уже не раз приходилось сталкиваться с существами размером с ноготь, но агрессивностью и коварством превосходившими даже шарообразных змей. Хлопот такая тварь могла доставить немало.

Площадка была пуста, словно скорлупа яйца. Мне оставалось осмотреть дом шалаш из ветвей призрачного дерева. По-прежнему не опуская меч, я осторожно шагнул вперед. В этот миг Контроль буквально заверещал, предупреждая об опасности. В моем доме был некто с весьма недобрыми намерениями. Я не знал, что представляет собой этот некто, и потому ударил по шалашу волной, вызывающей панический ужас. Раздался короткий вопль, после чего из черного отверстия вылетел яркий комок. Я увернулся, существо пролетело мимо меня и исчезло за обрывом. В это мгновение зашло фиолетовое солнце, а Контроль успокоился, давая понять, что все нормально. Не теряя ни мгновения, я залез в шатер, упал на жесткую шкуру грязебыка и моментально заснул.

Ночью полагалось спать. Таковы правила планеты Кутгар.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Новый день объявил о вступлении в свои права лучами розового солнца. Как обычно, было весьма прохладно. Я нечувствителен к холоду, однако вылезать из шалаша не хотелось, но и оставаться в нем было бессмысленно. Необходимо было найти какое-нибудь занятие. Я вышел наружу и уселся на большой плоский камень. Нежась в ленивых лучах, я размышлял, испытывая при этом невыносимое желание закурить. На Земле я не страдал подобной привычкой, но эта мерзкая отвратительная планетка навевала мысли о сладком уютном дымке. Так приятно сидеть и пускать кольца, наблюдая за суетящимися внизу тварями. Кажется, я начинаю понимать философию курильщиков опия. Что может быть прекрасней безмятежного спокойствия в сказке грез, навеваемых дурманящим дымом. Сидеть и смотреть, как сонно бегут года. Еще бы не помешал бокал доброго вина и кусок мяса. Желудок заурчал, затем передернулся легким спазмом. То был не голод, я не испытываю потребности в органической пище, черпая энергию из любых доступных источников - от звезд, космических излучений, огня и даже темноты; то было воспоминание о вкусе пищи, ощущении, уже почти позабытом. Я сунул в рот камешек и погонял его меж десен. Язык равнодушно воспринял прохладный безвкусный осколок. Снизу из-под скалы донеслось негромкое рычание. Я встрепелся, внезапно вспомнив о странном создании, накануне поджидавшем меня в шалаше. Кто это был? Какую цель он преследовал? Хотел сожрать меня, подобно прочим тварям, или что-то иное? Ответов на эти вопросы я пока не имел, но знал одно - загадочный гость обладал мощнейшим биополем, сила которого не соответствовала той поспешности, с какой он оставил мое жилище, едва попав под воздействие жестких лучей. Так кто же это был? Обыкновенная мелкая тварь? Но как она в таком случае миновала силовую стену, которой я окружил скалу Ариадны? Я не задавался бы всеми этими вопросами, если бы подобное приключилось в первый раз. Но мне уже приходилось сталкиваться со странными проявлениями некой организованной силы, найти объяснение которых я не мог.

Чтобы преодолеть возведенную мной преграду, требовалось огромное количество направленной энергии. Ни одна тварь из числа известных мне, за исключением Лоретага, не обладала подобными возможностями. Следовательно, я столкнулся с неведомым, чрезвычайно сильным и потому опасным существом. Кажется, оно упало со скалы примерно в этом месте.

Я поднялся, подошел к обрыву и посмотрел вниз. В нагромождении каменных осколков и лишайников трудно было обнаружить что-либо. Поколебавшись, я решил спуститься.

Под скалой царило обычное оживление. Мелькали мелкие существа низшего уровня, манили сочной прелестью лишайники, ядовитые водоросли пытались обвить мои ноги. Я обходил их, не считая нужным прибегнуть к помощи меча. Таинственного визитера, точнее то, что от него осталось, я обнаружил в небольшой расселине. Яркий - зеленый, красный, синий, апельсиновый - комок. Присосавшийся лишайник успел наполовину растворить его. Я отобрал у прожорливого растения уцелевшую часть существа и внимательно изучил его.

Подобных мне еще не приходилось встречать. По виду - простейшее, даже примитивное создание с полным отсутствием организованного мышления. Но меня заинтересовал способ передвижения, каким пользовалось существо. Оно не имело конечностей - я сумел обнаружить лишь две функциональные щели для самых естественных потребностей - но тем не менее великолепно

передвигалось. Куда быстрее пиявок, использовавших реактивный принцип. Кроме того, оно сумело проломить силовую стену. А это означало, что существо либо основывало свою жизнедеятельность на особых, неизвестных мне принципах, либо за ним стоял кто-то очень могущественный. Лично я предпочел бы первое. Хотя... Хотя с другой стороны не мешало бы познакомиться с истинным хозяином планеты. Если он, конечно, существует. А он, скорее всего, существовал. Я имел немало косвенных доказательств в пользу этого предположения.

Размышлять на Кутгаре - дело неблагоприятное и опасное. Эта планетка признает лишь действие. Я слегка зазевался и не заметил, как ко мне подобрался ломтик. Контроль завопил изо всех сил. Я обернулся в тот миг, когда тварь уже намеревалась вцепиться в мою ногу. Пришлось разложить время. Мир застыл. Я отступил на два шага влево и занес над головой меч. Время, послушное моей воле, вновь устремилось вперед. Ломтик, выйдя из оцепенения, впился всем своим мириадам пастей в глыбу, у которой я только что стоял. Не успели скудные мозги твари осознать причину досадной промашки, как на уродливую спину обрушился меч. Не стану уверять, что он вошел в ломтика как в масло. Ощущение было такое, словно лезвие наткнулось на камень. Но удар получился что надо. Ломтик распался на две части, брызнув в стороны ядовитым соком. Несколько капель жидкости попали мне на руку, я поспешно вытер ее о потрепанный плащ. Затем попытался отдышаться. Сердце колотилось, словно сумасшедшее. Да, на Кутгаре подобные трюки отнимали куда больше сил, чем на Земле. Там я мог держать время сколько угодно и даже не запыхаться. Там я мог без труда сотворить море или гору, здесь же меня едва хватило на силовую стену вокруг собственного дома.

Одолеваемый мрачными раздумьями, я возвратился на вершину скалы и лег на большой плоский камень, причудливой формой напоминавший ложе. Что ни говори, я порядком устал за то время, какое находился здесь, на Кутгаре. Гибель Тенты, поражение в битве против Отшельника и Кеельсее потрясли меня. Затем Кутгар смерть, замененная ссылкой. Сколько я здесь? Не знаю. Порой кажется - целую вечность. Все земное уже предстает нереальным, лишь опостылевшие солнце да омерзительный пейзаж, переполненный злобой и уничтожением. Я и сам злой. И никогда не был добрым. Я, не задумываясь, обрекал на смерть целые народы. Но делая это, я преследовал цель. Я никогда не убивал просто так, ради прихоти; я почти никогда не убивал, поддаваясь чувству. Я холоден, мой разум довлеет над чувством. В жестокости обитателей Кутгара не было ни капли смысла. Не было даже ни капли чувства. Лев, убивая лань, удовлетворяет кровожадную похоть. Здешние твари уничтожали друг друга, движимые необъяснимым инстинктом. Словно планета пыталась уничтожить саму себя, напиваясь лютотой, но равнодушной злобой. Убей ради того, чтобы убить. Серый леопард задира за день во много раз больше, чем мог съесть. Ломтики уничтожали бесчисленные мириады существ низшего уровня. Многоногие, кормившиеся в основном лишайниками, взрывали клыками огромные пространства, губя все живое. Тотальное уничтожение. Все это выглядело совершенно лишенным смысла. Но тем не менее какой-то смысл здесь был. Живое уничтожалось по чьей-то затейливой прихоти. Некто держал планету в узде бессмысленной злобы, строя на этой злобе свое могущество. Я не придумал это, я знаю. Я чувствую. Ведь кому, как не зрентшианцу, дано видеть злобную ауру. Она исходит отовсюду - от бегающих тварей, лишайников и деревьев, и даже камней. Даже камни и те испускают мертвенное сияние. Но более всего злобы в вихрях, появляющихся из-за горизонта, где владычествует Лоретаг. Вихри вторгаются в жизнь этого уголка планетки и подводят черту существованию многих ее обитателей. Они вычищают все, не оставляя даже крохотной споры.

Там, где они проходят, не найти и камней - лишь плотная спекшаяся масса, подобная той, что остается на месте взрыва мономолекулярных бомб. Это свидетельство огромной энергии, сознательно направленной на полное уничтожение. Единственное сознательное в бессмысленном хаосе злобы.

Вихри шли со стороны Лоретага. То было действие, основанное на воле и мысли. Я был должен понять его природу. А для этого мне надлежало отправиться туда, где эти вихри зарождались и где я еще никогда не бывал. Пора наконец встряхнуться и попробовать вырваться с этой планетки. Пора!

Мне вдруг припомнился первый день на Кутгаре. Как очнулся после боя на плато у Заоблачного замка и вообразил, что нахожусь на небе. Как говорил с клоном Леды. Как бежал, чувствуя злобные волны Лоретага, с холодным любопытством пронизывавшие каждую клеточку тела. Будь я обычным человеком, он сожрал бы меня. Но зрентшианец оказался слишком сложен для этого монстра. Но как я тогда мчался, едва касаясь подошвами сапог упруго пружинящей поверхности! А потом была первая ночь. В ту ночь я подвергся нападению ночных тварей. Я не видел их, но чувствовал, что они ужасны. Я отбивался мечом, затем пустил в ход фотонные пучки, огненные и дезинтегрирующие волны. Я бил их всем оружием, каким только располагал. Когда взошло солнце, твари исчезли, а я упал, совершенно обессиленный. Я, чья сила почти не знала предела. Я лежал посреди изрытой, но пустой поляны, и мне хотелось умереть - так я устал. Видя мою беспомощность, на меня попытались напасть какие-то серые твари. Будь это благородные львы или хищные волки, я закрыл бы глаза и дал разорвать свое тело. Но обрести покой в желудках уродливых монстров! Зрентшианец был равнодушен, человеческая суть взбунтовалась. Я нашел силы подняться и пойти вдоль Лоретага.

Весь день я отбивал нападения всевозможных тварей, изучая их повадки и уязвимые места. Я успокоился, восстановил силы и даже начал получать удовольствие от творимой моими руками бойни. Перед наступлением темноты я поспешно взобрался на скалу и окружил себя небольшим силовым полем. Эта ночь прошла спокойно. Наутро меня посетила Леда. Точнее, ее клон. Она вновь предложила мне расстаться со сверхсутью, обещая взамен немедленное возвращение на Землю. Нет лучшего способа расправиться с зрентшианцем, чем лишить его сверхсуги. Я отказался и с любопытством проследил за тем, как Леду пожирает серый леопард. Я не стал ее защищать. Должно быть, людское мясо пришлось леопарду по вкусу. Едва покончив с Ледой, он напал на меня. Я не убил его, а лишь нанес несколько весьма чувствительных ран, получив которые тварь потеряла интерес к несговорчивой добыче. Все эти первые дни я исследовал планету, пытаюсь отыскать проблески разумной жизни. Но тщетно. Лишь лишенная смысла животная ярость. Правда, однажды мне удалось подобрать крохотный кусочек сложного полимера. Это дало надежду, тут же угасшую. Полимер мог очутиться здесь самым невероятным образом. Ничто не свидетельствовало о том, что его произвели на Кутгаре.

Постепенно я изучил свой уголок планеты и привык к его обитателям, насколько вообще к ним можно привыкнуть. Я нашел себе место для дома и окружил его силовой стеной. Здесь можно было выжить. Но ради чего? Едва я задался подобным вопросом, как на меня напала апатия. Я сидел на вершине скалы и лениво размышлял. О чем? Да ни о чем. Верно, так чувствовал себя Диоген, забившись в бочку - отойди, ты загораживаешь мне солнце. Сидел и смотрел, как движутся солнца и приходит ночь. Ночью я спал. Непременно. Ночью здесь нужно спать. Ночные твари, чья суть мне непонятна, ориентируются по страху, который рождает бодрствующий ум. Их столь много, что не всякая силовая стена сможет остановить их яростный натиск. Потому ночью я спал. Вставало розовое солнце и наступал новый день. Точь-в-точь такой, как предыдущие. Леда не возвращалась, и ничто не давало встряску, в которой я нуждался. Я пытался преломить себя, начать действовать, но вместо этого вновь и вновь садился на камень и следил за убегающим к горизонту солнцем - розовым, фиолетовым. А иногда появлялись белые карлики. Их могло быть два, три и даже четыре. Они походили на луну, только чуть более яркую. Когда они восходили на небо, ночь бывала коротка и ночные твари страдали от голода. Примерно раз в три дня я ходил к источнику напиться воды. Походы за водой были опасны и чуть развлекали меня, а затем я возвращался и занимал свое место на камне.

Я застывал изваянием, поджав под себя ноги. Игриво посвистывал ветер, прыгавший по вершинам утесов. Он отличался от того, что был на Земле, был более тягуч, плавен, а оттого голос его напоминал скорей тихое перешептывание. Шу-шу, шу-шу - звучали в унисон несколько полуразмытых тонов. Я вслушивался в их звучание, но не мог уловить ни единой интонации, кроме монотонного бесконечного шу-шу-у-у-у. И мне было тоскливо.

Тоска - странное чувство, более человеческое, чем все прочие. Лишь человеку дано тосковать. Тоску могут испытывать и звери, но это есть проявление в них человеческого.

Странное ощущение - ты один, совсем один, посреди огромной планеты. И вокруг нет никого, кому ты мог бы сказать слово. И сердце стискивают крохотные мышинные лапки, и начинает сосать под ложечкой. Тоска!

Она подобна мельтешению маятника. Право-лево, право-лево - и ничего кроме этого, и ничего не меняется. И нечему меняться. И незачем. Ровная голубая полоса от края до края, граничащая с серым. Серое - скука. Сплин. Совсем по-бодлеровски:

И целый мир для нас одна темница,

Где лишь мечта надломленным крылом

О грязный свод упрямо хочет биться,

Как нетопырь, в усердии слепом.

Сплин - моя болезнь, но он свойствен скорей зрентшианцу, которому неведомо, что такое человеческая тоска. Зрентшианец привык к одиночеству, он не испытывает привязанности ни к дому, ни к свету, ни к живому существу. В этом его сила, в этом его боль. Боль, которая больше, чем сила. И здесь ничего не исправить. Зрентшианец обречен оставаться зрентшианцем, он не может ни отречься, ни изменить. Зато он не ведает, что значит тоска и одиночество. Ему вполне хватает собственного общества, чтобы не чувствовать себя одиноким. Он интересен себе, он ищет в себе неразгаданные тайны. А их великое множество. Зрентшианец может познавать себя вечно, он многолик, словно породившая его Вечность. Он - Звездный Странник, и летающему среди звезд чуждо одиночество, он привык к нему. Ведь мир его определяет пустота. Даже на многошумном балу он осязает лишь пустоту, куда более величественную, чем абсолютный вакуум. Это больно, но эта боль дает силу. Порой я желал, чтобы во мне было как можно больше нечеловеческого. Поступить частью первой сути ради обретения неуязвимости. Мечта Фауста - отдать душу за право быть непостижимым. Она господствует над нашими сердцами и сейчас. Ведь мы так мало

ценим свою душу до тех пор, пока не начинаем понимать, что душа вовсе не тропинка, ведущая к богу, ведь das Gott starb. Душа - сплетение мозаики из крохотных кусочков, определяющих твое я, это и улыбка любимой, и рокот моря, обрывающий ветром пенные шапки с волн, это вкус клубники, политой взбитыми сливками. Плотское скажете вы. Да, очень плотское. Плюс несколько истин, которые мы, так легко бросающиеся словами, нарекли вечными - любовь, дружба, честь; крохотные кусочки истин, ибо, став самостоятельной величиной, они приводят к возникновению идолов. Это и есть душа. И душа крепит одиночество. А одиночество, в свою очередь, порождает величие ума, но поражает душу. Одиночество души - фраза, замешанная на парадоксе. Душа не может быть одинокой, ибо тогда крохотные кусочки заключенных в ней истин возрастают в абсолютные величины. О, как одинок был Торквемада в темнице своей души!

Человек воет от одиночества, и человек во мне не был исключением. Он сходил с ума, оказавшись один на затерянной в черной бескрайности планетке. И лишь воля зрентшианца помогла ему выжить. Подобное случалось со мной на Земле. В такие дни хотелось выйти к краю пропасти и броситься вниз. Если бы я мог, то так бы и поступил. Но Контроль не допустит самоубийства. Я - раб Контроля, я не имею права на бунт против себя. И потому я творил злобных демонов и посылал их сеять смерть. Они возвращались с клыками, окрашенными кровью. Это немного развлекало меня. Апатия была чувством глубоко человеческим, отец не знал подобного. Трудно изжить в себе зверя, но еще труднее изжить человека, не превратившись при этом в грязное животное.

Итак, я принял решение отправиться навстречу вихрям, за Лоретаг. Розовое солнце к этому времени достигло зенита, его лучи вонзались в камни, вызывая жаркие испарения. Разумней было выйти в путь поутру, имея впереди целый день, но я боялся вновь оказаться во власти апатии, и начал действовать немедленно.

Сборы были недолги. Кроме меча я взял с собой лишь биобраслет. Больше у меня ничего не было. Ничто не оттягивало мне карманы, которых, к слову, также не было. Ничто не цеплялось за сердце, когда я расставался со скалой, служившей мне домом столько похожих, словно близнецы, дней. Я бросил прощальный взгляд на шалаш - предчувствие подсказывало, что мне не суждено сюда вернуться - и поднялся в воздух. Больше я ни разу не обернулся.

Я летел, внимая негромкому посвисту ветра. Я ломал пространство и смещал плоскости, продвигаясь вперед прыжками, словно гимнаст, перелетающий с трапеции на трапецию. Захватывающее ощущение - набрать полную грудь воздуха и броситься вперед - в бездну. И падать. Падение длится неуловимое мгновение, потому что в следующий миг начинает действовать сверхсуть. В самой глубине мозга зажигается алая точка - крохотный маяк, задающий курс. Два овальных диска, расположенные чуть выше висков, распоряжаются пространством. По их воле оно сжимается в пружину, а затем распрямляется синусоидой, выталкивающей тело вперед и вверх. В этот миг скорость полета столь велика, что встречный ветер разрывает в клочья плащ, а небо вокруг расцветивается радужными сполохами. И вновь наступает миг, когда тело стремительно несется к земле, а затем пространство сжимается в пружину...

Полет - самое сладостное из чувств, что мне приходилось испытывать. Он подобен высшему оргазму, когда суть поет и кричит от восторга, когда утопаешь в волнах наслаждения, забывая обо всем на свете. Я надолго потерял контроль над временем и над собой. Способность трезво оценивать вернулась лишь в тот миг, когда серые скалы остались позади. Теперь подо мной простиралось Сиреневое плато. Я миновал почти половину его, когда появилась стая ос. Эти небольшие создания были истинными хозяевами неба Кутгара. Их панически боялись даже орлы, немедленно бросавшиеся в бегство, едва приметив на горизонте черное облако. Осы не были охотниками, они были убийцами. Объединяясь в огромные стаи, они атаковали любое осмелившееся подняться в воздух существо, убивая его ударами ядовитых жал. Я не раз был свидетелем нападений осиних стай и, откровенно говоря, любовался представлением, устраиваемым этими свирепыми созданиями, но мне вовсе не хотелось стать его участником.

Изменив направление полета, я стал стремительно падать. Осы бросились наперерез, рассчитывая настичь меня у самой земли. Двигались твари с замечательной быстротой, но расстояние между нами было слишком велико, и они не успели перехватить меня в воздухе. Ощувив под ногами землю, я немедленно перебросил энергию и атаковал стаю жестким излучением. Черное облако врезалось в посланную мной волну. Результат столкновения был печален для ос. Не менее половины стаи мертвыми комочками упали вниз, прочих разбросало в разные стороны.

Я перевел дух и осмотрелся. Земля и камни вокруг были покрыты ковром из крохотных трупиков. Из-под глыб и из нор появлялись всевозможные твари, жадно набрасывавшиеся на добычу. На меня они не обращали внимания. Обильное пиршество привлекло более крупных хищников - ломтиков и голокожих гиен. Первых было немного, они не рискнули напасть на меня, а вместо этого принялись истреблять низших существ, оставляя за собой кучи растерзанных трупов. Шедшие следом гиены пожирали изуродованную плоть. Почти идиллическая картина дружного сотрудничества. Одни утоляли злобу, другие - извечный голод. Мне стало тошно от этого зрелища, и я вновь взмыл вверх. На этот раз полет был недолгим. Я миновал несколько овальных каменных лужаек, удивительно похожих на посадочные площадки для звездолетов, и вновь опустился, чтобы продолжить

путешествие уже по земле. Это был край Сиреневого плато. До Лоретага было рукой подать.

Сиреневое плато - граница известного мне мира. Дальше идет Лоретаг, за которым я никогда не был. Как-то раз я попытался пересечь Лоретаг по воздуху, но очень быстро отказался от этого замысла, почувствовав сильное недомогание. Мириады крохотных иголочек-язычков прощупывали мое тело, словно примериваясь, как бы половчее поглотить его. Какое-то время я упорствовал в своем стремлении, но затем прислушался к истеричным уговорам Контроля. Бороться с Лоретагом мне было не под силу. Вернулся я совершенно обессиленный. После того случая мне стало ясно, почему в небе над Лоретагом никогда не видно ни одной летающей твари, ни даже радуги водяных капель, обычных для атмосферы Кутгара. Испускаемые всеядным монстром волны регенерировали и поглощали любую материю, какая оказывалась в пределах их досягаемости. Вспоминая сейчас об этом, я с долей самодовольства подумал, что Лоретаг все же не сумел совладать со мной. Несмотря на то, что мы столкнулись с ним уже во второй раз, он не смог расшифровать моей сути. Третьего раза я ему предоставлять не собирался.

Распугивая жесткими волнами мелких тварей, я вышел на край плато и огляделся. Впереди, сколько хватало глаз, тянулся Лоретаг. Он разбросал свое желеобразное тело по обе стороны, словно заявляя о своей бесконечности и безграничной мощи. Я был волен идти в любом из двух направлений. Слева тянулись огромные безжизненные скалы, чем-то напominившие мне Заоблачные горы. Только горы имели живое цветущее сердце, а эти скалы были мертвы. Ландшафт по другую сторону Лоретага был более разнообразен. Наряду со скалами здесь можно было увидеть небольшие желто-коричневые плато, а также островки зелени. Там наверняка была вода и в переизбытке всякой нечисти. Немного поколебавшись, я двинулся направо. Все же во мне было слишком много человека.

Я шел быстрым шагом, бдительно озираясь по сторонам. Эти места были совершенно мне не знакомы. Здесь можно было ожидать любой неприятности. Однако все было спокойно. Мне всего лишь дважды пришлось отбивать нападения тварей сначала ломтиков, а затем каких-то круглых созданий, прыгавших на меня с грацией перебежавших лягушек. Около родника я повстречал стадо прозрачных свиней, поспешно ретировавшихся при моем появлении. Затем мне попался многоногий огромный экземпляр, не менее четырехсот футов в длину. Он был занят, выкашивая рядами бивней обильные поросли растений, покрывавших спрятанную между двумя плато низинку. Гигантский монстр двигался прямо на меня. Кто-то должен был уступить дорогу, и этим кто-то оказался я. Меня так и подмывало прощупать гигантскую тушу фотонными пучками, но не стоило тратить энергию на это вполне безобидное существо. Взяв врасплох на скалу, я переждал, пока многоногий проползет мимо.

Взошло фиолетовое солнце. Требовалось подыскать место для ночлега. После недолгих раздумий я взобрался на высокую скалу, прогнав оттуда стаю иглоносов. При этом мне пришлось выдержать небольшой бой, потому что поначалу твари не сдавались, взяв меня в кольцо и атаковав по всем правилам военного искусства. Щетинясь пучками игл, увенчивавших функциональный нарост, который находится у иглоносов спереди, где у большинства существ расположена голова, они бросались на меня, стараясь поразить в ноги и живот. В их действиях прослеживалась организация, необычная для тех мест, откуда я держал путь. Мне пришлось всерьез поработать мечом, а в довершение пустить в ход фотонные пучки. Не вынеся подобного обращения, иглоносы оставили скалу. Ночью им придется несладко, вероятно, все они погибнут, но я не чувствовал ничего похожего на угрызения совести. Твари обречены погибнуть, человек должен жить.

День подходил к концу. Светило стремительно тонуло в блеклой массе Лоретага. У меня не было времени, чтобы соорудить полноценную защитную стену. Я ограничился тем, что создал небольшой конус. Теперь следовало поскорее заснуть. Расстелив плащ, я улегся на него, не выпуская из руки меч. Черная пелена забытия уже застилала сознание, когда рядом послышался шорох, и мелодичный голос вымолвил:

- Русий!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Русием меня назвала мать. Я не знал ее. А может быть, это имя дало мне государство. Русий - лишь двое могли произнести здесь это слово. И лишь у одной был такой мелодичный голос.

- Ты выбрала неудачное время для визита, - мгновенно отреагировал я, открывая глаза.

Да, это была она, Леда, во всем великолепии вечно юной, непорочной красоты. На ней был легкий золотистый комбинезон, подчеркивавший соблазнительные очертания изящной фигурки, и кожаные сапожки по колено. Я крепче сжал меч. Это очаровательное создание было опаснее десяти шарообразных змей вместе взятых.

Леда заметила мое машинальное движение и улыбнулась. Затем она сделала шаг ко мне, но наткнулась на силовой конус. Тонкие руки уперлись в невидимую стену. Я отчетливо видел, как

напряглись в тщетном усилии прорвать преграду очерченные эластичной тканью мышцы. Это был клон - органическая пустышка, годная лишь на то, чтобы быть сожранной. Он не представлял для меня опасности.

- Ты не хочешь впустить меня? - спросила гостья, и уголки розовых губ обиженно опустились. Это был дешевый трюк, но он пронял меня, хотя внешне я остался бесстрастным.

- Ты явилась в очень неудачное время. Наступает ночь. Если я не успею уснуть, на меня нападут ночные твари.

- Твари? Я боюсь! Пусти меня к себе! Пожалуйста!

В ее словах была такая мольба, такой неподдельный испуг, что только каменное сердце могло остаться равнодушным. Мне следовало отказать, но я не смог. Мне вдруг вспомнилась мать, которую я не знал, и которая, по словам Командора, была очень похожа на Леду. Поэтому я раздвинул конус и пропустил непрошеную гостью внутрь. Она тут же прижалась ко мне, обдав теплом упругого тела.

- Что тебе от меня надо?

Леда подняла голову, желая заглянуть мне в лицо, но наткнулась на непроницаемую маску шлема.

- Я пришла спросить, не надумал ли ты принять мое предложение.

- Расстаться со сверхсутью?

- Да.

- Нет, - ответил я и быстро прибавил: - А теперь - выметайся!

- Нет!

Леда уткнулась лицом в мою грудь. Я почувствовал, как затрепетало ее тело. От Леды пахло страхом.

- В чем дело? - Я грубо взял рукой подбородок девушки, заставляя ее поднять глаза. Они светились кошачьими огоньками. - Ты же клон!

- Да, - прошептала она. - Но я хочу жить.

Моя глотка исторгла жестокий смех.

- Копия остается лишь копией. Ее можно воссоздать бесчисленное множество раз. Мир ничего не потеряет, если исчезнет клон.

- А если исчезнет человек?

- Почти ничего. - Я приоткрыл конус. - Проваливай, я должен заснуть!

- Нет! - Леда зарыдала и повисла на моих плечах, в результате чего мы повалились на землю и теперь пребывали в двусмысленном, хотя, не скрою, в приятном положении.

- Какого... - Я не договорил и быстро закрыл конус, потому что неподалеку замаячила смутная тень. Она скользнула мимо, словно приюхиваясь, и растворилась во тьме. Леда лежала на мне, тихо всхлипывая. Мне стало жаль ее.

- Понимаю, что тебя ожидает смерть, но я не могу оставить тебя здесь. Мне надо уснуть, уснуть одному. Рядом со мной не должен находиться никто. Иначе мне грозят крупные неприятности.

- Но я не хочу умирать!

- Понимаю...

- Ничего ты не понимаешь! - с отчаянием выдохнула девушка. - Ведь я человек, я боюсь смерти.

Я пытался оставаться спокойным и терпеливым.

- Вас много. Тебе на смену придет новая...

- Нас много, но ведь я одна.

Я вдруг понял, о чем она говорит. Она действительно была одна, и ей было наплевать на всех прочих Лед. Было над чем задуматься. Нечеловеческое менторским голосом Контроля требовало:

выкинь ее! Зачем подвергать себя ненужному риску? Сын атлантики, обнимая содрогающееся от страха тело, был против. В нем говорил человек - сильный, с претензией на благородство. Такие прикрывают грудью и вечно забывают о спине. Таких убивают ударом ножа под лопатку. Слаб человек, верующий в надуманные идеалы, силен, верящий в себя. Я не смог поступиться тем немногим, что именoval честью. Сдавшись, я сказал:

- Хорошо, оставайся. Но все равно, ты умрешь утром. Я не смогу взять тебя с собой.

В тот же миг Леда приникла губами к моему рту, и я неожиданно испытал наслаждение. Сжав хрупкое тело в объятиях, я ответил поцелуем, столь долгим и сладким, что от него закружилась голова. Думаю, это было не последнее безумство, какое бы я предпринял, но в это мгновение подал голос Контроль. Он был настойчив и не собирался потакать моим слабостям. Около конуса кто-то был. Сбросив с себя Леду, я вскочил на ноги и огляделся. Со всех сторон маячили тени. Их становилось все больше и больше. Они смыкались, пока не образовали сплошную цепь. Тогда они медленно двинулись на меня.

- Я боюсь! - всхлипнула девушка, цепляясь за мою ногу.

- Молчи, дура!

Мне было не до сантиментов и тем более не до изысканных выражений. Я вновь пожалел, что не избавился от клона, когда еще была возможность. Теперь было поздно. Мне предстояло пережить бурную ночь. Что ж, я был готов к бою. Голова была свежа, руки переполнены силой, кровь буквально кипела, расплескивая энергию. Для начала я приоткрыл конус и испробовал действенность фотонных пучков. Раздался дикий визг, раскаленным стержнем пронзивший голову. Я крепче сжал губы и ухватился рукой за плечо Леды. Она стояла на коленях, обняв мои ноги, и дрожала.

Фотонное излучение пришлось не по вкусу тварям. В кольце была пробита основательная брешь. Но прошло несколько мгновений, и она была заполнена. То ли твари опомнились, то ли место погибших заняли новые.

Мой выпад послужил сигналом к общей атаке. Тени дружно бросились к конусу. Теперь нельзя было зевать. Приподняв левой рукой Леду, я прижал ее к груди, защитив ее собою насколько возможно и обрушив на нечисть весь свой арсенал. Конус не являлся препятствием для этих тварей. Их было слишком много, общий энергетический потенциал существ превосходил мощь созданного мной силового поля. Потому я решил защищаться, нападая. Оставшийся без подпитки конус распался на осколки, и я, сняв шлем, обрушил на врагов дезинтегрирующую волну, пустив ее по кругу. Волна сокрушила тварей, подобно смерчу. Вершина скалы мгновенно опустела.

- Здорово, - прошептала Леда.

- Да, - согласился я, изо всех сил пытаюсь совладать с головокружением. Но они вернутся вновь.

Видно, с моим голосом не все было в порядке. Леда почувствовала мое состояние.

- Ты дрожишь. Тебе плохо?

Я кивнул, как будто она могла что-то видеть, Леда поняла все без слов.

- Присядь.

- Нельзя. Они появятся вновь.

- Садись.

Тонкие сильные руки обвили мои плечи, принуждая опуститься на каменную поверхность. Я повиновался. Она села рядом и уткнулась носом в мою щеку. Ровное теплое дыхание успокаивало.

- Ты был великолепен, - шепнула девушка. Влажное коснулось кожи возле уха. - Я люблю тебя.

Слаб человек. Она принесла мне столько горя, что я должен был разорвать ее на части. И вот теперь я сидел рядом с ней и был совершенно счастлив. О отец, почему я теряю свою сверхсуть, когда рядом эта ненавистная и все еще любимая мной женщина!

- Ты ненавидишь меня, - сказал зрентшианец.

- Неправда, я тебя люблю.

Я усмехнулся.

- Ах да, ведь ты взбунтовавшийся клон!

Подал голос Контроль. Ночные твари возвращались. На этот раз я сжег их огненной волной, которая отнимала гораздо меньше энергии. Несколько врагов прорвались через этот барьер и набросились на меня. Я был вынужден пустить в ход меч. Клинок рассек неясную тень насквозь, не встретив почти никакого сопротивления. По бронедоспеху со скрежетом скользнули когти. Человек запаниковал, но зрентшианец остался спокоен. Он выпустил энергетические щупальца и отбросил тварей в сторону, после чего обрушил на них серию фотонных пучков. Тени исчезли и тут же появились с другой стороны. Я начинал уставать. Сила, прежде переполнявшая меня, постепенно иссякала. Тварей, вынырнувших со стороны левой руки, я смел дезинтегрирующей волной, атакующих справа встретила наскоро сотворенная стена. Не ограничиваясь этим, я разбросал во все стороны огненные волны.

Тело покрылось горячим потом, в глазах плыло, ноги дрожали. Если бы я не опирался на Леду, то, верно б, рухнул.

- Проклятье! - Я едва узнал собственный голос. - Лучше бы мы занимались с тобой любовью!

Человек претендовал на то, чтобы умереть с бравадой, зрентшианец был холодно спокоен, он требовал жить и сражаться. Но силы уже были на исходе.

Тем временем твари передохнули и начали новую атаку. На этот раз они наступали сплошной толпой. Серое тело скалы покрыла отвратительная тень. Я смел часть врагов дезинтегрирующей волной, бросил несколько огненных импульсов и полностью истощил свою энергию. Проклятая планета была сильнее зрентшианца. Оставался человек с его беспощадным мечом. Я знал лишь двух воинов, владевших мечом лучше меня. Один из них некогда был моим соперником, но никогда - врагом. Он правил частью Земли и исчез во время великой катастрофы. Второй был самым умелым бойцом, какого мне только приходилось встречать. Он был первым, и он стоял против меня. Я не ведаю точно, что с ним стало, но он должен был умереть. А третьим был я. Тварям предстояло узнать это. Швырнув девушку под ноги с таким расчетом, чтобы чудовища не могли до нее добраться, я принялся за работу. Я рубил и сек, швыряя бесформенные куски в равнодушную темноту. Я чувствовал, что великолепен, и был счастлив оттого, что родился человеком. По бронедоспеху и шлему царапали невидимые когти и клыки, ноги ныли от липкой боли, тоненькие теплые струйки сползали в сапоги. Но я выстоял и заставил их отпрянуть. Твари стояли вокруг меня, собираясь с силами для последнего натиска. Мне показалось, что они обмениваются информацией, но я не мог расшифровать ее. Контроль подсказал, что самое время попытаться использовать последний козырь - остановить время и уйти. Я сконцентрировал волю и принялся замедлять мгновения. Я ломал бесконечную временную спираль, вытягивая ее в длинную черную линию. Но тщетно. Время на этот раз не желало слушаться меня. Тогда я оставил эти попытки, не желая попусту расходовать силы. Опершись на меч, я поднял Леду, поставил ее на ноги и сказал:

- Видишь, как все вышло. - Голос мой звучал хрипло.

Кожа девушки была липкой от крови тварей, от нее исходил резкий неприятный запах. Человека начало мутить. Часто сглатывая слюну, чтобы погасить спазмы, я выдавил:

- Если можешь, беги.

- Я не могу одна. - Тоненькие пальчики судорожно ухватились за мой локоть. - Только с тобой. Бежим!

- Нельзя. Мне нельзя. Я не вправе расстаться со своей сверхсутью.

- Но почему? Ведь ты сохранишь жизнь!

Почему. Это был вопрос, на который я не имел ответа. Я попытался объяснить так, как считал нужным, но слова мои прозвучали фальшиво.

- Я не могу жить человеком. Подобная жизнь не для меня. Я зрентшианец и всегда останусь им.

- Глупость! - моментально отреагировала Леда.

Конечно - мысленно согласился я. Но не мог же я открыть всю правду. Нельзя! - кричал зрентшианец. Нельзя - понимал человек. Робкое создание, что, дрожа, прижималось к моему плечу, могло, не моргнув глазом, убить меня, едва я расстанусь со сверхсутью и стану слаб.

- Но тогда ты сохранишь жизнь и мне! - В голосе Леды было отчаяние.

Да, об этом я как-то не подумал. Но что есть ее жизнь? Слезинка в бесконечной вечности. Она не стояла того, чтобы расстаться со сверхсутью. Человек и зрентшианец были едины в этом. Видя мое колебание, девушка тихо прошептала:

- Я люблю тебя.

Я воспринял эти, повторенные вновь слова спокойно. Они были лживы, а даже если и нет, их следовало считать лживыми.

- Я ничего не могу поделать, - упрямо сказал я.

- Но ведь ты был счастлив, когда я поцеловала тебя! - закричала тогда Леда.

- Возможно, - хрипло хмыкнул человек и не удержался от гадкой пошлости. Я давно не щупал женской попки!

Зрентшианец молча поаплодировал.

В это мгновение твари двинулись в решительную атаку, последнюю атаку.

- Прощай, - сказал я, с удовлетворением отметив, что сердце бьется спокойно. Контроль безмолвствовал. - Привет Земле!

- Ты не умрешь! - звонко воскликнула она и заглянула в мою душу блестящими глазами.

- Еще как умру! - беззвучно пробормотал человек, а зрентшианец напыщенно воскликнул:

- Что можешь сделать ты, ничтожный клон, бессильный, подобно убогому человечку!

- Могу!

Она засмеялась и зажгла солнце.

Признаюсь, это был эффектный ход. Зрентшианец сразу понял и оценил это. А человек, разинув рот, взирал на то, как в небе возник огромный раскаленный диск, и ночные твари, корчась, умирают у его ног. Они были чудовищны, ужасны, неописуемы. Они исчезли, словно кошмар, и вскоре казалось, что их вообще не было. Но они были. Об этом напоминали глубокие царапины, оставленные тварями на шлеме и бронедоспехе, кровь, запекшаяся на руках и ногах.

Горело солнце.

Я все понял.

- Ты не клон!

Оттолкнув Леду, я поднял меч.

- Даже не пытайся! - Девушка предостерегающе подняла руку. - Ты не сможешь убить меня. Я сильнее. Если я уйду, погаснет солнце - зрентшианец должен понимать это. А кроме того, твое сердце несвободно от любви ко мне - человек боится признаться в этом.

- Тварь! - выдавил я, бессильно, опуская клинок.

- Твари ушли. - Леда улыбнулась, словно вопрошая: разве я похожа на тварь? Нет, она не была похожа. Но она была ею, ослепительно красивой тварью. Ослепительно красивой даже в комбинезоне, залитом слезой и моей кровью, с растрепанными волосами, измазанным лицом. Она была великолепна. И она зажгла солнце.

- Однако ты сильнее, чем я полагал, - выдавил я. - Поделись секретом.

Леда сжала губки и покачала головой.

- Наш уговор в силе. Я могу вернуть тебя на Землю. Прямо сейчас. А могу взять с собой.

- Куда?

- На Альтаир. Там моя искусственная база.

- В качестве котенка?

- В качестве того, кем ты был для меня этой ночью.

- Не говори: был, ночь еще не закончилась, - машинально заметил я. Лишенный сверхсути, я не буду прежним Русиём.

- Как раз наоборот. Ты будешь прежним. Таким, которого я любила.

- Слова. - Я усмехнулся и тут же стер улыбку рукой. - Ты никогда не любила меня.

- А ты?

Я почувствовал, что мой ответ чрезвычайно важен для нее. Зрентшианцу хотелось быть циничным, человек не пожелал лгать.

- Да. - Я сказал правду. Глаза Леды лучисто засверкали. Я быстро прибавил: - Но это было давно.

Прекрасные губы дрогнули.

- Спасибо, - шепнула она. - Спасибо. Пойдем со мной.

- Никогда!

- Гордец, - девушка хмыкнула. - И глупец! Тогда прощай. Я дарю тебе солнце!

Я не успел вымолвить и слова, как она исчезла, растворившись в воздухе. Эффект ухода. Я умел делать это, но не слишком хорошо, да и то, имея портативный телепортатор. Командор исполнял подобный трюк с помощью концентрации. Чтобы произвести уход, ему требовалось немало времени. Леда проделала это мгновенно.

Она ушла, оставив мне солнце.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Проклятое солнце!

Медленно передвигая ноги, я брел по черному песку. Лоретаг был бесконечен. Я шел уже четвертый день, а его серая гладь все так же тянулась по левую от меня руку. Менялся лишь ландшафт. Плато закончилось, уступив зеленой долине. Она была невелика, но отняла у меня два дня - столь трудным оказалось пересечь это место, кишашее злобными существами. Зрентшианец был смертельно утомлен схваткой с ночными тварями, человеку приходилось рассчитывать лишь на свои силы. Я изрубил бессчетное количество летающей, ползающей и бегающей нечисти. Мой меч совершенно затупился, руки были в волдырях ожогов. В довершение какая-то тварь тяпнула меня за руку, влив в кровь солидную порцию яда. Тело воспламенилось, стало чужим и стонало, пульсируя болезненными толчками. Кровь поднималась от щиколоток и запястий к сердцу и сдавливала его горячими объятиями. Руки и ноги холодели, грудь разрывало острыми крючками боли. В голове роились призрачные видения. Мне чудилось, что я очутился на Земле, в своем замке, а рядом стоят Гумий и Тента.

Первого я желал убить, второй дать жизнь. Я махал мечом, пытаюсь сразить предателя, но он ловко ускользал от моих ударов и издевательски хохотал. Его смех раздирал мне уши подобно острым зубьям пилы. Вот Гумий выхватил меч и замахнулся на Тенту. Издав страшный крик, я бросился вперед. Вокруг все выло. Вой погибающей плоти.

Человек умирал, и зрентшианцу пришлось вмешаться. Он разгадал формулу яда и обезвредил его. Процесс этот занял немало времени, в течение которого я сидел на скале и беспомощно хватал ртом ускользающий воздух. Хорошо еще, что у зрентшианца достало сил на то, чтобы соорудить защитный конус. Когда человек очнулся и вновь обрел способность действовать, он обнаружил, что зрентшианец, исполнив свой долг, исчез. Человек вздохнул и потащился вперед. О, как ему хотелось взмыть в воздух и дать отдых избитым ногам. Но зрентшианец игнорировал это желание, хотя небо было совершенно чисто и безопасно. Он размышлял.

Долина сменилась лишайниковыми пустошами, а затем началась пустыня. Черный песок. Он тихо шуршал под ногами и мгновенно зализывал нанесенные ему раны. Песчинка сцеплялась с песчинкой, тоненькие струйки сползали, шевелясь, словно живые. Следы моих сапог исчезали. Вместе с ними исчезала и память обо мне. Песок забвения. Пустыня была безжизненна, словно Лоретаг. Я понял, что она губительна для всего живого, и облегченно вздохнул, когда впереди замаячили скалы.

Ноги сразу пошли веселее. Я даже стал насвистывать какую-то смутно памятную мелодию. Когда же до заветной цели осталось всего несколько десятков шагов, внезапно появились вихри. Их было шесть - темно-серых, с багровой сердцевинкой, угрожающих. Они выросли из-за Лоретага и теперь направлялись в мою сторону. Опасаясь быть застигнутым в пустыне, я бросился к скалам. Каменные глыбы казались хоть каким-то прикрытием.

Все живое этого уголка пребывало в панике. Твари чувствовали приближение вихрей и метались, словно угорелые. Одни лезли в норы, другие, даже перед смертью не в силах отказаться от свирепого инстинкта, убивали. Монстрообразное существо размером со слона обосновалось в проходе между двумя высоченными скалами и разрывало спасающихся бегством тварей. Увидев меня, оно устремилось навстречу с таким энтузиазмом, словно ожидало человека всю свою жизнь. Я попытался отпугнуть его жестким излучением, но зрентшианец пребывал в задумчивости.

Человеку пришлось спастись бегством. Я мчался по крутым склонам, скользил по осыпям, несколько раз падал. Тварь упорно преследовала меня. Неизвестно, чем закончилось бы это состязание, но в это мгновение подоспели вихри.

Мой преследователь представлял лакомую добычу и был сожран налетевшим на него стремительно крутящимся столбом. Брызгая искрами энергии, вихрь стал надвигаться на меня. Полагаться на быстроту ног было бесполезно. Человек воззвал к здравому смыслу зрентшианца. Видно, он завопил так, что зрентшианец очнулся от своих раздумий. Я почувствовал, что обрел силу, и мгновенно поставил перед собой стену. Вихрь с размаху ударился в нее и отлетел назад. Похоже, сопротивление раззадорило кусок беспорядочной энергии. Вихрь почернел и начал менять форму. Высота его сократилась примерно вдвое, основание заметно увеличилось. Я тоже не терял времени и укрепил стену, попутно нарастив ее таким образом, чтобы она образовала дугу. Вихрь не подозревал об этом. Увеличив мощь, он с воим бросился вперед, пожирая по пути скалы. Вот он столкнулся со стеной и принялся энергично биться о нее. Стена стояла незыблемо, гигантский сгусток долбил в нее с настойчивостью ополумевшего параноика. Это походило на извержение вулкана, заключенного в стеклянную клетку. Зрентшианец издевательски хохотал, человеку было слегка не по себе. Наконец вихрь утомился и признал свое поражение. Но он не отказался от попыток достать меня. Еще более увеличив свое основание, вихрь двинулся вдоль стены, надеясь обнаружить брешь. Я воспользовался передышкой и нарастил дугу, превратив ее в круг и защитив себя со всех сторон. Вихрь понял это не сразу. Какое-то время он метался вокруг, пожирая камни и прячущихся под ними тварей. Он еще и еще пытался проломить стену, что есть сил ударяясь в нее становящимся все более коренастым телом. Летели сгустки энергии, красно-черный цвет сменился сначала оранжевым, потом утомленно-бурым.

Наконец вихрь выдохся и отполз в сторону. Он не был уже уверен в себе. Он анализировал происшедшее. Впервые ему пришлось встретить сопротивление, вихрь не знал, как следует поступить. Медленно перекачиваясь с места на место, он сожрал еще несколько скал, оставив черные проплешины, и уполз прочь. Но я не сомневался, что он вернется и вернется не один.

Так и случилось. Набивавшие свои бездонные утробы вихри оставили свое занятие и, возглавляемые моим знакомцем, направились ко мне. Стена была достаточно прочна, чтобы остановить одного и даже двух, но если они объединят свои усилия... На всякий случай зрентшианец сконцентрировал энергию для дезинтегрирующей волны, но у него было подозрение, даже более, чем подозрение - почти уверенность, - что действия вихрей основаны на подобном же принципе.

Ждать пришлось недолго. Вскоре вихри окружили скалу, на которой я обосновался. Шесть диковинных бурлящих цветков, намеревающихся сожрать наглеца, что осмелился сопротивляться им. Несколько мгновений они пребывали в бездействии, очевидно, ощупывая стену, а затем принялись сокрушать ее. Удары были сильны, но неосмысленны. Вместо того, чтобы сосредоточить мощь в каком-то одном месте, вихри долбили попеременно с разных направлений, упруго перепрыгивая из стороны в сторону. Примерно с таким же успехом можно пытаться проткнуть пальцем щит. Я наблюдал за их действиями с издевкой. Представление продолжалось немало времени. Первым прекратил свою бесплодную работу вихрь, уже имевший со мной дело. Он то ли устал, то ли осознал бессмысленность своих действий. Вслед за ним отступили от стены и другие вихри. Зрентшианец издевался над неудачниками, человек начал подумывать о том, что переоценил их мощь. Но вихри не сдались. Они принялись уплотнять свои основания до тех пор, пока не сплелись в единое целое. Теперь меня окружала еще одна стена. Содрогаюсь плотными, овальной формы клубами, похожими на громадные сизые виноградины, она намеревалась раздавить противостоящую ей преграду и поглотить безумца.

Случилось то, чего я более всего опасался. Вихри догадались объединить свои усилия и сконцентрировали мощь, превосходящую потенциал моей стены. Энергетическая змея обхватила невидимый бастион и принялась сдавливать его в могучих объятиях. Я физически ощущал, как моя оборона дает трещины и щупальца враждебной энергии просачиваются внутрь. Фотонные пучки отбрасывали их, но щупальца появлялись вновь и вновь. Вокруг трещало, сверкало; мелькали сполохи, султанами брызгали струйки испарений, огненные столбы нависли над моей головой, совершенно скрыв небо. Я очутился под колпаком, который медленно уменьшался в размерах, грозя раздавить меня в бесформенный комок. Это было ужасающее, но вместе с тем восхитительное представление. Я уподобился Атланту, взвалившему на свою спину громадную планету. На плечи, грудь и спину давила неимоверная тяжесть, заставлявшая меня вращаться в шершавую поверхность камня. Но удивительно! Контроль безмолвствовал. Значит, он был уверен, что я уцелею. Значит...

Стена разлетелась. Тысячи огненных щупалец устремились ко мне, а я ударил во все стороны... Но не дезинтегрирующей волной, а чем-то иным, природу которого я точно не понял. Это что-то извлек из тайников своей сверхсути зрентшианец. словно дыхание смерти коснулось вихрей. Щупальца разом упали, впитавшись в тело скалы. Багровая стена распалась на шесть бесформенных комков. Они походили на слепых котят. Тычась в разные стороны, искалеченные вихри пытались найти дорогу домой. Я не подарил им такой возможности. Безжалостно, словно палач, я бил их

обретенной таинственной силой до тех пор, пока они не умерли.

Все было кончено. Скрестив на груди руки подобно победоносному полководцу, я стоял на скале, сплошь изрытой глубокими круглыми отверстиями, которые проделали обрубленные энергетические ступки перед тем, как навсегда исчезнуть. От этого скала походила то ли на перезрелый сыр, то ли на гигантское сито. Я победил, и ко мне вернулась сила - та, которой я обладал на Земле. Более того, я приобрел какую-то новую силу, о которой не знал прежде. Зрентшианец очнулся и был готов к действию. Радостно рассмеявшись, я взмыл вверх.

Я победил. Победил еще и потому, что наконец достиг окончечности Лоретага.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Последующие дни показались мне сущим адом. Я очутился на равнине, переполненной всяческой нечистью. Сиреневое плато с его ломтиками и многоногими по сравнению с этим местом было почти курортом. Там твари действовали, повинаясь злобному инстинкту. Он владычествовал и на равнине, но только здесь его подкрепляла некая организованность. Здешние твари преследовали одну единственную цель - уничтожить чужака, осмелившегося вторгнуться в их владения. Вся злоба этого мира была направлена исключительно против меня, и приходилось напрягать все силы, чтоб устоять в этой борьбе.

Если взглянуть на равнину сверху, она могла показаться самым ласковым местом на дрянной планетке - мягкая зелень травы и мха, переплетенная синими и красными стеблями лианоподобных растений. Но стоило мне ступить на этот изумрудный ковер, как кажущееся благодушие взорвалось всплеском невиданной ярости. Меня атаковали со всех сторон, не считаясь ни с какими потерями. Атаковали растения, мелкие, едва, различимые существа, которые брызгали на кожу парализующим ядом, свернувшиеся дугой псевдорептилии, громадные монстры, чьи увенчанные наростами конечности напоминали боевые дубины дикарей. И не было ни мгновения на передышку. Я рубил мечом, кидал дезинтегрирующие волны, сжигал органическую плоть фотонными пучками. Я превратился в орудие уничтожения, истребляющее все живое. За моей спиной тянулась мертвая полоса, покрытая изуродованной плотью.

В течение всего этого времени я ни разу не спал. Ночных тварей здесь не было, и сражение с обитателями равнины продолжалось и в темноте. Я воспламенял деревья и шел, освещаемый бликами пожаров. Этот мир был страшнее прежнего, но и он не смог совладать со мной.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Равнина сменилась ровным, похожим на огромный стол плато, и атаки тварей прекратились. И в тот же миг я почувствовал невероятную усталость. Резервы, поддерживавшие меня все эти дни, были полностью исчерпаны. Рухнув на колени, я подполз к небольшому бугорку, забился в складку отбрасываемой им тени и моментально уснул.

Во сне пришли кошмары. Я видел лица тех, кто остались на Земле. Лица дрожали, кривились и расплывались, обращаясь в ужасные личины монстров. Вот промелькнул Командор с его вечно холодной маской. На смену ему явился Кеельсее. Он издевательски хохотал, дразня меня оттопыренным пальцем. Он был вправе так поступать. Ведь он победил. Победил в очередной раз. Такие, как Кеельсее, не проигрывают. Затем объявились сразу двое - Юльм и Гиптий. Лицо Юльма было в крови. Я понял, что он умер, но это не принесло мне радости, хотя я и желал его смерти. Я уважал Юльма, он был непревзойденно хорош в поединке, шрам на моей щеке - подтверждение этому. Гиптий, как обычно, был склонен пофилософствовать. Он что-то говорил, рот его маски подергивался, пока не расплылся в длинную зубастую щель, вдруг обернувшуюся пастью мураны. Хищная тварь цапнула меня за руку, фыркнула и исчезла. Затем пришла Леда. Я любовался ее лицом, безмятежно прекрасным. Голубые глаза излучали свет, а губы таили бездну наслаждения. Она звала меня на Альтаир, быть может, мне стоило принять это предложение. Расстаться со сверхсутью и стать послушным щенком капризной красоти. Но сколь велика ее сила! Кто же за ней стоит? Леда не ответила на мой безмолвный вопрос. Ее изображение исчезло, а на этом месте появилась неизвестная мне маска - прямой нос, резко очерченные, сильные скулы, высокий без единой морщины лоб. Губы маски были крепко сжаты, глаза закрыты. Выражение лица показало мне смутно знакомым. Я внимательно присмотрелся и внезапно понял, что это мое лицо. Мое и в то же время чужое. От этого лица веяло такой грандиозной мощью, что я содрогнулся. Гигантская лавина холодной всепоглощающей силы. Губы маски чуть шевельнулись, а затем она открыла глаза. Я разглядел в них ответ на мучивший меня вопрос, но прочесть его не успел. Все расплылось, и я проснулся.

Плато заливали ослепительные яркие лучи солнца. Человек поспешно отвел глаза, дав им время привыкнуть к свету. Затем я поднялся. Мышцы еще ощущали усталость, но внутри меня klokотала сила. Зрентшианец был готов к дальнейшим испытаниям. Внезапно я почувствовал боль в руке. На коже чуть ниже локтя отчетливо виднелась цепочка зубов - две ровные дуги, словно кто-то пытался вырвать кусок мяса. Я собирался поразмыслить над тем, почему безмолвствовал Контроль, но вспомнил мурану-Гиптия, посетившую меня во сне. Вне всякого сомнения, след на моей руке - ее зубов дело. Если случится так, что к тварям Кутгара прибавятся порождения моих снов, мне

придется туго. Усмехнувшись этой мысли, я стал озираться по сторонам в поисках меча. Но его не было. Не веря глазам, я искал еще и еще. Все тщетно. Меч исчез. Теперь человек был безоружен. Зрентшианец безразлично пожал плечами и двинулся в путь.

Если равнина была сосредоточением зла, то местность, в которой я очутился, олицетворяла равнодушие. Здесь не было ни единого существа, представляющего опасность. Здесь вообще не было ни одного существа. Лишь бесконечная равнина, покрытая чем-то вроде битума. Сначала я обрадовался возможности отдохнуть от тварей, но вскоре заскучал. Что ни говори, твари поддерживали жизненный тонус, не позволяя расслабиться. Плато навевало тоску. Я мерял его шагами, потом поднялся в воздух, а устав смещать плоскости, вновь опустился вниз. Когда вдалеке показалась зеленая полоса, я почти обрадовался. Как хорошо вновь оказаться в наполненном яростью лесу. Однако мои ожидания не оправдались.

За плато действительно тянулся лес - заросли самых причудливых форм, но он был совершенно безобиден. Здесь не было ни ломтиков, ни шарообразных змей, ни даже серых леопардов. Вместо них прыгали какие-то безобидные зверюшки, не проявлявшие признаков агрессивности, на деревьях сидели причудливые твари, пестрой окраской напоминавшие птиц, в воздухе трепетали мотыльки с перепончатыми крыльями. Здесь было с избытком воды, чистой и прохладной, а трава не жгла кислотой.

Я с недоверием отнесся к этому раю. Подобное место было слишком необычно для Кутгара. Я ждал от этого пряничного мирка какой-нибудь пакости. Но все было тихо, Контроль не подавал признаков жизни, постепенно я успокоился. Я наслаждался водой и крикливыми трелями местных птичек. И в то же время я чувствовал приближение чего-то необычного.

Передохнув, я принялся изучать лес. Он оказался огромным, гораздо большим, чем показалось вначале. Заросли деревьев чередовались с лужайками, порой встречались странные, серого цвета холмы. На их мертвой поверхности не росло ни одного растения, твари обходили подобные места стороной. Я не поленился понаблюдать за одним из этих холмов. Ждать пришлось недолго. Поверхность холма вспучилась, и из него вырос вихрь. Я ждал, что он двинется напролом, пожирая заросли. Однако вихрь не стал причинять урон лесу. Трансформировавшись в светящийся шар, он поднялся в воздух и направился в сторону Лоретага. Вместе с ним в небе плыли еще несколько подобных шаров. В вихрях определенно чувствовалась разумная направленная сила, но мне это ничего не давало, и я продолжал поиски.

Мертвый город я обнаружил совершенно случайно. Прежде мне не приходилось видеть ничего подобного. Человек даже не рискнул бы назвать это городом, но зрентшианец знал, что так оно и есть. Город прятался в чаще. Я увидел его и застыл, пораженный невероятным зрелищем. Несколько сот, а может, и тысяч похожих как две капли воды куполов. Город был необитаем, это можно было понять сразу. Никто не смог бы ответить точно, сколько времени ушло с тех пор, когда он был жив. Но в любом случае речь шла об очень большом временном отрезке. Я убедился в этом, проанализировав состав вещества, из которого были сооружены строения. Это был полимер, точно такой, что и кусочек, который я подобрал на Сиреновом плато. Полимер был достаточно прочен, чтобы противостоять стихиям, но не времени. Бессчетное множество дней солнца раскаляли его, а ночи охлаждали. В конце концов полимер не устоял и начал разрушаться. По куполам ползли ломкие трещины, некоторые были обрушены, других подобная участь ожидала в самом ближайшем будущем.

Я решил начать осмотр с центра города, где располагались наиболее высокие купола. Поднявшись в воздух, я пролетел по наклонной дуге и приземлился на ровную площадку - идеальный квадрат, окаймленный по периметру цепью строений. Не требовалось большой сообразительности, чтобы определить назначение данного места. Это была центральная площадь, а строения, расположенные вокруг, наверняка некогда служили для общественных надобностей. Я осмотрел их, проникая под купола через трещины и проломы. Внутри была пустота. Время превратило все предметы, если они, конечно, вообще существовали, в пыль, густым слоем покрывавшую стены и пол. Лишь в одном из помещений мне удалось найти свидетельство былой цивилизации. Это был знак, похожий на криптограмму. Он был вырезан на круглом черном диске, вмурованном в стену. Несколько сот хаотично переплетенных геометрических фигур. Я немного поломал над этим ребусом голову, но ничего путного не придумал.

Изучив все большие купола и не найдя там ничего, что могло бы поведать о таинственных обитателях города, я начал осматривать более скромные строения. Вскоре я потерял им счет. Я проверял каждое, стараясь не пропустить ни одного. Неожиданно я пришел к выводу, что вовсе не время разрушило эти строения. Купола были повреждены намеренно. Без всякого намека на злость, толкающую на разрушение. словно кто-то огромный бил кулаком по яичным скорлупкам. Цель этого разрушения была не вполне ясна, но, скорее всего, она заключалась в том, чтобы уничтожить всякую информацию об исчезнувшей цивилизации. Придя к этому неутешительному выводу, я завалился спать.

Сон был беспокойен. Я уже начал привыкать к тому, что в этой части планеты мой мозг посещают

призрачные образы. Вновь приходили Кеельсее и Гиптий. Последний, как и в прошлый раз, обратился в мурену, но я был настороже и вовремя отдернул руку. Узкая морда мурены скривилась, словно от огорчения. Я собирался захохотать, но в это мгновение сработал Контроль, буквально завопивший об опасности. Я вскочил на ноги и начал осматриваться.

Уже светало. В тускло-розовой пелене нарождающегося дня отчетливо виднелись грозди существ, повисшие на стенах. Я сразу узнал их. Это были собраты того таинственного гостя, который посетил мой дом на пике Ариадны. Не успел я подумать над тем, что всё это означает, как что-то тяжелое опустилось на мою голову, и я потерял сознание.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЫ - РАСА ГОСПОД

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Случалось, мне крепко доставалось, но подобного состояния я не испытывал никогда. Я очнулся с кислым привкусом во рту и странным ощущением, что я уже не совсем я. Мысли хаотично метались, человек никак не мог привести их в порядок. Ощущение было такое, словно кто-то засунул грязную бесцеремонную лапу в мой мозг и основательно переворошил его, потревожив каждую клеточку. В результате получилась причудливая мешанина ощущений, воспоминаний и осколков способности анализировать. Человек превратился в идиота с расколотым мироощущением. Паразит-зрентпшанец, унюхавший опасность, исчез.

- Дерьмо!

Я с трудом выдавил это слово непослушными губами, и мне сразу стало легче. По крайней мере, я не потерял способности говорить. Надлежало проверить прочие функции. Руки и ноги шевелились, шея была словно налита свинцом, но тоже двигалась. Оперевшись на локти, я привстал и огляделся. И не увидел ровным счетом ничего. То ли здесь было совершенно темно, то ли я очутился в измерении с иными формами восприятия, то ли тот, кто на меня напал - а у меня не было оснований сомневаться, что на меня напали - как-то повлияли на мою зрительную функцию. Я с гадливостью представил себя слепым и беспомощным. Это было ужасно неприятно. Но зато я слышал и мог говорить, и ощущал свое тело. Кроме того, легкая паника, вызванная овладевшей моими глазами темнотой, привела в относительный порядок мысли. Обретя способность мыслить, человек нашел способ выяснить причину своей слепоты. Я встал, вытянул перед собой руки и двинулся вперед. Через пять шагов мои ладони прикоснулись к чему-то твердому и пористому. Тогда я развернулся и направился в другую сторону. И здесь была стена. Я облегченно вздохнул. Выходило, что меня просто поместили в изолированное от света помещение, хотя я не исключал возможности, что стены есть не более чем иллюзия, созданная существом, вторгнувшимся в мое сознание.

Существом... Я подумал об этом существе, попытавшись представить его. Огромный монстр, вооруженный шишковатой дубиной, или паукообразная тварь с чрезвычайно могучим волевым потенциалом? А может быть, кто-то, походящий на меня - человека или зрентшианца? Этого я не знал. Я мог с уверенностью сказать лишь одно. Тот, в чьих руках я оказался, обладал способностью мыслить. Лишь мыслящее существо может поместить свою добычу в клетку. Аксиома, не требующая доказательств.

Итак, из меня сделали крысу. Стоило надеяться, что не подопытную. Придя к такому выводу, я продолжил изучение своей клетки. Я плюнул на стену напротив своей головы и направился вдоль невидимой преграды. На двадцать шестом шагу ладонь вляпалась в скользкое и мокрое. Цилиндр или конус без какого-либо намека на дверь. Впрочем, вход, возможно, был сверху. Тот, кто шарахнул меня по голове, вполне мог обладать такими габаритами, что моя тюрьма была для него не более чем бокалом для коктейля. И, конечно же, он всю жизнь мечтал о ручной крысе. И наконец получил ее. Я помахал воображаемым хвостиком и устроился на полу.

Темнота и тишина - не самая лучшая компания. Первая иссушает глаза, вторая обращает естество в слух. И вот уже кажется, что на стене дребезжит сверчок, а тайные глубины сознания порождают гулкий звук шагов Командора. Это шаги палача, только они могут сотрясать Вселенную своей мерной поступью. Я явился!

Чрез миг шаги затихают, и ты внимаешь тонкому мышинному писку. Чепуха, здесь нет никаких мышей, но слух упорно ловит тонкие скребущие звуки. И тогда наваливается темнота. Она осязаема, она душит. У темноты толстые черные пальцы, пиявками цепляющиеся за горло. И можно отбиваться, отбрасывать их, но темнота не отступит. У нее скверные манеры. Ей сладко сводить с ума.

Я свистел, желая разорвать оковы безмолвия, но мой свист тонул в грохоте тишины. Я таращил глаза в надежде разглядеть хоть крохотный отблеск тени, но тени переплелись в непроницаемую пелерину. Гигантское черное облако поглотило мой мирок и выело глаза. Блеклая чайка с резким

голосом - мерзкая птица из тех, что выклеивают глаза у мертвецов. Умирая, они ищут смерти в расщелинах камней, чтобы товарки не вонзили свои острые клювы в круглые неподвижные зрачки. Пустота, темнота и тишина. Три старухи, прядущие нить сумасшествия. Они свивают причудливую паутину. Вам приходилось закрывать глаза, успокаивая бунтующий мозг? Очень странное ощущение. Сначала сплошная чернота - сажа с едва заметными фиолетовыми разводами. Затем вдруг являются крохотные звездочки. Они мелькают острыми наконечниками рапир, кружа и сумасшедшем хороводе. Постепенно их бег приобретает осмысленность, звезды сливаются, и возникает большая звезда, стреляющая короткими ослепительными импульсами ровно в центр зрачка. Она пульсирует подобно взволнованному дыханию, то возрождаясь, то умирая, и, наконец, уходит. На смену ей врываются яркие блики, раскрашивая черный фон праздничными шарами - оглушающе яркими, цвета абсолюта. Здесь нет полутонов - лишь ровно окрашенные круги - оранжевые, малиновые, желтые, реже зеленые, изумрудные и синие. Они возникают из ничего, подобно мыльным пузырям, растут, и подобно им же взрываются.

Одновременно приходит соцветие звуков. Они самые разные, но преобладают тяжелые - геликорны, басовые гитары, резкий перезвон литавр. Звуки грохочут так, что начинает ломить в висках, и невольно раскрываешь рот, чтобы не быть растерзанным этим невообразимым шквалом. Звуки давят на голову, опускаются ниже - к шее, груди и рукам. Часть их скапливается в паху, небольшие рейдовые стайки бегут по венам ног и заполняют пальцы. И теперь с каждым ударом литавр все тело вздрагивает. Нервы заставляют мышцы трепетать, словно сквозь них продеты нити, с помощью которых управляют марионетками. Тело перестает подчиняться твоей воле. Ужасающее состояние, близкое к оцепенению. Хочется разлепить губы и закричать, разрывая темноту и хаос несуществующих звуков своим - нет!

Но вся беда в том, что они никуда не уйдут. Им некуда уйти, им не вырваться из колдовского вакуума. А посему, что делает человек, заключенный меж тремя рядами стен, имя которым - тишина, пустота и темнота? Он спит. Ведь лишь так можно сохранить свое сознание в этом безумии абсолютного одиночества. Он спит так много, что его мозг размягчается, теряя способность к взрыву. Но человек сохраняет его и себя. И потому - спите, люди, лишенные света, спите, люди, лишенные звуков, спите, люди, лишенные ощущений. Спите...

Черт побери, кажется, я спал больше, чем мертвые.

Не знаю, сколько времени я провел в крошечной темноте. Может быть, день, может быть, месяц, а может, всего несколько мгновений. Я не мог спать. Я сидел и размышлял, вороша встревоженный хаос мыслей и образов. Передо мной вновь являлись лица тех, кого я оставил на Земле. И все чаще я думал о Леде. А вдруг все это ее рук дело? Мысль, промелькнувшая ослепительной вспышкой, ошеломила меня. Если Леда и впрямь сумела отнять у меня сверхсуть и заключить в эту темницу, то я проиграл. В этом случае мне стоит научиться мяукать и тереться спиной о ногу хозяйки. Надеюсь, пищевой процессор на ее базе на Альтаире умеет синтезировать рыбу. Едва я подумал об этом, как в животе противно заурчало.

Оставшись без зрентшианца, человек обнаружил, что не может спокойно переносить голод. А кроме того, мне хотелось пить. Вода сбегала тонкой струйкой по стене, капала мне на затылок, холодным ручейком текла к подбородку. Я облизнулся. Язык со скрежетом прополз по спекшимся губам. Оказалось, что за крысой наблюдали. Не успела она закрыть рот, как дверь клетки распахнулась.

В темницу ворвались потоки ослепительно яркого света. Я зажмурился, проклиная безжалостных живодеров, столь жестоких к домашним животным. Когда ж я смог вновь открыть глаза, свет почти исчез. Дверь захлопнулась, но, к счастью, тюремщики оказались достаточно милосердны, чтобы оставить крохотную щель. Сочившегося через нее света вполне хватало, чтобы осмотреться.

Так и есть - я находился в цилиндре с круглым отверстием в верхней части и полным отсутствием систем жизнеобеспечения, в частности, тривиального клозета. Лично мне он не нужен, но если человек будет употреблять пищу, он должен подумать и о...

Я не завершил свою мысль относительно того, о чем должен подумать человек, потому что мои глаза узрели на полу нечто такое, от чего рот моментально наполнился слюной. Я не относил себя к большим любителям поесть, но мои тюремщики не должны были догадываться о том, что захваченное ими существо обладает особыми способностями. Надеюсь, я здорово сыграл роль, с животной жадностью пихая в рот белые комки. Они были отвратительны на вид и еще менее приятны на вкус. Кроме того, лишенный помощи зрентшианца, человек не мог определить их состав. Оставалось надеяться на благоразумие тюремщиков, на то, что они догадались проанализировать совместимость пищи с моим организмом. Пока мозг терзался мечущимися мыслями, глотка без устали поглощала пищу. Я с трудом смог оторваться от миски, вовремя вспомнив, что не могу даже приблизительно определить, когда в последний раз ел. Мой желудок устроен несколько иначе, чем аналогичный орган обычного человека. Но он так же подвержен расстройствам. Влив поверх проглоченной массы сколько смог в себя вместить воды из стоявшей рядом с миской диковинной посуды на тонких ножках, я отполз к стене. Еще немного - и тюремщики смогут насладиться зрелищем издыхающей от обжорства жертвы. Я невольно

вспомнил, что именно таким способом убивали опасных пленников в лидийской тюрьме. Приговоренного морили несколько дней голодом, а затем вносили в темницу громадное блюдо непрожаренного мяса. Пленник объедался и вскоре умирал в страшных судорогах. Смерть естественная и никакого насилия. Меж тем она была очень мучительной. Я собственными глазами видел, как извивались несчастные, пытаясь извергнуть проглоченную пищу.

Однако, вопреки ожиданиям, ничего дурного со мной не происходило. Желудок вел себя мирно, организм не испытывал ничего похожего на отравление. Я сыто отрывал, тело налилось приятной истомой. Сам того не заметив, я уснул...

- Пить, козлы вонючие! - Таким образом я пытался привлечь внимание своих сторожей.

Проспавшись, я обнаружил, что все вернулось к status quo. Свет исчез, а вместе с ним бесследно исчезли и остатки трапезы. Еще хуже было то, что тюремщики забрали воду. Я убедился в этом, тщательно обшарив пол темницы. А мне ужасно хотелось пить. Проглоченная пища вызывала нестерпимую жажду. Человек страдал. Какое-то время я терпел в надежде, что, обнаружив мое пробуждение, тюремщики подадут завтрак, но вскоре убедился, что здесь кормят по собственному расписанию. Общеизвестно, что живым существам свойственна различная цикличность приема пищи. Удаву, например, достаточно сытно пообедать раз в месяц, но ведь человек - не удав! Поэтому я решил напомнить о своем существовании, сообщая о посетивших меня желаниях. Однако, по всей очевидности, здесь мало прислушивались к словам. Очень скоро я устал. И тогда меня осенило. Прислонившись спиной к стене, я начал старательно облизывать губы. Если мои тюремщики считают меня животным, они не смогут обойти вниманием столь очевидное проявление инстинкта. Действительно, моя уловка сработала. Я едва успел зажмурить глаза, спасаясь от света. Благодаря этому я сумел открыть их вновь чуть раньше, чем накануне. Было слишком светло, но я заметил нечто вроде гигантского суставчатого щупальца, стремительно ускользящего в круглый проем входа. На этот раз тюремщики, похоже, решили дать мне вдоволь насладиться светом. Я представил, как они наблюдают за своим зверьком, и решил доставить им удовольствие. Встав на четвереньки, я с напускной жадностью принялся пожирать белую массу, оказавшуюся куда менее вкусной, чем мне показалось в первый раз. Доев, я поспешно схватил сосуд с водой. Воду я собирался неторопливо выпить, а сосуд, весьма тяжелый на ощупь, мог пригодиться.

Едва я покончил с трапезой, как дверь моментально закрылась. Я успел рассмотреть, что она устроена по лепестковому принципу - именно так действовали изолирующие перемишки на атлантических крейсерах. Это наталкивало на мысль, что с нахожусь на борту космического корабля. Но чей он и как настроены к гостю неведомые хозяева, этого я не знал, пока не знал. И еще мне ужасно хотелось знать, куда подевался чертов зрентшианец.

Неторопливо прихлебывая воду, я размышлял над тем, смогу ли добраться до дверного проема, если разбежусь и изо всех сил прыгну вверх. А если и смогу, то что буду делать дальше? Чтобы справиться с лепестковой дверью, нужен, по крайней мере, лазер. Будь здесь зрентшианец, можно было б воспользоваться дезинтегрирующей волной. Человек же не имел подобного оружия. Оставалось лишь ждать.

Процедура кормления и поения крысы происходила по строго заведенным правилам. Стоило мне облизать губы, как дверь тут же раскрывала свой зев, и механическая рука ставила на пол емкости с водой и пищей. После того, как крыса помочилась на одну из стен, ей стали доставлять еще одну емкость. С каждым разом щупальце действовало все неспешнее, позволяя рассматривать себя. Оно было сделано из блестящего металла или полимера и обладало чрезвычайной гибкостью. На конце щупальца располагалась гроздь пальцеобразных отростков, игравших роль захватов.

Шло время. Сначала я пытался ориентироваться в нем, считая, сколько раз мне подают еду, но очень скоро запутался. Время превратилось в нескончаемую однообразную полосу, прерываемую лишь ослепительно яркими вспышками кормлений. Таинственные хозяева не подавали признаков жизни, но продолжали изучать меня. Они вновь рылись в моих мозгах, проводили физиологические исследования. Однажды я обнаружил отсутствие большого пальца на левой руке, но вскоре он появился вновь. При этом я не почувствовал абсолютно ничего. Это было неплохо даже для высокоразвитой цивилизации.

И вот пришел день, о котором я уже перестал мечтать. Дверь открылась в неурочный час, щупальце мягко подхватило меня и извлекло на свет. Я зажмурился, а раскрыв глаза, едва не застонал от разочарования. Вне всяких сомнений, я пребывал не на борту космического корабля, а на земле планетки с отвратительным названием Кутгар.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Помятый, в истрепанной одежде, насквозь провонявший, с дикой, заросшей густой щетиной физиономией - таким я предстал перед своими неведомыми хозяевами. Аудиенция проходила в просторном помещении, тускло освещенном льющим из расположенных наверху плафонов светом. В связи с тем, что стены, пол и потолок представляли собой поверхность из совершенно не

обработанного камня, я осмелился предположить, что помещение есть не что иное, как гигантская пещера. Центр ее занимал цилиндр, напоминавший поставленную стоймя бочку для вина. Этот цилиндр был клеткой для пойманной крысы. Вокруг, замыкая меня в кольцо, располагались солидных размеров механизмы, неуловимо похожие на прямоходящих живых существ. Я едва не плюнул от огорчения, догадавшись, что имею дело с роботами, причем, насколько я мог судить, весьма и весьма примитивными. Одни из этих роботов были наделены захватами, другие причудливой формы крюками, у третьих конечности оканчивались массивными наростами, напоминавшими боевой молот - одним словом, малофункциональные механизмы. Ближе всех ко мне стоял металлический громила - я был ему примерно по колено - с блестящим шаром вместо головы и гитантской щупальцеобразной рукой. Это именно он столь заботливо кормил и поил узника, а затем извлек его из заточения.

Я медленно, стараясь выглядеть невозмутимым, рассматривал эту странную компанию. Неужели я очутился в мире роботов, да к тому же таких примитивных! Невольно пришли на память превосходные киборги, которых выпускали заводы Атлантиды. Они могли показаться верхом совершенства в сравнении с этими кусками железа и пластика.

- Привет, железяки, - сказал я без особого воодушевления.

К моему великому изумлению, мне ответили. Голос был искусственным, но не лишенным иронии.

- Здравствуй, крыса!

Я криво усмехнулся. Тюремщики на совесть покопались в моем сознании. Один - ноль в их пользу. Оставалось взять реванш.

- С кем имею честь разговаривать?

- Для тебя это имеет значение?

Я кивнул.

- Да. Ты машина?

- Нет, живой организм, но куда более совершенный, чем ты, биологический примитив, именующий себя гуманоидом.

Я едва не поперхнулся, ошеломленный подобным высокомерием. Впрочем, обитатели Кутгара никогда не отличались ни вежливостью, ни тактом.

- Не спорю. У меня много недостатков. - Я сказал это нарочно весело, но реакция голоса была неожиданной.

- В твоих словах звучит неуместный в данной ситуации сарказм. Не забывай, что ты наш пленник, и мы можем в любой момент поместить тебя обратно в нурну.

- Умоляю, не надо! - поспешно воскликнул я, надеясь, что на этот раз покажусь покорным. Но голос оказался тонким психологом.

- Ну вот, опять. Ты неисправим! Я думаю, нам придется вернуть тебя на место.

- Нет-нет, я обещаю вести себя лучше!

Голос чуть сбавил обороты.

- Тогда будь почтенней.

- Хорошо, я само почтение... - Что ни говори, сарказм прямо-таки лез из меня. - Однако, с кем я беседую?

- МЫ.

- А как нас зовут?

- МЫ. Это имя.

- Странное имя. Вы содружество роботов?

- Ты слишком много хочешь знать.

Это было бесцеремонно, но я решил пока не обижаться. Я настолько отвык от общения, что был готов поболтать даже со своим палачом.

- А вы...

- Заткнись! - велел голос. - Спрашивать будем МЫ!

- Однако!

На этот раз я рассердился. Человек по имени Русий не привык, чтобы с ним разговаривали подобным образом. Кроме того, я не мог уловить, откуда исходит голос, определить принцип действия окружавших меня механизмов. Все это раздражало меня. В голове родилась опасная мысль относительно того, чтобы прошупать этих МЫ жестким излучением, но я поспешно подавил ее, опасаясь, что она будет перехвачена. Негодяй зрентшианец не подавал признаков жизни.

- Что тебе от меня нужно?

Голос упорствовал.

- Тебе еще рано об этом знать. МЫ просто хотели рассмотреть тебя.

Я рассердился еще сильнее. Этот или эти МЫ говорили со мной таким образом, словно и впрямь имели дело с крысой, а не разумным существом, именующим себя человеком. Если МЫ намерены и далее так со мной обращаться, то не стоит ли мне попытаться дать деру назад к моим лютым, но таким милым тварям. Идея была недурна, и я не стал откладывать ее на потом. Придав лицу равнодушное выражение, я стал медленно приближаться к самому безобидному на вид роботу, габариты которого были соразмеримы с моими.

- Ты заблуждаешься, - издевательским тоном проинформировал голос, после чего посоветовал:

- МЫ бы на твоём месте попробовали прошмыгнуть мимо того громилы.

- С щупальцем? - машинально спросил я.

Голос жизнерадостно подтвердил:

- Ага. Он наименее опасен.

- Ну уж дудки! - Меряться силой с машиной размером с крепостную башню мне вовсе не хотелось. Соперник, выбранный мной, внушал куда меньше опасений.

Я сделал еще один шаг и прыгнул, рассчитывая сбить робота с ног, вернее, с трех опорных конечностей. Но не тут-то было. Неведомая сила подхватила мое тело и швырнула его обратно в круг. Ощущение было такое, словно я налетел на раскаленную в пламени шкуру иглоноса.

Голос приветствовал мою неудачу серией кряхтящих звуков, должных означать смех.

- МЫ же предупреждали тебя! Но примитивные организмы всегда столь недоверчивы и в еще большей степени глупы. Ты выбрал самый опасный путь, вступив в единоборство с Охранником.

- Пошел ты! - Я, охая, поднялся на ноги. Мне ужасно хотелось посчитаться с этим наглецом, высокомерно именующим себя во множественном числе, но я не представлял, как он выглядит и где прячется. Надеюсь заговорить ему зубы, я спросил:

- Электрический разряд?

- МЫ не знаем, о чем ты говоришь, - мгновенно ответил голос - Тебя поразила одна из простейших сил. МЫ именуем ее терте.

- Забавное имечко... - Я стал собираться с мыслями, готовясь выдать невидимому собеседнику еще пару несуразностей, но он не дал мне развернуться.

- МЫ вновь слышим в твоих словах непочтение. Поэтому МЫ принимаем решение отправить тебя обратно в нурну.

- Но это же не по правилам! - завопил человек. Голос захихикал. Похоже, ему ужасно нравилось мое возмущение.

- Правила здесь устанавливаем МЫ. Справедливо?

Не успел я ответить, как щупальце робота метнулось ко мне, нежно и в то же время крепко обняло за талию и повлекло обратно в тюрьму. Я хотел заявить протест, но передумал и промолчал. Боюсь, если кто-нибудь в недалеком прошлом осмелился дискутировать со мной, ему было б не отделаться обыкновенной отсидкой. Демоны и люди, обретшие смерть во дворце Ахурамазды, могли подтвердить это. Механические твари поступали не слишком вежливо, но вполне гуманно. Однако я

не стал сдерживать эмоций, когда очутился на полу своей камеры. Ударив ни в чем не повинное щупальце кулаком, я завопил:

- Крыса хочет жрать!

Требование было выполнено незамедлительно. Дождавшись, когда я покончу с едой, голос вкрадчиво посоветовал:

- А теперь спать. Скоро мы продолжим наш разговор.

- Металлический болван!

Я постарался придать крику рассерженные интонации. Надеюсь, это получилось, но вполне возможно, что меня никто не слышал. Я еще не договорил, а лепестки двери уже развернулись в плоскость. Я имитировал негодование, но на самом деле был доволен. Беседа с МЫ происходила в невыгодных для меня условиях. Я не имел ни малейшего представления, кто мой собеседник и как он выглядит. В одном я был уверен абсолютно. Это был не кибернетический разум, и в то же время не гуманоидный. Это было нечто среднее - не человек, но и не машина. Оно мыслило иными категориями, чем человек, но в то же время обладало вполне человеческим чувством юмора. Судя по всему, оно не собиралось уничтожить меня, но предполагало использовать в каких-то своих, неведомых мне, целях. Но возникал еще один вопрос, на который у меня не было ответа - как может существовать разумная форма жизни на столь злобной, истребляющей все живое, планете? А быть может, между этой злобой и МЫ есть какая-то связь? С этой мыслью, которая, как вскоре выяснилось, не была лишена здравого смысла, я уснул.

Мне привиделся странный сон. Я сидел в кресле посреди небольшой комнатки, за стенами которой шумело море. Передо мной пластался на низеньких ножках роскошно накрытый стол. Чего здесь только не было! Жареное мясо, запеченная в тесте рыба, дичь мешались со сладостями и истекающими соком фруктами. Венчал это великолепие здоровенный хрустальный кувшин с темно-пурпуровой влагой. Окружавшие кувшин свечи в серебряных шандалах преломляли вино алыми и черными бликами. Что ж, подобное видение было не в пример тем мерзостям, что посещали меня прежде. Устроившись поудобнее, я приготовился насладиться им.

Грохотало море. Рев волн взлетал по эллипсоиду и падал басовитым рычанием. В мерном шуме почти полностью тонули все звуки и шорохи. Лишь изредка до моего слуха долетало негромкое потрескивание пожирающего свечной воск огня. Я сидел и ждал. Чего? Наверно, приглашения к пиру.

Сзади слышались тихие шаги. Мне захотелось обернуться, но я не сделал этого. Если подкрадывался враг, он не сможет причинить мне вреда. Блаженны умирающие во сне. Шаги достигли кресла и замерли. Я против своей воли напрягся. И в этот миг на мое плечо легла рука. Вздвогнув, я пробудился ото сна.

Но ничего не изменилось. Я не мог поверить своим глазам. Я сидел в той же самой комнате, перед роскошно сервированным столом, и мое плечо ощущало прикосновение твердой руки.

- Леда? - негромко, боясь спугнуть наваждение, сказал я.

- Не угадал!

Я резко обернулся. Передо мной стоял Гумий. Облаченный в потрепанное рубище мага, он и внешне выглядел неважно - осунулся, оброс, на лбу чернела ссадина. Я молча оглядел его, он столь же пристально изучал меня.

- Ты изменился, - сказал бывший товарищ после долгой паузы. Я понял, что он заметил исчезновение сверхсути.

- Ты тоже. Что происходит?

- У меня к тебе дело.

- Вот как! - Я усмехнулся, чувствуя, что становлюсь хозяином положения. Вообще-то я дал зарок не иметь более с тобой никаких дел. Ведь это именно по твоей милости я нахожусь здесь вместо того, чтобы владычествовать над Землей.

- Ты находишься вовсе не там, где полагаешь, - сказал Гумий.

- Тогда где же я?

- Здесь лишь твое сознание, а сам ты по-прежнему сидишь в заточении на планете, куда тебя перенесла Леда.

- Ты знаешь о ней?

Гумий кивнул.

- Да.

- Откуда? Вы были связаны?

- Нет. Клянусь! - Говоря это, Гумий приложил руку к груди. Он подошел к столу и сел напротив меня. Складки его одежды распрямились, и я обратил внимание на то, как он исхудал. - Нет. Я знаю о случившемся, но не имею к этому никакого отношения. Я был выведен из игры сразу после битвы у Замка, когда меня захватили в плен Кеельсее и Арий.

- Арий? - я изобразил удивление.

- Да, это именно он скрывался под маской Отшельника. Они схватили меня. По какой-то причине Кеельсее решил подарить мне жизнь, но я мало что выгадал. Демон Хатфур, твой верный слуга, похитил мою душу.

- Я рад, что и с тобой не все в порядке.

Гумий сделал вид, что не обратил внимания на мои слова.

- Я упросил Хатфура позволить мне переговорить с тобой. Он разрешил, и тогда я выбрал это место. Это одно из фантомных отражений Земли.

Я знал это, но почему-то не захотел сознаться в том, что знаю.

- Значит, все, что стоит передо мной, лишь иллюзия?

- Да. Но она сотворена со знанием дела. Угощайся, ты получишь удовольствие.

Я скривил губы.

- Пить воображаемое вино...

- Попробуй! - настаивал Гумий. - Оно тебе понравится!

- Ну хорошо... - Я взглядом велел Гумию наполнить хрустальный бокал. Мой бывший товарищ с похвальной поспешностью исполнил приказание. Вино пахло солнцем, цветами и чуть кисловатой прелью. Я осторожно пригубил.

- Хиосское сладкое, пятилетней выдержки.

- Я выбрал твоё любимое! - заискивающе пробормотал Гумий.

На моем лице появилась милостливая гримаса. Но я не собирался прощать предателя ради одного бокала вина. Напротив, я был склонен быть жестоким.

- Так, значит, твою душу похитил демон.

- Именно. А так как демон связан со своим господином на подсознательном уровне, я оказался невольным свидетелем всех твоих злоключений.

- От вас не отдохнешь даже на этой далекой планетке! - театрально вздохнув, посетовал я. - Ну, и что тебе нужно?

- Я понимаю, Русий, что, может быть, не вправе просить об этом, но я умоляю тебя приказать демону освободить мою душу и позволить ей вернуться в тело.

- Ты действительно не вправе. - Я со смаком прихлебнул вино и брезгливо посмотрел на Гумия. - А кроме того, мне кажется, ты напрасно затеял всю эту возню. Прошло немало времени; и твою оболочку наверняка сожрали грифы.

Гумий оскалил крупные белые зубы. В его улыбке было нечто хищное, чего я прежде не замечал.

- Нет, мое тело в полной сохранности. Кеельсее спрятал его в одной из усыпальниц на берегу Мертвого моря.

- Однако он стал сентиментален!

- Я и сам не ожидал от него такого.

- Так ты хочешь, чтобы я поговорил с Хатфуром?

Гумий кивнул.

- Он здесь?

- Да, да...

- Пусть покажется.

В тот же миг по правую руку от Гумия возник маленький кривоногий человечек, облаченный лишь в набедренную повязку. Существо было невероятно волосато, а из его рта торчали два огромных клыка, размером с указательный палец. Это был мой любимец - демон Хатфур. Увидев меня, Хатфур радостно осклабился. Я молча кивнул ему, а затем поднял вверх руку, обратив ее ладонью к себе. Этот знак приказывал демону убраться. Однако Хатфур остался на месте. Он был в курсе моих дел и знал, что я лишился былого могущества. Теперь я мог надеяться лишь на его преданность, но никак не на покорность.

- Уходи, - велел я. - Когда понадобится, я вызову тебя вновь.

На этот раз демон повиновался. Он исчез, и я бросил на Гумия торжествующий взгляд.

- Ты попал в пренеприятное положение!

Гумий кивнул головой, выражая согласие. Я откинулся на жесткую неудобную спинку кресла и сделал вид, что смакую вино. Гумий выжидающе смотрел на меня. Я мог отказать ему и в тот же миг очутиться в своей темнице. Я сознавал, что в самом деле нахожусь именно там, но иллюзия была великолепной. Я решил не торопиться с ответом и вдоволь насладиться своей ролью. Поэтому для начала я осведомился: - У нас есть время?

- Да. Я поставил заслон, никто не обнаружит, что твое сознание покинуло тело.

- Прекрасно. Что ты знаешь о тех, кто меня захватил?

- Ровно столько же, что и ты.

Ответив, Гумий посмотрел на меня, ожидая, что я скажу, но я безмолвствовал. Гумий нуждался в моей помощи, потому я был вправе ждать объяснений. Гумий понял, чего я добиваюсь.

- Русий, - начал он нерешительно, - ты должен извинить меня за то, что случилось тогда...

- Когда тогда?

- В той битве у Замка.

- Я прощаю тебя, но погибла девушка.

- Я знаю. - Гумий попытался изобразить скорбь. - Я и сам не понимаю, что тогда на меня нашло. По моему, я испугался, что нам не справиться с той грандиозной задачей, которую ты поставил.

- Это не довод. Ты мог уйти раньше, но ты выбрал именно тот момент, когда я более всего нуждался в твоей помощи.

- И ты выпустил бы из меня кишки.

Я хотел возмутиться, но не стал делать этого, признав тем самым правоту Гумия. Я действительно выпустил бы из него кишки, попробуй он удрать от меня.

- Допустим. Но в любом случае ты выбрал крайне неудачный момент. Рухнуло все то, что я строил долгие годы.

- Это была единственная возможность освободиться от зависимости, я не мог упустить ее.

Я призадумался. Мне всегда казалось, что Гумий не воспринимает наши отношения как зависимость. Я старался быть с ним на равной ноге, хотя сила моя была несоизмеримо больше той, которой обладал Гумий. Он был моим старым приятелем, и я делал все, чтобы сохранить нашу дружбу. Благодаря мне он обладал такой властью, какой не имел ни один человек, живущий на Земле. И ради минутной слабости он отказался от этой власти! Я не мог ни понять, ни принять этого. Я так и сказал:

- Я не понимаю тебя. Но не могу и винить. Ты сделал свой выбор. Если бы не погибла девушка!

- Да брось ты, Русий! - обозлившись, воскликнул Гумий. - Не строй из себя влюбленного дурачка!

- Ты заблуждаешься... - начал было я, но собеседник не желал внимать моим словам.

- Ты никогда не мешал дело с личной приязнью! В тебе сейчас кричит человек! - Гумий был прав, и я прикусил язык. - Я принес тебе свои извинения. Что тебе еще нужно? - Я не ответил. Тогда Гумий вкрадчиво предложил:

- Давай заключим сделку.

- Поясни.

- Ты прикажешь демону освободить меня, а я со своей стороны сделаю все, чтобы вытащить тебя отсюда.

- Каким образом?

- Я могу поговорить с Ледой.

- Значит, вы все-таки связаны?

- Нет, прежде я не имел с ней никаких дел, но недавно она нашла меня и предложила свою помощь.

- Почему же ты не принял ее?

- Леда хотела уничтожить демона, а это могло повредить мое сознание.

- Правильно, - согласился я.

- Так вот, ты освобождаешь меня, а я попробую уговорить Леду помочь тебе.

- Она откажется.

- Не думаю. Я пообещаю ей свою помощь. Леда затевает какую-то большую игру, я нужен ей.

Будь здесь зрентшианец, я послал бы Гумия ко всем чертям. Но человек нуждался в помощи. А кроме того, та злоба, которую я испытывал к Гумию, незаметно растаяла. Передо мной сидела жалкая тень, лишенная телесной сути: Это было слишком даже для Гумия. Мне стало жаль его. Человек пожалел человека.

- Хорошо, - сказал я. - Я помогу тебе. Но за это ты поклянешься помочь мне выбраться отсюда.

Я умышленно просил у Гумия помощи. Сейчас я должен был казаться слабым. Гумий должен поверить, что я сломался. Похоже, так и случилось. Гумий взглянул на меня почти с сожалением, но от комментариев благоразумно отказался.

- Я обещаю, - сказал он поспешно.

Гумий, как и я, и Леда, и Кеельсее, и прочие, хотел играть свою игру. Но мне было известно, что он самый слабый игрок из всех. Он должен был сойти с дистанции первым. И потому я не стал, препятствовать ему стремиться к смерти.

- Мы договорились.

Я усмехнулся и послал приказ Хатфуру предстать передо мной. Он явился. Сделав суровое лицо, я торжественно провозгласил:

- Демон Хатфур, я повелеваю тебе освободить душу этого человека! - Видя, что демон колеблется, я прибавил: - Но ты должен следить за ним. Он обещал мне свою помощь, и если ты увидишь, что он не собирается исполнить свое обещание, ты можешь вновь овладеть им.

Ничто так не льстит демону, как возможность следить за человеком. Хатфур ощерил пасть в радостной улыбке и поклонился.

- Слушаюсь, мой господин.

После этого он исчез, а образ Гумия начал таять. Представление заканчивалось. Я залпом допил вино и протянул руку к вазе с фруктами...

Через мгновение я очнулся на полу в своей темнице. В голове шумело, как будто я и впрямь изрядно напился, во рту ощущался кисловатый винный привкус, а от ладони исходил слабый аромат персика. И я вдруг понял, что больше никогда не увижу атланта Гумия, которого мир знал под именем Заратустры...

Так и случилось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

После первого разговора МЫ забыл обо мне надолго. Робот-громила кормил и поил меня, словно заправская нянька менял контейнеры для испражнений. Он был воплощением заботливости, однако я, раздраженный необъяснимым равнодушием МЫ, нередко срывал на нем злость, пиная щупальце ногами. Впрочем, как мне кажется, этот механизм был слишком туп, чтобы обижаться. За эти дни я совершенно одурел от скуки и одиночества. Похоже, МЫ этого и добивались. МЫ хотели сделать крысу послушной. Я сделал все, чтобы казаться послушным. Когда МЫ убедились в моей покорности, я был вновь извлечен наружу.

Щупальце вытащило меня из цилиндра и аккуратно поставило на пол. Я увидел знакомое помещение-пещеру и столь же знакомых роботов. На этот раз их было всего четверо, не считая громилы. МЫ явно полагали, что крыса перестала быть опасной. Пока я моргал, привыкая к свету, роботы заключили меня в правильный квадрат.

- Иди, - велел голос.

Я повиновался. Меня вели через длинную вереницу пещер, частью пустых, частью заполненных какими-то механизмами. Механизмы эти выглядели очень необычно, я не мог определить их предназначение даже приблизительно. Путь был неблизок. Я ощутил усталость в отвыкших от движения ногах и был рад, когда мы пришли. И впервые за много дней я увидел солнце.

Это была искусственная терраса, врезанная в крутой склон горы. Она была окружена прозрачной перегородкой, за которой, насколько хватало глаз, простиралась коричневая безжизненная равнина. Над равниной как раз всходило розовое солнце. Его лучи мягко обжигали кожу, я почувствовал себя почти счастливым.

МЫ тактично позволили мне насладиться теплом и светом, после чего голос приказал:

- Садись.

Я осмотрелся по сторонам, рассчитывая обнаружить какую-нибудь пластиковую подстилку, достойную крысы. Однако сегодня хозяева решили быть вежливыми. У одной из стен, как раз по освещенной стороне, стоял высокий массивный трон ... из золота. Вначале я не поверил глазам. Это был парадный трон Аримана - один к одному! Те же затейливые фигурки демонов на подлокотниках, гроздь драгоценных камней, орнаментирующих спинку. Этот трон был изготовлен по моему заказу еще в эпоху варварских королевств мастерами Шидизара. Я представления не имел о том, как он оказался здесь. Рядом с тронном стоял очень странный стол. Он был непомерно высок, причудливой формы крышка наклонялась в сторону. Кроме этих двух предметов в галерее ничего не было, если не считать длинных черных щитов-стендов, поверхность которых покрывали мириады крохотных серебряных бусинок.

- Садись, - настойчиво повторил голос. Я повиновался. Я сел кресло и положил руки на подлокотники, ощутив ладонями жирное прикосновение золота. Роботы выстроились в ряд за моей спиной. - Хочешь есть?

Я пожал плечами, подумав, что голос сегодня невероятно вежлив. Однако мое предположение было тут же опровергнуто, причем в весьма обидной форме.

- Вовсе нет, МЫ не желаем заслужить твоего расположения. Подвергнув анализу твои мысли, МЫ выяснили, что ты и подобные тебе примитивные существа совмещаете общение с приемом питательной биологической массы.

Если не обращать внимания на излишне частое употребление слова примитивный, все было вполне корректно. Я решил не обижаться.

- Не отказался б, но только не ту бурду, которой вы меня пичкаете.

Зато обиделся голос.

- Ты думаешь, так легко синтезировать питательную субстанцию, приемлемую для твоего примитивного организма? МЫ потратили на это много бесценного времени и энергии.

- Но вы, похоже, без особых проблем раздобыли эту штуковину. - Я хлопнул ладонью по покрытой резьбой золотой пластине.

- Да, - согласился голос. - Твой примитивный мозг на удивление прочно запоминает подобные пустяки. А что касается самого процесса синтеза, то металлы и полимеры не представляют для нас трудности.

Я принял это сообщение к сведению. Тем временем голос продолжал:

- Ты стал более послушен, крыса, поэтому МЫ решили еще раз поговорить с тобой.

- Я слушаю, - в меру поспешно отозвался я.

- МЫ желаем побольше знать о тебе. Кто ты? Откуда пришел? Какую цель преследуешь?

- Я человек с планеты Земля. Я оказался здесь не по своей воле. Меня высадили на эту планету существа, на корабле которых я путешествовал...

Я намеренно упростил свою историю, не желая лишних расспросов. Будь я более откровенен, МЫ могли разгадать мою истинную суть, и тогда они, не задумываясь, уничтожили б меня.

- Полеты меж звездами, - равнодушно выговорил голос. - Когда-то МЫ тоже занимались подобными пустяками, но в то время мы еще не были МЫ.

- Кем же вы были?

- Спокойно, крыса. Вопросы сегодня задаем МЫ. Где тебя высадили?

- На безжизненной равнине, похожей на эту.

- Ты уверен? Мы не засекли в этом секторе никаких чужеродных объектов.

- Уверен, - отрезал я. - Просто корабль, на котором я путешествовал, располагал особыми системами защиты.

- Что ты знаешь о них?

- Ничего. Я же уже сказал, что это был не мой корабль. Я был на нем гостем.

- Ты лжешь! - напыщенно воскликнул голос.

- Нет, я говорю правду!

Судя по всему, МЫ непрерывно зондировали мой мозг. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы придать лживой мысли положительный импульс. Это подействовало.

- Странно. А сейчас МЫ уверены, что ты говоришь правду.

- Так и есть, - сказал я, заставляя себя собраться.

- Какое ты имеешь отношение к энергетическим возмущениям, зафиксированным в третьем секторе?

- Я не понимаю, о чем идет речь.

- Правильно, - подтвердил голос. - Это термин, употребляемый МЫ. Под третьим сектором подразумевается кольцо равнин, окружающих Лоретаг. Ты знаешь, что такое Лоретаг?

- Нет.

На этот раз МЫ мне не поверили.

- Ты лжешь. Ты знаешь о Лоретаге. Откуда?

- Я не слышал ни о каком Лоретаге.

- Да? - Голос немного помолчал. - Хотя ты можешь и не знать этого названия. Ты видел огромную равнину, похожую на застывшую воду?

- Да.

- Это и есть Лоретаг. Ты подходил к нему?

- Я отрицательно покачал головой.

- Твое счастье, крыса, иначе ты уже был бы его частью.

На моем лице изобразился ужас. Голос удовлетворенно хмыкнул и продолжил допрос.

- Что ты знаешь о всплесках энергии?

- Я уже сказал - ничего.

- Допустим. Что ты знаешь об энергетических вихрях?

Я пожал плечами.

- МЫ потеряли шесть вихрей. Это трудновосполнимая потеря. Что ты об этом знаешь?

- Что это трудновосполнимая потеря, - повторил я, не сумев сдержать ехидства.

- Я слышу, крыса, твой смех, - зловеще сказал голос. Внезапно он сменил тему.

- Что ты думаешь о своей судьбе?

- Ничего определенного, - честно признался я. - Я понятия не имею, зачем вам нужен.

- Скоро узнаешь, - пробормотал голос. - А пока прощай.

- Охотно попрощался бы, да вот только не знаю, с кем.

- Хорошо, крыса, МЫ покажем себя, но для этого тебе придется как следует напрячь свой примитивный зрительный орган.

Я хмыкнул.

- Никогда не жаловался на зрение.

- Тогда смотри.

Крышки стола покачнулась и начала приближаться к моему лицу. В этом движении было что-то угрожающее. Я попытался увернуться, но опоздал. Острое пластиковое ребро врезалось в мой подбородок, притиснув голову к холодной спинке трона.

- Смотри, - повторил голос.

- Но я ничего не вижу, - пробормотал я, едва шевеля губами.

- Ох уж эти примитивные организмы! - В голосе ощущались брезгливые интонации. - Приглядиись повнимательнее. МЫ находимся точно против твоего левого глаза.

Я присмотрелся и различил крохотное, не больше макового зерна, существо, снабженное шестью крохотными конечностями. Заметив, что я обнаружил его, существо помахало мне передней лапкой.

- Но ведь это букашка.

- Напрасно ты так сказал, - с укоризной заявил голос...

Очнулся я в своем родном цилиндре.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Да, как же должны были б сейчас потешаться мои враги, узнай они, что могущественный некогда Русский попал в плен к сверхумным букашкам. Человек, лишенный логики зрентшианца, был вне себя от ярости. Однако прошло немного времени, и я успокоился. Почему слон должен считаться венцом мироздания, если он дрожит при виде крохотной мыши. Я поступился своей гордостью и вскоре вопил в темноту:

- Эй, МЫ! Я погорячился и приношу извинения! - Ответа не последовало, я рассердился. - Давай же поговорим, черт возьми!

Однако МЫ не торопились внимать моим призывам. МЫ дали крысе время подумать над своим поведением и лишь потом извлекли меня из цилиндра. Очередное свидание произошло на уже знакомой террасе. Едва заняв трон, я отыскал глазами уютно расположившуюся на столе букашку и поспешно произнес:

- Я виноват за то нечаянное оскорбление, какое нанес своему гостеприимному хозяину.

- Хозяевам, - поправил голос. - Здесь есть и доля нашей вины. Если б МЫ сразу продемонстрировали себя, полагаю, подобного недоразумения не случилось бы.

- Конечно, нет! - горячо заверил я.

- Я вижу, сегодня ты искренен, крыса. - Я изобразил улыбку, на что МЫ отреагировали весьма своеобразно. - Нам не нравится,, когда ты скалишь зубы, но, судя по всему, это является

отличительным признаком всех примитивных организмов. Наши предки поступали примерно так же. Они скалили зубы точь-в-точь как ты, да и вообще они были отвратительно похожи на тебя!

- Похожи? - Я даже не старался скрыть изумления.

- Да. МЫ сейчас покажем тебе их. МЫ решили позволить тебе ознакомиться с этой информацией.

В моем мозгу появилось отчетливое изображение двух существ. Они были разнополы и весьма походили на человека, то есть на меня. Небольшие отличия не могли опровергнуть того обстоятельства, что существа относились к гуманоидному типу.

- Они ничего, - пробормотал я, с любопытством рассматривая странной формы половые органы, находившиеся примерно на том месте, где у нормального человека пупок.

- Они отвратительны! - Голос и впрямь переполняло отвращение. Омерзительные существа с низменными страстями!

Я не стал спорить, памятуя, что МЫ крайне невысокого мнения и обо мне. Напротив, я подхалимски поддакнул:

- Да, они не очень симпатичны.

- Примитивные существа все отвратительны, - подвели итог дискуссии МЫ. Потому-то они и обречены на вымирание.

- Они вымерли?

- Частью - да, частью трансформировались в более совершенный подвид - в МЫ.

- С трудом верится, - осторожно начал я, - что такие большие существа превратились в ... - я замялся, подыскивая нужное слово, - миниатюрных созданий.

- Это не так сложно, как ты полагаешь. Хотя твой интеллект и недостаточно высок, полагаю, ты представляешь при мерный ход естественной эволюции.

- Только примерный.

- Тогда тебе известно, что в ходе эволюции обычно побеждают наиболее мелкие существа.

- В общем, да.

- Это что касается наших размеров. МЫ вовсе не выродились. МЫ просто выбрали наиболее удобную биологическую форму. Небольшой размер позволяет уменьшить расходы энергии и, с другой стороны, значительно повысить работоспособность. Здесь нет ничего нового. Просто МЫ развились, подражая эволюции. До этого цивилизация нашей планеты походила на ту, частью которой являешься ты, крыса. Существовало дисгармоничное сообщество примитивных существ. Наши предки, подобно тебе, были огромны и неуклюжи. Обладая огромным интеллектуальным потенциалом, они использовали лишь тысячную его часть. Вся остальная энергия уходила на бесполезные мышечные сокращения, работу несовершенных органов пищеварения, сердца, нервных окончаний и прочей мерзости. Предки были очень несовершенны и уязвимы. А сколько они тратили энергии и времени на пустое общение друг с другом, со зла мне и выращивание себе подобных, ухаживание за лишенными энергетической потенции. Они ничем не отличались от примитивных животных, да по сути они и были таковыми, превосходя первых лишь умением более связно общаться, да порождать примитивные мысли. Город, который ты обнаружил, был построен ими. Все изменилось, когда были открыты процессы биологической перерегрессии. Так случается время от времени, когда происходит открытие, приводящее к качественному скачку. На определенном этапе технологии достигли такого уровня, что стало возможным трансформировать примитивный несовершенный механизм в идеальное мыслящее существо. Не думай, что все отнеслись к этой идее с восторгом. Лишь небольшая часть наиболее здравомыслящих существ решила изменить свое естество. Они отказались от глупых влечений и страстей, целиком отдавшись созиданию и совершенствованию интеллекта. Новые существа обладали мощным потенциалом, будучи при этом куда менее уязвимы. Они не тратили времени и усилий на двуполое воспроизводство, заменив его бесполом. Они основали свои города, предоставив прежним собратьям возможность деградировать и вымирать. На смену им пришло второе, еще более совершенное поколение. Эти существа были еще меньших размеров и полностью исключили из рациона биологическую пищу. Они существовали за счет фотосинтеза. Бесполое размножение было заменено вегетативным, речевые функции телепатическим внушением. Но это были еще не МЫ. Те существа не были соединены великой общей целью. Они неразумно расходовали свои силы и знания, прилагая, в частности, огромные усилия для того, чтобы уничтожить наших предков. В своей войне они использовали вирусы и психотропное оружие... Они уничтожили города и заставили людей искать спасения в лесу. А затем они создали монстров, которые помогли им

одержать решительную победу. Это было великое поколение, но оно еще не познало истинного счастья. Когда пришло понимание этого, появились МЫ.

Я слушал, и мне становилось страшно. Кучка фанатиков ради химерической идеи трансформировала свою суть, надеясь достичь совершенства. Став неуязвимыми, безумцы уничтожили всех прочих мыслящих обитателей планеты. Это было столь чудовищно, и в то же время столь знакомо. Мне уже приходилось сталкиваться с подобным, когда горстка пришельцев пыталась облагодетельствовать планету с звонким именем Земля. Они также желали счастья. Но что есть истинное счастье? И я спросил, ибо зная это, можно понять почти все.

- А что, по-вашему, есть счастье?

- Совсем не то, о чем думаешь ты, - немедленно ответили МЫ. - Счастье это полное слияние цели и интересов. Счастье - это непрерывное накопление знаний.

- Ради чего?

- Как ради чего? Ради того, чтобы стать еще более счастливыми. Ведь знание есть сила. Для того, чтобы господствовать над примитивным миром, МЫ должны быть сильными.

- У нас много общего, МЫ, - задумчиво произнес я.

- У нас нет ничего общего, - отрезал голос. - Присмотрись к себе. Ты жалкий, примитивный, уязвимый объект. Ты подвержен глупым желаниям, ты не можешь обойтись без биологической пищи, не можешь создать себе подобного без помощи другого существа, которое должно слиться с тобой. Ты уязвим практически перед любым обитателем этой планеты. А теперь сравни себя с МЫ. МЫ могущественны, неуязвимы, МЫ объединены общей волей, против которой не может устоять ничто. МЫ не нуждаемся в биологической пище, черпая энергию из света или тепла, производимого генераторами. МЫ повелеваем могущественными механизмами. МЫ хозяева этой планеты. МЫ - раса господ!

Die Herrenrasse [Раса господ (нем.)] - этому еще предстоит быть!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я стал покорен и почителен. МЫ стали позволять мне некоторые вольности. Во-первых, цилиндру переделили из тюрьмы в жилище. Это означало, что входной люк был открыт и к нему была прикреплена прочная лестница. Во-вторых, что было еще более приятно, я получил определенную свободу передвижения. Мне разрешалось посещать все подземные пещеры, связывавшие мою с галерей. Правда, МЫ строго-настрого запретили мне прикасаться к чему-либо.

- Крыса может повредить себе.

Я понял, что могу причинить неприятности МЫ.

Подобные запреты не мешали мне проникать в тайны цивилизации МЫ. Я выяснил, что МЫ давным-давно - они не вели счет времени - покинули негостеприимную поверхность планеты и поселились под землей. Здесь располагались их города, точнее, город из десяти отдельных зон, которые МЫ называли ворво. Каждая ворво включала в себя несколько десятков пещер и обязательно имела выход на поверхность, отделенный от внешнего мира прозрачной перегородкой. В пещерах помещались всевозможные механизмы, склады сырья, комплексы для создания роботов, генераторов и прочих машин. МЫ обитали повсюду, держа свои владения под неусыпным контролем. Крохотные черные контейнеры - хирхи, в каждом из которых помещалось от десяти до двадцати особей, крепились на стенах и потолках. Столь необычное расположение жилищ было возможно лишь благодаря физиологии МЫ. Трансформировав свои организмы по подобию пауковидных, МЫ получили возможность перемещаться по любой поверхности и в любом направлении. Ежедневно в строго заведенное время я наблюдал одно и то же действие - сотни и тысячи крохотных букашек ползли к энергонакопителям, чтобы насытиться жизненной энергией. По вполне определенной причине система энергопитания интересовала меня, но единственное, о чем я смог разузнать, так это то, что энергия поступает сюда через распределители из центрального генератора, находящегося в четвертой зоне, доступ в которую мне был закрыт.

МЫ постепенно приоткрывали передо мной свои тайны, особое внимание уделяя психологической обработке. Теперь дружеские или претендующие на некое подобие дружелюбия беседы происходили почти ежедневно. МЫ с завидным терпением объясняли пленнику всю омерзительность его настоящего состояния, время от времени вдруг задавая неожиданные вопросы:

- С какой целью ты прибыл на Кутгар?

- Что ты знаешь о вихрях?

- Что ты можешь сказать о всплеске энергии в третьем секторе?

И тому подобное...

Я невозмутимо отвечал слово в слово как а первый раз. МЫ делали вид, что верят. Все это походило на игру, но такая игра была полезной для меня. Она помогала мне постичь мир МЫ. А мир этот был очень странен. И он неуловимо походил на тот, что некогда пытались создать атланты.

Во главе всего у МЫ - интеллект. Атланты называли это Разумом. Мир атлантов подразумевал единство во имя Разума, но создавая идеальное общество, они не собирались отказываться от тех маленьких наслаждений, что делают человека человеком. А выходит, напрасно. Тут надо было выбирать что-то одно: или человек с его слабостями и желаниями, или Разум, повелевающий единым сообществом существ, отрехшихся от всего во имя цели. МЫ отказались от всего, добровольно превратившись в громадную стаю высокоинтеллектуальных букашек. Они отказались даже от собственного я, оставив универсальное МЫ. У них не было ни лица, ни характера. У них не было даже имени. Как-то я обратился к МЫ:

- Ты все время твердишь МЫ! А кто есть ты? Как твое собственное имя?

И получил в ответ:

- Я никто. У меня нет имени. Я существую лишь вместе со всеми и меня зовут МЫ.

Я имел дело с бесчисленным числом существ, отказавшихся от своей индивидуальности во имя абсолютной общности. Было время, когда я сам мечтал о создании подобной общности, но я никогда не согласился б стать ее бессловесной частью. Все же я был человек. Человеческое "я" всегда лезло из меня. Однако до поры до времени я не откровенничал с МЫ на эту тему. Я присматривался к миру МЫ, МЫ изучали меня. По правде говоря, их мир меня б не устроил. Я привык повелевать, ставя свое мнение над толпой. МЫ требовали абсолютного согласия. МЫ были счастливы в своем самоутверждении и не желали ничего иного. МЫ отказались от всего, что могло разрушить общность. МЫ полностью изолировали себя от внешнего мира, общаясь с ним в исключительных ситуациях и то с помощью роботов. МЫ отвергли идею приобщения к межзвездному интеллекту, ограничиваясь пределами родной планеты. Эдакие философствующие букашки, балдеющие от осознания своего интеллектуального превосходства.

Быть может, МЫ и впрямь были самыми умными на свете, однако существовало нечто, недоступное их пониманию. И потому МЫ нуждались во мне. Но прошло немало времени, прежде чем МЫ решили довериться.

Я сидел на террасе, греясь в лучах солнца и размышляя, когда раздался голос.

- МЫ должны поговорить с тобой.

Я присмотрелся и обнаружил на поверхности стола букашку.

- Весь во внимании.

- МЫ спасли тебя, крыса, от гибели, теперь ты должен помочь нам.

- Но чем?

- Речь пойдет о Лоретаге.

Быть может, я ждал нечто подобного, но постарался напустить на себя глупый вид.

- Это та штука, похожая на желе?

- Да. На деле это огромный примитивный организм. Лоретаг - самое злобное существо на Кутгаре, он стремится поглотить всю планету. Он умерщвляет и растворяет в себе любое живое существо, попавшее в пределы его досягаемости. Мало того, он постепенно завоевывает поверхность Кутгара, пожирая плато и равнины. МЫ боремся с ним, но Лоретаг очень могуч и коварен. Он делает вид, что уступает, а затем возобновляет свое нападение.

- Действительно, премерзкая штука, - пробормотал я, пытаюсь понять, куда клонят МЫ. Лоретаг был мне мало симпатичен, но он не сожрал меня, хотя и пытался это сделать, зато МЫ могли покончить со мной в любое мгновение. У меня не было оснований считать Лоретага своим врагом, а МЫ - друзьями. От Лоретата исходила могучая сила, быть может, злобная, но это была пассивная, словно отчаявшаяся злоба, в то время как твари и созданные МЫ вихри источали злобу активную, яростную. Все было не так просто, как пытались представить МЫ.

Пока я размышлял, голос продолжал рассказ про Лоретага. Он вошел в раж, и в нем все чаще мелькали азартные, чисто человеческие нотки.

- МЫ много раз пытались уничтожить Лоретаг. Когда он был еще слаб, МЫ разрушали его с помощью агрессивных бактерий. Но он устоял. Тогда МЫ направили против Лоретага вихри, но и те оказались не в состоянии справиться с ним. Лоретаг окреп и перешел в наступление. С тех пор МЫ уже не в силах бороться с ним на равных. МЫ обороняемся, а он наступает, становясь все сильнее и сильнее. Если бы не дарда, Лоретаг уже сожрал бы нашу планету.

Здесь следует сделать небольшое отступление. У цивилизации МЫ было немало сильных сторон, но наибольшее мое уважение вызывала дарда. Я не встречал прежде аналогов подобного явления и потому затрудняюсь дать ему более или менее ясное определение на языке людей. Дарда представляла собой нечто вроде гигантского силового и поля, образованного коллективной волей МЫ. Каждое существо сливало свой крохотный волевой импульс с волей собратьев, и образовывалась невероятно могучая сила, способная к воздействию в самых разных сферах. Дарда могла использоваться на материальном уровне в качестве силовых волн. Ею можно было действовать на подсознание, как сделали МЫ, когда пленили меня. Из дарда можно было слепить любое энергетическое поле.

Дарда была универсальным оружием. Она охраняла МЫ - вместе и по отдельности. Вздумай я, к примеру, попытаться умертвить одно из МЫ, мне пришлось бы сломить сопротивление всех прочих, объединенных дарда. А это было примерно равносильно тому, чтобы передвинуть горный пик.

В голосе начинали звучать почти трагические нотки.

- Лоретаг уже сожрал шесть секторов и начинает угрожать сектору, который занимаем МЫ. Если его не остановить, цивилизация рухнет!

- М-да. - Я вздохнул. - Чем я могу помочь МЫ?

- Интеллектом МЫ разработана вакцина против Лоретага. Ее состав слишком сложен, крыса, и я не стану утомлять твой примитивный мозг.

- Конечно, конечно...

- Для того, чтобы поразить Лоретаг, мы должны внести в него эту вакцину.

- Вы желаете, чтобы это сделал я?

- Да.

- Нет ничего проще.

Голос обрадовался.

- Отлично! Да, МЫ не успели сказать крысе, что вакцина действенна только в том случае, если она будет помещена в организме мыслящего живого существа... Это было сказано так, как бы между прочим. - Ты малоценный в интеллектуальном смысле объект. Поэтому МЫ решили, что будет наиболее целесообразно пожертвовать именно тобой, а не кем-то из МЫ. К тому же ты не вызовешь у Лоретага подозрений. Ты согласен, крыса?

Мне было трудно произнести это слово, но я выдал его.

- Да.

А что еще, скажите на милость, оставалось делать несчастной крысе, за чьей спиной стояли четыре охранника?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Труднее всего было изображать покорность. Но МЫ были столь убеждены в моем интеллектуальном ничтожестве, что ни на мгновение не заподозрили меня в лицемерии. Однако понимая, что инстинкт самосохранения присущ даже крысе, МЫ приставили ко мне Охранников. Этим все и ограничилось. В ожидании назначенного часа мне было позволено вести прежний образ жизни. Правда, теперь за мной следили более тщательно. Но это вряд ли можно было назвать предосторожностью, скорей, это была видимость ее. Подозреваю, МЫ даже не допускали возможность того, что ослепленная общением с МЫ крыса окажется столь неблагодарной, что попытается бежать. Однако случилось так, что я оказался страшно неблагодарным.

Удрать было сложно. Ведь за мной неотступно следовали четыре Охранника с их терте, а кроме того, в каждой пещере находилось предостаточное количество МЫ, способных в любой миг пустить в ход дарда. Напялив на лицо безразличную маску, я размышлял над тем, как избежать смерти. Идеальным выходом было бы завладеть генератором и попытаться диктовать МЫ свои условия под угрозой уничтожения энергетической системы. Но у этого плана было немало слабых сторон. МЫ,

вне сомнения, располагали резервными запасами энергии, а кроме того, я понятия не имел, как противостоять дарда. Другим способом избежать смерти было бегство. Но для этого следовало иметь представление по крайней мере о двух вещах - как бежать и куда. Я не знал, как выйти из города МЫ, а выйдя, не знал, в какую сторону направиться. И все же я решил попытаться недостойно для человека безропотно идти на заклатие.

Проблема разрешилась самым простым способом; я не предполагал, что он окажется столь простым. Воспользовавшись нерасторопностью Охранников, я разрушил прозрачную перегородку в галерее. Я прыгнул на нее словно бешеный тигр, перегородка оказалась слишком хлипкой и развалилась на множество осколков. Я ожидал встретить более упорное сопротивление, а потому, не удержавшись на ногах, шлепнулся на землю. Земля была жесткой и пахла смертью. Не дожидаясь, когда охранники опомнятся, я вскочил на ноги и бросился бежать. Чему-чему, а моему опыту побегов из тюрем можно было поучиться.

Я ушел в пустыню, надеясь сам не зная на что. Ведь лишенный сверхсути, без еды и питья, в окружении агрессивных тварей человек был обречен на неминуемую смерть. Это был шаг отчаяния, немного глупый, бессмысленно вызывающий. Но я не мог поступить иначе. Человек, настоящий человек, предпочтет скорую смерть, но при условии, что это будет смерть осмысленной свободы выбора, нежели ожидание смерти, поставленной в зависимость от прихоти палача. Умереть ради чего-то, пусть ради последнего крика я, но не будучи возведен на плаху подобно тому, как приводят на бойню быков. Я жаждал смерти из разряда тех, когда бросаются на меч, не желая дожидаться милосердного взмаха секиры. Смерть из гордости и чуть-чуть от отчаяния. Эта смерть смахивает на самоубийство, но самоубийство порой есть выход.

Тема самоубийства чрезвычайно занимательна для человеческого разума. Для зрентшианца немисливо думать о подобном. Он не в состоянии не только умертвить себя, но даже причинить какой-либо вред. Абсолютный инстинкт самосохранения. Потому-то зрентшианцы и истребляют других. Человек совсем иное дело. Для него смерть от собственной руки нечто вроде сладкой конфетки, оставленной про запас. Он млеет от экстаза в предвкушении этой смерти. И он убивает себя, убивает по-разному. Один вгоняет пулю в грудь, запутавшись в любовной интрижке, второй лезет в петлю из ненависти к непринявшему его миру, третий бросается с крыши в порыве необъяснимой тоски. Но чаще всего убивает скука. Тупая и неодолимая. Это она нажимает на спусковой крючок. И не требуется иных поводов. Приходит скука, и старик Хэм сует в рот ствол ружья...

Как человек, я всегда понимал самоубийц. Как человек, никогда не принимал. Это слишком легко - свести счеты с жизнью, когда тебе паршиво. Это удел слабых, тех, кто не вправе именовать себя человеком. Чего проще, убедив себя в том, что жизнь не мила, свести с нею счеты. Но попробуй отказаться от нее, когда она прекрасна. Не уподобляясь Фаусту, пресыщенно и скучая, не уподобляясь философу-эллину - как вызов судьбе и старости, как прыжок в неведомое, как разрушение течения бытия тайной смерти. И уж совсем не в духе индийских факиров, для которых земное бытие есть лишь обратная сторона небытия. Это гордыня - и первое, и второе, и третье. В ней суетность человеческого духа. Суетность мелкая и в чем-то низменная. Фаусту не следовало произносить роковые слова лишь потому, что он не получил от жизни того, что ждал. Он должен был бы выкрикнуть их, если б нашел, исполняя свой договор с Мефистофелем. Вот тогда бы это был поступок! Тогда уход из смерти превратился б из песни отчаяния в торжествующий крик победителя над смертью.

Но для этого нужно избрать день, когда тебе хорошо, как никогда хорошо. Когда рядом любимая женщина, верные и веселые друзья, когда мир переполнен солнцем и морем, а в бокалах блестит багряная влага. И ты счастлив, как не был счастлив еще ни разу. Попробуй уйти из жизни в этот миг. И тогда это будет поступок, дерзость, взрыв! Бросить вызов счастью. Уйти непонятым. Уйти, сопровождаемым криком: почему!

Уйти на вершине счастья, успеха, удачи! Уйти любимым всеми. И непонятым.

Это безумие. Но такое безумие порождает гений.

Просто взять и уйти!

Клянусь, я так и сделал бы, будь у меня штук пять жизней. Уйти, бросив презрительный вызов. Но имея лишь одну, короткую, человеческую, не испытываешь желания играть в подобные игры. Это эффектно, но не по мне. Я слишком хорошо знаю цену жизни, чтобы подобным образом играть ею.

И потому я думал о спасении. Я бежал, сколько хватило сил. Стемнело, а я еще брел по бесконечному и безжизненному плато. А затем я устал и сдался. Я упал ничком и лежал так до тех пор, пока МЫ не настигли меня. Это сделали те разноцветные твари, с которыми мне уже приходилось сталкиваться дважды. МЫ использовали тварей, как люди - собак. Твари нашли меня и повисли сверху, заключив в круг из дарда. Энергетическая петля должна была помешать мне уйти. Но я не собирался уходить. Человека везде ждала гибель, и мне было безразлично, какую маску она

одеет. Когда явились охранники, я безропотно поднялся и пошел обратно к городу МЫ. Я возвращался, чтоб обрести смерть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

- Ты самая глупая и мерзкая крыса, которую МЫ когда-либо встречали!

- Возможно...

Занятный диалог в двух тонах, где МЫ крича нападали, а я делал вид, что отбиваюсь. Он происходил в цилиндре-нурну, который был вновь превращен в тюрьму. Крыса попыталась взбунтоваться и должна была понести кару. Крыса не протестовала, понимая, что это если уж не гуманно, то по крайней мере справедливо.

- Неужели ты думал, что МЫ не сумеем поймать тебя?

Я устало покачал головой.

- Не думал.

- А зачем же ты в таком случае попытался удрать? - изумились МЫ.

Я не стал объяснять. МЫ все равно не поняли б мотивов моего поступка. Я промолчал. МЫ сочли молчание свидетельством своей победы.

- Оказывается, ты примитивней, чем МЫ предполагали. А ведь МЫ предоставили тебе возможность приобщиться к нашим знаниям. - Голос зазвенел от негодования. - МЫ так доверяли тебе. Но раз ты оказался таким неблагодарным, МЫ считаем целесообразным ускорить реализацию плана. Ночь ты проведешь здесь, а завтра отправишься к Лоретагу. Тебе ясно?

- Ясно, ясно... - Я зевнул. - А теперь проваливай!

Все же в этих букашках оставалось кое-что человеческое. Я подумал об этом, услышав вопль голоса. От возмущения он срывался на дискант. Еще бы! Я вполне представлял, что должны чувствовать МЫ. Убить столько драгоценного времени на примитивную крысу, кормить ее, разговаривать с ней, делиться знаниями - и все это ради того, чтобы убедиться в ее неблагодарности, когда пришло время возвращать долги. С точки зрения МЫ это должно было быть чудовищно. С точки зрения человека это было более, чем нормально. МЫ повизжали еще немного, после чего люк захлопнулся, оставив меня в полной темноте.

Я знал, что завтра меня ожидает смерть. Это не пугало меня. Пришло равнодушие, то, что сродни отчаянию. Человек сознавал, что проиграл свою игру. Человек сдался. И тогда появился зрентшианец.

Он возник ниоткуда.

- Привет!

Сначала человек не поверил в реальность происходящего, а убедившись, что сверхсуть вновь вернулась к нему, рассвирепел:

- Где ты был, мерзавец?

- Мой дорогой, - заявил зрентшианец тоном избалованной кокетки, возвращающейся поутру с развеселой вечеринки, - в жизни бывают такие моменты, когда требуется взять передышку и осмотреться.

- Он еще разглагольствует! Да меня тут едва не четвертовали!

- Поверь мне, мой дорогой, как только эти таракашки начали б тебя четвертовать, я немедленно явился б на помощь. Ведь я некоторым образом заинтересован в оболочке, которую ты именуешь своим телом.

- Инопланетная тварь, - пробормотал человек, возмущенный подобным цинизмом.

- Какой все-таки у людей небогатый лексикон! - язвительно заметил зрентшианец. - Странные у нас с тобой отношения. Ну да ладно, оставим выяснение их до лучших времен.

- Где ты был все это время?

- Выяснял кое-какие вещи, небезынтересные, уверен, для тебя. Ты ведь знаешь, что зрентшианцу дано предвидеть опасность и избегать ее. И тогда, в городе, я вовремя почувствовал неладное, но

вот только принять должные меры не сумел. Полагаю, ты уже в курсе относительно силового поля, образуемого этими тварями?

Человек кивнул.

- Да, они называют его дарда.

- Я знаю. Так вот, тем утром я почувствовал присутствие этой силы и понял, что не в состоянии справиться с ней.

- Что же делать?

Зрентшианец не удостоил человека ответом, а продолжал:

- Я не в силах тягаться с ней, точнее, был не в силах, потому что не знал ее природы. Чтобы победить врага, нужно знать, что он из себя представляет. А я лишь чувствовал громадную силу. И потому я решил исчезнуть. Ведь попадись мы вдвоем, нам пришлось бы несладко, одному тебе мало что угрожало. Зато пока ты прохлаждался в этом уютном карцере, я успел кое о чем узнать и завести кое с кем дружбу.

- И что ты узнал?

- Не слишком много, но вполне достаточно, чтобы сделать определенные выводы. Во-первых, мне удалось узнать главное - источник энергии МЫ.

- Подумаешь, великое открытие! - Человек презрительно хмыкнул. - Мне это известно не хуже тебя. МЫ питаются двумя видами энергии - светом и теплом. Для особей, что находится на стадии созревания, предпочтителен свет, поэтому они и размещаются в открытых галереях, прочие получают энергию от тепловых генераторов.

- Тебе рассказали об этом МЫ? - перебил зрентшианец.

- Конечно.

- Порой я поражаюсь человеческой глупости и доверчивости.

Человек слегка смутился.

- Ты хочешь сказать, что меня обманули?

- Еще как! МЫ действительно питаются теплом, но получают его вовсе не от генераторов. Зачем, по-твоему, им нужны энергетические вихри?

- Ну... - человек замялся, - МЫ утверждают, что вихри нужны им для борьбы с Лоретагом.

- Действительно, вихри воюют с Лоретагом. А теперь поговорим вот о чем откуда на Кутгаре взялась подобная бессмысленная злоба? - Человек молча пожал плечами. - Я задумывался над этим еще на Сиреновом плато, но лишь недавно смог найти ответ. Для этого пришлось проанализировать цепочку твари - вихри - МЫ. По-твоему, злобу можно использовать в качестве энергии?

- Если найти возможность репродуцировать ее с надматериального уровня.

- Все правильно. Это сложно?

- Не очень. Неужели ты полагаешь...

- Именно! - Казалось, зрентшианец обрадовался сообразительности человека. - Именно. МЫ научились эксплуатировать самый универсальный источник энергии злобу. Можно ли допустить существование естественной эволюции, возведшей на вершину сущего популяцию исключительно злобных существ? Скорей всего нет. Но представим теоретически возможность подобной эволюции. Однако в таком случае она заходит в тупик - ведь твари должны самоуничтожиться. Но этого не происходит. Твари прекрасно уживаются, истребляя друг друга ровно в той мере, чтобы не нанести вреда популяции. Природа не способна на подобное. Природа вообще не способна на зло, тем более столь бессмысленное. Рассуждая подобным образом, я пришел к выводу, что твари есть порождение разума.

- Так и есть, - встрял человек. - МЫ признались, что тварей создали их мутировавшие предки для борьбы с существами гуманоидного типа, основавшими працивилизацию Кутгара.

- Возможно. Вполне возможно, что первоначально твари создавались именно для этой цели. Но шло время, и МЫ решили использовать энергию их злобы. Невиданные запасы энергии. Ведь ничто не сравнится по силе с злобой. Атом, мезон и даже квант не могут дать столько энергии, сколько

производит ее злоба. Нужно быть более чем человеком, чтобы понять это. МЫ сделали такое открытие, когда перестали быть людьми, превратившись в разумных тварей. Это чудовищно поставить злобу во главе принципа своей цивилизации. Прежде я не думал, что разумные существа способны на подобное. Пришлось убедиться, что знаю далеко не все. Ох, как далеко! Мы, зрентшианцы, всегда использовали злобу, но никогда не возводили ее в абсолют и тем более никогда не пытались оправдать ее якобы благими намерениями. Злоба была условием нашего благополучия. Но МЫ пытаются провозгласить ее принципом существования мира. Они строят мир, замешанный на злобе. Сейчас МЫ замкнулись на своей планетке, копя и переваривая информацию, но наступит день, когда они вырвутся в просторы Вселенной и разнесут споры ненависти по звездам. И тогда нашему миру придет конец!

- Мой дорогой! - Человек подражал тону зрентшианца. - Это все глобальные проблемы. Обсудим их как-нибудь в другой раз, в более благоприятной обстановке. А сейчас давай вернемся к нашим баранам.

Зрентшианец слегка покраснел.

- Прости, я увлекся. Итак, имея бесконечный источник злобной энергии, МЫ осталось лишь научиться забирать эту энергию и трансформировать ее в удобную для потребления форму. Тогда они создали вихри - этих надсмотрщиков, собирающих дань с подданных МЫ. Вихри поглощают тварей, забирают их энергию и приносят сюда. Энергия попадает в генератор, где преобразуется в обычное тепло, являющееся пищей для МЫ.

- Тогда ответь, почему вихри действуют лишь в непосредственной близости от этого сектора, а не посещают более дальние участки, к примеру, Сиреневое плато?

- Все дело в Лоретаге.

- Самая злобная тварь на планете, - пробормотал человек.

Зрентшианец удивился.

- С чего ты взял?

- Так сказали МЫ.

- Когда ты только разучишься верить всему, что тебе говорят!

Теперь настала очередь покраснеть человеку. Однако он стоял на своем.

- У меня нет основания не доверять МЫ. Или ты позабыл, как эта тварь пыталась сожрать меня!

- И меня! - заметил зрентшианец. - Я не забыл. Но не кажется ли тебе, что Лоретаг просто принял нас за одну из этих тварей?

- Допустим. А что это меняет?

- Все! Когда МЫ начали творить насилие над планетой, затопляя ее злобой, Кутгар приступил к поиску контрмер. И тогда появился Лоретаг доброкачественная опухоль, пожирающая раковые метастазы. Это лекарство, исцеляющее планету от злобы, Лоретаг поглощает злобный мир, нейтрализуя его с тем, чтобы позднее создать новый, в котором не будет ни МЫ, ни тварей, Лоретаг - животворящая мощь планеты, кровь ее плоти.

- Уничтожить, чтобы возродить?

- Да, именно так, и никак иначе, если нет иного выхода. Лоретаг разумен. Он не располагает интеллектом в нашем понимании, но он наделен мудростью планеты.

- Так заключи с ним союз! - ухмыльнулся человек.

К его великому изумлению зрентшианец подтвердил:

- Я так и сделал. Я заключил с Лоретагом союз против МЫ. Как раз в эту минуту Лоретаг должен был активизировать свои действия. Прежде он не трогал те районы, где не было тварей. Помнишь, как ты удивился, очутившись в мирном лесу?

- Ты удивился не меньше.

- Да, не скрою. МЫ специально оставили этот уголок планет и нетронутым, рассчитывая, что он будет служить щитом против Лоретага. И оказались совершенно правы. Я потратил много сил, чтобы убедить Лоретаг атаковать именно здесь. Он не хотел нести смерть мирным существам, но был вынужден согласиться со мной, признав, что иначе ему не добраться до МЫ. Лоретаг уже

начал действовать. Скоро он прорвется к городу, и тогда МЫ придет конец.

Человек призадумался.

- Знаешь, - сказал он после небольшой паузы, - а ведь МЫ нашли способ уничтожить Лоретаг.

Голос зрентшианца звучал спокойно.

- МЫ уже не раз пытались сделать это, но Лоретаг им не по зубам. Чтобы умертвить Лоретаг, нужно знать его структуру. А получить эту информацию может лишь разумное существо. Но получить ее означает быть поглощенным Лоретагом. МЫ не имеют своего я, они не способны на самопожертвование.

- Могу тебя обрадовать, МЫ нашли существо, в меру разумное и способное пожертвовать собой.

- Кто это?

- Я. Завтра в меня введут специальную вакцину, после чего я должен буду отправиться в утробу Лоретага.

- Ловкий ход, - прошептал зрентшианец. - Этого нельзя допустить!

- Еще как нельзя, - подтвердил человек.

- В таком случае, тебе не кажется, что ты засиделся в этом вонючем ночном горшке?

- Точно!

- И пора действовать!

- Да!

Зрентшианец и человек слились воедино. Я напрягся и породил дезинтегрирующую волну. Она прошла веером, разрушая поверхность нурну. Через миг тюрьма развалилась, и я оказался на свободе. Война, объявленная МЫ, началась.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПРЕОДОЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

- Крыса вырвалась на свободу!

В этом вопле МЫ, уловленном моей сверхсутью, не было страха, ни даже тревоги, а лишь констатация факта. МЫ еще не осознали, что с этой минуты имеют дело с существом, несоизмеримо более могущественным, чем крыса, которая могла рассчитывать лишь на свои кулаки. Самоуверенность порой губительна. МЫ не сразу пустили в ход свое основное оружие - дарда, я же умело использовал предоставленную мне отсрочку.

Первым делом я разделался с роботами, находившимися в пещере. Охранники под воздействием дезинтегрирующей волны разлетелись на куски, громилу я пожалел. Он был добр ко мне - добр не по собственной воле, - но тем не менее я был склонен воспринимать его как своего. Поэтому я лишь вывел его из игры, поразив тоненьким фотонным пучком. В результате робот потерял равновесие и грузно осел на землю. Теперь он не мог мне помешать. После этого я занялся МЫ.

У этих тварей была плохая реакция. Чрезмерно развитый интеллект подавлял быстроту принятия решений. Прежде чем найти ответный ход, МЫ должны были проанализировать всю информацию, поступившую к ним. Пока МЫ пытались осознать, что происходит, я нанес удар. Первый и первым. Сначала я обрушил на стены пещеры огненную волну, приведя суетящихся МЫ в еще большее замешательство, а потом довершил разгром, уничтожив домики-хирхи короткими дезинтегрирующими импульсами. Пещера наполнилась дымом, вонью плавящегося камня и грохотом. До моего сознания долетали истеричные вопли МЫ. Не ожидавшие нападения твари запаниковали. Связи, объединявшие их в единое целое, разрушились, я поторопился воспользоваться этим. Не теряя времени, я перебежал в соседнюю пещеру и подверг ее такому же разгрому. Хирхи были полностью уничтожены, а конвейер для производства роботов я повредил с таким расчетом, чтобы его можно было восстановить. Техническое совершенство МЫ должно было быть поставлено на службу мне. Та же участь постигла третью и четвертую пещеры. Лишь после этого МЫ опомнились и начали оказывать сопротивление.

Все еще не осознав сути происходящего, МЫ считали, что имеют дело с крысой. МЫ желали так считать. Против крысы была двинута целая армия Охранников с их терте. Я защитил себя

энергетическим полем и начал истребление. Роботы исчезали в пламени дезинтегрирующих взрывов, разваливались на части, вплавлялись в каменную плоть. Они умирали, но продолжали наступать на меня с тупым механическим упорством. В конце концов я истребил их всех до единого, нагромоздив перед собой гигантскую грудку искореженных обломков. Лишь после этого МЫ соизволили признать, что с крысой приключилась крайне неприятная для МЫ метаморфоза, что это уже не та крыса, что это уже вообще не крыса. Я чисто физически почувствовал, как МЫ начинают концентрировать волю. Это походило на липкую снеговую тучу. Сначала снег падал медленно липкими хлопьями, я едва ощущал его. Постепенно он валил все гуще, обращаясь в тяжелые плотные комки. Вскоре я начал увязать в них по лодыжку, по колено, по пояс. Влажные вихри концентрировались вокруг, больно хлеща по коже. Дарда сжимала пространство, грозя расплющить меня в лепешку. Я понял, чего добиваются МЫ. В их планы входило искалечить мое тело, подавить способность к сопротивлению, но вместе с тем сохранить невредимым мозг. МЫ не отказались от своих намерений использовать меня против Лоретага.

На насилие нужно отвечать тем же. Я ударил по давящей на меня стене огненными щупальцами, но дарда отбросила их обратно. Огонь обжег лицо и грудь, приведя меня в бешенство. Собрав волю в кулак, я испустил дезинтегрирующую волну. Волна истерзала энергетические поля, окружавшие меня, и вонзилась в стены и потолок пещеры. Мощь, исторгнутая мной, была столь велика, что камень не выдержал. Стены содрогнулись, по ним побежали трещины, с потолка начали падать громадные монолиты. Наскоро сотворив над собой энергетический щит, я бросился вон. К счастью, ошеломленные не менее моего происходящим, МЫ на время оставили меня в покое. Не встречая сопротивления, я добрался до того места, где подземный путь разветвлялся. Идя налево, можно было попасть в галерею, выводящую на поверхность планеты, другая дорога вела к генератору. Немного поколебавшись, я свернул направо.

Только сейчас МЫ осознали опасность, которую представляла вдруг ставшая могучей крыса. Отбросив всякое высокомерие, МЫ повели войну всерьез и на равных. Разом погасли немногочисленные источники света. МЫ надеялись, что наделенная примитивными зрительными органами крыса заплутает в темноте, но просчитались - комплекс ощущений зрентшианца сверхсовершенен. Я продвигался вперед с той же скоростью, что и прежде, сметая встававших на моем пути роботов и разрушая механизмы. Теперь я не тратил усилия на то, чтобы уничтожать отдельные хирхи, я лишь выводил из строя систему энергопитания. По моим подсчетам МЫ должны были вскоре исчерпать свой суточный запас энергии. В том случае, если МЫ не сумеют восполнить его, их ожидает гибель. Я сжигал энергопитатели, МЫ не оставались в долгу, направив против меня весь арсенал средств, имевшихся в их распоряжении.

На мою голову вновь обрушилась гигантская дубина. Хотя я и готовился к подобному, но удар едва не сразил меня. В мой мозг, опаляя его яростью и злобой, ворвался огненный шар. Злоба была столь могуча, что я понял - нет сил, способных противостоять ей. Но в злобе ощущалась неуверенность, более того страх. В злобе не было былого превосходства, делавшего МЫ непобедимыми. И я сумел одолеть ее. Человек и зрентшианец собрали воедино свою волю и бросили ее навстречу огненному шару. Это был решающий миг. Я верил в себя, и моя воля оказалась сильнее дарда. Удар, нанесенный мною по сознанию МЫ, был сокрушителен. Я почувствовал, как дарда разлетается на мириады мелких осколков, именуемых я. МЫ погибали. Нужно было нанести последний, завершающий удар.

С удвоенной энергией я устремился вперед, с каждым шагом приближаясь к генератору. МЫ пребывали в шоке. Чтобы не дать им опомниться, я швырял во все стороны огненные и дезинтегрирующие волны, обрушивал стены и заполнял расколотыми глыбами гроты. Я надеялся усилить сумятицу, но оказалось, что допустил ошибку. Мои действия натолкнули МЫ на спасительную мысль.

Я был почти у цели. Всего две или три пещеры отделяли меня от сектора, в котором размещался генератор, когда пол вздрогнул от сильного толчка. В тот же миг начался камнепад. Свод пещеры развалился, громадные глыбы с грохотом полетели вниз. Увлеченный схваткой, я прозевал приближение опасности. Пришлось как следует попотеть, чтобы унести ноги.

Путь к генератору был отрезан завалом. Я повернулся и бросился бежать на поверхность. Куски разваливающегося свода приближались ко мне с неумолимой быстротой. Дабы не быть растертым в порошок, я разложил время. Это отнимало огромное количество энергии, но иного выхода не было. Каменные глыбы повисли в пространстве, грохот рушащихся стен разорвался на отдельные аккорды. Даже тьма и та разложилась - восемьдесят три черных отрезка и один ослепительно белый. Время хлюпало, задыхаясь от перенапряжения. Я изо всех сил неся к выходу из западни, ощущая, что еще немного, и моя сверхсуть не выдержит, и тогда вся толща скал рухнет вниз, оставляя обо мне лишь воспоминание.

Я успел. Иначе и быть не могло. Выдавив замененную МЫ перегородку галереи, я кубарем вылетел наружу. В этот момент почва под моими ногами взбрыкнула. Я обернулся. Сзади вырастали гигантские фонтаны выброшенной из толщи скал пыли. Сектора, в котором я провел в заточении бесчисленное множество дней и ночей, более не существовало. Первый раунд остался за мной.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Остаток ночи я провел на безжизненном плато, восстанавливая растроченные силы. Я грезил, вызывая положительные эмоции. Это помогало концентрировать волю. Вскоре моя сверхсуть стала похожа на натянутую тетиву. Едва начало светать, я поднялся с земли и взмыл в небо.

Утро было прелестным, особенно для того, кто успел забыть, чем пахнет утро. Розовое солнце сияло подобно пронизанному светом турмалину, и даже влаги, почти мгновенно пропитавшая мои лохмотья, доставляла радость. После подземной тюрьмы я был готов исповедаться в любви к плато и равнинам Кутгара. По совести разобраться, Кутгар не такая уж плохая планета, особенно если избавить ее от тварей и МЫ. Я попытался представить Кутгар без тварей. Не получилось. В моем понимании твари составлял и неотъемлемую часть Кутгара. Дурное незаметно приходит, но от него трудно избавиться. Твари казались чем-то вечным. В глубине души даже таилось подспудное опасение, что мне суждено встречать их везде, где ни окажусь. Представить только, высаживаюсь я с космолейсера на terra incognita, а у трапа поджидает дюжина ломтиков или шарообразная змея! Я столь увлекся этими размышлениями, что не заметил, как начал падать. Контроль вежливо подтолкнул меня, напомнив о необходимости набрать высоту. Я повиновался.

К этому времени я уже оставил позади хребет, внутри которого прятался город МЫ, подо мной расстился мирный лес, в котором я нашел купола. В памяти всплыл облик прапредков МЫ. Вполне приятные существа, хотя и немного странные на вид. Но лишь самую малость. Интересно, а возможна ли обратная регенерация? Превратить самовлюбленных таракашек в нормальных гуманоидов. Не случись вернуться на Землю - я смог бы стать властелином над этими существами. Не так уж плохо! Но мне позарез нужно было на Землю, слишком много связывало меня с голубой планетой.

Я летел над заброшенным городом. С этой высоты он напоминал разложенную для просушки рыбу чешую. Нет, былого уже не вернуть. Я трудно превратиться в МЫ, но куда сложнее из МЫ сделать настоящее Я. По правде говоря, это не удавалось никому. И вряд ли кому удастся. Чтобы стать Я, нужно сознавать, что значит быть Я, чего это Я стоит. Я есть свобода над другими и рабство над самим собой. Куда проще быть МЫ и совсем просто ОНИ.

Вдалеке показалась серая полоса Лоретага. Чуть левее его, на зеленой равнине, творилось что-то необычное. Земля здесь бурлила и вспучивалась воронками, промеж которых плясали спирали энергетических вихрей. Лоретаг исполнял обещание, данное мне. Он атаковал владения МЫ, но избрал для штурма не самое верное направление. Вместо того, чтобы двинуться напрямик - через мирный лес и город куполов, - Лоретаг наступал по дуге через равнину с тварями.

Я сокрушенно вздохнул. Все же мой союзник не последовал совету, избрав более длинный и более тяжелый путь. Он надеялся сохранить хотя бы часть былого мира, не сознавая, что мир этот полностью заражен проказой злобы и его не спасти иначе, как удалив язву МЫ. Но Лоретаг полагал иначе. Он надеялся восстановить разрушенное МЫ. Поэтому он двинулся в обход.

Все это облегчало задачу МЫ. МЫ прекрасно знали, что Лоретаг не способен на длительное наступление. После очередного броска Лоретаг должен был остановиться, чтобы усвоить проглоченную пищу, иначе его структурные связи нарушались и он становился уязвим. Я опасался, что Лоретаг не сумеет одолеть за один раз столь приличное расстояние, что даст МЫ шанс затянуть борьбу и изыскать способ уничтожить своих врагов. Кроме того, двинувшись через равнину, Лоретаг создавал себе дополнительные трудности, так как МЫ имели здесь больше возможностей организовать прочную оборону. Кишешшие на равнине твари снабжали МЫ энергией и, напротив, ослабляли Лоретаг, который должен был тратить силы на нейтрализацию злобы проглоченных им существ. Лоретаг искал себе неприятностей и, похоже, нашел их. Сейчас он бился об оборонительную стену из дарда и вихрей, пытаясь пробить ее.

Вися в воздухе, я внимательно следил за тем, как серые упругие волны Лоретага медленными языками накатываются на зеленую равнину и пятятся назад, не в силах разорвать энергетические пути, созданные МЫ. Зрелище впечатляло. В иной ситуации я не преминул бы понаслаждаться им подольше, но сегодня я являлся заинтересованным лицом. От того, сумеет ли Лоретаг достичь города МЫ, зависело очень многое, в том числе и моя судьба, если не жизнь. МЫ наверняка укрепили свое логово, и без помощи Лоретага я не смогу ворваться в него. А если я не сумею проникнуть внутрь города и уничтожить генератор, война с МЫ грозила стать нескончаемой. Я должен был непременно использовать удобный момент и поддержку Лоретага. Мой союзник оказался по-рыцарски глуп. Мне надлежало помочь ему.

Для начала я прикинул силы врагов. Дарда, созданная МЫ на этом участке, была недостаточно сильна. Вероятно, сказывались последствия погрома, учиненного мной накануне. МЫ лишились многих собратьев, другие были заняты восстановлением системы энергоснабжения и созданием второй линии обороны - с той стороны, где, по их представлениям, должен был находиться я. Сконцентрируй МЫ все свои силы на равнине, и Лоретагу ни за что не сокрушить бы этой обороны. Паритет, способный длиться вечно. Но к счастью для Лоретага, у него был я, не только

располагающий энергетической мощью, но и имеющий представление о военном искусстве.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что эта война разительно отличается от тех, что ведутся на планетах, заселенных гуманоидами. На деле все было не так. Конечно, здесь не стоило ждать натиска фаланги или лихого удара бронеходов, но принцип ведения боя был тот же. Одна сторона нападала, другая оборонялась. Причем в отличие от, скажем, земных армий, все это делалось без какого-либо намека на изобретательность и смекалку. Лоретаг производил равномерный натиск по всей линии фронта, не догадываясь предпринять попытку прорыва на каком-нибудь одном участке. Точно так же действовали и МЫ, которые вели пассивную оборону, подкрепив дарда пятью десятками вихрей, вместо того чтобы сконцентрировать силы для двух-трех контрударов и отбросить Лоретаг. Схватка двух баранов, столкнувшихся на узкой тропе.

Оценив ситуацию, я начал снижаться. Пока я парил высоко в небе, твари, увлеченные борьбой с Лоретагом, не обращали на меня внимания. Теперь же я оказался в центре событий. Сначала на меня бросился здоровенный летающий монстр, походивший на крылатый бочонок. Я сбил его фотонным пучком и проследил за тем, как он, кувыркаясь, падает вниз. Следом явились те самые существа, которые обладали способностью передавать дарда. Как и день назад, они попытались заключить меня в силовое кольцо, но я порвал его легким смещением плоскостей, а затем начал махать вокруг себя огненными щупальцами. Твари обугленными комками упали на землю. Я опустил след за ними.

МЫ уже знали о моем появлении и отрядили против меня целую ораву злобных существ. Здесь были крохотули величиной с ноготь и неповоротливые гиганты размером с трехэтажный дом. В иной раз я охотно поразвлекался б, помахав мечом, но сейчас у меня не было ни меча, ни времени. Я сжег тварей могучим всплеском дезинтегрирующей волны и устремился дальше.

Что ни говори, высокомерие губит целые цивилизации. МЫ никак не могли снизойти до того, чтобы признать меня равным себе. Лишь два вихря двинулись навстречу тому, кто еще вчера именовался крысой. Они проглотили множество тварей и бурлили от переизбытка энергии. Мы боролись долго с переменным успехом. Я пронзал вихри фотонными пучками, разрубал их на части, они в свою очередь пытались добраться до моей телесной сути, ударяясь в защитный конус с такой силой, что у меня звенело в ушах. В конце концов вихри выдохлись и ретировались. Тогда я шагнул вперед и одним усилием воли разорвал дарда.

В тот же миг в пробитую брешь устремились серые языки Лоретага. Один из них лизнул мою ногу, и я поспешно отступил, а затем и вообще поднялся вверх, опасаясь, как бы Лоретаг по ошибке не попытался слопать меня. Со всех сторон спешили вихри и твари. Они пытались залатать пробоину, но я мешал им, посылая одну дезинтегрирующую волну за другой. Тем временем Лоретаг вклинивался все глубже и глубже. Убедившись, что его уже не остановить, я переместился чуть правее. В этом месте оборона была более прочной. Мне пришлось приложить немало усилий, прежде чем она рухнула. Я повторил эту операцию еще четырежды. С каждым разом победа доставалась все легче. Твари, носители дарда, и особи МЫ гибли, а заменить их было нечем.

Почувствовав панику в стане противника, активизировался Лоретаг. Он буквально прыгал вперед, поглощая целые поляны, полные мечущихся тварей. Пару раз он изловчился и со свистом втянул в себя вихри. Как ни пытались энергетические сгустки вырваться на свободу, вздымая на студенистой поверхности Лоретага гигантские гребни, их усилия оказались тщетны. Лоретаг переварил добычу. Еще несколько ослабевших вихрей уничтожил я.

Уже смеркалось, когда я и Лоретаг одержали полную победу. Зеленая равнина, оплот МЫ, была полностью поглощена моим союзником. Теперь Лоретагу оставалось пройти лишь безжизненное плато, а дальше начинались скалы, в чреве которых прятался город МЫ. Я распрощался с Лоретагом, рассчитывая до темноты достичь мирного леса. Завтра должен был состояться новый штурм. На этот раз нам предстояло действовать самостоятельно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ночь я провел в мирном лесу. Я спал на мягком травяном ковре под растением, причудливой формой напоминавшим свернувшегося клубком ежа. И спал превосходно. Мне снились легкие цветные сны - смеющиеся женщины, роскошные восточные дворцы, безбрежные просторы моря, заполненные игривыми черноспинными дельфинами, и пальмы, на ветвях которых качались яркие птицы.

Пальмы были последним, что я увидел. Закричал Контроль. Я моментально пробудился и открыл глаза. Сверху на меня падала какая-то тварь. У нее было пестрое оперение и извивающиеся щупальца на месте головы. "Птичка!" - подумал я и смел монстра огненной волной. Но это была лишь прелюдия. В небе мелькали сотни других существ. Похоже, МЫ напрочь позабыли о своем высокомерии и намеревались всерьез заняться мной.

Я прекрасно понимал их. МЫ оказались в крайне неприятном положении: Лоретаг уже

накатывался на город. От МЫ требовалось сконцентрировать все усилия, чтобы остановить его. Это было не столь уж сложно, ведь Лоретаг форсировал свой рост и стал уязвим. Но для того, чтобы полностью сосредоточиться на борьбе с ним, МЫ было необходимо нейтрализовать меня. Это должны были сделать твари, прибывшие на защиту подземного города.

Я не знаю, откуда они взялись. Возможно, МЫ создали их за ночь в биолaborаториях, о существовании которых я не подозревал, быть может, МЫ каким-то образом перебросили тварей из других зон. Скажу лишь одно - тварей было так много, что я забеспокоился. Нет, конечно же, я не сомневался в том, что сумею разделаться с этим злобным воинством, но это могло занять немало времени, в течение которого МЫ сосредоточат свои усилия против Лоретага.

Взобравшись на пригорок, я разглядывал армию тварей, выстроившуюся неровными рядами на границе леса. Связанные дарда, они позабыли об извечной вражде и не проявляли агрессивности по отношению друг к другу. Они изготовились к схватке с единственным врагом, которого им приказано было уничтожить - со мной. Кого здесь только не было! И ломтики, и серые леопарды, и многоногие, высившиеся гигантскими скалами посреди окружающей их мелюзги. Тут же располагались спутавшиеся комками змееобразные существа, твари, вооруженные щупальцами и костяными хвостами, утыканные ядовитыми иглами черепахи. В воздухе летали орлы, стаи ос и множество неведомых мне тварей. Ничего не скажешь, могучая армия! Случившееся накануне заставило МЫ переменить свое отношение к крысе. Теперь крысу уважали. Она даже перестала быть крысой, ей вернули гордое имя человека.

- Человек! - Голос донесся от небольшого слизняка, вцепившегося в ком земли неподалеку от меня. Я включил внутреннее зрение и увидел одного из МЫ, восседающего подобно наезднику на спине твари. МЫ выглядел столь взволнованным, что я не смог удержаться от довольной усмешки.

- Человек, - повторил голос, - МЫ предлагаем тебе заключить мир.

Прямо вот так! Без каких-либо обиняков! Видно, здорово приперло, если МЫ пошли на такое унижение.

- И для этого вы собрали против меня всех этих тварей?

- Нет, человек. Это мера предосторожности. Если МЫ с тобой договоримся, они уйдут.

- Попробуй.

- Чего ты добиваешься, человек? Ты хочешь умертвить МЫ?

Я решил быть искренним.

- Нет. Я хочу покинуть эту планету.

- А если МЫ поможем тебе сделать это? МЫ построим для тебя корабль, на котором ты сможешь путешествовать меж звездами. В этом случае ты прекратишь войну с МЫ?

Подобное развитие событий мною не было предусмотрено. Что ж, это был не самый худший вариант.

- Сколько времени займет постройка корабля?

- У МЫ отсутствует понятие о времени. Но МЫ имеем все необходимые знания и механизмы. Правда, часть механизмов, уничтоженных тобой, придется восстановить.

- Это ваши проблемы. Где гарантии, что вы исполните свое обещание?

- МЫ дадим тебе честное слово.

Я сделал вид, что колеблюсь.

- Хорошо, допустим, я согласен. Что должен делать я?

- Дать обещание, что не попытаешься больше причинить вред МЫ.

- Хорошо, считай, что договорились. МЫ клянутся, что построят корабль для меня?

- Клянемся! - ответил голос.

- Тогда я обещаю прекратить войну против МЫ.

Голос возликовал. Я ощущал громадную радость МЫ, одержавших бескровную победу. Теперь МЫ были уверены, что одолеют Лоретаг. МЫ ослабили волю, путы, сдерживавшие тварей, разорвались.

В рядах злобного воинства произошло замешательство, а затем вспыхнуло яростное побоище. Ломтики стаями набрасывались на более слабых соседей, леопарды принялись терзать ломтиков, их самих кусали змеи, многоногие утюжили громадными тушами мелочь. Такая же свара началась и в небе, где слились в единый клубок орлы, осы и прочая летучая нечисть.

Мы слишком поздно осознали, что допустили оплошность. Их армия уменьшилась не менее чем вдвое, прежде чем Мы стали наводить порядок. А через миг в игру вступил я.

Быть может, с моей стороны было не очень красиво нарушать данное обещание, но я не сомневался, что Мы в будущем намеревались поступить точно таким же образом. Заклячая мир, я знал, что нарушу его. Собственно говоря, я и заключил мир ради того, чтобы нарушить. На Земле подобное было в порядке вещей, да и на Кутгаре, подозреваю, тоже.

Предпринятый мною ложный маневр дал мне массу преимуществ. Главное заключалось в том, что неприятельская армия потерпела поражение от самой себя. Кроме того, Мы были ошеломлены происшедшим и упустили возвращенную было инициативу. Не давая им времени опомниться, я атаковал.

Дезинтегрирующая волна обрушилась на висевших в воздухе тварей и рассеяла их. Затем я повел наступление на наземное воинств. Я пустил в ход весь свой арсенал, истребляя беспорядочную массу тварей огненными волнами, фотонными пучками, кинетическими импульсами. Если требовалось пробить солидную брешь или разделаться с малоуязвимыми многоногими, я испускал дезинтегрирующую волну. Битвы, на которую рассчитывали враги, не получилось. Как только твари попали под мой удар, Мы, находившиеся среди них, запаниковали и стали искать спасения. Я понял это, увидев, как лишенные пут дарда, существа вновь вступили в ожесточенную схватку промеж собой. Лишь осы, наиболее организованные из всех тварей Кутгара, попытались напасть на меня. Но эти короли воздуха теряли свою воинственность по мере приближения к земле. Мне ничего не стоило разделаться с ними, уничтожив одну за другой три стаи.

На плато тем временем продолжала бушевать бойня. Подобной ярости я не видел еще никогда. Земля содрогалась от топота тысяч конечностей, летели ошметки слизи, куски вырванной плоти, над равниной висел несмолкаемый вой.

Мы несколько раз пытались взять остатки своего воинства под контроль дарда, но я неизменно препятствовал этому. В конце концов Мы поняли, что тварей уже не спасти, и решили извлечь из своего поражения хоть какую-то выгоду. Из-за гор, со стороны плато, где наступал Лоретаг, появились скрученные жгуты вихрей. Вначале я решил, что вихрям велено напасть на меня. Однако Мы преследовали иную цель. Вихри врезались в месиво сражающихся тварей и начали пожирать их, набивая утробы злобной энергией. Мы нуждались в запасах энергии. Я поспешил воспрепятствовать планам Мы. Спустившись с холма, я приблизился к месту битвы и принялся обстреливать вихри дезинтегрирующими волнами. Тогда энергетические образования разделились. Половина продолжала свое пиршество, прочие устремились ко мне.

Они приближались живо и яростно, оставляя за собой серый безжизненный след. В их могучих торсах kloкотала энергия, масса энергии. Они были много сильнее, чем накануне на равнине. И их было много, слишком много для одного меня. Я не был уверен, что смогу совладать с их объединенной мощью. Я не принял бой и обратился в бегство. Я взвился в небо, так высоко, как только смог. Вихри преследовали меня, звенящими голосами распевая победные песни. Похоже, они были уверены в успехе. И тогда я преподал им урок боя. Я смещал плоскости, замедляя и останавливая время. Я крутился, словно стремительная муха меж ленивых тупых птиц. Я здорово устал, но добился своего: вихри истощили энергию. И тогда я принялся сжигать их поодиночке, расшвыривая огненные клубки по небу. Мы разгадали мой замысел и приказали вихрям отступить, но было слишком поздно. Я истребил всех, за исключением двух, которые успели укрыться за оставшимися на земле собратьями.

Выстроившись в две колонны, вихри устремились по направлению к плато, где Лоретаг, ломая сопротивление дарда, медленно приближался к подземному городу. Я последовал за ними.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

К вечеру Лоретаг подошел к горам. Ему пришлось выдержать еще несколько схваток, он был утомлен, но полон решимости продолжать борьбу. Я как мог помогал своему союзнику. Общими усилиями мы уничтожили большую часть уцелевших к этому времени вихрей. Прочие укрылись в пещерах. Наступала пора решительных действий.

У меня было два варианта взятия города. Первый подразумевал немедленный штурм. Он был мне наиболее по душе, но все же я остановился на втором. Осада была вернее. Ведь Лоретагу требовалось переварить проглоченное и восстановить силы, Мы, напротив, должны за это время свои силы растерять. Не получая энергетической подпитки, Мы рано или поздно должны были обессилеть и сдаться. Для верности я лишил Мы тех немногих энергетических источников, которые

еще оставались, а именно разрушил галереи. Я сминал хрупкий пластик легким дуновением огненной волны, а затем обрушивал каменные террасы с таким расчетом, чтобы оставить свободным вход в пещеры и в то же время максимально уменьшить доступ света. Полагаю, созревающие особи МЫ погибли, по крайней мере, большая их часть. Кто-то сочтет мое деяние жестоким и скажет, что этого можно было и не делать. Можно было б. В иной ситуации. Но сейчас была война, и я руководствовался ее правилами. Кроме чисто практических были соображения иного рода. Зародыши МЫ вызывали у меня неодолимую брезгливость. Они были еще более отвратительны, чем взрослые особи. Они напоминали прожорливых личинок, таких безобразных и липких на ощупь. В любом случае зародыши должны были умереть, не сейчас, так чуть позже, ибо я задумал большие перемены. Кутгар ожидали великие перемены!

С мыслями о переменах я сладко уснул. Ночь на Кутгаре таит много неожиданностей...

Меня разбудил Контроль. Сигнал был тревожен. Я открыл глаза и быстро огляделся. В лесу было тихо, но сверхсуть сообщала о появлении опасности.

- Кто? - не шевеля губами, спросил я.

- Не знаю. - Таков был ответ.

Мгновения тянулись томительно. Я пристально всматривался в темноту, пытаюсь определить, что заставило встревожиться Контроль. И наконец увидел. Одна уродливая тень, вторая, третья, четвертая, пятая... Неведомые существа двигались длинной вереницей. Они перемещались медленно, вкрадчиво, в их движениях читалась затаенная угроза. Они окружали меня, заходя со всех сторон. Ночью обитатели Кутгара спят. Бодрствуют лишь одни существа, и имя им - ночные твари.

Обычно ночные твари не трогали спящих, но в этот раз они явно намеревались напасть на меня, причем рассчитывали застать врасплох. Что-то изменилось в их поведении. У меня возникло смутное подозрение, что это каким-то образом связано с моей войной против МЫ. Быть может, ночные твари также подчинены МЫ?

Пока я размышлял над этим, тени обступили меня. Их было очень много сотня, тысячи, мириады. И от них исходила огромная сила. Я ждал нападения, но твари не двигались, они просто стояли. Текло время, ночь пожирала звезды, на горизонте зажглись первые светлые блики. Шел день. Перед ним ночные твари отступали. Так было прежде, но не теперь. Взошло солнце, твари остались на месте. Я смог впервые отчетливо разглядеть их. Они были безлики и бесформенны. Темно-серая плоть, казалось, была соткана из тумана и мрака.

Я ждал. Твари оставались недвижны. Тогда я принял наиболее благоразумное решение. Раз твари не выказывали признаков агрессивности, я решил не затевать ссоры, благо в моем распоряжении оставался воздушный путь. Я поднялся вверх, перелетел через застывшие шеренги и опустился. На плато меня ждал Лоретаг, который уже должен был начать окружение города МЫ. Он нуждался в моей поддержке, но я не стал спешить, решив выяснить, чего добиваются ночные твари.

Как только я покинул свое место, твари пришли в движение. Они двинулись правильными четкими рядами, намереваясь вновь окружить меня. Тогда я воздвиг на их пути силовую стену и спросил:

- Кто вы, и что вам нужно?

Я уже знал, что имею дело с разумными существами, и не удивился, когда сознание приняло ответ.

- Меня зовут Я. Я обратная сторона МЫ.

- Ты враг или друг?

- Еще не знаю.

Я следил за тем, как твари обступают меня с флангов.

- Приказываю тебе остановить своих слуг!

- Это не слуги. Это части Я. Я не исполнит твоих приказаний.

- Как знаешь...

Зрентшианец не собирался миндальничать. Пожав плечами, я обрушил на ночных тварей дезинтегрирующую волну. Ровные черточки рядов срезало словно бритвой. Но через миг они объявились вновь, сопровождаемые наставлением:

- Часть Я невозможно уничтожить, не умертвив всего Я. А всего Я умертвить невозможно, потому что оно вездесуще. Я бессмертно.

- Бессмертны лишь Вселенная и Вечность. Все остальное имеет конец, возразил я.

- Ты можешь расходовать сколько угодно сил, но не сможешь уничтожить Я.

Я атаковал ночных тварей еще раз, результат был тот же. Похоже, сказанное Я было правдой.

- Чего ты хочешь?

- Я затрудняюсь ответить на этот вопрос.

- Хорошенькое дело! - пробормотал я. - Тогда почему Я нападает на меня?

- Я вовсе не нападает, Я мешает расправиться с МЫ.

- Это уже что-то. Я - союзник МЫ?

- Вовсе нет. Я - враг МЫ.

Под аккомпанемент разговора ночные твари вновь заключили меня в кольцо. Я решил пока не обращать на это внимания. Похоже, таинственный Я и впрямь не имел по отношению ко мне дурных намерений.

- Как это понять? Я - враг МЫ, но Я не желает смерти своему врагу?

- Я нуждается во враге.

Этой фразы Я не стоило произносить. Загадка ночных тварей перестала существовать. Как ночь - обратная сторона дня, Я был полной противоположностью МЫ. Причем противоположностью, поддерживавшей равновесие. Я ненавидел МЫ, но не мог существовать без МЫ, в этом была его слабость. Я мог легко воспользоваться ею.

- Я не желаю смерти МЫ, но если Я будет препятствовать осуществлению моих планов, я уничтожу и МЫ, и Я.

- Но ты ведь уже убедился, что Я бессмертен!

- До тех пор, пока существуют МЫ. Но что станет с Я, если погибнут МЫ?!

Я заволновался, но постарался не подать виду.

- Я объявляю тебя врагом!

- Сколько угодно!

Засмеявшись, я поднялся в небо. Я был бессилен помешать мне. Я был опасен лишь ночью.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МЫ проиграли войну, но не желали признать это. А значит, следовало поставить МЫ на колени. Я прибыл к горам в тот самый миг, когда Лоретаг завершал их окружение. Растекшись двумя огромными потоками, он обходил горы с двух сторон, пресекая малейшую попытку сопротивления. Впрочем, МЫ уже были не в состоянии сопротивляться. Вихрей в их распоряжении осталось совсем немного, к тому же они были обессилены, а пути к зеленым равнинам, где обитали твари, перекрывал Лоретаг. То же касалось и дарда. Перейдя на урезанный энергетический паек, МЫ ослабили волю. Если они и пытались задержать продвижение серых щупалец Лоретага, то эти потуги оканчивались плачевно. Лоретаг рассекал линию дарда и поглощал ее.

Очутившись у подножия гор, я принялся помогать Лоретагу, подавляя сопротивление МЫ. Я не прекращал своей работы до тех пор, пока два серых потока не слились в один. Кольцо окружения замкнулось, и произошло это как нельзя вовремя, потому что на плато появились ночные твари. Они спешили вслед за мной, а наткнулись на Лоретаг. Мой союзник отнесся к ночным тварям в точности как к обычным. Они были порождением зла и подлежали уничтожению. Едва твари приблизились, Лоретаг принялся поглощать их. Он пожирал безобразных существ сотнями, тысячами, но число их не убивало. Словно полчища мигрирующих леммингов, ночные твари вливались в тело Кутгара и, казалось, им не будет конца. Невольно пришли на память хвастливые слова Я о бессмертии. Но я не верил в безграничную мощь этого странного существа. Лоретаг, похоже, придерживался того же мнения. По крайней мере он не выказывал признаков усталости. Лоретаг заглатывал тварей, совершенно не смущаясь тем, что их становится все больше и больше. Я решил предоставить союзнику разбираться с Я и устремился к единственной оставленной мною невредимой террасе. Отсюда я должен был нанести удар в сердце МЫ.

Терраса располагалась ровно посередине обрывистого склона. Повинуясь глупой прихоти, я решил

взобраться на нее, не прибегая к помощи сверхсути. Когда-то я любил лазать по горам и теперь надумал тряхнуть стариной. Должно быть, я преглупо выглядел, когда, раскорячившись, лез по склону. Я исцарапал руки и задыхался от физического напряжения, по лицу ползли струйки горячего пота. Уже через тридцать футов пути мне захотелось отказаться от безумной затеи и достичь террасы по воздуху, но упрямство, доставшееся по наследству от человеческих предков, мешало это сделать. К счастью, на помощь пришли МЫ. Не в силах безучастно взирать на то, как я подбираюсь к их дому, МЫ организовали небольшой камнепад. Как же возликовал зрентшианец! Оттолкнувшись от скалы, я взмыл вверх и через мгновение стоял на террасе. Стоило мне очутиться здесь, как МЫ обрушили свод. Я был готов к подобному ходу. Разложив время, я юркнул внутрь горы.

В первой же пещере меня ожидало серьезное испытание. МЫ установили здесь мощный заслон из дарда, который должен был сдержать зрентшианца. На долю человека предназначалось десятка два Охранников и прочий механический хлам. Я не стал терять времени. Сначала я атаковал роботов, одним ударом превратив их в груды обломков. Затем началась ожесточенная борьба с дарда. Эта дарда была самой мощной, какую только смогли сконцентрировать МЫ. Она била меня резиновыми жгутами, обжигала жидким огнем. Я отвечал губительными всплесками дезинтегрирующей волны. Я уже побеждал, когда МЫ взорвали стены и свод. Они верно просчитали, что занятый борьбой с дарда, я вряд ли смогу остановить камнепад, МЫ были готовы пожертвовать собой ради того, чтобы умертвить меня. Это было что-то новое! Битва еще отнюдь не была выиграна!

На Кутгаре был в почете стайный принцип. Самые опасные из здешних существ действовали стаей. Точнее сказать, стая делала их опасными. Объединенные в стаю ломтики несли смерть всему живому на поверхности планеты, пасуя лишь перед многоногими, колоссальные туши которых, впрочем, представляли не что иное, как сгустки массы и энергии, объединенные тем же стайным принципом в единую оболочку. Стая господствовала в небе. Никто не мог соперничать со стаями ос.

Стаей были и те, кто владычествовал над живым. МЫ были идеальной стаей. Единая цель, единые средства, единые желания Стая - грандиозная и совершенная; куда более совершенная, чем те, что существовали на Земле. Несравненно более совершенная.

Стая невольно ассоциируется со словом волки. Крикни - стая! - и кто-нибудь тут же добавит - волчья. Хотя почему волчья, а не львиная, и не человеческая, наконец? Ответ прост - волчья стая тоже своего рода идеал, зиждущийся на силе. Здесь правит вожак, отстаивающий свое право на власть клыками. Сила личная, сила абсолютная, сила, заслуживающая уважения. Отношения в волчьей стае куда более совершенны, чем в стае человеческой.

Прошли те времена, когда человеческой стаей правила сила. Великие вожди и грозные воины канули в Лету, уступив место интриганам и дешевым демагогам. Не сила, а пустое слово, приятное сердцу облезших, правит человеческой стаей. Похоть слабых, больных, прокаженных, рукой демагога пишет законы. Где вы, величие и справедливость, мудрость и рассудительность? Теперь можно солгать и убить, и не понести за это кары. Человеческая стая милостива к объявляющим себя заблудшими. Волки разрывают заблудших в клочья. И добивают раненых и больных. Ведь сила стаи в ее быстроте и острых зубах. Если зубы затупятся, а ноги ослабнут, некому будет добыть дымящееся кровоточащее мясо. И придет смерть. А она прячется неподалеку и ждет, когда ослабнет вожак. И лишь это случится, она вынырнет из засады.

И потому стая бережет вожака, ведь она сильна вожаком. И потому самой сильной будет та, что является вожаком. Где каждый повелевает и каждый повинуетсЯ своему же велению. Где старые и ослабевшие добровольно ищут смерти во имя процветания стаи.

Да здравствует абсолютная стая!

О, как же человек ненавидел все, стремящееся к абсолюту. Ведь есть единое, что абсолютно, и имя ему - Вечность. Человек склонен бояться вечности.

Я должен был победить МЫ, а сделать это можно было единственным способом разрушив стаю, делавшую МЫ всемогущими. МЫ были малоуязвимы в физическом отношении. Пожелай я уничтожить МЫ, мне пришлось бы уничтожить всю планету. Потому надлежало действовать другим способом. Мне надлежало убить не плоть, а психологию МЫ, подавить сознание МЫ, заставить МЫ осмыслить неизбежность своего поражения, и признать его. Я должен был сломить волю МЫ.

Как? Прежде мне никогда не приходилось сталкиваться с волей, сравнимой с волей МЫ. Прежде я имел дело с волей индивидов, могучих, почти великих. Каждый из них располагал гигантской волей, но та принадлежала одному-единственному существу, и мне не стоило больших усилий сломить ее, потому что я оказывался неизменно сильнее. Сейчас же я имел дело с совокупной волей мириад существ, образованием аморфным, почти неосозаемым, ускользающим, распадающимся на части под давлением моей воли, а затем, словно ртутные шарики, соединяющимся в единое. Победить эту волю можно было лишь одним путем - заставив МЫ отречься от своего единства, превратив МЫ в озлобленную трусливую стаю. Подобная задача была

трудна, но вовсе не невыполнима. Абсолютная стая, каковой являлись МЫ, представляла собой могущественнейший организм, сродни неприступной крепости. Но для каждой крепости найдется осел, навьюченный золотом. Подобным образом и стая имела свой существенный недостаток. Каждый член стаи отвечал за всех, но не привык отвечать за себя. Я намеревался заставить высокомерных букашек задуматься над тем, что представляет собой каждая из них. Я вознамерился превратить МЫ в Я.

Это было несложно. Уверенность МЫ в своем превосходстве была поколеблена прежними поражениями. Я лишь привнес долю скепсиса, и МЫ разложились на сборище индивидуумов, лишившихся былого единства. МЫ обрели способность к разномнению, МЫ обрели способность к самопожертвованию, МЫ научились бояться. Я даровал МЫ силу, о которой они прежде не могли и мечтать. Парадоксально, но лишь таким способом можно было победить МЫ.

И абсолют стал относительней самого относительного. Великая стая МЫ начала деградировать и умирать.

Я проделал все это в один крохотный миг, после чего...

Пещера содрогнулась от грохота, и лавина камней покатилась вниз. Я замедлил время, а затем вообще остановил его. Но это мало что давало, так как дарда действовала вне времени. Настал миг, грозящий гибелью. И тогда ко мне на помощь пришли нечто, уже однажды выручившее меня в схватке с вихрями. Не знаю, что это за сила, но уверен - она могущественнее всего, существующего во Вселенной. Эта сила испепеляет планеты и перемешивает напластования эпох. С помощью такой силы Леда зажгла солнце!

Нечто пронзило каменную толщу и разорвало ее. Верхушка горы исчезла, словно срезанная гигантским ножом. Передо мной зиял широкий проход, в конце которого возвышалась машина генератора. И ничто больше не могло помешать мне: ни дарда, ни вихри, ни Охранники. Просто потому, что всего этого более не существовало. Осталось лишь подойти и остановить машину, что я и сделал.

В этот миг умерли МЫ, оставив вместо себя биллионы крохотных умных тварей, дать имя которым было назначено мне. В этот миг умер Я, растворившийся в тени планеты. В этот миг злобный мир начал стремительно регенерировать, возвращаясь к первоосновам. В этот миг я стал властелином Кутгара.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОХОТА ДОБЫЧА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Как-то мне уже приходилось произносить фразу:

- Я победил, иначе и быть не могло!

Да, действительно - иначе быть не могло. Я привык побеждать, а проиграть мне довелось лишь однажды. Да и то лишь потому, что доверил защищать спину другому, которого считал другом. Отныне я склонен доверять лишь себе. Велик тот, кто разочаровался в призрачных замках - примерно так выразился б об этом Заратустра. Забавно, но он еще жив. И конечно же, не думает о том, чтобы помочь мне. Я испытывал сильное желание заглянуть ему в глаза, но не был уверен, что этой мечте суждено сбыться. Строительство корабля еще далеко от завершения.

Прошло пять годичных циклов с того дня, как я овладел Кутгаром. Много это или нет - не знаю. Мне показалось, что ужасно много. За эти пять циклов планета здорово изменилась. Совершенно исчезли твари. Ночные, объединенные Я бесследно пропали, не оставив о себе даже воспоминаний, твари обычные, составлявшие источник злобы для МЫ, частью обратились в более мирных существ, частью были уничтожены мной. Сегодня уже невозможно встретить ломтика или шарообразную змею. Серые леопарды превратились в обычных охотников, а осы, ужас кутгарского неба, собирают нектар с лишившихся яда растений. Прямо-таки пасторальная сценка!

Что касается тварей, именовавших себя МЫ, они по преимуществу уцелели. Они отказались от своих идей, своего образа жизни, даже от имени. Я нарек их нобеками. Повинуясь моей вдле, нобеки начали регенерацию. Они восстановили нормальную генную цепочку и теперь стремительно возвращались к обличию предков - двуногих, двуруких, двуполых. Пока нобеки мало походили на гуманоидов, скорей они были похожи - о ирония судьбы! - на бесшерстных и бесхвостых крыс, но я был уверен: недалек тот день, когда меня будут приветствовать существа, как две капли воды похожие на тех, что некогда предстали передо мной, вырванные из небытия памятью

МЫ. Регенерация шла успешно не только в биологическом, но и в общественном отношении. Разрушив единую волю, я получил племя самолюбивых существ, обладавших всеми

отвратительными чертами человеческого характера. Нобеки оставили подземный город и вернулись в лес. Часть обосновалась в древних куполах, часть - в примитивных постройках. Теперь селения нобеков были повсюду. Нобеки оказались ужасно сварливы и завистливы. Не будь меня, уверен, на Кутгаре началась бы война, и не одна. Но сейчас нобекам было не до войн. Я заставил их исполнять обещанное, а именно - строить космический корабль, который должен был доставить меня на Землю. Кутгар опротивел мне, хотя, право, он стал много привлекательнее. По крайней мере, теперь он был самой безопасной из обитаемых планет. И одной из самых красивых. Ведь лишённые яда растения Кутгара вечно зелены, а вода кристально чиста. Если бы не серые проплешины Лоретага...

Мой союзник в борьбе с МЫ не пожелал исчезать. Напротив, он продолжал свой рост, рассчитывая, очевидно, со временем овладеть планетой. Вскоре нам стало тесно, и мои отношения с Лоретагом ухудшились. Я пытался договориться. Я доказывал Лоретагу, что его миссия завершена, что Кутгар обрел прежнее лицо. Лоретаг неизменно соглашался со мной, а на следующее утро выяснилось, что еще несколько лужаек или скал исчезли в ненасытной утробе. Какое-то время я терпел, а затем начал сбздавать силовые поля, отгораживавшие Лоретаг от остального мира. Это отнимало немало сил и времени и, естественно, вызвало раздражение Лоретага. Вскоре он объявил меня своим врагом и возобновил наступление, которое прежде вел на МЫ. Только теперь он действовал против меня, а я был куда менее снисходителен, чем МЫ. Все окончилось тем, что я отогнал Лоретаг подальше от мирного леса и запер его в энергетической клетке.

Обуздав зарвавшегося союзника, я смог проводить больше времени на плато, где строился корабль. Последняя атака на город МЫ, когда я применил нечто, нанесла ему большой урон. Пострадали почти все конвейеры, были уничтожены склады сырья, повреждены многие механизмы. Пришлось немало потрудиться, прежде чем все это было восстановлено. К счастью, МЫ разработали множество примитивных, но простых в производстве роботов. Очень скоро целая армия механизмов суетилась возле стапелей, на которых сооружался корабль. Кутгар оказался чрезвычайно богат природными ресурсами. Мне оставалось лишь обучить роботов извлекать их и перерабатывать, а кроме того, я следил за сборкой систем корабля. Я не решился доверить эту работу нобекам из опасения, что мстительные существа воспользуются столь удобной возможностью поквитаться со мной.

Целыми днями я разрывался между кораблем и бунтующим Лоретагом, а по вечерам усаживался в золотой трон и по пивал синтезированное нобеками вино. Ему было далеко до земного, но оно наполняло меня сладкой грустью. Это была дань человеческому.

Так прошло пять циклов. Остов корабля был уже на три четверти готов, конвейеры приступили к изготовлению двигателей и навигационных механизмов, когда ход событий был нарушен.

Это случилось вечером. Я любовался заходящим за горизонт фиолетовым солнцем и потягивал псевдофалернское. Шагах в десяти по левую руку стоял громила. Он был восстановлен первым из роботов и стал моим личным слугой. Я привязался к нему, почти полюбил. Развалившись на троне, я разговаривал с механическим приятелем, который являл собой тип идеального собеседника молчаливого и внимательного.

- Сегодня я завершил сооружение жилого уровня. Пять кают! Тебе нравится?

Громила мигнул парой индикаторов, которые заменяли ему глаза. Это означало, что нравится.

- Десять на двенадцать, хрустальные плафоны, отделка под мрамор, продолжал я.

Это было глупо, но мне хотелось, чтобы крейсер выглядел как дворец. Чего греха таить, человек всегда был неравнодушен ко дворцам. Потому я отделывал корабль хрусталем, деревом и пластиком, раскрашенным под цвет мрамора. Мелкие детали отливались из золота.

Громила одобрил мой вкус. Он поступал так всегда.

Из-за горы, справа, вылез белый карлик. Это означало, что день продолжается. Наступала третья фаза. Я протянул бокал, и громила подлил вина, элегантно наклонив при этом щупальце. Вино оказалось кислым, я скривился и невольно зажмурился. Когда мои глаза раскрылись, знакомый пейзаж исчез. Исчезли солнца, исчез громила, исчез золотой трон. Я сидел в небольшом кресле посреди небольшого же помещения. Везде был пластик, что наталкивало на определенные выводы, но я не стал спешить с ними. Однажды я уже имел неосторожность вообразить, что нахожусь на космическом корабле, а вместо этого оказался в тюрьме-нуру. Однако комната мало походила на тюрьму. Она была просторна, чиста, из дугообразных плафонов лился мягкий спокойный свет. Обстановка была самой простой - два пластиковых кресла, пластиковый столик, пластиковая кровать с воздушным матрасом. В одну из стен был встроен санузел, в другую - контейнер для личных вещей.

Мне уже приходилось прежде бывать в этой комнате. Это была одна из кают "Марса", моя каюта!

Спокойно! - велел я сам себе.

Я присмотрелся повнимательней. Никаких сомнений, я находился в каюте атланта по имени Русий, здесь лежали его, то есть мои, вещи. Я взял со стола портсигар. На серебристой крышке красовалась монограмма "Р". Этот портсигар, изготовленный из экспериментального сплава, был подарен мне много тысячелетий назад металлургами Дальгорода.

Все представлялось неестественным, но я в неестественное не верил, значит, следовало найти объяснение. Иллюзия? Я ощупал кресло. Вряд ли. Пластик был настоящим. Мне припомнились эксперименты Грогута над временными пластами. Он пытался покорить время, используя фактор перманентной относительности. Если кому-то удалось разрешить эту задачу, он вполне мог перетащить меня на "Марс". Но неведомый благожелатель или недруг не услышит от меня слов благодарности. Ведь переведя меня в прошлое, он тем самым поместил меня в иное отражение, лишив возможности вернуться на Землю, которую знал я. Мало того, я мог оказаться на "Марсе" неизвестно в какой компании, в том числе и в своем собственном обществе. Два Русия, один из которых еще человек, а второй уже не совсем - это будет слишком! Командор рассказывал, что ему приходилось сталкиваться с подобным и даже уничтожать двойников. Ведь в подобном случае необходимо уничтожить двойника, иначе он может вытеснить тебя. Мысль, что мне, возможно, придется разделаться с самим собой, не доставила радости.

И тут я застыл, ошеломленный. Если все это окажется правдой, если я действительно очутился в далеком прошлом на "Марсе", то я найду здесь Ариадну, ту самую Ариадну, которая некогда закрыла Русия своим телом. И здесь будет та, которая стреляла, но сейчас она еще безумно влюблена в Русия, того Русия, что летит на корабле.

Как же трудно, зная о будущем, жить в настоящем!

На этой высокой ноте я покончил с бесплодными размышлениями. Ничто, кроме невероятной схожести кают, не свидетельствовало о том, что я нахожусь на "Марсе".

Дверь была прикрыта, но не заперта. Сквозь нее я выскользнул наружу. Вне всякого сомнения, это был коридор "Марса". Те же пластиковые шероховатые дорожки цвета запекшейся крови. Каюта Командора, каюта Гумия, а вон в той жил механик Эр, которого убил Арий. Затем я миновал информцентр, тренировочный комплекс. Смена уровней. В этом отрезке коридора мне некогда пришлось вступить в дуэль с киборгами. Или придется?

Я медленно осматривал корабль, приближаясь к рубке. Ни единого живого существа. Корабль был пуст, но кое-какие признаки свидетельствовали о том, что он обитаем. В обеденном зале на столе я обнаружил хлебные крошки, а около бассейна валялось влажное полотенце, рядом с которым виднелся четкий отпечаток узкой маленькой ноги. Я понял, что обо мне знают, что меня ждут, скрывая нетерпение. Я знал, где меня ждут, и почти был уверен, что знаю, кто. Я не ошибся.

Леда находилась в рубке. Здесь все было точь-в-точь как на "Марсе". Те же приборы, те же обзорные иллюминаторы. Вот только компьютер был молчалив и неприветлив.

Улыбка Леды была непритворно счастливой. Леда была облачена в золотистый, удивительно гармонирующий с ее волосами комбинезон. Впрочем, ей шла любая одежда, даже в лохмотьях замарашки Леда выглядела б королевой. Когда я вошел, Леда устремила мне навстречу. Почти бегом, словно намереваясь броситься мне на шею. Но не дойдя совсем чуть-чуть, она замедлила шаг, а затем и вовсе остановилась. Мне показалось, что Леда устыдилась своего чувства. А может быть, она все это разыграла. Если требовалось разыграть фарс, Леди превращалась в великую актрису.

Все же Леда подошла ко мне и чмокнула в щеку. От розовых губ пахло фиалками. Поздоровавшись, Леда отступила на шаг и внимательно оглядела своего гостя. С помощью нобеков я скроил себе вполне приличную одежду, хоть и не такую роскошную, которую ткали Ариману китайские невольники. Смотрелся я неплохо. Леда оценила это.

- Ты отлично выглядишь!

Я улыбнулся.

- Стараюсь. Хотя знай, что предстоит такая встреча, я облачился бы в свой лучший костюм.

Леда вернула мне улыбку и решила поддержать игру.

- А как ты находишь меня?

Я улыбнулся еще шире.

- Неужели тебе хочется в сотый раз выслушать один и тот же комплимент? Ты обворожительна!

Я не лицемерил. Леда и впрямь выглядела великолепно. Ее чистая, без единой морщинки, кожа переливалась свежими красками, ровные зубы напоминали жемчужные четки, глаза были напоены голубым цветом аквамаринов. Она испускала сияние, какое свойственно влюбленной и любимой женщине, и я почти поверил, что она счастлива видеть меня. Леда оценила искренность моих слов. Ее улыбка стала ослепительной.

- Ты можешь повторять эти слова бесконечно. Нет женщины, которой они смогли бы надоесть.

Она говорила серьезно, я же попытался отшутиться.

- Это займет слишком много времени.

- Ну и что? Ты куда-нибудь торопишься?

- Может быть.

- Поверь, тебе некуда торопиться. - Леда сошла с места и медленно направилась к левому иллюминатору. Ее бедра сладострастно покачивались при ходьбе. - Хочешь знать, где очутился?

- Я знаю.

- Ну-ка?

- Это твоя база, копирующая "Марс".

- Верно. А как ты догадался?

- Очень просто. Ведь "Марса" уже нет.

- Здесь нет, а в другом измерении он, может быть, существует, - философски заметила Леда. Она дошла до иллюминатора и повернулась ко мне. - Ты знаешь, зачем я тебя сюда вытащила?

- Догадываюсь.

- И каков ответ?

- Нет.

- Жаль. Ты мне нужен.

- Как Гумий?

Леда усмехнулась.

- Не говори глупости. Гумий - червь по сравнению с тобой.

- Сейчас, - добавил я. - А ты желаешь превратить в такого же червя и меня.

- Как знать! Ведь ты мне действительно нужен...

Я припомнил мысли, посещавшие меня во время заключения в нурну, и ехидно спросил:

- В качестве котенка?

- Чепуха! - отрезала Леда. - Я никогда не думала о тебе столь низко. Даже пытаюсь отнять твою жизнь, я считала тебя достойным противником.

- Спасибо, - сказал я, не меняя тона, чем вызвал новую усмешку Леды. Усмешка вышла гибкой, почти грустной. Леда заглянула в мои глаза и указала рукой в иллюминатор, где виднелся громадный диск звезды.

- Альтаир.

- И что?

- Ничего. Тебе ведь не приходилось прежде здесь бывать.

- Я все равно отвечу - нет.

- Ладно, я не буду настаивать. - Леда сцепила тонкие пальцы с такой силой, что они побелели. - Позволь мне хотя бы угостить тебя ужином.

- Позволяю, - сказал я, напустив на себя шутовскую важность.

Леда рассмеялась.

- Пойдем, бог дикарей...

Пока мы разговаривали, роботы успели накрыть на стол. Это были довольно необычные роботы, и Леда, заметив, как внимательно я их рассматриваю, сочла нужным пояснить:

- Они с планеты Жегат, системы Лебедь. Почти идеальные слуги.

- Почему почти?

- В их голосе нет искренности, когда они желают своей хозяйке доброй ночи. Но в остальном они хороши.

Ужин был сервирован с явным преобладанием рыбных блюд. Леда всегда предпочитала рыбу мясу. В качестве десерта были фрукты, в том числе дыни и персики. Не тратя время на созерцание, я взял кусок дыни. Вкус плода был восхитителен, я не удержался от похвалы.

- У тебя не только превосходные слуги, но и великолепный синтезатор. Или это иллюзия?

Леда покачала головой.

- Она настоящая. - Леда сидела напротив и, подперев ладонью подбородок, следила за выражением моего лица. - Я доставила ее с Земли.

- Когда?

- Прямо перед твоим появлением.

Внутри меня что-то дрогнуло. Понимая, что голос непременно сядет, я все-таки спросил:

- Как она там?

- Нормально. - Леда убрала со щеки прядь волос. - Прошло два с половиной столетия. Эллада и Парса канули в небытие. Игру ведут Рим, Карфаген ... и я.

- А что с остальными?

- Гумий служит мне. Командор исчез. Гиптий, по слухам, где-то в Скифии. Кеельсее мутит воду в Карфагене. Да... - в голосе Леды проскользнуло оживление, - объявилась Изида.

Я хмыкнул.

- Интересно, где же она была все это время?

- Не знаю. Я не виделась с ней. Она довольно могущественна и скрывается где-то в Кемте. Вот, пожалуй, и все.

- Недостает только меня.

- Да, тебя недостает, - согласилась Леда. - Присоединяйся ко мне.

- На таких условиях - нет.

- А если я изменю условия?

Я задумался. Леда ждала ответа с деланным равнодушием, но я видел, как быстро пульсировала жилка на ее виске.

- Все равно - нет.

- Я так и думала. Ну ладно, покончим с серьезными разговорами. Угощайся.

Я не заставил себя упрашивать. Мы взяли бокалы, выточенные из цельных изумрудов. Леда коснулась своим о край моего. Раздался тихий переливчатый звон.

- Изумрудные копи Луора, - мечтательно произнесла Леда и чуть пригубила. Я приложился поосновательней. Вино было крепким, явно неземного происхождения. От него исходил аромат горьковатой прели. Я пил и ел, Леда больше следила за мной, лишь изредка отламывая кусочек и рассеянно отправляя его в рот. Дождавшись, когда гость утолит голод, она заговорила.

- Я слежу за тобой, Русий. Ты добился больших успехов. Ты овладел планетой, а подобное мало кому по силам. Особенно если принять во внимание тех милых существ, которые ее населяли.

- Кстати, ты могла бы рассказать о МЫ! - упрекнул я.

- Это не входило в правила игры.

- Но отсутствие информации могло стоить мне жизни.

Леда не согласилась со мной.

- Нет. Я всегда успела бы прийти к тебе на помощь.

- Ну, спасибо!

Я надкусил ослепительно синий плод и скривился. Вкус был слишком терпким.

- Что это?

- Таэра с Гретны. - Леда сделала крохотную паузу и продолжала:

- Ты победил всех тварей, хотя это было сложно.

- Не столь сложно, как ты думаешь! - самоуверенно заявил я.

- Сложно, сложно... Я знаю. А теперь ты строишь корабль, чтобы улететь. Куда? На Землю?

- Естественно. Куда же еще?

- Ты мог бы избрать другую планету. Земля слишком тесна для нас двоих.

Я пристально посмотрел на Леду, пытаюсь найти в ее словах подвох. Она едва заметно улыбнулась.

- Еще совсем недавно ты предлагала мне стать твоим слугой. А затем, мне показалось, ты почти вознамерилась предложить равную игру.

- Да, но при условии, что мы будем действовать в одной команде.

- Я не привык подчиняться.

- Я тоже. Тогда этот вариант отпадает. Но я могу подобрать тебе симпатичную планетку...

- Нет! - отрезал я.

- Мы бы летали друг к другу в гости...

- Я же сказал - нет!

- Жаль, я хотела помочь тебе.

- Ничего, я сумею решить свои проблемы сам. Спасибо за ужин. Он был отменный.

Леда смахнула с глаз непокорный завиток.

- Уже собираешься?

- Да, мне пора. - Сказав это, я внезапно осознал, как нелепо выгляжу со своими претензиями вернуться на Кутгар. Ведь я оказался там исключительно по воле Леды. Пожелай она - и меня ждет иная, может быть, еще более дикая планета.

Но Леда решила не доставлять мне новых неприятностей.

- Хорошо. - Она медленно поднялась из-за стола. Я сделал то же самое. Леда посмотрела на меня и, не говоря ни слова, вышла. Означало ли это окончание аудиенции, я не знал. Слегка обескураженный, я остался стоять на месте.

Ждать пришлось недолго. Вскоре до меня донесся звук легких шагов, а затем появилась Леда, державшая в правой руке бластер.

Хотя мне и в голову не приходило, что она пожелает разделаться со мной столь нехитрым способом, сердце невольно екнуло. Чисто по-человечески, как инстинктивная реакция. Не знаю, заметила Леда это или нет, но виду она не подала. Подойдя вплотную, Леда протянула мне смертельную игрушку.

- Держи, это тебе. Подарок.

Я взял бластер и повертел его в руках. Рубчатая рукоять воскрешала давно забытые ощущения.

После этого я вернул оружие Леде.

- Зачем он мне?

Леда на мгновение замаялась, но все же ответила:

- Я не хотела тебе говорить, но это было бы слишком жестоко. С пира на плаху. Через мгновение после твоего прибытия на Кутгар, на плато опустится корабль гуманоидов с планеты Тума. Капитан корабля - зрентшианец по имени Го Тин Керш. Он попытается расправиться с тобой.

- Откуда ему известно обо мне? - Я почувствовал, как внутри закипает дикая злость. - Твоих рук дело?

Леда бесстрастно, не выказывая возмущения, покачала головой.

- Нет. Стечение обстоятельств. Мы перед смертью послали сигнал бедствия с подробным изложением причин своей гибели. Сигнал был принят тумайтами, и Го Тин Керш сразу понял, кто овладел Кутгаром. Он летит туда, чтобы уничтожить тебя. - Леда насильно всунула бластер в мою руку. - Бери! Оружие тебе пригодится.

Ее желание помочь мне выглядело столь искренним, что мое холодное сердце дрогнуло, и я спросил:

- Леда, зачем тебе все это? Ведь ты могла бы раз и навсегда избавиться от меня. Лучший случай вряд ли представится. Ведь ты хочешь сделать это!

- Да, порой. Но таковы правила игры. Я взялась помогать тебе и буду делать это до тех пор, пока ты не окажешься в безопасности. Но при этом я не буду преступать определенной черты, за которой моя помощь лишит тебя права обладать сверхсутью. А теперь - иди!

- Спасибо, Леда. - Я осторожно коснулся пальцами ее волос, а затем неожиданно для самого себя поцеловал в губы. Леда едва ответила. Я чувствовал, что она насильно сдерживает себя. В небесно-голубых глазах набухали шарики слез. - Прощай! - сказал я и прибавил:

- А все же я ничего не понимаю!

- Придет время - поймешь!

Леда исчезла. Я сидел в своем золотом троне. Передо мной на столе лежал бластер. Сверху падала расцветенная огнями винограда космического корабля.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Корабль тумайтов был огромен. Своими размерами космический пришелец не уступал гигантским суперлинкорам, которые некогда составляли костяк флота Атлантиды. Это был целый город, закованный в броню. Подобные гиганты способны плавать в космосе сотни лет, неся на своем борту не одну тысячу воинов.

Это было судно-агрессор - могучее, угрожающее, несущее смерть. Облаченное в мрачную оболочку персонифицированное зло - примерно так должны были воспринимать его те, чьи планеты он удостаивал посещением. Хотя внешность его была вполне безобидна, вполне добродушная внешность. Корабль мало напоминал тех космических монстров, коих рождает порой безудержная фантазия мечтающих о звездах. Он не походил на хаотичное сплетение угловатых конструкций, нечто вроде связки металлических сталактитов, каковыми представляются порой корабли пришельцев перепуганным аборигенам. Из его тулова не выступали сотни жерл орудий или таранообразные шипы. Как и подобает межгалактическому судну, он был плавлен и обтекаем, своей формой напоминая восьмигранную, вытянутую каплю мутно-серого цвета. Снизу капля оканчивалась платформой, выступавшей за края периметра, вдоль которой тянулись две полосы сигнальных огней, а из-под брюха вырывались лучи прожекторов.

Свои намерения относительно меня пришельцы продемонстрировали немедленно. Едва корабль приземлился, заставив плато содрогнуться, как из носовой части вырвался тонкий ярко-зеленый луч. Иглою пронзив полумрак, он впился в недостроенный корпус моего крейсера, и тот перестал существовать. Лишь расплавленный камень там, где только что располагались стапели и высился гордый остов судна. А затем из чрева пришельца вылетели четыре юркие небольшие тарелочки, и я понял, что следует подумать о спасении собственной шкуры.

Первым побуждением было спрятаться в лесу, но я тут же отверг эту мысль. Слишком велика вероятность того, что нобеки выдадут меня. Кроме того, лес должен был в первую очередь привлечь внимание врагов, а мне требовалось время, чтобы разобраться в обстановке и подготовить пришельцам достойную встречу. Поэтому я устремился в обратном направлении - в горы, в которых

скрывался полуразрушенный мной город МЫ.

Я бежал по каменистой поверхности плато, не рискуя подняться вверх. Я опасался, что если начну перемещать плоскости, капитан-зрентшианец немедленно заметит это. Лишь удалившись на приличное расстояние от корабля, я осмелился подняться в воздух и вскоре был на месте.

В качестве укрытия я избрал одну из галерей, находившихся у подножия горы. К этой галерее примыкали две цепи совершенно целеньких пещер, которыми я мог в случае чего воспользоваться для отхода. Один ряд пещер вел к генератору, второй пересекал склон насквозь и выходил на противоположный склон.

Стемнело. От каменных башен веяло холодным мраком. Я стоял подле галереи, наблюдая за тем, как в стороне леса мелькают быстрые суматошные огоньки. Порой один из огоньков испускал короткую разноцветную черточку, и тогда тьму разрывало огненное облако. Тумаиты обнаружили поселения нобеков и истребляли их. Это было мне на руку. Теперь я имел все основания полагать, что нобеки будут на моей стороне.

Огненная потеха продолжалась целую ночь. К рассвету все стихло. Лучи розового солнца высветили знакомый пейзаж, обезображенный действиями пришельцев. Над темнеющим на горизонте лесом висело серое в черных разводах облако. Чуть правее возвышалась громада вражеского корабля. Сигнальные огни были выключены, и корабль походил на громадную мертвую глыбу.

Какое-то время я наблюдал за ним, но корабль безмолвствовал, будто пребывая в сладкой дреме. Тогда я зевнул и решил дать себе краткий отдых. Не потому, что нуждался в нем, а скорей ради того, чтоб доказать пришельцам, что не боюсь их. К сожалению, тумаиты были не в состоянии оценить мою браваду. Итак, я улегся под навесом, образованным полуразрушенным сводом, и уснул. Мне не снилось ровным счетом ничего.

Проснулся я сам, но, подозреваю, не без помощи Контроля. У него были причины волноваться, потому что корабль ожил. В небе вновь появились полусферы небольших летательных аппаратов, а меж кораблем и лесом сновали какие-то механизмы, напоминавшие по виду неповоротливых гигантских гусениц. Движение продолжалось все утро, в течение которого меня никто не тревожил. Я воспользовался любезно предоставленной передышкой и осмотрел свои владения. Увы, здесь не осталось ничего, что каким-то образом могло мне пригодиться.

Нобеки извлекли из разрушенного города все механизмы, за исключением гигантского генератора. Последний был вполне исправен, но я не представлял, каким образом смогу использовать его. Размышляя над этим, я внезапно вспомнил о вихрях. Лишенные былой силы, они продолжали существовать. Победив МЫ, я не стал уничтожать вихри, а просто запер их силовым щитом в одном из энергетических хранилищ. Вихри могли сослужить мне добрую службу, и я решил попробовать договориться с ними.

Вначале вихри не желали даже слушать меня, что было вполне понятно. Ведь я был для них злейшим врагом, отнявшим бывшее могущество. Но в конце концов мы пришли к согласию. Вихри приняли предложение поступить ко мне на службу с тем условием, что впоследствии я освобожу их. После этого шесть грозных воинов были освобождены из заточения и стали на границе моих владений. Теперь я мог не опасаться внезапного нападения.

Настало время разузнать, что происходит в лесу. Я решил воспользоваться для этой цели услугами демона. Вообще-то создание демонов - весьма хлопотливое занятие. На Земле я тратил на это не менее трех дней - лепил силовой конус, придавал ему необходимую форму и определенные свойства, а затем настраивал психоэнергетический баланс. И лишь после тщательной проверки, убедившись, что демон полностью послушен воле хозяина, я предоставлял ему определенную свободу действий.

Этот процесс требовал большой осторожности. Демон, слепленный на скорую руку, мог разложиться, а то и хуже того - взбунтоваться. Мне приходилось укрощать взбунтовавшихся демонов и, признаюсь, я не испытывал восторга от этого занятия. Представьте себя на месте всадника, которому вместо обьеженного коня подсунули приведенного из табуна дикаря. Укрощая демона, испытываешь на собственной шкуре примерно подобные ощущения. В любой другой ситуации я предпочел бы не рисковать и создавать демона с должной осторожностью и неспешанием, строго придерживаясь всех правил, но сейчас у меня не было выбора. Я нуждался в могучем помощнике и должен был получить его немедленно.

Убедившись, что тумаиты по-прежнему заняты лесом, я приступил к делу. Для этого я уединился в одной из самых укромных пещер. Свет едва достигал ее, это обстоятельство как нельзя лучше устраивало меня - темнота помогала сосредоточиться. Опустившись на шероховатый прохладный пол, я скрестил руки, устроив их на груди таким образом, чтобы переплетенные пальцы были направлены от меня к противоположной стене. Затем я закрыл глаза и подавил сознание человека. Человек уснул, растворившись в сладких грезах. Вся его сила, о которой он порой не подозревал,

слилась с волей зрентшианца. Воля пробудилась и начала медленно расти, разбухая подобно дрожжевой массе. Вначале она походила на крохотный желто-зеленый огонек, спрятанный где-то в глубине моего я, затем этот огонек стал темнеть, пока не превратился в багровый комок величиной с большое яблоко. Комок сокращался, подобно бьющемуся сердцу, при каждом ударе выпускаая из себя алые и черные отростки, похожие на жгуты ламинарий. Алые извивались вокруг, всасывая и отдавая энергию, черные, едва зародившись, спешили скользнуть в кровь, чтоб стремительно побежать по венам рук. Они заполняли предплечья, бицепсы, пронзали хрящи локтевого сустава и концентрировались в запястьях. Руки словно налились жидким пламенем. Я концентрировал его до тех пор, пока не почувствовал, что подступает предел. Количество энергии, вызванной моей сутью, было столь велико, что она грозила разорвать телесную оболочку. Сняв оковы с запястий, я осторожно перелил огонь в пальцы, направив их на противоположную стену.

Пещера наполнилась гулом, запахло озоном. Энергия, бившая из моих пальцев, расплескивалась по поверхности стены. Подавив в себе все посторонние мысли, я сосредоточился на процессе творения, направляя его в нужное русло. Вскоре передо мной появилось неясное багровое пятно - источник хаотичной первоэнергии. Я осязал его не глазами, а теми сложными ощущениями, которые неподвластны человеку. Пятно пульсировало и меняло форму. Примерно так из хаоса рождаются звезды.

Это была самая рискованная часть созидания. Я выпускал энергию на свободу. Бездна энергии, неуправляемой и бесконечной. Случись вдруг, что мне не удастся обуздать ее, и Кутгар ожидала участь сверхновой звезды. Ведь планеты тоже взрываются, расцветая невиданными огненными тюльпанами. Это был отчаянный миг, способный ужаснуть непосвященного, но я переживал его много раз. Я владел искусством обуздывать хаос.

Перерезав черные потоки, я влил в пальцы часть содержимого алой оболочки, которая переполняла мою суть. Это была энергия формирующая. Растянув алые языки в десять тончайших струн, я направил их туда, где бурлил порожденный мною хаос. Стремительно скользя в пустоте, алые нити обвили энергетический сгусток и принялись формировать кокон. Черное сопротивлялось, прорываясь через алую паутину острыми стремительными жгутами, но потоки, исторгаемые из пальцев, не обращали на это внимания. Стремительно вращаясь, они сплетали черный комок до тех пор, пока тот не исчез под алой пелериной. Теперь процесс был под контролем, и я принялся создавать конус.

Я решил, что своим физическим обликом демон должен походить на нобека. Достаточно безобидная форма, чтобы не выделяться среди прочих обитателей планеты. Изгнав из сознания все посторонние образы, я принялся лепить кристаллическую структуру демона. Она напоминала причудливую пирамиду, собранную из шестигранников, и обладала способностью в нужный момент распадаться на статичный хаос, отличающийся от первоначального тем, что каждый элемент энергии был заключен в оковы памяти и по первому моему требованию занимал надлежащее место, позволяя форме обрести себя.

Создав структуру, я заполнил ее достаточным запасом возобновляемой энергии. После этого я позволил образам вернуться обратно в сознание. Отобрав некоторую часть их, я передал эту информацию через алые струны. Создание демона было завершено. Оставалось лишь дать моему творению имя. Последнее было обязательным, так как имя играло роль кодового слова. Демон подчинялся своему хозяину до тех пор, пока тот помнил его имя. В противном случае он становился свободным и мог избрать один из трех путей - превратиться в вольного демона, наняться на службу к другому хозяину, самому стать хозяином, похитив душу человека.

Я назвал демона Люнхиреф, избрав для имени самые редкие сочетания звуков, которые вряд ли смогут быть произнесены случайно. Потребуется куда больше сотни обезьян и не одна сотня лет, чтобы воссоздать подобный набор звуков. Теперь я мог не беспокоиться относительно того, что моим демоном завладеет кто-то другой.

- Люнхиреф! - воскликнул я и снял путы. В тот же миг демон материализовался и предстал передо мной. Крохотное уродливое создание, наделенное громадной силой.

- Ты знаешь, кто я?

- Ты хозяин, - ответил демон.

- Правильно. Ты должен повиноваться мне, иначе будешь уничтожен. Ты должен усвоить, что живешь до тех пор, пока повинешься.

- Я запомню это, хозяин.

- Хорошо. Ты будешь помогать мне, а за это я впоследствии забуду твое имя, и ты обретешь свободу.

Демон кивнул крысиной головой.

- Что я должен делать?

- Сейчас ты отправишься в указанное мной место и доложишь, что там происходит.

- Я готов.

Я промолчал. Чем дольше я смотрел на демона, тем все более сильные сомнения овладевали мной. На первый взгляд демон вполне удался, я мог судить об этом, разглядывая его структуру, буквально плещущую энергией. Он был послушен мне, я мог судить об этом, ибо контролировал его помыслы. Но было нечто, рождавшее во мне смутное беспокойство. У меня не было времени проверить его функции, и я знал, к каким неприятным последствиям это может в конце концов привести. Но я не имел выбора. Я должен был или довериться демону, или отправляться в лес сам. Последнее было равносильно прыжку вниз с завязанными глазами, когда не знаешь, что ожидает - падение протяженностью в фут или гигантская пропасть, дна которой достигаешь с разорвавшимся от страха сердцем. В лесу меня могла поджидать любая неприятность, начиная от банальной засады и кончая хитроумными ловушками. Раз мой противник - зрентшианец, я был вправе ожидать от него действий, подобных тем, что предпринял бы сам. Мне не хотелось совать голову в пасть тигра, не выяснив предварительно, сколь остры его клыки. Поэтому:

- Следуй за мной, - велел я демону.

Пробудив сознание человека, я поднялся с пола и направился к галерее. Люнхиреф, словно левретка, семенил чуть позади.

Солнце располагалось уже достаточно низко. Процесс творения отнял у меня немало времени. Вытянув руку в сторону леса, я сказал:

- Отправишься туда. Там должны быть мои враги, но их там может и не оказаться. Будешь осматривать лес и сообщать о том, что там происходит. Ты должен сделать это до наступления темноты.

- Это все, хозяин? И затем ты отпустишь меня?

Я усмехнулся.

- Какой ты нетерпеливый! Нет, не отпущу. Тебе придется еще какое-то время помогать мне, но час твоей свободы близок.

Похоже, демон был недоволен, но выказывать своих чувств благоразумно не стал.

- Повинуюсь, хозяин.

- Тогда ступай.

Из крысоподобного тельца Люнхирефа вырвались огненные языки. Через мгновение оно растворилось в небольшом оранжевом облаке возмущенной энергии. Какое-то время ушло на стабилизацию, после чего облачко потускнело и стало невидимым для обычного осязания. Лишь сознание зрентшианца ощущало черный кристаллический конус с брызжащими из него алыми протуберанцами энергии. Из основания конуса вырвалась вспышка, и он исчез.

Подобно любому существу, порожденному сверхволей - я позволяю себе именовать свою сверхсуть сверхволей, так как она и впрямь представляет собой не что иное, как эманацию невероятно могучей воли - демон был полностью зависим от своего хозяина, то есть от меня. Можно сказать, он был частью меня, быть может, не самой совершенной, но частью. И вполне естественно, он был связан со мной. Нечто вроде телепатии, но совсем не телепатия. Телепатический сигнал подобен радиоимпульсу, передаваемому сразу во всех диапазонах. Любой, обладающий способностью телепатировать, перехватит его и прочтет. Связь между мной и демоном была направленной. Принять донесения Люнхирефа мог только я. Это исключало возможность игры со стороны враждебного мне зрентшианца.

Исполняя приказ, демон стремительно летел по направлению к лесу. Я поддерживал с ним постоянную связь. Это выглядело так, словно часть моего сознания вселилась в тело демона и путешествует вместе с ним. Я словно наяву внимал всему, что происходит вокруг.

Безжизненное плато... Чернеющая поверхность толчками уходит из-под ног... Пахнет озоном и гарью... Запах озона очень силен - очевидно, энергетические разряды, используемые пришельцами, изменили структуру воздуха... Промелькнул огромный валун, еще... Мне показалось, что я заметил какое-то движение. Возможно, это тварь, оставившая лес и ищущая укрытия... Темная полоса впереди постепенно увеличивается в размерах, пока не превращается в неровный частокол деревьев и раскидистых кустов... Справа глыба корабля... По периметру основания бегут огоньки, чередующие цвета - красный, зеленый, голубой, розовый с молоком, фиолетовый, черный,

рубиновый с примесью изумруда, ярко-желтый, цвет, дать определение которому невозможно... Последний цвет преобладает... Огоньки движутся не хаотично, а подчиняясь определенному правилу. Вероятно, в этом мелькании заключена какая-то информация.

Демон пролетает совсем близко от корабля, и я успеваю заметить открытый люк в основании и платформы. У люка маячит смутная тень. Часовой... Небольшая фигура, обтянутая серебристой тканью, на голове шлем, к которому подсоединен резервуар с газовой смесью. По всей очевидности, воздух Кутгара не доставляет этому существу особой радости...

А вот и лес... Он непривычно тих, словно испуган... Все сильнее запах дыма. Вижу первую гарь - небольшое выжженное пятно, образовавшееся в результате попадания короткого энергетического импульса...

- Замедли движение, - велю я демону. Он начинает медленно кружиться над поляной, а я исследую пятно. Судя по всему, действие оружия тумайтов основано примерно на том же принципе, что и лазеры...

- Дальше.

Демон продолжает свой полет...

Моему зрению предстает селение нобеков. Оно полностью разгромлено. От примитивных жилищ остались лишь обугленные остатки. Замечаю в хаосе истерзанных строений несколько изуродованных телец. Пахнет горелым мясом... Приказываю демону осмотреть окрестности, но ничего живого здесь нет...

Отвратительно пахнет горелым мясом...

Демон устремляется дальше... Выжженные поляны попадаются все чаще... Несколько раз встречаю нобеков. Они испуганы и озлоблены... Не без тайного удовольствия прислушиваюсь к их тонким визгливым голосам. Нобеки ждут своего властелина, то есть меня, чтоб отомстить врагам...

За деревьями виднеется город куполов. Пришельцы пощадили его. С чего бы?.. Приказываю демону быть осторожным и начинаю осматриваться. Вскоре обнаруживаю в нескольких шагах от себя энергетическую ловушку, устроенную весьма неумело... С помощью внутреннего зрения изучаю сплетение силовых линий, нахожу окончание одной из них и переплетаю ловушку таким образом, чтобы она реагировала не на энергетическое возмущение, а на присутствие металла. Теперь ловушка станет смертельной для пришельцев, в снаряжении которых наверняка присутствует металл...

Чуть дальше демону попадает еще одна ловушка... Переплетаю и ее... Люнхиреф направляется к куполам. Здесь много нобеков. Все они взбудоражены происшедшим. Внимательно вслушиваюсь в их разговоры и еще раз убеждаюсь - меня ждут...

И ждут не только нобеки... У моего врага нет точной уверенности в том, с кем он имеет дело. Помимо энергетических ловушек, рассчитанных на обладающего сверхсутью, он устроил и засаду на человека. Примитивную донельзу. Отряд тумайтов числом около восьми спрятался в расколоте куполе, позади которого они замаскировали пару тарелочек.

Это было именно то, что требовалось. Велев демону затаиться, я разорвал связь. Спустя миг я уже смещал плоскости, держа курс на дремлющий лес. Следом за мной летели шесть огненных вихрей...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вам приходилось видеть стрелу, отправленную стоящим рядом человеком и пронесшуюся перед самым вашим лицом? Скажете - да, не поверю. Точно так же не верю в небылицу о человеке, якобы умевшем уворачиваться от стрел. Человеку не по силам подобное. От стрелы могу увернуться я, но ведь я не совсем человек. Полет стрелы неуловим, почти не виден, она ускользает от взора быстрее, чем вспышка молнии, исторгнутая разгневанным небом. Ее посвист быстрее ветра. К чему эта ода стреле? А к тому - я действовал столь стремительно, что вправе сравнить себя с пущенной из трехслойного лука стрелой.

Наибольшую опасность представляли тарелочки, чье назначение я определил сразу, едва увидев их. Это были роботы-истребители, безжалостные и неумолимые убийцы. Они уничтожали любое живое существо, не поддававшееся идентификации, действуя при этом на предельном ускорении. Быстрее был только свет. И я.

Я оказался быстрее, ведь зрентшианец действовал вне времени. Разложив его течение до минимальной величины, я бегом пересек пространство между лесом и городом, проскочил мимо истребителей и ворвался в купол. Мое нападение было столь внезапным, что тумайты не смогли ни оказать сопротивления, ни послать сигнал тревоги. Лишенные движения, они походили на

омертвевших истуканов. Это впечатление усиливалось еще я от того, что на тумайтах были серебристые с отливом скафандры, плавным контурам которых вызванная мною вечность придавала жесткие металлические формы. Часть тумайтов сидела слева от входа, остальные расположились напротив, у щели в куполе, превращенной в бойницу. Как я уже упоминал, пришельцев было восемь.

Не теряя ни мгновения, я умертвил шестерых из них, раздробив им внутренности ударами фотонных пучков. Вечность продолжала развлекаться, заставив мертвецов оставаться не подвижными. Смерть уже похитила их жизни, но пустые оболочки по-прежнему пребывали в причудливых позах, пойманные посреди действия. Итак, шестеро врагов были мертвы. Двоих, сидевших у входа, я пощадил.

По-прежнему действуя вне времени, я оставил купол и устремился к приземистым дискам истребителей. Черные спаренные жерла лазеров угрожающе следили за моим приближением. Но я передвигался слишком быстро, даже сверхчувствительные сенсоры были бессильны засечь меня. Достигнув ближайшей из тарелочек, я открыл входной люк и проник через него внутрь. Мои предположения подтвердились. Я имел дело с истребителями, которые могли действовать как в автономном режиме, так и управляемые экипажем. Устройство этих механизмов было столь простым, что у меня возникло искушение подчинить их своему контролю. Однако немного поразмыслив, я решил отказаться от этой затеи, по крайней мере на время. Могло оказаться, что истребители поддерживают связь с кораблем. Если она вдруг прервется, тумайты заподозрят неладное и наверняка попытаются выяснить, в чем дело. Я еще не был готов к серьезному столкновению.

Поэтому я оставил тарелочки в покое и вернулся в купол. Я нуждался в информации и начал с самого простого - с осмотра снаряжения тумайтов. Похоже, я уничтожил отборное подразделение. Об этом свидетельствовало оружие астронавтов. Реактивные ружья с широким растробом, стреляющие мощными плазменными импульсами, предназначались для умерщвления живой материи. Они были просты и удобны в обращении, а одного их импульса было вполне достаточно, чтобы от человека не осталось даже горстки пепла. Кроме этого оружия тумайты имели при себе переносной лазер, способный разрезать самый прочный сплав, гранаты и психотропный излучатель, подавляющий волю. Даже зрентшианцу непоздоровилось бы, попади он под воздействие подобного излучения.

Не меньшее любопытство у меня вызвало прочее снаряжение тумайтов, прежде всего система их жизнеобеспечения, изучение которой должно было помочь мне узнать слабые стороны врагов. Но сначала пару слов о самих тумайтах. Это были существа вполне приемлемые по человеческим меркам. Они не походили на злобных тварей, с которыми мне пришлось иметь дело на Кутгаре. Тумаита следовало отнести к типу прямоходящего гуманоида. Относительно невысокий, коренастый, он имел две руки, две ноги, два глаза с мутно-синими зрачками, отверстия, защищенные кожистыми перепонками на месте носа, круглый рыбий рот. С помощью сверхсуды я проник внутрь этих странных существ. Строение их организма было необычным. Я еще не составил точного представления о нем, но мог с уверенностью сказать, что оно значительно отличается от человеческого. Если биохимическую основу человека составляет кислород, для тумайта подобную роль играл хлор. Я выяснил это, вскрыв резервуар, прикрепленный к голове одного из умерщвленных мною врагов. Тумайты дышали дьявольской смесью из хлора и гелия.

Под стать этому были и прочие продукты жизнеобеспечения. В качестве пищи сложная комбинация солей, вместо воды кислотный раствор. Я с содроганием представил, как тумайты поглощают подобную гадость. Впрочем, гастрономические пристрастия человека должны были вызвать у пришельцев не меньшее отвращение.

День выдался нелегкий. Сотворение демона отняло у меня много энергии. Огромных усилий стоили манипуляции со временем. Сверхсудь была перенапряжена. Я чувствовал, что могу вот-вот сорваться. Сложив оружие тумайтов в кучу возле трещины, служившей входом в купол, я взял ружье и медленно отпустил время. Кровь часто запульсировала в висках, в ушах задребезжали серебряные колокольчики. Застывшие фигуры тумайтов пришли в движение. Шестеро плавно, словно поддерживаемые невидимыми нитями, опустились на пол. Двое, те, что сидели на предметах, похожих на приземистые барабаны, подняли голову и уставились на неподвижные: тела товарищей. Затем они перевели взгляд на меня. К этому моменту время вернулось к исходной точке, и потому действия тумайтов оказались если не неожиданными, то достаточно быстрыми. Они действовали не раздумывая, как истинные воины. Правая рука каждого автоматически устремилась туда, где еще мгновение назад стояли плазменные ружья. Не обнаружив их, тумайты ничуть не смутились. Один сделал шаг влево, другой устремился вправо, после чего в меня полетели две сверкающие полосы, извлеченные из потайных карманов. Я замедлил время и продемонстрировал свое превосходство. Первую полосу я отбил стволом ружья, вторую поймал. Это был невероятно острый стилет без рукояти. Не представляю, кик с ним обращались тумайты, но я здорово порезал ладонь. К стыду признаться, я вскрикнул от неожиданной боли, испортив тем самым эффект от своего выступления, но тут же опомнился и вскинул ружье. Короткий импульс, огненной кляксой

расползшийся по стене, дал тумайтам понять, что ожидает их в случае, если они попытаются повторить нечто подобное. Убедившись, что сила на моей стороне, тумайты сочли разумным покориться. Указав ружьем на причудливые сидения, я дождался, пока они не усядутся, после чего осторожно выглянул наружу.

Все было тихо. Мое проникновение в купол не было обнаружено. По крайней мере, хотелось так думать. На всякий случай я связался с демоном, приказав ему затаиться на окраине леса и предупредить меня в случае возникновения какой-либо опасности. Затем я обернулся к пленникам.

- Кто вы такие? - спросил я, телепатировав сигнал. Возникла короткая заминка. Мысли тумайтов метались. Я внимал этому хаосу из обрывков бессвязных образов, перечеркнутых жирной красной чертой, означавшей вопрос. Тумайты размышляли, отвечать мне или нет, а возможно, уровень их восприятия отличался от тех, с которыми мне доводилось иметь дело прежде. На всякий случай я повторил вопрос, сопроводив его более подробным пояснением. В этот раз ответ последовал.

- Мое имя Расп-нее-ф-шрупп-кхсош-у-тт...

- Довольно! - перебил я, опасаясь, что полное имя не выслушать и до утра. - Кто ты?

- Я те-уск-лл...

- Замолчи! - я передал болтливому пленнику примерную классификацию должностей и званий, которые должны были существовать на космическом корабле.

Тумаит какое-то время размышлял, а потом я получил, не очень уверенный ответ:

- Сержант. Командир специальной истребительной группы.

- А кто он? - я ткнул рукой в направлении другого астронавта.

- Воин. Мой подчиненный.

- Задание?

Тумаит заколебался. Я одарил его ласковым взглядом и приказал:

- Говори, иначе убью! - Угроза, однако, не произвела должного впечатления, и тогда я прибавил:

- Ты будешь умирать долго и мучительно. Я продырявлю скафандр, и твое тело покроется волдырями от кислородных ожогов. А затем ты разложишься заживо... я шипел, словно большая злобная змея, делая слова холодными и скользкими.

Тумаит испугался. Его зеленоватая кожа приняла серый оттенок, а круглые глаза сузились до крохотных щелочек.

- Мы охотились за существом по имени т'ен. По всей вероятности, это ты.

Я не мог не согласиться. Я не знал, кто такой т'ен, но это наверняка был я. Я лишь счел должным спросить:

- Как, тебе даже не приходилось видеть того, за кем охотишься?

Тумаит дважды моргнул, это означало отрицание.

- Нет, капитан лишь сказал, что т'ен очень опасно.

Не скрою, было лестно услышать о себе подобное.

- Что вы должны были сделать со мной? Убить?

- Нет, капитан велел схватить тебя и привести на корабль.

- С помощью этой штуки? - Я пнул ногой лежавший рядом психотропный излучатель.

- Да.

- Сколько вас здесь в лесу?

- Только наш отряд.

- Ты не лжешь? Я почувствовал, что тумаит слегка оскорбился.

- Нет!

Он не лгал. Я знал это. Лживой мысли ни спрятать, ни изменить.

- Ваш капитан полагает, что меня так легко схватить?

- Не знаю.

В этот миг я почувствовал реакцию, идущую от другого тумайта.

- Говори ты.

- Капитан думает, что т'ена в лесу нет.

- Правильно думает! - Я мысленно расхохотался, заставив лицо оставаться бесстрастным. - Я сейчас далеко.

Я ощущал, как тумайты пытаются понять, что мои слова означают. Они отличались быстротой действий, но никак не сообразительностью.

- Теперь вы расскажете мне все, что знаете о корабле и вашем капитане.

- Нет! - воскликнул сержант. - Я давал клятву Ритт.

Должно быть, это была какая-то страшная клятва, потому что сержант переполнился гордостью. Однако на меня эта новость не произвела ни малейшего впечатления.

- Я могу выпотрошить ваши мозги, - медленно, с расстановкой произнес я, но предпочитаю получить эти сведения по доброй воле.

С этими словами я поднял ружье. Сержант внешне остался спокоен, а вот его напарник посерел.

- Не буду скрывать, - продолжал я, - один из вас умрет, но другому я сохраню жизнь, так как он мне нужен. Выбирайте сами, кто будет этим другим.

- Т'ен, я согласен рассказать обо всем! - торопливо закричал воин, за что был удостоен презрением, золотистой волной исшедшим от сержанта.

- Хорошо.

Мой палец вдавил небольшой выступ в основании ружейного ложа, и воин исчез во вспышке пламени. Пылающий комок покатился вдоль стены, потом ударился в нее и затих. Лишь весело плясали чадающие язычки огня. Второй тумайт с виду бесстрастно смотрел на них, но я видел ужас, переполнявший его естество. Я слышал этот ужас, я с удовольствием внимал ему.

- Говори, - сказал я.

Тумайт очнулся.

- Не буду.

Я не испытывал почтения перед его мужеством. Оно было напускным.

- Напрасно. Я тебе не враг, я враг капитану.

Сказав это, я перевел ствол ружья чуть в сторону, направив его между ног тумайта. Одновременно я сообщил, что намереваюсь предпринять. Волна ужаса в сознании пришельца нарастала подобно шквалу, пока не поглотила его полностью.

- Я расскажу! - завопил он.

- Слушаю.

Тумайт поспешно принялся связывать образы. Они бежали неровными строчками, создавая в моем сознании объемную картинку. Сначала она была затуманенной, но постепенно дымка уходила, и вскоре изображение стало ясным, словно на сфероснимке.

О капитане пленник знал мало. В его представлении капитан ассоциировался с холодом и злом. Такой воспринимается белая акула, рыщущая в ледяных волнах в поисках добычи. Сержант не был исключением. Астронавты все как один боялись своего капитана. Существовало устойчивое мнение, что он тозсот. Я перевел данный образ словами нелюдь и колдун. Капитан появлялся внезапно и столь же внезапно исчезал. Он мог раздвоиться. Порой астронавты встречали на корабле чудовищ, которых, как они считали, порождает капитан. Еще тумайт добавил, что капитану очень много лет. - Сколько, никто точно не знает. Но он управляет звездолетом уже шесть поколений.

И все эти шесть поколений звездолет уничтожал все живое в Галактике. Многие астронавты шепчутся между собой, что пора бы вернуться на родину, но немногие отваживаются сказать это капитану. А тех, кто все же осмеливается, ожидает смерть - таинственная и беспричинная. Последнее, что я узнал о капитане, была его любовь к алому цветку.

Это было немного, но вполне достаточно. Теперь я был уверен, что имею дело с зрентшианцем. Холодная суть, бессмертие, умение останавливать время, клонирование и способность к трансформации - всем этим владели лишь зрентшианцы. Второе, в чем я был почти уверен, увы, представлялось малоприятным. Судя по тому, что рассказывал пленник, капитан-зрентшианец был опытнее и сильнее меня.

Информация о судне оказалась куда более богатой. На Кутгар опустился базовый корабль высшего класса. Корабль-город, снабженный замкнутой системой обеспечения. Он не нуждался практически ни в чем, получая все необходимое за счет регенерации. Лишь изредка, примерно раз в поколение, капитан сажал свое судно на планету, богатую хлористыми соединениями, пополняя запасы чрезвычайно ценного для тумайтов вещества.

Корабль состоял из сот модулей, объединенных в четырнадцать уровней. Навигационная рубка располагалась в восьмом. Там же были и покои капитана.

Проникнув в сознание тумайта, я растворился в нем и брел по бесконечным, наполненным хлористой синевой коридорам. Все выглядело необычным, и в то же время меня не покидало ощущение, что мне уже приходилось прежде бывать здесь. Это нетрудно было объяснить, ведь я пользовался плененным мироощущением тумайта, и это было занято.

Среди прочих цветов преобладали коричневые и синие. Я шагал неторопливо, осматриваясь по сторонам. То и дело навстречу попадались пришельцы.

Пришельцы... Я вдруг с оттенком удивления обнаружил, что воспринимаю тумайтов именно как пришельцев. И в то же время я понимал, что не вправе так поступать. Ведь я был на Кутгаре точно таким же гостем, заброшенным, сюда против своей воли. Но я думал о тумайтах именно как о пришельцах, а следовательно, я уже свыкся с мыслью о том, что Кутгар стал моим новым домом. Опасный признак!

Тумаитам не было дела до моих терзаний. Они выглядели озабоченными, все как один спеша по какому-то своему, только им известным делам. Было любопытно наблюдать за тумайтами в их естественной среде, где они не испытывали потребности в обезличивающих коконах скафандров. Несмотря на необычную внешность, я воспринимал их почти что как своих знакомых. Впрочем, они и были моими знакомыми, точнее, знакомыми моего тумайта. Я встречал и женщин, и детей, но более всего - мужчин. Вполне симпатичные, способные быть счастливыми, существа. Они улыбались мне, а некоторые здоровались, касаясь четырехлапой рукой черного знака-кода на моем левом плече. С другими здоровался я, поступая точно таким же образом. Эти, другие, были ниже меня по положению.

Я перемещался с уровня на уровень, посетил оранжереи, в которых росли пищевые кристаллы, побывал в отсеке, где размещалась батарея лазеров, осмотрел лабораторию и иные помещения. Кое-куда, где стояли часовые, мне не удалось попасть, в другие места я проникал беспрепятственно. Меня пропустили в навигационную рубку, хотя на входе был знак, разрешавший доступ только офицерам-навигаторам, и дали выйти. А потом я забрел в громадные покои, странный вид которых вызывал беспокойство. Все здесь - пол, стены, навесной потолок, плафоны, мебель и даже одежда существа, сидевшего спиной ко мне, было алого цвета. Расслышав мои шаги, существо начало оборачиваться. Я почувствовал, что в глубине сознания, не моего, сознания тумайта, рождается страх. И в тот же миг я услышал отчаянный крик демона Люнхирефа:

- Хозяин, я вижу...

Демону не удалось докончить. Существо обернулось. Оно было ужасно. Из глотки существа вырвался вой, пронзивший мое сознание мириадами раскаленных игл.

- Тебе конец! - Вот что кричало существо.

А еще через миг на купол обрушилась оранжевая стена огня.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мой враг перехитрил меня. Лишь много позднее я понял, каким образом ему это удалось сделать. Он рассчитал все точно. Уверенный, что я непременно вернусь в лес, он оставил приманку и терпеливо дожидался того момента, когда я клюну. Как только я напал на липовую засаду, капитан-зрентшианец начал свою игру. По всей очевидности, он каким-то образом контролировал происходящее в куполе, возможно, через сознание своих подчиненных. Убедившись, что тот, кто ему нужен, объявился, он немедленно привел в действие механизм западни, в которую я имел

неосторожность влезть. И если бы не демон, предупредивший об опасности, мои враги застали бы меня врасплох.

Они опоздали всего на несколько мгновений, но я и без этого очутился в пренеприятном положении.

Со стороны корабля к куполам спешила целая эскадра истребителей. Именно их увидел Люнхиреф, а с его помощью и я, - те же два, что стояли у купола, ожили и блокировали выход непрерывным потоком импульсов, проскочить через который было невозможно, даже остановив время. Я и не пытался. Я решил действовать другим путем.

Наибольшую опасность представляли истребители, обстреливавшие купол. В первую очередь надлежало избавиться от их назойливого внимания. К счастью, отправляясь на прогулку в лес, я догадался взять с собой вихри. Они могли без особого труда помочь мне. Мгновенно наладив контакт, я отдал приказание. Это был не самый приятный момент в моей жизни. Вихри могли просто-напросто позабыть о заключенном договоре и умчаться подальше от этого места. В таком случае можно было считать, что ловушка захлопнулась. По правде говоря, я так бы и поступил. Но вихри оказались не в пример более порядочны. Они обязались помогать мне и честно исполнили свое обещание.

Огненно-зеленые строчки импульсов, роем врывавшиеся через трещину в куполе, заметались, а потом и вовсе исчезли. Я осторожно, почти прижимаясь щекой к раскаленному пластику, выглянул наружу. Один из истребителей был уничтожен, и ближайший ко мне вихрь плотоядно пожирал его останки. Другой метался в небе, уворачиваясь от пяти преследователей. Он пытался огрызаться, но лазерные импульсы не причиняли вихрям вреда. Напротив, вихри с удовольствием поглощали их, пополняя тем самым свой запас энергии.

Вторая часть вражеского плана, похоже, терпела крах. Едва я подумал об этом, как Контроль яростно въехал по моим почкам. Вскрикнув, я обернулся. И вовремя. Мой пленник уже завладел одним из ружей и намеревался пустить его в ход. Я не испытывал к этому тумайту неприязненных чувств, но он допустил непростительную глупость. Взмахнув рукой, я ударил астронавта огненным щупальцем, которое выросло из моих пальцев. Тумаит отлетел к противоположной стене и затих.

Когда я выбрался наружу, неприятельская эскадра уже достигла города. Я видел ее через естество Люнхирефа. Рой крохотных, едва различимых черточек. Они приближались, чтобы умертвить меня. Чувствуя прилив сил, обычный для меня в мгновенья опасности, я решил дать тумайтам показательный урок воздушного боя.

Повинуясь моей воле, время замедлило бег. Мгновения не мельтешили более, а ступали грозно и размеренно, словно шаги замирающего метронома. Времени было тяжело, оно отчаянно сопротивлялось, сдавливая меня тугими объятиями. Я разрывал эти спирали, но они ту же о ту же оплетали меня, отчего мои движения немного замедлились. Я походил на большого усталого тюленя, плененного путами водорослей. Разрывая энергетическими щупальцами липкую паутину, я сконцентрировал волю и взвился в воздух. Позади выстраивалась в цепочку моя эскадрилья - шесть вихрей. Их переполнял благородный азарт, их сферовидные тела буквально расплескивали энергию. Замыкал шествие подоспевший Люнхиреф.

Врагов было двенадцать - шесть пар, действующих двумя эшелонами. Впереди шли ударные звенья, снабженные психотропными излучателями, за ними - группа прикрытия.

Первый удар я нанес самостоятельно. Мне хотелось осмотреться и испытать свои силы. Я зашел сверху и атаковал ближайшего ко мне истребителя, который едва скользил по черному покрывалу неба. Сблизившись почти в упор, так, что можно было рассмотреть в иллюминаторах застывшие во временном коллапсе лица астронавтов, я обрушил на него дезинтегрирующую волну. Сверкнула оранжевая вспышка, и в боевых порядках тумайтов появилась первая пробоина.

И тут же я ощутил ответный удар. Истребители засекли меня и пустили в ход психотропные излучатели. Меня спасло лишь то обстоятельство, что я действовал на грани вне времени. Парализующие волю волны врывались в мою суть, но не могли овладеть ею. Это походило на дуэль учителя-бретера с десятком неповоротливых учеников. Множество жал грозили со всех сторон, но они были слишком медлительны, чтобы достать меня. Но длительный поединок опасен даже для великого воина. Тем более, что истребители открыли огонь и из лазеров. Ослепительные стрелы медленно, прорываясь сквозь тенета вне времени, приближались ко мне. Я оказался в центре диковинной паутины, малейшее прикосновение к которой влекло серьезное увечье, а то и смерть. Это было завораживающе красивое зрелище, напитанное магнетизмом, подобным тому, что испытывает факир, глядя в глаза оцепеневшей кобры. Опасное развлечение!

Подстегнутый сверхсутью, я преодолел охватившее меня наваждение и тут же сместил плоскости, почти одновременно отпустив время... Через миг я уже был далеко, а за моей спиной расцветали огненные гроздья разрывов.

Упустив меня, тумайты слегка растерялись. Истребители замедлили ход, и мои энергетические воины не замедлили воспользоваться этим обстоятельством. В скорости вихри уступали своим противникам, но зато они были неуязвимы для оружия, которым те располагали. А фактор внезапности дал им определенное преимущество.

Прежде чем тумайты сумели разобраться, что представляют собой их новые враги, они лишились еще двух истребителей. Один, разрушенный энергетической волной, рухнул на купола, раздробив темноту внизу ослепительной вспышкой. Второму повезло еще меньше. Он наткнулся на самого могучего вихря, который не замедлил расправиться с лакомой добычей, поступив примерно как питон, глотающий кролика. Разверзлась огромная золотистая пасть, и истребитель бесследно канул в ней.

А дальше началась потеха. Удалившись на приличное расстояние, я наблюдал за тем, как огоньки истребителей суматошно мечутся по небу, преследуемые пылающими болидами. Тумайты отбивались - отчаянно, но без малейшей надежды на успех. Вихри не представляли собой материи, которая поддается воздействию лазерного импульса, и не обладали той степенью сознания, чтобы стать уязвимыми для психотропных лучей. Образно говоря, игра велась в одни ворота.

Так продолжалось до тех пор, пока к тумайтам не прибыло подкрепление. Это был катер чуть больших размеров, чем истребители, с двумя цилиндрическими надстройками. Вихри устремились к нему с азартом гончих, меняющих зайца на медведя. Вихри не подозревали, что этот корабль был их смертью. Очевидно, он был снабжен устройствами, дезинтегрирующими энергию. Моему взору предстало грустное зрелище. Три огромных огненных сгустка, атаковавшие корабль, один за другим лопнули, подобно мыльным пузырям, расшвыряв во все стороны мириады огненных блесков. Уцелевшие попытались броситься в бегство, но катер достал и их, расцветив небо тремя новыми всполохами.

Мое воинство было уничтожено. Лишь Люнхиреф, незамеченный из-за своей небольшой энергетической мощности, ухитрился уцелеть. Он покинул поле боя и искал спасения на поверхности планет. Я ощущал ужас, охвативший созданное мною существо. Тем временем катер, исполнив свою миссию, неторопливо развернулся и удалился, оставив меня один на один с потрепанной эскадрой истребителей.

Это был очевидный вызов, и я принял его. Девять против одного? Что ж, мне доводилось драться и в куда более невыгодных условиях. Я был быстрее, а мощь моя - несоизмеримо выше. Сместив плоскости, я вернулся на прежнее место. Подобно хищной птице, я врезался в стаю истребителей и швырнул одну за другой три дезинтегрирующие волны. Я исторгал их всем своим естеством, отчетливо ощущая грандиозность мощи, исходящей от меня.

Впечатление было такое, будто истребители попали в метеорный поток. Невидимые обычным глазом градины энергии пронзали оболочку, раздирали стабилизирующие плоскости, вызвали детонацию лазерных боеприпасов. Небо разобрали огненные вспышки - три, а потом и четвертая. Еще одна расцвела на земле, в лесных зарослях, куда рухнул поврежденный истребитель.

Катастрофа смутила врагов, но ненадолго. Уцелевшая четверка истребителей разбилась на пары и принялась охотиться за мной. Это был великолепный бой, наверно, лучший в моей жизни. Я рвал время, смещал плоскости, взвивался в высотные слои атмосферы и резко пикировал. Я играл с врагами, таская их за собой на невидимых нитях.

Я кричал от восторга, и встречный ветер обрывал остатки мокрого плаща, одаряя броню сочными шлепками поцелуев. Я наслаждался полетом, ночью и своим могуществом. Я проникался верой в собственное всеисилие, порождая своей неуязвимостью в сердцах врагов страх. А когда они потеряли самообладание и сломали строй, я добил их, сминая металлические тела, словно пустотелые раковины.

Последний истребитель был уничтожен мною уже за пределами леса. Он рухнул у самого борта звездолета. Тот безмолвствовал, проигнорировав даже победный круг, который я в упоении от своего успеха проделал над черным диском пришельца. Он притворился спящим. Он знал, что должен делать.

Поднявшееся вскоре из-за горизонта розовое солнце высветило сцену, которая, казалось, противоречила здравому рассудку. Через лес по направлению к кораблю шагали двое. Позади с ружьем наизготовку шел коренастый сержант-тумаит. Он гнал перед собой человека.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Нас встречали. Целая толпа тумайтов высыпала из переходного шлюза, чтоб насладиться позором своего врага. Переговариваясь, они наблюдали за тем, как человек и его провожатый медленно приближаются к серой громаде корабля. Я отчетливо слышал их смех и короткие язвительные реплики. От тумайтов исходило удивление, вопрошавшее: каким образом это уродливое существо

сумело уничтожить полтора десятка истребителей. Я не собирался отвечать на этот вопрос. Вместо этого я ускорил шаг и толкнул идущего впереди человека. Да-да, вы не ослышались, именно человека, потому что сам я в это мгновение был тумайтом...

Ночной бой, завершившийся моей полной победой, и необъяснимое бездействие тумайтов побуждали меня действовать активнее. Капитан-зрентшианец не предпринимал серьезных попыток уничтожить меня, хотя сделать это было совсем несложно. Судя по тому, что я узнал от пленника, дезинтеграторы корабля обладали достаточной мощностью, чтобы превратить поверхность планеты в безжизненную пыль. Но зрентшианец отчего-то медлил, и тогда я решил взять инициативу в свои руки. Я приготовил врагу подарок - самого себя. Взамен я рассчитывал получить многое: выяснить намерения врага, а если удастся, и завладеть кораблем. Я не сомневался, что это не составит особого труда требовалось лишь проникнуть внутрь и уничтожить зрентшианца. Шахматная партия, где пешка борется против королевы. Я должен был обмануть врагов и выиграть пару ходов, которые позволили б мне установить равновесие на доске.

Не знаю, как поступил бы в таком случае человек. Вероятно, он попытался б отыскать какой-нибудь неохраняемый шлюз и проникнуть через него. И, скорей всего, эта попытка закончилась бы плачевно. Зрентшианец имел больше оснований рассчитывать на успех. Ведь резервы его сути практически безграничны. Зрентшианец был вправе рассчитывать выиграть этот бой.

Способ, каким я намеревался проникнуть во вражеский стан, был довольно прост и в то же время изощрен. Я собирался пройти на корабль в качестве конвоира самого себя. Прежде мне, кажется, не приходилось упоминать о том, что зрентшианец, как и любое другое существо высшего порядка, обладает способностью к клонированию. Правда, я крайне редко использовал этот дар. Одно дело просто создать клон, но рано или поздно встает проблема уничтожения его иметь неконтролируемых двойников опасно. А согласитесь, убивать себя, пусть не целиком, а лишь малую частичку, трудно назвать приятным занятием. Потому я предпочитал работать с фантомами, однако в данной ситуации фантом меня совершенно не устраивал. Я рисковал быть разоблаченным. Поколебавшись, а все же остановил выбор на клоне.

Клонирование - весьма хлопотное занятие. Хотя клон отнимает гораздо меньше усилий, чем демон, но он забирает самое драгоценное - частичку человеческого я. Суть зрентшианца легко восстанавливаема, это прежде всего энергия, человеческая же суть подобна нервным клеткам - отмирает и не подлежит регенерации. Создавая клон, я убивал часть человеческого, подвергая себя риску в один прекрасный день обнаружить, что от человека остался лишь потрепанный облик. Я смутно ощущал, что потеря человеческого грозит мне ужасающими последствиями, хотя и не мог сказать, какими именно. Я желал оставаться человеком и не любил клонироваться, но сегодня у меня не было иного выхода.

Не буду утомлять пространным описанием процесса клонирования, скажу лишь, что он далек от того, каким представляют его досужие фантазеры. Это не почкование и не разделение сиамских близнецов. Все гораздо проще. Достаточно закрыть глаза и вообразить стоящего напротив еще одного себя. Это просто, но лишь при условии, что ты не являешься для самого себя загадкой. Необходимо знать себя наизусть, быть с собой на ты, отбросив привычку восхвалять себя или заниматься душевным мазохизмом. Ты должен видеть себя таким, каков есть солнце, усеянное пятнами. Ты должен знать все свои слабости, достоинства и маленькие тайны. И должен быть готов сказать своему клону - ты, позабыв о том, что мгновение назад он был частью твоего я. Если ты не умеешь делать всего этого, не стоит и пытаться. Ты рискуешь породить монстра или беззубого ангела. А потом первый будет пытаться уничтожить тебя, а второго пожелаешь уничтожить ты сам. Я породил немало отвратительных существ, одно из которых впоследствии даже было наречено Богом, прежде чем научился клонировать. Итак, я зажмурился и сотворил в сознании образ самого себя. Я был красив, но в меру - такие нравятся женщинам и вызывают нездоровую ревность у неуверенных в себе мужчин, - высок, хорошо сложен; у меня была белая, покрытая легким золотистым загаром кожа и на полутон более темные волосы. Я был скорее храбр, чем труслив, жесток, нежели склонен к милосердию. Я не считал себя аскетом, но в еще меньшей мере был вправе именоваться гедонистом. Я умел повелевать и неохотно подчинялся. Я любил острые вина, горькие приправы и сладких женщин. Я предпочитал черное - цвет Вечности и грязи. Черное требует меньшего ухода.

Черное было оттенком, завершающим образ. Утопив суть в черном, я дал ему расколоться на радужное многоцветье, а затем открыл глаза.

Передо мной стоял клон. Он был совершенно наг, и выражение лица его вряд ли можно было назвать умным. Клон чувствовал себя новорожденным - непривычное чувство, - я же ощущал внутри пустоту, обычную в данном случае. Подобное, верно, ощущает мать, разрешившаяся от бремени, но во мне не было той материнской радости от сотворения новой жизни. Я скорей чувствовал себя гусем, у которого нож авгура отхватил кусок печени.

- Привет, - сказал я.

- Привет, - точно с такой же интонацией отозвался клон.

- Нам предстоит проверить одно дело.

- Знаю.

Клон знал все, о чем думал я в то мгновение, когда творил своего двойника. Ему были ведомы все мои помыслы и желания.

- Ты должен одеть мою одежду.

Клон с готовностью кивнул. Его кожа была чуть светлей моей и казалась влажной, словно у новорожденного.

Уже светало. На высоких макушках деревьев играли робкие блики света. Они выглядели холодными, я внезапно представил себе этот холод и ощутил, как по телу побежали мурашки. Взглянув на клона, я заметил, что тот зябко ежится. Ему, в отличие от меня, защищенного сверхсутью, было действительно холодно.

- Обожди минутку.

Торопливо сняв с себя плащ, сапоги и штаны, я передал все это клону. Одежда была влажной, ее липкое прикосновение вряд ли могло подарить тепло, но все же это было лучше, чем ничего.

На мне остался лишь бронедоспех. Я представил, как выгляжу со стороны голозадый, с торсом, затянутым в черный пластик - и рассмеялся. Натягивавший сапоги клон поднял голову и вопросительно посмотрел на меня. Я махнул рукой не обращай внимания - и, сняв бронедоспех, протянул его клону.

- Держи. Это тоже тебе.

Вскоре клон покончил с одеванием. Он был готов отправиться в путь, мне же предстояло совершить нелегкую метаморфозу. Я велел клону принести из купола самого крупного из убитых тумайтов. Клон приволок труп сержанта. Пока он возился с вакуумными застежками, я трансформировал свое тело. Перебрасывая материю и энергию, я создавал форму до тех пор, пока не принял облик тумана. Как случается при каждом перерождении, мне предстояло пережить гамму новых ощущений. Далеко не все они были приятными. Так, ноги и руки казались неестественно короткими и неуклюжими - это раздражало. Зато я не мог не оценить того обстоятельства, что центр тяжести моего нового тела находится ниже, чем прежде. Это придавало телу большую устойчивость. Пошупав четырехсуставчатым пальцем роговые пластины во рту и убедившись, что они должны выглядеть достаточно правдоподобно, я довершил процесс трансформации, образовав на черепе полосу меха серебристого цвета, подобную той, что была у тумайта.

- Ну как, похож?

Клон придиричиво, не поленившись зайти сзади, осмотрел меня.

- Вполне. Вот только...

Я рассмеялся.

- Это мне вряд ли понадобится. Не думаю, что приду в неистовый восторг при виде их женщин.

Клон засмеялся тоже, чуть громче, чем следовало б. Он нервничал, Я вполне понимал его. Человек внутри меня чувствовал себя тоже не очень уютно. Он не был трусом, но всегда отличался осторожностью.

Удостоверившись, что с обликом все в порядке, я принялся облачаться в скафандр. Клон старательно помогал мне. Вскоре я превратился в красиво упакованную куклу. Последним штрихом стал шлем, который я водрузил на голову, предварительно выпустив из резервуара ядовитую смесь. Я не нуждался ни в ней, ни в воздухе. Сверхсуть питала органы человека.

Клон протянул ружье. В этот миг Контроль сообщил о возникновении небольшой опасности. Я немедленно обернулся в нужную сторону. Рядом с соседним куполом стояли два Охранника, бережно сжимавшие манипуляторами какие-то угловатые приспособления, ближайшая ко мне часть которых отливала синеватым металлом. Не требовалось быть провидцем, чтобы догадаться, что это оружие.

Я не стал причинять роботам вреда. Я просто разложил время и подошел к ним. Признаюсь, я не смог скрыть изумления. Всего за один день нобеки ухитрились создать электронные излучатели - оружие, куда более действенное, чем плазменные ружья тумайтов. Малейшее попадание электронного импульса - и любое живое существо превращалось в хорошо прожаренную котлету.

Единственным недостатком излучателя были его громоздкие размеры. Он весил не меньше хорошей пушки, и поднять его было под силу разве что роботу.

Обезоружив Охранников, я отпустил время. Надо было видеть разочарование роботов и следивших за их действиями нобеков. Правда, у последних оно тут же сменилось радостью, так как я дал понять им, как все обстоит на самом деле. Не желая вдаваться в подробные объяснения, я велел клону представить ситуацию таким образом, будто он имеет дело с взятым в плен пришельцем. Нобеки тут же изъявили горячее желание посчитаться со своим врагом. Маленькие создания были очаровательны в своей злобе, живо напомнив мне о безудержной ярости тварей, заселявших еще недавно Кутгар. Нобеки столпились вокруг мнимого пленника, норовя вцепиться зубами в его ноги. Я распахивал их, с трудом удерживаясь от желания раздавить пару голозадых крыс.

От имени клона я обратился к нобекам с краткой речью. Я распорядился изготовить как можно больше излучателей и вырыть на краю леса ямы, которые надлежало заполнить горючей смесью. Скафандры тумайтов, насколько я мог судить, не были рассчитаны на высокие температуры. Два самых прытких нобека Теш и Гер были назначены мною генералами. Я велел им приготовить обитателей леса к бою и ждать моего сигнала.

Нобеки приветствовали речь своего господина криками. Я разбудил их воинственный пыл. Распевая брагурные гимны, нобеки отправились выполнять приказания. Клон, со скрытой усмешкой наблюдавший за представлением, поинтересовался:

- Зачем все это нужно?

Я пожал плечами. По правде говоря, я и сам не знал, зачем. Я не допускал мысли, что воинство нобеков сможет мне пригодиться. Скорей, я поступил подобным образом по привычке. Я свыкся с тем, что за моей спиной должно стоять войско. Это обуславливалось более психологией, чем практической надобностью. Порой важно чувствовать себя ответственным за чьи-то судьбы. Держа в правой руке ружье, я сунул за пазуху бластер и пробормотал:

- Пригодится.

Клон так и не понял, что я имел в виду - помощь нобеков или подарок Леды. Пригодится...

А затем мы направились к кораблю. Перед этим я, подобно опытному мастеру, довел свой замысел до совершенства, наложив последний мазок. Мой враг являлся зрентшианцем, а следовательно, обладал способностью распознавать сверхсуть. Необходимо было, чтоб от клона исходило ощущение энергетического источника. Это должно было обмануть капитана на какое-то мгновение, вполне достаточное, чтобы я нанес удар. Вызвав Люнхирефа, я велел ему влиться в тело клона. Не скажу, что демон подчинился с восторгом. Похоже, он полагал, что уже отслужил свое и вправе рассчитывать на обещанную свободу. Я не стал тратить время на уговоры, а просто-напросто обжег строптивого артефакта огненной волной. Демон должен был знать свое место.

И лишь после этого мы двинулись в путь. Не слишком приятное, скажу вам, занятие - конвоировать самого себя на верную казнь. Умом я сознавал, что клон вовсе не является мной, что он не более чем крохотная частичка отторгнутого я, которой уже не суждено слиться с целым, но человеку было слегка не по себе. По мере приближения к кораблю он мрачнел все сильнее сильнее.

Клон казался куда более спокойным. Он полагал, что все окончится благополучно. Люнхиреф забился в самый дальний закоулок сознания клона, от него исходили обида и недовольство.

Как я уже говорил, наше появление вызвало у тумайтов бурю восторга. Вылезшие из шлюза астронавты - здесь собрались все, кто так или иначе поддерживали связь между кораблем и внешним миром, окружили нас тесной толпой. Меня дружно осыпали ругательствами, что, как я вскоре понял, было здесь нормальным делом. В отличие от других разумных созданий, тумайты не привыкли скрывать своей зависти. Они завидовали своему удачливому товарищу и оттого вполне искренне ненавидели его. Случай предоставил сержанту подняться выше и, кто знает, может, не на одну ступень. Это породило ненависть, я поразился ее откровенности. В первый момент мне даже едва не стало плохо, потому что черная аура всеобщей неприязни петлей сдавила сознание, но я быстро сумел совладать с собой, ведь я умел ненавидеть куда сильнее этих созданий. Мой клон и забившийся внутри его демон чувствовали себя не столь уверенно. Клона смущали обступившие его пришельцы, Люнхиреф еще раньше уловил мою тревогу. Я как мог постарался успокоить их. К счастью, сцена встречи подходила к концу.

Появился важный офицер с черным регланом на правом рукаве скафандра. Он принес прозрачную маску, к которой был прикреплен резервуар. Протянув маску клону, офицер принялся знаками объяснять тому, что ее следует надеть. Офицеру было весело, он от души потешался над непонятливым пленником. Высокомерно смеясь, он кричал:

- Какой идиот! Ну чего еще можно ожидать от примитивного кислородного существа!

Клон, подыгрывая ему, долго мялся, словно не зная, как поступить. Наконец я решил, что представление затягивается.

- Надевай, - сказал я.

Клон послушно исполнил то, что ему велели.

В воздушной смеси оказалось слишком много кислорода. Клон сделал всего несколько глотков, а я уже почувствовал, что он пьянеет. Опасаясь лишиться связи с двойником, я велел Люнхирефу взять под свой контроль сознание клона. Демон так и поступил, позволив человеку предаваться радости. Тем временем офицер оставил пленника и подошел ко мне.

- Ты подлец! - сообщил он с восхитительной непосредственностью. Как и прочие, офицер ненавидел удачливого сержанта, но делал это снисходительно. Капитан желает видеть тебя. Ты лично доставишь ему пленника.

- Слушаюсь. - Я постарался казаться кротким. - Прошу господина офицера помочь мне сопровождать этого монстра. Он очень опасен. Нужен храбрый мерзавец, чтоб удержать его в покорности.

Моя сомнительная лесть пришлась офицеру по вкусу. Он сделал характерный жест рукой, означавший согласие.

- Да, ты прав. Тебе без меня не справиться. Я пойду первым, а ты будешь охранять врага сзади.

Подобный расклад как нельзя устраивал меня. Хотя я представлял примерное устройство корабля, но все же он был слишком велик. Я мог случайно заблудиться и тем самым вызвать подозрение. А кроме того, спесивый болван-тумаит в случае чего должен был стать неплохим прикрытием.

Офицер двинулся первым, клон и я последовали за ним в черное чрево шлюза. Двухстворчатая перегородка, каждая из половинок которой напоминала острозубый частокол, сомкнулась за моей спиной. Внутренний слух уловил негромкое шипение. Из раструбов, расположенных под потолком и у пола, ворвались белесые облака хлористой смеси. Они походили на пар и были обжигающе холодны. Влага, неровными подтеками осевшая на стенах, мгновенно замерзла и превратилась в синеватую изморось. Клон принялся машинальными движениями растирать стынувшие руки. Даже лишенный собственного сознания, он инстинктивно ощущал холод. Ему было очень холодно.

Белесое облако становилось все гуще, а потом почти мгновенно исчезло. Вся влага, захваченная из атмосферы Кутгара, осела на стенах. Это означало, что кислород полностью вытеснен из шлюзовой камеры. Точно так посчитали детекторы, блокирующие вход. Один за другим распахнулись два ряда дверей, миновав которые мы очутились на небольшой площадке. Отсюда вели четыре тоннеля, охраняемые вооруженными часовыми. Офицер выбрал второй справа. Часовой отдал нам честь, шлепнув рукой по стене, когда мы проходили мимо.

А затем началось путешествие, как две капли воды похожее на то, что мне приходилось совершить через сознание пленного тумайта. Мы шли по длинному переходу. Он был удивительно неправилен и походил на кишку гигантского животного. Переход извивался, то сужаясь, то расширяясь, потолок взмывал над полом, а затем прижимался к нему, заставляя нас нагибаться. Здесь царствовала абсолютная темнота. Тумайты были равнодушны к свету, я мог ориентироваться в любой среде. Клону пришлось бы несладко, но, к счастью, вселившийся в него демон обладал абсолютным осязанием.

Постепенно переход становился шире, но форма его продолжила оставаться столь же хаотичной. Мы шли мимо жилых отсеков, откуда выглядывали любопытствующие астронавты. Они улыбались нам, но в этих улыбках чувствовалась жгучая ненависть. Пожалуй, меньшая часть ее была адресована пленному. Он был враг, но поверженный, а значит - мертвый. В чем живой может завидовать мертвому? Куда более была ощутимой ненависть по отношению ко мне, и совсем уж огромная предназначалась офицеру. Но он то ли воспринимал эту ненависть как должное, то ли не чувствовал ее. Так или иначе, но офицер оставался совершенно спокоен.

Мужские боксы сменились помещениями для женщин и детей. Я не ожидал, что отношение к моей персоне изменится, но к изумлению обнаружил, что здесь аура ненависти стала еще более густой. Особенно сильно умели ненавидеть дети коротконогие уродцы в желтеньких комбинезончиках. Они были готовы ненавидеть даже за то, что я прожил свою жизнь.

Наконец переход оборвался. Мы стояли у светящегося колодца, как называли тумайты подъемник для перемещения на другой уровень. Это была круглая платформа, по краям которой горела цепочка тускло-желтых огоньков, представлявших весьма яркими для зрения тумайтов. Огоньки призывали быть осторожным.

Мы взошли на платформу, офицер коснулся пальцами двух клавиш, означавших восемь. Мы

направлялись в восьмой уровень, где ждал капитан.

Подъем занял долю мгновения. Все это время я искоса разглядывал клона. Его кожа была совершенно обморожена, руки едва шевелились, а легкие превратились в два ледяных осколка. Он был бы уже мертв, если б не демон, подпитывавший своей энергией работу мышц и органов. Мне стало чуточку жаль двойника. Не желая поддаваться слабости, я грубо толкнул его стволом ружья, принуждая сойти с платформы.

По моим подсчетам нам оставалось пройти совсем немного. Офицер шел легким быстрым шагом. Наш провожатый уже избавился от шлема и упивался чистыми испарениями хлора. Он совершенно не обращал внимания на то, что пленник едва шевелит ногами. Это было не в его духе - обращать внимание на что-то, стоящее ниже. Я связался с Люнхирефом и приказал демону влить в клон как можно больше энергии. Человек должен был выглядеть хотя бы живым.

Правители обожают внешние атрибуты силы. Даже мудрые не могут удержаться от их проявления, чего уж говорить о созданиях, которым завистливая ненависть заменяла ум. Весь восьмой уровень был до отказа заполнен вооруженными солдатами. Они стояли ровными рядами от светящегося колодца до рубки и дальше, до покоев капитана - высокие по здешним меркам молодцы, облаченные в синюю с серебристыми разводами форму. Вне всякого сомнения, это была гвардия. В отличие от прежде виденных мною астронавтов эти были вооружены короткоствольными излучателями, закрепленными ремешками на левом плече. Мы прошли, а точнее, нас прогнали сквозь строй, хлеставший шпицрутенами ненависти. На этот раз и офицер чувствовал себя явно не в своей тарелке. Он поломал свой петушиный шаг и стал как-то странно подволакивать ноги. Я представил, каково бы было в этот момент бедолаге сержанту, чей обожженный воздухом Кутгара труп лежал на лужайке перед куполом. Возможно, в этой мысли было что-то от жалости людоеда, сокрушающегося о больном сердце только что освеженной им жертвы, но я посочувствовал сержанту вполне искренне.

- Стой! - скомандовал офицер самому себе, а заодно и своим спутникам.

Мы стояли перед покрытой синеватым сплавом дверью. Переход в этом месте расширялся до максимально возможной величины, потолок резко взмывал вверх, так что дверь, походившая на ворота восточного храма, могла себе позволить быть огромной. Металлические полосы делили ее на восемь равных частей, которые были покрыты искусным барельефом - сценами битв и изображениями фантастических чудовищ. Сопровождающий коснулся пальцами края одной из полос и доложил:

- Пленный по повелению магистра-капитана доставлен!

Фраза была достаточно длинной, но тумаит ухитрился пролаять ее в несколько слогов. Вслед за этим створки двери поехали в стороны, утопая во внутренних пазах. Они раздвинулись ровно настолько, чтоб мог пройти тумаит. Человек, чьи плечи были несколько шире, был обречен протискиваться боком.

- Входи, - внезапно осевшим голосом шепнул офицер. Он забрал мое ружье и передал его стоящему рядом гвардейцу.

Не обращая внимания на вопли Контроля, я толкнул одеревеневшего от холода клона в спину и шагнул следом.

Здесь был свет. Много света, прячущегося за тяжелыми портьерами. И очень много кровавого. Красные стены, красный потолок, алый с черными бликами пол. Это была зала из моего видения.

Капитан сидел на причудливо изогнутом предмете, отдаленно напоминавшем кресло. При появлении гостей он поднялся. Это был высокий тумаит, облаченный в алый комбинезон. На груди его виднелись три черные металлические полосы знака высокого положения, голову венчал небольшой плоский убор с коническими выступами по краям. Взгляд капитана был полон холода, смертельного даже для тумаитов. Предо мной стоял тот, кто был мне нужен.

Вся сцена заняла не больше мгновения, которое мне показалось вечностью. Тумаит не отрываясь смотрел в глаза обратившегося в ледяную статую клона, словно пытаясь найти ответы на волновавшие его вопросы, а я тем временем пытался отстегнуть шлем, кляня себя за то, что не догадался сделать это раньше. Для того, чтобы нанести смертельный удар, я должен был освободиться от шлема. От волнения, охватившего даже зрентшианца, пальцы не слушались. Я с трудом расстегнул одну вакуумную застежку, вторую, третью...

И в этот миг случилось то, чего я ожидал менее всего. Воздух зазвенел от вопля вырвавшегося из тела клона Люнхирефа. Демон, почуявший приближение гибели, решил купить себе жизнь путем предательства.

- Это не он! - вопил Люнхиреф, обращаясь к капитану. - Твой враг позади!

Капитан перебросил взгляд на меня и расхохотался. Его смех был ужасен. В нем звучали сила и превосходство. Он ждал меня и как следует приготовился к этой встрече. Он торжествовал, потому что его западня все же сработала.

Обламывая ногти, я рванул последнюю застёжку, но опоздал. Мое естество потряс страшный удар, и я почувствовал, что сверхсуть оставляет меня. Она кричала, отбивалась, противилась, но неведомая могучая сила влекла ее из убежища, именуемого телом. И вскоре человек очутился один, незащищенный и уязвимый. А вокруг бушевало ледяное пламя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Путешествие вряд ли можно было назвать приятным. Зрентшианец с невероятной скоростью неся через ослепительно-черный извивающийся тоннель. Тоннель этот то суживался, то разбухал, стены его, утыканные белыми оспинами звезд, тяжело, с натугой дышали. И кто-то визжал. Визжал с невероятной силой, разрывая вязкую тишину. Визг нарастал по амплитуде. Там, где тоннель расширялся, визг утихал, словно находя, выход, когда же стены сходились, визг взвизгивал до умопомрачающей ноты.

Все это продолжалось долго, может, секунду, может, столетие - не все ли равно? Разве есть разница между секундой и столетием? Да, - скажет человек. Нет, - ответит Вечность. Зрентшианец считал, что истина где-то посередине.

Тоннель начал ветвиться, от его тулова отходили извилистые отростки, из которых долетал тусклый счет. По черной оболочке тоннеля поползли синие, красные и темно-зеленые спирали, постепенно сжимающие пространство в пружину. Затем появились соцветия золотистых искр, подобных тем, что окутывают корабль при торможении в атмосфере. Визг достиг невыносимой высоты.

И вдруг разом все оборвалось. Мелькнула огненная вспышка и установилась тишина - густая и абсолютная, от которой заломило в ушах. Зрентшианец ощутил, что чувство полета исчезло, а его тело покоится на твердой прохладной поверхности. Борясь с легким головокружением, он приподнялся и едва не ослеп. Мир вокруг сиял оглушающе белым.

Белые вершины, белые склоны, белая, словно лист китайской бумаги, равнина, покрытая взвесью, похожей на перемороженный снег. Взвесь эта была чуть прохладной и не таяла в руках, ибо снегом на деле не являлась.

Неужели опять Леда? - подумал Зрентшианец.

Он сел, подогнув ноги, и оглядел себя. Серебристый скафандр исчез. На зрентшианце был щегольски скроенный костюм из невесомой, но очень прочной ткани. Костюм был почти черный - три черных нити и одна темно-синяя. Ноги были обуты в мягкие, чуть ниже колен сапоги, плечи покрывал короткий плащ того же цвета, что и костюм. Одежда была абсолютно новой и пугающе знакомой. То же можно было сказать и о мире, в котором зрентшианец очутился.

Ему уже приходилось бывать здесь. Он не помнил этого, но был уверен, что это было. Давно, очень давно, возможно, еще до того, как он ощутил себя зрентшианцем.

Станный мир, вызывающий смутное щемящее чувство. В безжизненном однообразии белого таилась симфония приглушенных цветов и звуков, воздух был заполнен неощутимыми ароматами. Зрентшианец поднялся и медленно двинулся по мертвенной равнине. Он не знал, куда следует идти, но был уверен, что рано или поздно достигнет цели.

Цель сама достигла его.

Среди безжизненной пустыни появилось крохотное яркое пятно. Отчетливо видимое на белом фоне, оно перемещалось, постепенно приближаясь. Зрентшианец сел и принялся ждать. Вскоре пятно приблизилось настолько, чтоб обрести форму.

С искрящегося стылым молоком холма спускался человек. Ступал он неторопливо и твердо, словно вбивая колоннообразные ноги в белую твердь. Когда он подошел поближе, зрентшианец понял, что перед ним совсем не человек, и, может быть, даже не гуманоид. Это было на редкость уродливое существо с короткими нижними конечностями и массивным телом, задрапированным в некое подобие алого балахона с неровно ниспадающими складками. Рот существа производил жутковатое впечатление - длинная вертикальная щель, тянущаяся от низа физиономии до среднего глаза. Да-да, именно среднего, потому что глаз у существа насчитывалось три: два примерно на том месте, что и у человека, а третий - во лбу, подобно глазу Шивы. Глаза были лишены зрачков и пылали зеленым яростным огнем.

Необычно выглядели и верхние конечности. Их было четыре, и они походили на толстые щупальца, лишённые костей и суставов. Одно из щупалец сжимало черный прут, оканчивающийся небольшой сверкающей шишечкой.

Подойдя вплотную к сидящему зрентшианцу, существо без всяких обиняков заявило:

- Я убью тебя!

Зрентшианец сделал приглашающий жест - приступай. Существо отреагировало злобным оскалом, продемонстрировав два ряда острых, похожих на зубья пилы, клыков.

- Ты знаешь, кто я?

Зрентшианец отрицательно покачал головой. - Нет, приятель, мы незнакомы, но тобою вполне можно пугать детей.

- Ты тоже не красавец! - Сообщив это, существо угрожающе махнуло щупальцем-рукой. - Я тумайт, капитан корабля!

- Ты зрентшианец по имени Го Тин Керш, если не ошибаюсь?

- Нет, не ошибаешься. - Существо не выдало удивления, однако не удержалось от любопытства. - Откуда ты знаешь мое имя?

- Это не имеет значения.

- Для меня имеет. Отвечай, если хочешь умереть быстро и безболезненно!

- Что ты, приятель! - ласково протянул зрентшианец. - Я, напротив, хочу умирать как можно дольше. Боли же, которой ты меня пугаешь, я не испытываю.

- Боль бывает разной.

Зрентшианец неопределенно кивнул, не сводя взгляда с глаз существа. Они были бесстрастны и напоминали кусочки ярко окислившейся медной фольги. Вся эта сцена выглядела нелепо, словно сюрреалистическая композиция. Два несуществующих существа, ведущие несуществующий разговор на белом фоне несуществующей планеты.

- А почему ты хочешь убить меня?

- Ты зрентшианец.

- И что же? Я знавал зрентшианцев, которым даже не приходило в голову покушаться на мою жизнь.

- Это невозможно. Каждый из нас мечтает убить другого зрентшианца, ведь, убивая, ты обретаешь суть, убитого.

- Выходит, чем больше зрентшианцев ты прикончишь, тем сильнее станешь?

- Угадал.

- Заманчиво...

Зрентшианец сосредоточился, намереваясь разложить врага дезинтегрирующей волной, однако сверхсуть не подчинилась. Существо заметило эти потуги и усмехнулось.

- Не старайся. Твоя энергия в этом месте не действует. Единственное, на что способен здесь каждый из нас, так это манипулировать временем. Ты очутился в обители истины, где можно рассчитывать лишь на свою холодную суть и на каур.

Существо с силой рассекло воздух прутом. От этого движения сверкающая крышечка раскрылась на восемь лепестков, чьи края были отточены до остроты бритвы.

- Тебе конец, - сказала существо и, словно желая добить противника, прибавило:

- Это Зрентша!

* * *

Вам приходилось видеть смерть?

Человек увидел ее многоликой. Она подошла так близко, как никогда еще в жизни. Костистая лапа ее тянулась к горлу...

Когда сверхсуть исчезла, насильно изъятая из тела, человек растерялся. Но лишь на мгновение. Жизнь научила его не терять хладнокровия в любой ситуации. События развивались стремительно.

Лишенная стабилизирующей поддержки сверхсути оболочка человека немедленно вернулась к первоначальной форме. Внешне это походило на спрессованный в крохотный миг процесс появления бабочки. Кокон скафандра, подогнанный под тело тумайта, вздулся и лопнул сразу во многих местах, уступая напору резко увеличившегося в размерах тела. Это уже был не тумайт, а человек, и человек оказался лицом к лицу со смертью. Смерть имела несколько обликов. Ее нес облаченный в алое капитан, но в еще большей мере ею грозили холод и ядовитая атмосфера корабля.

Промедление грозило гибелью, человек действовал мгновенно. Не обращая внимания на ужасающий холод, вонзившийся в тело рвущими мышцы судорогами, он подхватил упавший вместе с обрывками скафандра бластер и выстрелил в капитана. Импульс прошел над левым плечом тумайта, образовав неровную дыру в стене. Капитан ничком рухнул на пол. Второй выстрел мог стать смертельным, но человеку было не до того. Сверхсуть отсутствовала, а крохотный запас кислорода, поглощенный легкими еще в лесу, был на исходе. Кроме того, ядовитые испарения хлора добрались до глаз, выдавив из них потоки слез, которые мешали как следует прицелиться. Оставив своего врага, человек бросился к упавшему клону и быстрым движением сорвал с него маску с живительной кислородной смесью. Глубокий вздох расправил корчащиеся от боли легкие, возвращая сознанию легкость. Но человек знал, что легкость вскоре окажется опасной.

Кислородное опьянение несло смерть - веселую и бесшабашную. Но первыми убийцами должны были стать холод и проникающий в поры кожи хлор. И еще изменивший демон, имя которого человек, оглушенный происшедшим, позабыл. Зато он вдруг вспомнил другое имя - Хатфур.

И человек воззвал к созданному им некогда артефакту, уповав скорей на чудо. А скажите, на что ему еще оставалось уповать? И чудо свершилось.

Демон отозвался. Хатфур был чрезвычайно мощным созданием, пожалуй, самым могучим из всех, созданных когда-либо зрентшианцем. Недаром ему была поручена роль Хранителя Замка. Хатфур явился на отчаянный вопль человека. В мгновение ока преодолев бездну разделяющего их расстояния, он ворвался в капитанские покои и утопил алое в ослепительных потоках огня. Действуя подобно могучему химическому преобразователю, он обратил хлор в кислород, окружив человека волной теплого животворного воздуха. Огненный вихрь пробежал по портьерам и мебели, превращая их в чадающий пламень. Холод нес смерть человеку, раскаленный жар был губителен для тумайта. Извиваясь и крича, капитан полз к укрепленному на стене диску пульта. Одежда его пылала. Человек дважды выстрелил в своего врага, но смешавшийся с хлористыми испарениями дым, застилавший глаза, помешал как следует прицелиться. Под потолком отчаянно метался преследуемый огненными потоками демон-предатель. Он был слишком слаб, чтобы меряться силами с Хатфуром. Последний гонялся за своим собратом, пока наконец не настиг его. Мощь Хатфура была несоизмеримо большей. Огненные спирали пронзили тело предателя и разорвали его на первоначальный хаос. Помещение утонуло в яркой вспышке возбужденной энергии, стены покачнулись. Слегка оглушенный, человек оказался на полу, рядом с умершим клоном. Лежа на животе, человек стрелял туда, где, по его предположениям, должен был находиться капитан-тумайт. Но ни один из импульсов не достиг цели. Тумайт все же сумел добраться до заветного пульта и распахнул двери. В дымное месиво ворвались колющие облака хлора. Вместе с ними вбежали гвардейцы. Каждый из них успевал проделать лишь несколько шагов, а затем падал замертво. Звук падающих тел долетал сочными глухими шлепками. Подобный звук издает бифштекс, с размаху брошенный на сковороду. Гвардейцы умирали, воя от боли, но на смену им являлись все новые и новые. Эти новые устремлялись вперед и подобно своим предшественникам обретали смерть. Клубы кислорода разрывали им легкие, тела, обожженные огненными струями, которые испускал Хатфур, покрывались язвами; многих разили беспорядочные выстрелы братьев.

- Хозяин, пора выбираться отсюда, - услышал человек негромкий шепот Хатфура.

- Согласен, - отозвался человек. Находясь в кислородном конусе, созданном демоном, он чувствовал себя вполне сносно. - Ты знаешь дорогу?

- Примерно.

- Тогда идем.

Оберегаемый Хатфуром от выстрелов мечущихся гвардейцев человек начал пробираться к выходу. Свет погас, воцарилась полная темнота. Человек ориентировался благодаря осязанию демона. Оно отличалось от человеческого восприятия. Воздух выглядел зыбко-фиолетовым, стены - малиновыми, астронавты казались серыми расплывчатыми призраками.

Сквозь оболочку конуса долетали грохот разрывов и невнятные крики. Порой спереди или сзади расцветали огненные комки плазменных импульсов. Демон отбрасывал их, корчась от боли.

Тусклые, подсвеченные изнутри импульсы пронзали нечеткие контуры тумайтов, и те размазывались по колеблющимся стенам.

Переход наполнился воем. Корабль кричал, словно раненое животное, в этом крике слышалась неистовая боль. Многие думают, что машины, страдая, плачут. Неверно, они кричат - диким утробным криком. От этого крика у человека разламывалась голова, но он бежал, влекомый демоном в черноту неизвестности.

Увы, мощь артефакта не беспредельна. Вскоре Хатфур устал. Он все реже выдыхал потоки кислорода, обжигавшие внутренности корабля, огненные щупальца его становились короче. Демон расходовал остатки энергии, а человек ничем не мог помочь ему, разве что словом.

- Держись, - уговаривал он слабеющего демона. - Если мы выберемся, я подарю тебе свободу...

Демон находил в себе силы рассмеяться.

- Зачем? Мне нравится служить тебе. Ты идеальный хозяин. В тебе есть то, чего недостает другим - ты неистребим.

- Хотелось бы верить, - бормотал человек.

Итог этому отдающему сумасшедшинкой диалогу подвели три тумайта, выскользнувшие из бокового ответвления. Прежде чем демон отреагировал огненной волной, человек поразил врагов коротким выверенным импульсом. Тумайты рухнули изломанными куклами, так и не выпустив из рук оружия.

Хатфур увлек человека влево. Проход здесь сужался настолько, что человеку пришлось ползти на четвереньках. Сзади стреляли. Человек услышал, как Хатфур охнул. Так взвизгивает от боли старый уставший лес. Упав на спину, человек обернулся и несколько раз выстрелил. Серый силуэт с гротескно торчащими сучьями-руками развалился на части.

- Сюда, - едва слышно прошептал Хатфур.

Человек очутился в небольшом овальном помещении. Впереди мерцал тусклый свет - отблеск светового колодца.

- Как думаешь, нас там ждут?

- Конечно. А ты как думаешь! - откликнулся Хатфур. - Эти ребята умеют ловить мышей.

- Ты был лучше!

- Спасибо! - В голосе демона звучали почти человеческие нотки... - Как правильно сказано: был.

- Мы выберемся!

- Ты - да, а я останусь здесь.

- Чепуха, старина, - пробормотал человек не очень уверенно.

Хатфур промолчал. Он словно прислушивался к чему-то. Со стороны колодца долетал неясный шум.

- Все, - сказал демон. - Они несут дезинтеграторы энергии. А-а-а!

Хатфур издал ужасный крик боли, заставивший корабль содрогнуться. Человек тщательно прицелился и принялся расстреливать мерцающее жерло, откуда изливались смертельные для артефакта лучи. Демон извивался в муках. Он слабел, разлагаясь на первоначальный хаос. Внезапно, собрав последние силы, Хатфур закричал:

- Приятель, назови моим именем какую-нибудь звезду! Затем человек почувствовал, как тело демона оставляет его, сжимается в комок, раскаленный и пульсирующий. Сорвавшись с места подобно стартовавшей ракете, Хатфур устремился вперед и вонзился в покрытую серыми плитами стену. Раздался оглушительный взрыв, швырнувший человека в темноту...

Сколько продолжалось забытие, сказать невозможно, но, верно, не очень долго. Когда сознание вернулось, человек обнаружил, что лежит на растрескавшейся земле, а над ним возвышается серая громада корабля.

Корабль тумайтов располагал мощнейшей системой защиты, но энергия, исторгнутая умирающим демоном, была запредельной даже для нее. Артефакт пробил броню насквозь, а образовавшийся смерч выбросил человека наружу.

С трудом пошевелившись, человек сорвал с лица маску. В голове пьяно шумело, ужасно болели спина и левая рука. Падение с огромной высоты давало о себе знать. Тумайты еще не опомнились. Постанывая, человек поднялся с земли и устремился к спасительному лесу.

Он бежал, прилагая невероятные усилия, чтобы не упасть. Зажатый в руке бластер чугунной гирей бил по бедру, в горле першило, из глаз текли слезы, утирать которые не было ни сил, ни времени. Нагое тело было сплошь покрыто кровавыми ссадинами и синяками. Он был жалок, спасающийся бегством человек, но у него были острые зубы и когти.

Человек успел достичь первых деревьев, когда корабль ожил и из чрева его начали выползать уродливые механизмы, похожие на гигантских гусениц. Охота на существо, именующее себя человеком, продолжалась.

* * *

Так вот какая она, легендарная планета Зрентша. Зрентшианцу следовало бы узнать ее раньше. Бесконечные белоснежные просторы, лишённые солнца, света и жизни. Планета, которую сгубило ненасытное властолюбие ее обитателей. Родина, которую зрентшианцу никогда не приходилось видеть.

Здесь надлежало бы вставить лирическое отступление о пашнях, вечнозеленых лугах и беспредельной ностальгии по родному дому, но зрентшианец не был поэтом, да и времени на излияние родственных чувств у него тоже не было. Существо несло смерть. Зрентшианец должен был найти способ, как избежать ее.

Он не знал, что за оружие держит его враг, но чувствовал, что от него исходит смертельная опасность. Как детеныш дикого зверя чувствует инстинктивную неприязнь к человеку, так зрентшианец ощущал угрозу, исходившую от неведомого оружия.

Внешне оружие походило на пернач, подобный тем, что были на вооружении у гвардейцев Аквилонии, той самой Аквилонии, что существовала в Дикие века. Только отточенные пластины этого пернача не прилегали к рукояти, подобно лимонным долькам, а расходились в стороны блестящими серповидными когтями. Существо назвало свое оружие кауром. Зрентшианец слышал о кауре, о нем рассказывал Командор. Лишь этим оружием можно было убить зрентшианца.

И потому он медленно отступал, не сводя глаз со своего врага. Так медленно, как только мог. Зрентшианец делал крохотные, едва заметные шаги, обратив мышцы ног в пружины, способные в любой момент разжаться и бросить тело в сторону, назад или вперед в соответствии с желанием хозяина.

Существо надвигалось столь же медленно, с угрожающей неспешностью, словно примеряясь для стремительного удара. Глаза его то блекли, то загорались камедным огнем. Они смотрением были необычайно красиво, не будь в них угрозы и жестокости, превосходящей даже ненасытную жестокость зверя. Это были глаза существа, которому убийство доставляло радость - не из разряда тех, что служат утолению кровавого инстинкта. Эта радость ублажала мозг - могучий и жестокий, и еще больной. Ведь здоровый мозг может быть жестоким, но он не испытывает от своей жестокости ни радости, ни наслаждения. Для существа жестокость оборачивалась оргазмом.

Хотя зрентшианец и ожидал нападения, но когда существо рывком бросилось вперед, он на мгновение замешкался. Лепестки каура с визгом пронеслись у самой его груди, в двух местах раскроив одежду. И тут же без всякой паузы последовал новый удар. Выяснилось, что помимо прочего враг обладает замечательным для бойца строением тела. Оно было связано с нижними конечностями таким образом, что могло вертеться вокруг своей оси словно на шарнире.

Нанеся первый удар, существо стремительно развернуло туловище и сделало еще один выпад. Для того, чтобы увернуться, зрентшианцу потребовалось разложить время. Враг ответил тем же. Они стояли друг против друга и играли временем до тех пор, пока не свели его почти к абсолютному нулю. Время замерло, едва дыша, звезды на небосклоне потускнели. Движения противников также слегка замедлились, но оба они оставались в равных условиях - равных касательно времени, но не возможностей, ибо существо было вооружено, а зрентшианец мог рассчитывать лишь на свою сноровку.

Зрентшианец владел множеством приемов, которые изучил вместе с человеком во время бесконечных странствий по Земле. Но в этом бою они были бесполезны, так как невероятная подвижность торса существа не позволяла приблизиться к нему. Но даже сумей зрентшианец сделать это, он не смог бы покончить со своим врагом, ведь он не имел оружия, несущего смерть зрентшианцам.

Поэтому зрентшианец избрал единственный верный способ боя - он ускользал от своего врага, рассчитывая, что тот выбьется из сил. Подобная тактика быстро оправдала себя. Вскоре существо устало. Его массивная грудь вздымалась словно кузнечные меха, на уродливом лице выступила синяя сыпь, сквозь которую со свистом вырывались струйки слизи. Не сговариваясь, противники отпустили время.

Их разделяло примерно футов тридцать - расстояние вполне достаточное, чтобы зрентшианец мог

не опасаться каура.

- Ты ловок, - прохрипело существо, задыхаясь, - но я убью тебя!

- Посмотрим, - ответил зрентшианец, чувствовавший себя намного лучше соперника. - Когда твое сердце устанет, я задушу тебя и с удовольствием пожру твою суть.

Слова эти были не более чем бравадой, имевшей целью раззадорить противника. Они попали точно в цель.

Существо яростно зарычало и бросилось в новую атаку. Время замедлило бег. Как и прежде, схватка больше напоминала охоту. Существо преследовало безоружного врага, пытаясь поразить его своим страшным кауром. Зрентшианец, более быстрый на ногу и более ловкий, без особого труда уходил от погони. Его ноги мощно выталкивали тело, придавая ему стремительность. Порой зрентшианец останавливался, чтобы подождать своего приотставшего врага, после чего смертельная игра продолжалась.

Они бежали по равнине, пологим холмам, играли в салки между нагромождениями сверкающих глыб, скользили по стылой глади псевдоозер. Дважды существо настигало зрентшианца и дважды промахивалось. Зрентшианец был более удачлив. Он сумел поразить врага куском скалы, угодив ему чуть правее раззявленной пасти. Удар вышел силен. Существо взвыло от боли и бешенства, порожденного осознанием собственного бессилия. Затем оно удвоило старания, с грохотом вонзая конусообразные ноги в белую плоть планеты. Зрентшианец также прибавил шаг.

Все это могло продолжаться сколь угодно долго, если бы зрентшианец не совершил ошибку. Он взобрался на скалу, полагая, что сможет спуститься по обратному склону, но оказалось, что со всех сторон скала обрывается двухсотфутовой пропастью. Спуститься отсюда было возможно лишь одним путем по тропинке, какой зрентшианец воспользовался, чтобы подняться наверх. Но эту тропинку перекрывали существо. Оно взбиралось наверх медленным шагом, устало пыхтя каждый раз, когда приходилось задираť нижнюю конечность. На отвратительной морде виднелась явная усмешка.

Зрентшианец застыл, бессильно опустив руки. Тропинка была слишком узка, чтобы попытаться проскользнуть мимо четырехлапого урода, размахивавшего кауром. Оставалось лишь пятиться, что он и делал до тех пор, пока не очутился на самом краю скалы. Случись подобное в каком-нибудь другом месте! Да он просто бы взвился вверх и опустился как угодно далеко от этого места. Но на родной планете зрентшианцы теряли ту силу, которая делала их почти всемогущими. На Зрентше они становились уязвимыми и слабыми существами. Здесь все решало оружие. А оно было в руках Го Тин Керша.

Существо наконец вползло на скалу и медленно подступало к зрентшианцу. Тот столь же медленно перемещался влево, тая слабую надежду, что враг промахнется, и тогда можно будет попытаться ускользнуть от него. Но существо не собиралось дарить шанс своему незадачливому противнику. Оно намеревалось бить наверняка. Приблизившись к побледневшему зрентшианцу, существо победно сверкнуло острыми клыками и размахнулось...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Смерть приходит ослепительной вспышкой. Световая волна ослепила зрентшианца. Схватившись руками за лицо, он пошатнулся и едва не упал в пропасть. Ноги чудом удержались на влажной скользкой поверхности. Зрентшианец был уверен, что принял первый удар, и в смятении ждал второго. Но он ошибся. Нового удара не последовало, потому что противник чувствовал себя немногим лучше.

Оба - и зрентшианец, и существо - отчаянно терли глаза, когда же они обрели способность видеть, их взорам предстал силуэт, выросший на скале. Присмотревшись к нему, зрентшианец почувствовал, как убыстряет свой бег радостно всколыхнувшееся сердце. Леда сдержала обещание и пришла на помощь. Она подросла именно в тот миг, когда зрентшианец более всего в ней нуждался. Правда, выглядела Леда далеко не блестяще. В отличие от зрентшианца и существа, вполне сохранивших телесную оболочку, Леда являла собой бесплотную тень. Более или менее четким был лишь внешний контур - полоса неопределенного темного цвета, - все же, что было внутри его, представляло полупрозрачную невесомую субстанцию, похожую на зарождающееся облако. Это был скорее призрак, чем живое существо.

Го Тин Кершу, очевидно, приходилось прежде сталкиваться с подобными созданиями.

- Прочь, ваэму! - взревел он во всю силу своих легких. Зеленые глаза налились яростным блеском.

Но призрак не намеревался отступить.

- Я не отдам тебе этого человека, недоделанный полукровка!

Слова Леды больно уязвили Го Тин Керша. Он рассвирепел.

- Ах ты, бестелесная тварь! Да что ты можешь сделать мне, ты, имеющая лишь одну слабую суть! Быть может, в ином мире твоя мощь велика, но на этой планете ты лишена своей силы. Я даже не стану разрушать твой призрак. Я просто шагну сквозь него! - Каур со свистом рассек тень, заставив заколебаться линию контура. Го Тин Керш захохотал. - Ты бессильна предо мной!

- Да, - послышалось в ответ. У говорившего был низкий, очень красивый голос. - Да...

Зрентшианец несколько удивился тому, что на сцене появился новый участник, но еще более он был поражен его внешностью, показавшейся странно знакомой. Пришелец был высок, узкоплеч, необычайно худ. Пепельная кожа его походила на высохший пергамент, покрытая пухом голова напоминала птичью. Подобно зрентшианцу гость был облачен в черный комбинезон и такого же цвета щегольский плащ.

- Да, - повторил незнакомец, - она бессильна перед тобой. Но ее послал я.

К изумлению зрентшианца его свирепый враг почтительно склонил голову.

- Приветствую тебя, Изначальный.

Впрочем, почтение вовсе не означало того, что существо отказались от своих намерений. Выпрямившись, Го Тин Керш с угрожающей grimасой уставился на гостя в черном.

- Я не знаю твоего имени, Изначальный, но хочу заявить о своих правах на этого т'ена. Я обнаружил его первым, и он принадлежит мне.

Гость не стал спорить. Мельком взглянув на зрентшианца, он кивнул.

- Да, он твой. Я не собираюсь нарушать наши законы, но я вправе потребовать, чтобы ему предоставили возможность воспользоваться оружием.

- Как раз это противоречит законам, - мгновенно отреагировало существо. Он сам виноват в том, что не позаботился о кауре.

- Он не знаком с древними обычаями Зрентши.

- Меня это не касается.

Изначальный задумался и после небольшой паузы сказал:

- Ты прав. Но у нас есть такой обычай - если кто-то вступится за обреченного на смерть, он имеет право вызвать его преследователя на бой.

- Но в этом случае он не может рассчитывать на каур!

- Да.

Го Тин Керш оскалил клыки.

- Ты хочешь вступить за это слабое существо, почему?

- Он мой друг.

- Ты лжешь, Изначальный. У зрентшианца нет и не может быть друзей. Назови мне истинную причину.

- Зрентшианец имеет право не отвечать на подобный вопрос.

Кивнув уродливой головой, существо легонько взмахнуло кауром.

- Хорошо, Изначальный, я принимаю твой вызов. Какое место тебе угодно избрать для поединка?

Гость наморщил надбровные дуги, лишённые признаков бровей.

- Да хоть здесь. Зачем куда-то идти?

- Хорошо, Изначальный. В таком случае мне не придется вновь гоняться за этим т'ена. Пусть он и ваэму отойдут в сторону. - Изначальный внимательно посмотрел на зрентшианца и жестом велел тому отступить к дальнему от тропинки обрыву. Он был серьезен и почти хмур. Го Тин Керш, напротив, светился от восторга. - Наконец-то исполнится моя заветная мечта, и я восприму суть Изначального!

Гость в черном не отреагировал на этот хвалебный вопль. Он был полностью поглощен приготовлениями к поединку. Скинув плащ, он тщательно обмотал им свою левую руку, словно тонкая ткань могла предохранить от беспощадных лезвий каура. Прodelав это, он улыбнулся трепещущему от нетерпения Го Тин Кершу.

- Я готов.

Эти слова послужили сигналом для свирепого существа. Стремительно вращая над головой своим оружием, он стал подступать к Изначальному. Зрентшианец и тень Леды, затаив дыхание, наблюдали за неравным поединком. Го Тин Керш надвигался на врага с такой неукротимой яростью, что казалось, тому не спастись. Но Изначальный и не думал о спасении. Подобно своему предшественнику он пятился, пока не был оттеснен к самому обрыву. Убедившись, что его враг на этот раз не сможет избежать столкновения, существо с криком бросилось вперед. Лезвия каура устремились к голове Изначального. Но тот недаром проделал перед боем нехитрую манипуляцию с плащом. Отбив грозное оружие легким движением руки, он бросился под ноги Го Тин Кершу. Резкий удар подкосил неповоротливое существо. Не сумев погасить инерции брошенного вперед тела, Го Тин Керш, вопя, рухнул со скалы.

На мгновение стало тихо. Из руки Изначального струилась зеленоватая влага, но он нашел в себе силы улыбнуться, когда тень Леды с жалобным стоном бросилась к нему. Размотав плащ, Изначальный засучил рукав комбинезона. Чуть ниже локтя виднелись две глубокие отметины. Изначальный прильнул к ранам губами. Когда он поднял голову, на пепельной коже не осталось даже следа. Изначальный повернулся к зрентшианцу и протянул ему меч из красного металла, который едва заметным движением руки извлек из пространства.

- Добей его!

Сколько же раз жестокое безрассудство завоевателей отвращало от них побежденных? Думается, так много, что не следовало б создавать новых прецедентов. Ан нет! Завоевателю слишком хочется сказать свое громкое я и наступить победоносной пятой на гениталии поверженного. А что в итоге? Неуплата дани, убийства из-за угла и бунты. И дружное скандирование - NIE PRZEBACZYNY! [Не простим! (польск.)] А ведь все могло бы закончиться вполне мирно и пристойно. Ведь самый верный раб тот, кто преклоняется не перед жестокостью, а перед превосходством мудрости своего господина.

Тумаиты не были мудрецами. Они предпочли слову меч. Им предоставлялась великолепная возможность договориться с нобеками и с их помощью заполучить человека. Вместо этого они предпочли обрушить на население леса волну террора.

Результаты не замедлили сказаться. Вступив в лес, тумаиты наткнулись на неожиданно хорошо организованное сопротивление. Похоже, у предков нобеков были отменные военные традиции. По крайней мере человек не мог припомнить такого второго случая, чтобы менее чем за день была организована столь совершенная оборона. Ему оставалось лишь принять командование.

Нобеки соорудили две защитные линии. Первая из них была сооружена у самой окраины леса с таким расчетом, чтоб не было видно с корабля. Она состояла из ям, заполненных смесью битумных смол и органических катализаторов. Могучие роботы, защищенные от химической коррозии, снарядили резервуары дистанционными взрывателями и замаскировали их пластиковыми щитами, поверх которых был укреплен растительный ковер. Следом стали цепью Охранники, промеж которых были установлены мины, наскоро изготовленные еще ночью.

Естественно, преследовавшие человека тумаиты не ожидали столкнуться с подобной обороной. Они ждали не битвы, а охоты. Рассыпавшись цепью под прикрытием бронированных механизмов, каратели приближались к лесу. Их было много, никак не менее двух сотен. Капитан обещал им хорошую забаву.

Они шли спокойно и уверенно, картинно положив на изгиб руки свои длинноствольные ружья. Затаившийся на окраине леса человек отчетливо различал защищенные светло-дымчатыми забралами хари. Ему почудилось, что он видит на этих харях улыбку. Человек разозлился. Неуважение к противнику - самая безрассудная глупость, какую никогда не следует себе позволять. Тумаиты не понимали этого. Следовало их проучить.

Отступив в чащу леса, человек велел своим воинам изготовиться.

Через мгновение с опушки донеслись глухие раскаты выстрелов. Оставив бронированные механизмы на опушке, тумаиты вошли в лес и начали охоту. Отрывистые хлопки походили на удары бича. Цепь самоуверенных загонщиков окружала притаившуюся жертву. Человек живо представил, как радуются астронавты нечаянной забаве. Случалось, он сам развлекался подобным образом на Земле, устраивая облавы на своих врагов. И так же безрассудно подставлял смерти своих слуг-

людей и демонов. Их существование не значило ничего для того, чьей частью был человек. Капитан тумайтов относился к своему экипажу подобным же образом.

Враги медленно двигались между деревьев. Человек позволил им беспрепятственно пройти через первую линию обороны. Он решил приберечь свои огненные ловушки про запас, на случай атаки бронированных гусениц. Неприятности для тумайтов начались в тот миг, когда они достигли места, где расположились Охранники.

Прячущиеся в зарослях роботы переплели свою терте в невидимую сеть, и шедшие первыми тумайты затрепыхались в ней. Они запутались в силовых линиях подобно жирным малиновым личинкам, попавшим в ловушку каракурта. Произошло короткое замешательство, после чего астронавты открыли яростную пальбу. Их ружья извергали заряды, от соприкосновения которых с целью возникало плазменное облако, растворявшее любую материю - будь то органика или крепчайший кремнеметалл. Огненные шары с треском пережигали стволы деревьев, испепеляли колючие заросли, разрывали на части бронированные тела Охранников. Взвились языки пламени, весело побежавшие по кронам и невысокой траве. Охранники отвечали выстрелами из излучателей, но их было немного, да и стрелками они оказались неважными. Если тумайты и несли потери, то они были так незначительны, что на них не стоило обращать внимания. Истребляя пятащихся роботов, астронавты шагали прямо в огонь. Они входили в ревущую оранжевую стену и через несколько мгновений появлялись с обратной ее стороны, могучие и самоуверенные, словно боги. Они были восхитительны в своей высокомерии. Они не подозревали о сюрпризе, который был им готован.

Подарок Дядюшки Иглоноса - так шутники на Атлантиде именовали мины, подобные тем, что создал озлобленный разум нобеков. Эти мины представляли собой небольшой заряд взрывчатки, окруженный чехлом из тысяч крохотных иголок, которые были снабжены тончайшей резьбой. Выброшенные энергией взрыва, иголки приобретали вращение и вбивались подобно бураву в любую поверхность. Даже керамопластиковая броня не была надежной защитой от такого оружия. Чего уж говорить о каких-то скафандрах из армированного металлическими волокнами синтетика.

Дождавшись, когда шеренга тумайтов приблизится к отмеченным зарубками деревьям, человек привел в действие первую партию мин. Они разорвались почти незаметно, хлопнув крохотными бурыми шариками. Заряды были столь малы, что взрывная волна не всколыхнула пурпуровой поросли, покрывавшей кроны. Оказавшиеся в зоне поражения тумайты так и не поняли, что произошло. Просто тридцать или сорок уродливых силуэтов вдруг покачнулись и распластались на лесном ковре. Реакция остальных была чересчур заторможенной. Тумайты медленно появлялись из огня и застывали на месте, с недоумением рассматривая неподвижные тела собратьев. Они чувствовали себя слишком неуязвимыми, чтоб осознать приближение смерти.

Как только число подоспевших врагов стало значительным, взорвались еще несколько мин. Крохотные иглы пронзили оболочку скафандров и вонзились в тела, пробивая мышцы и органы. А следом, в образовавшиеся отверстия, проникал сладкий воздух Кутгара, губительный для гостей. Несколько коротких вздохов - и тумайт замертво валился на землю.

Потери составили никак не менее полусотни. Уцелевшие живо попятились назад и исчезли в редящих клубах дыма.

Все стихло. Лишь ворчал огонь, пожиривший извилистые отростки деревьев. Человек подождал еще немного и, убедившись, что враги не собираются предпринимать очередную по пытку, отдал приказ тушить огонь. Управляемые нобеками роботы бросились в битву со стихией. Вскоре огненные языки прижались к земле и уснули. А потом до человека донесся глухой утробный вой. Это стонал корабль, оплакивавший новые жертвы.

Передышка, данная тумайтами защитникам леса, была со всем краткой. Вскоре от корабля двинулась длинная колонна бронированных гусениц, а в небе появились усеченные сферы истребителей.

Человек и его воинство были готовы встретить врагов. Управляемые нобеками роботы расставляли новые мины, другие занимали позиции за деревьями, третьим человек приказал укрепиться в городе куполов. Сам он занял место за второй оборонительной линией, чуть поодаль от выжженной полосы, черной проплешиной пересекавшей лес.

Воздух был наполнен запахом кровавой бойни и гари, жирным и приторным. От этого запаха щипало в носу и горле, да так сильно, что человеку хотелось вырваться. К счастью, его желудок был пуст, словно у юнги, впервые очутившегося в штормовом море. Вонь неприятно дополнял лязг, который издавали бронированные машины. Они грохотали так, словно были снабжены паровыми двигателями. Единственным звуком, который прорывался сквозь грохот моторов, были редкие хлопки выстрелов.

Враг стремительно приближался. Вскоре вокруг стали падать деревья, сваленные лазерными

импульсами и ударами бронированных туш. Тогда человек приказал своим воинам отходить вглубь леса к городу куполов. Впереди остались лишь несколько нобеков, которым было велено следить за перемещением врагов.

Все живое спасалось бегством. Скакали небольшие зверьки, напоминавшие лишенных шкур козочек, летели птицы, извиваясь, ползли пресмыкающиеся. Защитники леса отступали правильными колоннами. Сначала двигались автоматические экипажи с нобеками, их отход прикрывали роботы. Человек шел последним, принимая донесения от дозорных. Вот поступил сигнал о том, что бронированные чудовища достигли ям с зажигательной смесью. Человек нажал на кнопку радиовзрывателя, и вдалеке взметнулись в небо гигантские фонтаны огня. Через несколько мгновений последовал второй радиосигнал, приведший в действие немногие еще оставшиеся мины. Взрыв уничтожил первый эшелон тумайтов. В огненном вихре погибли и все лазутчики-нобеки, кроме одного, который и донес о случившемся. По его словам на опушке пылали не менее полутора десятков бронированных машин. Однако остальные продолжали продвигаться вглубь леса. За ними следовали рассыпавшиеся в цепь астронавты, безжалостно расстреливавшие все живое.

Лес омертвел. Огонь спалил диковинных мотыльков и разноцветных гусениц, дым и плазма уничтожили псевдоптиц, рептилий и более крупных существ, не успевших укрыться в оврагах и далеких рощах. Захватчики истребляли все живое, превращая преображенный Кутгар в мертвую пустыню. Они готовы были обратить жизнь в холодный камень. И все это делалось ради того, чтобы завладеть одним-единственным существом, которого планета Земля нарекла человеком.

Был страшный миг, когда человек хотел сдаться, позволить убить себя, и таким образом сохранить жизнь планете, ставшей его, пусть нелюбимым, но домом. Однако он подавил это глупое желание. Зрентшианец никогда не простил бы подобной измены. Вместо того, чтобы сдаться, человек бросил в атаку свое бронированное войнство.

Посреди леса развернулось отчаянное сражение. Роботы были плохо обучены обращению с новым оружием и палили больше в белый свет, нежели по ярким пятнам скафандров. Однако грохот поднялся невероятный. Деревья потонули в оранжевых облаках взрывов, огненные шары невиданным салютом расцвели небо.

Враги ответили еще более яростной пальбой. Вскоре роботы стали нести потери, и человек отдал приказ отступить в город. Но разгоряченные боем машины обрели дух живых существ. Лишь немногие повиновались и заняли новые позиции меж куполов. Прочие механизмы продолжали стрелять до тех пор, пока не были истреблены.

Преследуя отступающих защитников, тумайты пересекли лесную чащу и стали втягиваться в город. Проходы между куполами были слишком узки для бронированных машин. Наступавшие попытались пробить себе дорогу, разрушая строения, но лазеры и плазма оказались бессильны перед сверхпрочным пластиком, который использовали строители города. Огненные шары лишь слегка оплавливали серую твердь куполов, а импульсы оставляли на ней едва заметные царапины.

Колонны тумайтов замешкались, и обороняющиеся не замедлили воспользоваться этим. Роботы открыли бешеный огонь, поставив перед бронированными гусеницами стену огня. Их выстрелы были слишком беспорядочны, чтобы причинить тумайтам серьезный вред, зато человек действовал расчетливо и беспощадно. Плазменное ружье тумайтов слегка необычно по форме, требовалось время, чтобы привыкнуть к нему, но очень несложно в действии и безотказно. К тому же действие его было поистине разрушительным. За те несколько мгновений, пока тумайты пытались пробить брешь в густом частоколе куполов, человек сжег все их бронированные машины, за исключением трех или четырех, которые поспешно отступили в лесные заросли. В конце концов его обнаружили и обстреляли, но не слишком метко. Огненные брызги от одного из выстрелов лишь слегка опалили ногу.

Оставшись без прикрытия, астронавты заколебались. На какое-то время они даже прекратили стрельбу. Человек внимательно следил за чем, как тумайты, прячась, перебегают за деревьями на окраине леса. По всей очевидности, они совещались, и потом запросили помощи. Вскоре над городом зависли истребители, немедленно обрушившие на купола шквал импульсов. Под прикрытием этого огня тумайты бросились в атаку.

Бой в городе - что может быть желаннее для того, кто ловок и уверен в себе. Бой в городе наполнен несущими, он лишен той правильности Клаузевица и Мольтке, он беспорядочен и случаен. Бой в городе может быть выигран многократно слабейшим. Бой в городе может выиграть даже отчаявшийся. Человек был далек от отчаяния, но бой в городе был ему по душе.

Перебегая от купола к куполу, он расстреливал громоздкие фигуры тумайтов, медленно продвигающиеся вперед. Враги отвечали, но они были слишком нерасторопны, чтобы попасть в человека. Единственной доступной им добычей были роботы, и тумайты сосредоточили все свое внимание на них. Очень быстро немногие уцелевшие к этому времени Охранники были уничтожены. Дольше других держался Громила. Подобно сказочному великану он вышагивал

промеж куполов, и огненные вспышки плазмы озаряли его голову и грудь. Громила сопротивлялся до тех пор, пока не подвергся нападению истребителей. Целая стая их принялась пикировать на робота, расстреливая его лазерными импульсами. Громила замедлил шаг, затем вовсе остановился и наконец рухнул, вдребезги расколов небольшой купол.

Человек не оставил гибель приятеля безнаказанной. Четыре истребителя рухнули вниз, объятые пламенем, прочие сочли за лучшее ретироваться.

С гибелью роботов бой стал принимать неприятный для человека оборот. Теперь тумайты сосредоточили внимание исключительно на нем. Вдобавок к этому реактивное ружье исчерпало свой боересурс, и человек был вынужден бросить его. При нем остался лишь бластер, но и его энергия была на исходе.

А меж тем враги усиливали натиск. Разбившись на мелкие группы, они прочесывали город, отесняя человека все дальше и дальше. Их насчитывалось несколько десятков, человек же оказался в полном одиночестве. Роботы были мертвы, а нобеки слишком малы и слабы, чтоб причинить вред вторгшимся на их землю захватчикам. Человек мог рассчитывать лишь на собственные силы.

Истребляя меткими выстрелами врагов, осмелившихся приблизиться на непозволительное расстояние, человек пробирался по узким переходам между куполов. Он походил на лисицу, пытающуюся запутать в причудливом лабиринте свору азартно преследующих ее псов. Он петлял, менял направление, отступал и яростно контратаковал. Он был стремителен и вездесущ. И невероятно удачлив. Несколько раз тумайты окружали его, но каждый раз он прорывался через кольцо врагов. Близ центральной площади отряду астронавтов удалось загнать человека в один из куполов. Они стали шеренгой у входа, уверенные, что на этот раз все действительно закончилось, но добыча перехитрила их и сейчас. Откуда преследователям знать, что с другой стороны купола была дыра, слишком узкая для тумайта, но вполне приемлемая для человека. Обдирая кожу об острые края пластиковой оболочки, человек выбрался наружу, после чего не отказал себе в удовольствии поквитаться с врагами. Он подкрался к ним сзади и скосил всю шеренгу длинным импульсом.

А через мгновение он вновь бежал, петляя и уворачиваясь от выстрелов.

Бой в городе остался за ним. Человек уничтожил по крайней мере половину своих преследователей, а поплатился за это лишь небольшим ожогом на левом плече.

Но в конце концов человеку пришлось оставить город. Тумайты просто вытеснили его из лабиринта куполов. Человек вновь, очутился в лесу.

Он бежал между деревьями, а позади раздавались отрывистые звуки выстрелов. Враги не намеревались оставлять свою добычу в покое. Охота продолжалась. Разбившись на мелкие группы, тумайты по всем правилам охотничьего искусства гнали человека к плато, почти полностью поглощенному Лоретагом. Здесь негде было укрыться, здесь человек был обречен.

Он понимал это и пытался вырваться из западни. Но врагов было слишком много, а лес в этом месте как нарочно сужался, вытягиваясь вперед длинным извилистым языком. Вновь объявились истребители. Их осталось всего три, но они вносили свою лепту в облаву, расстреливая мелькающего между деревьями человека короткими импульсами.

Истребители достигли края леса одновременно со своей жертвой и взмыли вверх, делая заход на последнюю атаку. Человек же выскочил из зарослей и бросился бежать сквозь устеленное багряными валунами плато.

Некогда оно было довольно обширно, но три года назад большую часть его поглотил Лоретаг, и теперь от плато осталась лишь узкая неровная полоса, удлинённая в нескольких местах мысками, вдающимися в тело Лоретага. Человек пересек эту полосу на одном дыхании. На самом краю плато он замедлил шаг, не зная, что делать дальше, и оглянулся.

Тумайты уже достигли окраины леса. Сквозь пурпурную листву мелькали серебристые пятна их скафандров. Враги выходили на плато небольшими группками и тут же рассыпались в цепь, которая в свою очередь вытянулась в дугу и начала медленно продвигаться вперед, охватывая то место, где стоял человек. Истребители висели над лесом, не выказывая покуда намерений вмешаться в происходящее. Человек вздохнул и устало присел на небольшой гладкий камень. Его игра, похоже, подошла к концу.

Он попал в безвыходное положение. Тумайты, сами того не подозревая, загнали его в ловушку. Они наверняка приняли Лоретаг за мелкое море или озеро и решили прижать добычу к воде. Лучше бы это и впрямь было море. Человек недурно плавал. При известном везении он смог бы осилить большое расстояние и скрыться от преследователей. Но, увы, пред ним расстилался Лоретаг, в прошлом - союзник, а в настоящем - злейший враг, более всего на свете мечтавший о том

мгновении, когда сможет полакомиться дерзким существом, осмелившимся оспорить его власть над планетой.

Человек сидел, безучастно наблюдая за приближающимися преследователями. Тумаитов было чуть более тридцати. Они шагали неторопливо, почти с ленцой, и, казалось, совершенно не обращая внимания на человека. Впереди прочих шествовал астронавт, в котором человек признал капитана. Он был значительно выше остальных и не имел ружья. Вместо него тумаит держал в руке небольшой прут с блестящей шишечкой на конце - человек посчитал, что это символ власти. Он подумал о том, не стоит ли попытаться застрелить капитана, но что-то подсказывало, что ему не удастся это сделать.

Враги подходили все ближе и ближе. Погоня измотала их. Серебристые щегольские скафандры были покрыты пятнами растительного сока и черными разводами сажи. Тумаиты не стреляли, по всей очевидности решив взять человека живым.

Но человек не собирался сдаваться. Внимательно взглянув на рукоять бластера, он убедился, что энергии должно хватить на один хороший импульс. Вполне достаточно, чтобы снести себе голову. Однако человек не хотел умирать. Он испытывал инстинктивное отвращение к смерти. Как и прочие, и вы, и я, он был готов пойти на многое, чтобы хоть на несколько мгновений отсрочить ее. Говорят, прожившие долгую жизнь больше других боятся смерти. Жизнь, прожитая человеком, была столь длинна, сколь ужасна мысль о приближающемся финале. Человек не хотел умирать - человек не хотел умирать без боя. Поднявшись с камня, он шагнул вперед и ступил на зыбкую поверхность Лоретага...

Первый шаг был необычайно труден. Сказывалось противодействие силового барьера, установленного вдоль Лоретага. Человеку показалось, что его нога уперлась в стальную паутину. Сделав над собой усилие, он прорвал преграду и двинулся вглубь серой равнины. Он шел быстро, не оглядываясь. В душе таилась надежда на невероятное чудо, к которой примешивалась доля чисто человеческого злорадства. Если уж судьбе было угодно положить предел его жизни, человек желал прихватить с собой и своих врагов. Симпатичное канибалистическое желание. Оно свойственно любому человеку, если, конечно, он не привык подставлять для удара вторую щеку. И чем человечнее человек, тем более властно над ним это желание. Вожди варваров, умирая, услаждали себя казнями пленных врагов, собственноручно перерезая им глотки. Как приятно испустить дух, купаясь по пояс в крови! Человек невольно вспомнил о грозном Ашшурбанипале, пожелавшем, чтобы стены его погребального склепа были обиты кожей, содранной заживо с полоненных жителей Вавилона. Когда-то человек знал грозного владыку и даже был причастен к его смерти...

Конец раздумьям положил взрыв, отбросивший человека в сторону. Огонь обжег щеку и левое плечо. Утопая по локоть в вязкой массе Лоретага, человек привстал и оглянулся. Преследователи уже вступили на серую равнину. Число их поубавилось - ровно на одного. Этот один лежал недвижимо, а склонившийся над ним капитан выразительно помахивал своим странным жезлом, с которого стекала клейкая зеленоватая жидкость. Вопреки полученному приказу тумаит осмелился выстрелить в преследуемого и был немедленно наказан.

Человек усмехнулся. Теперь он мог быть уверен, что до тех пор, пока жив капитан, враги не осмелятся использовать против него свои ружья. Человек не знал причину столь неожиданной милости, - ведь еще несколько мгновений назад его пытались уничтожить из всех видов оружия, - но догадался, что что-то изменилось. Что ж, новые условия игры были на руку человеку. Теперь он был волен делать со своими преследователями все, что заблагорассудится. Вскинув бластер, человек начал стрелять. Тумаиты поспешно упали, но это не спасло их. Человек убил по крайней мере шестерых, прежде чем на рукояти запульсировал зеленый огонек индикатора, извещавший о том, что боекомплект израсходован. Все это время, пока он стрелял, истребители висели прямо над его головой, не предпринимая никаких попыток прекратить бойню. Вероятно, они также получили соответствующий приказ. Человека хотели взять живым.

Он вдруг засмеялся, представив, как Лоретаг анализирует молекулярную структуру непрошенных гостей, затем бросил ставший бесполезным бластер и двинулся дальше. Человек не мог понять, почему он до сих пор не очутился в чреве Лоретага. Он задал себе этот вопрос - чисто машинально, как констатацию факта - и получил немедленный ответ.

"Ты удивлен?"

"А, приятель!. - мысленно откликнулся человек. - Как поживаешь?"

"Вполне. Это твои враги?"

"Ты удивительно догадлив. И похоже, твои друзья. Они хотят уничтожить меня, а заодно и все живое на этой планете".

"Это не отвечает моим планам".

Человек не возразил, и тогда Лоретаг забеспокоился.

"Они действительно хотят уничтожить планету?"

"Не знаю".

"Их много, - подумав, сообщил Лоретаг. - Сейчас я исправлю это недоразумение".

Догадавшись, что должно произойти, человек обернулся. На его глазах ровно половина астронавтов - каждый второй - исчезла. Лоретаг втянул их точно содержимое устричной раковины - стремительно и без следа. По серой поверхности пробежала едва приметная рябь, и тринадцать тумайтов разом исчезли. А через миг растаяли три истребителя, висевшие в воздухе над головой человека.

"Недурно?" - поинтересовался Лоретаг.

"Впечатляет, - признался человек, убыстряя шаг. - А что насчет меня?"

"Еще не решил. Сейчас что-нибудь придумаю".

Лоретаг замолчал. Человек продолжал идти, время от времени оглядываясь. Паника, вспыхнувшая было в рядах тумайтов, улеглась. Капитан догнал и убил двух кинувшихся к плато астронавтов. Прочие выстроились в колонну и шли следом за человеком. В этот самый миг Лоретаг очнулся от раздумий.

"Я даю тебе шанс! - великодушно решил он. - Насколько я понимаю, если ты избавишься от этих существ, то покинешь планету".

"Клянусь!"

"Это меня устроило б. Но дело не в этом. Все вы - и ты, и твои враги - мне одинаково отвратительны. Просто у меня хорошая, скажу больше - вечная память. Я помню, что ты некогда помог мне. И хоть впоследствии ты был неблагодарен, у меня осталось к тебе некое доброе чувство. Это удивляет тебя?"

"Да, немного", - ответил человек, оглянувшись. Среди тумайтов наблюдался разброд. Часть их продолжала следовать за капитаном, но некоторые остановились и целились в человека из ружей.

Лоретаг продолжал упиваться перечислением собственных достоинств.

"Я наделен чувствами в большей мере, чем представлялось тебе".

"Согласен, согласен... - торопливо пробормотал человек. - Будь любезен, сожри тех тумайтов, которые пытаются застрелить меня".

"Хорошо, я сделаю тебе такое одолжение", - неторопливо сообщил Лоретаг.

"Быстрее!" - взмолился человек.

Плазменное облачко обожгло ногу. К счастью, выстрел оказался не слишком точным. В тот же миг три тумайта, целившие в человека, исчезли в чреве Лоретага. Еще двое, подстегнутые страхом, бросились к плато. Лоретаг проглотил и их. Врагов оставалось всего шесть, а седьмым был капитан. Покачиваясь от усталости, они упрямо преследовали человека. Соотношение сил стало более приемлемым, но человек не испытывал желания вступить в поединок с хорошо вооруженными противниками. Повернувшись, он бросился бежать.

Он устремился к небольшому пологому мыску, вдававшемуся в тело Лоретага. Ноги, пружиня, тонули в серой массе. Визгливый тенорок гигантской твари вновь визгливо вгрызся в мозг.

"Мы не договорили".

"Приятель, а нельзя ли избрать для нашего разговора более удобное время, взмолился человек, прибавив про себя, в сторону: - и место!"

Справа и слева возникли сразу три плазменных облачка. Похоже, капитан изменил свое решение и приказал подстрелить беглеца.

"Нельзя. Ведь в этом случае ты станешь недосыгаем для меня".

Человек чуточку замедлил бег, пытаясь выровнять дыхание.

"Чего ты хочешь? Говори свои условия".

"Власть над планетой".

"Считай, ты уже получил ее!"

"Знаешь, еще вот что, - задумчиво процедил Лоретаг. - Несмотря на кажущуюся инертность, я ужасно азартен. Я даю тебе шанс. Через определенный промежуток времени я буду поглощать твоих преследователей. Сейчас их семь. Значит, ты имеешь семь промежутков. Если успеешь добежать до плато до того, как я поглосу всех твоих врагов, считай - тебе повезло, нет - увы, ты будешь восьмым. Идет?"

"Если я скажу нет, ведь это ничего не изменит", - выдохнул человек..

"Естественно", - жизнерадостно подтвердил Лоретаг.

Стиснув зубы, человек ускорил шаг, насколько только мог. Бежать было нелегко. Ноги вязли глубже, чем по щиколотку, порой почти по колено. Чтобы освободить их, требовалось приложить немалые усилия. Утешало лишь то, что преследователи испытывали такие же трудности.

В паре футов от правого плеча разорвался очередной плазменный заряд. Человек пригнулся, из-за чего оступился и едва не упал. Лоретаг сочувственно сообщил:

"Я убрал его, чтоб он не повредил тебе. Осталось пять".

"Не части!" - взвыл человек.

Его дыхание сбивалось, обжигающий воздух клещами стиснул разбухшую грудную клетку, сердце прыгало словно сумасшедшее, из последних сил толкая порции свежей крови.

"Четыре", - сообщил Лоретаг.

Человек прикинул расстояние, отделявшее его от мыска, который означал спасение. Он пробежал не менее половины, но усталость уже давала о себе знать. Ноги стали вялыми, с десятков острых кривых иголок вонзились в печень, еще столько же подбиралось к сердцу. Пот, неведь откуда взявшийся, ведь человек не пил и не ел по крайней мере два дня - заливал глаза и скапливался солеными струйками в уголках рта.

"Уже три".

"Паразит", - пробормотал человек, заставляя себя ускорить шаг. Наверно, он и впрямь побежал быстрее, потому что Лоретаг с долей изумления отметил:

"Ты можешь успеть. Хотя их уже два". До мыска оставалось не более сотни футов. Человек пролетел их на едином дыхании, почти не обратив внимания на короткую реплику: "Один". Он пробил силовой барьер и свалился без сил. Он рухнул прямо на багряную глыбу, но, право, в этот миг камень показался мягче пуховой перины.

Но, увы, человек бежал слишком быстро. Лоретаг или из принципа, или по вредности не тронул последнего тумайта, позволив ему выбраться на спасительную полосу плато. Это был капитан тумайтского корабля. А значит, спор не был закончен.

Погоня утомила обоих. Пожалуй, тумайт чувствовал себя гораздо хуже человека. Но он был вооружен, а человек - безоружен.

Опустившись на камень, тумайт подобно своему противнику спешил восстановить силы. Первым делом - и это не удивило человека - он снял шлем. Воздух Кутгара вполне устраивал того, кого тумайты считали своим капитаном. Преследователь старательно дышал, наполняя мышцы энергией. При этом он внимательно поглядывал на человека, словно примеряясь, как бы половчее разделаться с ним. А человек шарил взглядом вокруг себя в поисках того, что можно было бы использовать в качестве оружия. Вокруг простиралось лишь серо-бурое однообразие каменных монолитов, и вдруг человек заметил тонкую блестящую полоску, виднеющуюся в узкой расселине у самого края Лоретага. Одним прыжком достигнув этого места, человек наклонился и извлек находку на свет. Это был меч, его меч, бесследно пропавший в тот день, когда человек впервые ступил на территорию МЫ. Ухватившись за рукоять, человек со свистом рассек сверкающим клинком воздух. Теперь, когда он обрел оружие, капитану будет нелегко расправиться с ним!

Тумайт, похоже, понимал это. Физиономия его исказилась, а изо рта вырвалось несколько отрывистых звуков. Капитан поднялся, словно намереваясь броситься на своего врага, и в этот миг застыл. Обратившись в неподвижную статую, он смотрел вдаль. Взгляд тумайта был устремлен на одному ему ведомую точку над горизонтом. Прошло еще несколько мгновений, и человек увидел, как перед его врагом появилось огромное блестящее кольцо, обод которого, казалось, был соткан из звездной пыли. Кольцо медленно вращалось, втягивая в себя воздух, насыщенный влажными

капельками.

Сверкнула вспышка. Из кольца вырвался огромный оранжевый протуберанец, совершенно поглотивший скалу и стоящего на ней тумайта. Пламя, раскалываясь на языки, докатилось до Лоретага и исчезло в ненасытной утробе гигантской твари. Человек проследил за тем, как последние обрывки его растворяются в воздухе. Затем он перевел взор на прежнее место и вздрогнул.

На камне сидел огромный рубинового цвета паук с почти человеческой головой. Почесав брюшко передними лапками, паук ухмыльнулся и начал неторопливо сползать с камня навстречу человеку.

И в этот миг воздух зазвенел, словно отпущенная тетива, и человек ощутил силу. Зрентшианец вернулся.

* * *

Каур был легкий, почти невесом. Собственно говоря, он и был невесом - та небольшая тяжесть, которую ощущала рука, приходилась на рукоять, изготовленную из пористого серого сплава и покрытую сверху тонким слоем вызолоченной замши чтоб не скользила рука. Клинок, а именно он имел право называться кауром, был изогнут, но самую малость, с таким расчетом, чтобы им можно было не только рубить, но и колоть. Размер его был идеален - ни на дюйм больше, ни на дюйм меньше, чем следует. Одним словом, зрентшианец получил великолепное оружие, отлично сбалансированное и совершенное по своей разрушительной мощи. В этом оружии была энергия зарождающихся звезд.

- Добей его! - велел Изначальный. - Мы будем ждать тебя здесь.

Зрентшианец молча кивнул и устремился по тропинке вниз, к тому месту, где упало существо.

Однако прежде чем добывать, врага требовалось победить. Каким-то невероятным образом Го Тин Керш ухитрился уцелеть. Быть может, его плоть была малоуязвима, быть может, он обладал неизвестными зрентшианцу умениями, а быть может, ему просто повезло. Он не разбился и даже, насколько можно было судить по внешнему виду, не получил серьезных повреждений. Правда, одно из щупалец было искалечено, оно свисало жалким безжизненным отростком, а сквозь разодранные одежды кое-где проступали зеленоватые капли жизненной влаги, но в целом существо выглядело вполне бодрым. Завидев приближающегося зрентшианца, оно поднялось с земли, отряхнуло белую пыль и медленно направилось навстречу врагу. Острые лепестки пернача-каура со свистом рассекали воздух. При этом существо самым скверным образом, демонстрируя острые клыки, улыбалось. Оно было уверено в себе. Вне всякого сомнения, ему уже доводилось пускать в ход свое страшное оружие.

- Я убью тебя, жалкий недоумок! - процедило существо, вплотную подойдя к зрентшианцу. - А потом я займусь Изначальным.

Зрентшианец проигнорировал этот вызов. Он занял боевую стойку, поместив меч у левого плеча с таким расчетом, чтобы можно было нанести и колющий, и рубящий удар, и заблокировать выпад врага. Го Тин Керш не был знаком с приемами, которыми пользовался зрентшианец, он воспринял действия своего противника как проявление трусости. Словно опасаясь, что зрентшианец вновь, как и прежде, попытается ускользнуть, Го Тин Керш ускорил шаг и тут же поплатился за неосторожность.

Выпад зрентшианца был подобен блеску молнии. Меч, описав короткую дугу, обрушился на верхнюю левую конечность существа. У зрентшианца создалось впечатление, что каур едва скользнул по студенистой плоти, но через миг он с удивлением увидел, как щупальце отделяется от тела и падает на белую землю.

Падение это было плавным, неестественным. Зрентшианец понял, что враг разложил время, и поспешил сделать то же самое. Он уступал примерно две временные фазы, и потому Го Тин Керш получил небольшое преимущество. Быстротой движений он сравнялся со зрентшианцем, а затем и превзошел его, чем не замедлил воспользоваться. Раскрутив туловище, Го Тин Керш принялся наносить удары. Один, второй, третий, четвертый - сверху в голову, сбоку, по диагонали и вновь сбоку. Удары следовали один за другим с невероятной быстротой. Зрентшианец с огромным трудом успевал парировать их, подставляя клинок. Он потерял контроль над расстоянием и позволил Го Тин Кершу приблизиться вплотную. Воспользовавшись этим, существо внезапно выбросило вперед уцелевшее нижнее щупальце и поймало правую руку зрентшианца. Пернач взлетел вверх. Чтобы избежать смертельного удара, зрентшианец был вынужден последовать примеру своего врага и схватиться за щупальце с кауром.

Завязалась отчаянная борьба. К счастью для зрентшианца, существо лишилось двух щупалец, иначе ему ничего не стоило бы разделаться со своим двуруким врагом. Но и искалеченное, оно оставалось опасным. В щупальцах, несмотря на их кажущуюся дряблость, была заключена огромная мощь, а

кроме того, кожу существа покрывали влажные испарения, делавшие ее скользкой. Какое-то время соперники кряхтя напирали друг на друга, стараясь не позволить врагу пустить в ход свой каур, но вскоре зрентшианец с отчаянием ощутил, что конечность существа выскальзывает из его пальцев. Судя по матовому блеску глаз, Го Тин Керш уже торжествовал победу, но в этот миг зрентшианец извернулся и нанес врагу сильный удар головой - прямо в рот, оскаленный безобразной улыбкой.

Должно быть, в тех краях, где приходилось бывать Го Тин Кершу, подобные приемы были неизвестны. Существо опешило и на несколько мгновений утратило контроль над временем. Зрентшианец мгновенно воспользовался этим. Разложив мгновения на минимальные величины, он нанес врагу еще несколько ударов сначала головой, затем левой рукой, а в довершение - коленом. Последний был направлен в то место, которое у многих живых существ считается наиболее уязвимым. Тратя драгоценное время на этот удар, зрентшианец рисковал, ведь физиология существа могла основываться на совершенно ином принципе. Однако Го Тин Керш оказался в этом отношении вполне "человечен". Взвыв с такой силой, что содрогнулся воздух, он освободил правую руку врага и попытался укунить его за нос. Это чисто рефлекторное движение спасло существу жизнь. Обретший свободу меч просвистел в четверти дюйма от уродливой головы, слегка задев спину и обрубок верхнего щупальца. Го Тин Керш вновь закричал от боли и махнул перначом. Удар был нацелен точно в голову зрентшианца, но к этому моменту существо окончательно потеряло контроль над временем, и зрентшианцу ничего не стоило увернуться от блестящих лепестков. Едва пернач, описав дугу, пронесся мимо цели, как меч нанес существу еще одну рану, на этот раз более тяжелой, чем прежняя. Каур вонзился в основание правого верхнего щупальца и отсек его.

Безобразный отросток, так и не расставшийся с перначом, покатился по белоснежной поверхности. Взвыв, Го Тин Керш скорчился у ног победителя. Зрентшианец облегченно выдохнул. Враг более не представлял опасности. Он был обезоружен и изувечен. Струившаяся из ужасных ран жидкость пропитала алую одежду и тоненькими струйками стекала вниз. Существо дрожало, его уродливая физиономия была искривлена болью и мукой. Движимый скорее чувством сострадания, чем жестокостью, зрентшианец поднял меч.

- Постой! - воскликнул Го Тин Керш, выставляя перед собой единственное целое щупальце. - Дай мне несколько мгновений, чтобы проститься с жизнью!

В подобной просьбе невозможно отказать даже злейшему врагу. Кивнув, зрентшианец медленно опустил свое оружие. Издалека донесся неясный возглас, но зрентшианец не разобрал его. Он пристально следил за действиями Го Тин Керша, для верности став ногой на пернач, острые лепестки которого, словно увядая, сходились к центру, образуя блестящий шар.

Издалека вновь донесся крик. На этот раз зрентшианец повернул голову и увидел Изначального и тень Леды. Оли бежали к нему, а Изначальный при этом что-то кричал. Всех его слов было не разобрать, зрентшианцу удалось вычленить лишь одно, самое короткое - убей! Он улыбнулся и описал мечом перед собой круг, показывая, что именно это и собирается сделать. Затем он повернулся к Го Тин Кершу. Тот по-прежнему смотрел вдаль, и там, куда был устремлен его взгляд, начинали играть неясные сполохи - серебристые, сиреневые, малиновые и изумрудные, словно крапинки в нарождающейся муранской вазе. Вначале едва различимые, они становились все более осязаемыми, пока не образовали светящееся кольцо.

- Уничтожь его! - долетело до зрентшианца. Он послушался и вскинул над головой меч, но в этот миг с существом произошла первая метаморфоза. Оно съежилось и начало менять форму. Алая одежда развалилась на лоскуты, кожа треснула, растворившись в закипевшей плоти. Существо потеряло форму и превратилось в неровный шар, поверхность которого бурлила, клочкотала, выплевывая вверх причудливые сегменты. Процесс превращения был стремителен. Вскоре зрентшианец с изумлением взирал на уродливое рептилеобразное создание, свернувшееся клубком у его ног. Создание походило на питона, у которого вдруг отросло несколько десятков клешней, а морду увенчал громадный, загнутый шип, раздвоенный на конце. Но на этом превращение не завершилось. Началась новая метаморфоза. Рептилия собралась в комок, который лопнул, подобно кокону, выпустив наружу гигантского паука, чей вид, в особенности человекоподобная голова, вызвал в зрентшианце чувство сильнейшего омерзения. Он шагнул вперед, намереваясь отсечь монстру голову, но тот опередил его. Паук бросился прямо в светящееся кольцо и исчез, после чего кольцо рассыпалось мелкими золотистыми блестками. Не веря своим глазам, зрентшианец устремился к месту, где мгновение назад находился Го Тин Керш, и начал с яростью кромсать кауром воздух.

Он рассекал пустоту до тех пор, пока не подбежали Изначальный и тень Леды. Изначальный с укоризной взглянул на зрентшианца.

- Что ж ты! Я ведь кричал тебе!

Зрентшианец виновато понурил голову. Ему нечего было сказать. Он сыграл в благородство и был наказан за это. Зрентшианец лишь спросил:

- Куда он подевался?

- Ты дал ему возможность сменить суть и уйти, - ответил Изначальный. Видя, что зрентшианец не понял, он тут же пояснил более подробно: - В отличие от тебя это существо имело не две, а большее число сущей, которые обрело, уничтожив соответствующее число подобных нам. В критический момент оно отказалось от своих сущей, наиболее уязвимых, и воспользовалось третьей. Одновременно оно создало телепортационный канал и бежало с Зрентши.

- Ты хочешь сказать, что все эти существа... Зрентшианец замялся и вопросительно взглянул на Изначального. Тот кивнул головой.

- Да, именно. Это все зрентшианцы, точнее, реконы - полукровки, потомки мужчин-зрентшианцев и женских особей иных биологических видов. Дело в том, что женщины Зрентши были обречены на смерть. Рождая ребенка от зрентшианца, любая женская особь погибает. Женщины Зрентши умерли все до единой, породив последнее, младшее поколение Изначальных. После их гибели Изначальные были обречены вступать в связь с существами иных жизненных форм, и появилось поколение полукровок-реконов, самых причудливых по внешнему облику и физиологическому строению.

- Я - один из этих... реконов?

- Да. Ты сын Изначального и женщины с Атлантиды. Твой враг, с которым ты дрался сегодня, сын Изначального и тумайтки. Он много старше тебя и сумел уничтожить нескольких реконов, чьей сущью по праву завладел.

Зрентшианец решил воспользоваться случаем, чтоб восполнить пробелы в своих познаниях.

- Го Тин Керш сказал, что каждый зрентшианец должен ненавидеть всех прочих. Почему?

Изначальный усмехнулся.

- А как бы ты относился к тем, один из которых был причиной смерти твоей матери? Кроме того, зрентшианец, уничтожая другого, завладевает его сущью, а значит, и силой. Го Тин Керш мечтает стать самым могущественным существом во Вселенной.

- Но он проиграл тебе, и значит...

- Я сильнее его! - закончил Изначальный.

- Выходит, ты уничтожил многих зрентшианцев?

- Выходит, что так.

- Почему же ты помогаешь мне вместо того, чтобы убить?

- На это есть свои причины, и наступит день, когда ты узнаешь о них. А сейчас ты должен спешить, иначе Го Тин Керш уничтожив твою вторую, человеческую суть, и ты будешь вынужден искать себе новую. Если не хочешь оказаться в теле какого-нибудь туманга или еще более уродливого существа, поспеши возвратиться на Кутгар.

- Так, значит, человек цел! - обрадовался зрентшианец.

- Да. Го Тин Керш должен был захватить его живым, иначе он не смог бы овладеть твоей сверхсущью. Теперь он уже не надеется победить тебя, а значит, человек больше не нужен ему, и Го Тин Керш постарается убить человека. Поторопись.

Зрентшианец кивнул.

- Хорошо. - Посмотрев в глаза Изначальному - черные, клокочущие невиданной силой, глубокие, словно бескрайняя бездна - он спросил:

- Я могу узнать твое имя?

Тонкие губы Изначального скривились.

- Это тебе ничего не даст.

- И все же?

- Шедлаур. Ты удовлетворен?

- Да, - ответил зрентшианец.

- Тогда поспеши. И помни, ты победишь врага, но сделать это будет нелегко.

Еще крича, Изначальный взмахнул руками, и слева от него возникло светящееся кольцо.

- Прощай, Черный Человек! - крикнул зрентшианец и прыгнул вперед - прямо на спекшуюся землю Кутгара.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я накрепко запомнил слова своего спасителя: ты победишь врага, но сделать это будет нелегко.

Так все и случилось. Теперь, когда Го Тин Керш лишился своего каура, а я, напротив, приобрел смертоносное оружие, преимущество было на моей стороне. Теперь Го Тин Керш обратился в жертву, я же стал охотником. Мы поменялись местами - подобные метаморфозы нередки - и я намеревался покончить с затянувшимся спором.

Мы были одни, и ничто теперь не мешало выяснять отношения. Огромный красный паук, чья оболочка слабо пульсировала, расположился напротив меня. Он колебался. Еще несколько мгновений назад паук был готов напасть на человека, затем, увидев, что к человеку вернулась сверхсуть, паук подумывал о бегстве. Теперь же он не знал, как поступить. Выгодный момент для атаки был упущен. С другой стороны, и бегство представлялось бесполезным. Го Тин Керш имел возможность убедиться, что я более умело обращаюсь со временем. Он не знал, как поступить, это было на руку мне. Ведь колебание - первый признак слабости. Неуверенному не выиграть битвы. Чтоб побеждать, надо быть решительным во всем - даже в бегстве. Го Тин Керш утратил былую решимость. Я знал, в чем кроется причина его слабости. В последнее время Го Тин Керш слишком часто полагался на мощь корабля, почти не прибегая к своей. В результате он потерял былые навыки, которые прежде помогли одолеть ему многих зрентшианцев. Я не сомневался, что мой враг уже сожалеет, что посадил свой корабль на эту планету.

Паук с шумом втянул в себя воздух и зашевелил передними лапами. Его зеленые глаза казались безжизненными. Он почти не сомневался, что я попытаюсь убить его. Возможно, у существа теплилась тайная надежда, что враг вдруг по какой-то причине оставит его в покое. Последний козырь по имени "А вдруг". Но я не намеревался щадить врага, к тому же смертельно раненного. Отказавшись от всех своих суетей, кроме одной, Го Тин Керш стал уязвим.

Держа перед собою меч, я двинулся вперед. Паук вновь тяжело вздохнул. Ему не хотелось умирать. Он внимательно смотрел на приближающегося врага, мне казалось, что я вижу в его глазах немой укор. А затем Го Тин Керш исторг мощную дезинтегрирующую волну.

Поединок начался. Точнее, он продолжался. Только сейчас мы оба получили возможность использовать все то множество боепт приемов, какими располагает сверхсуть зрентшианца. Не дожидаясь, пока дезинтегрирующая волна достигнет меня, я испустил ответную. Два чудовищных бича столкнулись, породив гигантский всплеск энергии. Она вспучилась оранжевым шаром, сдирая верхний слой камней и пыли. Шар потянулся вверх, обретая тонкую черную ножку, затем оборвал ее и взмыл в небо. Где-нибудь наверху, в космосе, он обретет имя и превратится в звезду или планету.

Следующий удар нанес я. Я не стал бить врага изо всех сил, а избрал иной способ нападения, быть может, самый безобидный из всех, какими владел, но очень неприятный для существа. Перелив энергию в пальцы, я принялся колоть врага раскаленными иглами. Го Тин Керш выстроил перед собой ледяную стену из мрака, но оранжевые лучи пронзали ее, больно язвя монстра. Это не причиняло существу особого вреда, но здорово раздражало. Вскоре Го Тин Керш не выдержал и заключил себя в силовой конус - не слишком разумное решение. Лишив себя возможности контратаковать, существо позволяло мне таким образом приблизиться почти вплотную.

Я бросился вперед, рассчитывая перейти в прямое столкновение. Однако существо уже спохватилось и постаралось избежать невыгодного для него ближнего боя. Свернув конус, оно шнырнуло навстречу мне несколько десятков примитивных энергетических созданий, которые с яростью набросились на меня. Не останавливаясь, я развернул перед собою силовую сеть, и создания сгорели подобно мотылькам, попавшим в пламя свечи. Эффектное зрелище, напоминающее китайский фейерверк. Воздух передо мной наполнился разноцветным грохотом рвущихся петард. Когда огоньки погасли, я обнаружил, что Го Тин Керш исчез. Воспользовавшись завесой, он разложил время и пытался уйти. Я не мог позволить ему сделать это. Сосредоточившись, я ухватился за краешек временной петли и начал стремительно сплетать ее в клубок. Мгновения летели все медленнее, пока не обратились в тянущуюся массу. Оттолкнувшись от камня, я взмыл в воздух.

Если бы Го Тин Керш использовал воздушный путь, удача, возможно, улыбнулась бы ему, и он сумел бы добраться до корабля, однако существо предпочло двигаться по поверхности планеты. Это было безопасней, но замедляло движения существа, а кроме того, заставляло его следовать в одном-

единственном направлении - к лесу, так как со всех остальных сторон расстилался Лоретаг.

Вскоре я заметил беглеца. Он что есть сил мчался между деревьями, словно норовистая лошадь вскидывая суставчатые ноги. Я устремился вслед за ним. Ломая пространство, я сократил разделявшее нас расстояние и швырнул вниз огненную волну. Перед существом встала ревушая обжигающая стена. Паук ненавидел огонь, но, несмотря на это, не замедлил шага. Испустив две холодные струи, Го Тин Керш рассек пламя и скользнул через него. И тут же свалился в гигантскую яму, вырытую мной с помощью дезинтегрирующей волны. Пока он пытался выкарабкаться наверх, я пикировал. Я намеревался свалиться прямо ему на голову, но в последний миг Го Тин Керш почувствовал опасность и увернулся. Он ловко, словно карточный шулер, передернул время, и я вонзился в землю, уйдя в нее почти по колено. Рассчитывая на мою беспомощность, паук сделал мгновенный выпад. Однако он просчитался. Я успел опомниться от неудачного приземления и был настороже. Клинок ослепительной лентой просвистел в омертвевшем воздухе и отсек монстру часть передней лапы. Вскрикнув, Го Тин Керш поспешил выбраться из ямы. Я освободил ноги и бросился следом.

Мы оба порядком устали и подобно тому, как это уже случалось прежде, отпустили время.

А затем Го Тин Керш пошел ва-банк. Ему было нечего терять, и он начал стремительную игру, показав все, на что способен. Он оказался ловким парнем. Он крутил временем, ломал пространство, атаковал меня всем оружием, каким только владел. Воздух звенел от грохота, солнце меркло в облаках дыма и разлагающейся материи. Все, что умело передвигаться, спасалось бегством, спеша подальше от поляны, где выясняли отношения два инопланетных существа; все, что не умело, было обречено погибнуть. Разлагались и обращались в тлен деревья, чернела трава, находившийся поблизости родник пересох, притаившись под слоем жирной грязи.

Человек смертельно устал, но сверхсуть торжествовала. Зрентшианец ощущал себя победоносным полководцем, ведущим в атаку полки. Он отходил, перегруппировывал энергию и переходил в новое наступление. Он изливал из пальцев огненные щупальца, швырял дезинтегрирующие волны, пробивал оборону противника фотонными пучками. Несколько раз досталось и ему, точнее, человеку. Ледяная волна, умело направленная пауком, повредила уже раненную левую руку.

Но это было мелочью по сравнению с теми ранами, которые получил Го Тин Керш. В этой схватке существо обращало внимание прежде всего на дезинтегрирующие волны, которые могли причинить наиболее серьезный ущерб сверхсуть. Я воспользовался этим и стал чередовать способы нападения. В итоге мои огненные щупальца и фотонные пучки нередко достигали цели. Я изуродовал еще одну паучью лапу, уничтожил значительный участок брюшка и повредил челюсть. Теперь существо выглядело весьма жалким. Алый покров местами потемнел, а кое-где и обуглился, перемещаясь, существо заметно хромало, а из разбитого рта капала ядовитая слюна.

Но оно боролось со все нарастающим отчаянием. И требовались немалые усилия, чтоб одержать верх.

Я старался действовать все разнообразней, используя превосходство в умении обращаться со временем. Я замедлял его, а затем заставлял двигаться быстрее, чем положено, усиливая в паузах выпады. Вскоре мне удалось прожечь верхнюю часть туловища и повредить еще две конечности. И Го Тин Керш понял, что наступает его конец.

Собрав остаток сил, он устремился в последнюю атаку, обрушившись на меня с отчаянием загнанного в ловушку тигра. Он бил резкими хлесткими ударами дезинтегрирующих воли, но я отразил все его выпады, а затем погрузил поляну в море бушующего огня. Когда языки пламени рассеялись, я увидел лежащего на покрытой сажей земле паука. Изуродованный донельзя, он едва шевелился. Но ненависть еще клочкотала в нем: мутно глядя на меня, Го Тин Керш попытался плюнуть ядовитой слюной. Я увернулся от желтенькой струйки и наступил на голову поверженного врага. - Прощай, полукровка!

Вряд ли можно было придумать что-нибудь более обидное. Го Тин Керш захрипел от ярости, слабеющие конечности его взрыли горячую землю. Тогда я поднял меч и обрушил его на уродливую голову. Каур вошел в плоть паука легко, словно в облако невесомой пыли.

В этот миг я почувствовал, что сила моя многократно возросла. Я ощутил в себе тумайта, четырехщупальцевого монстра, рептилию и паука, которого звали Тиэли. Они мелькнули передо мной, за миг поведав историю ушедшей жизни. Когда-то они правили мирами, а вот теперь вошли в меня. Странное ощущение. Я не знал, рад я ему или нет. Человек и зрентшианец вполне мирно уживались между собой, они не звали гостей. Но я знал, что не вправе отказаться от новых сутей. Я победил, и эта добыча принадлежала мне по праву.

Раздался чмокающий звук, и моя нога провалилась в омерзительно мягкое. Труп паука стремительно разлагался. Вскоре он превратился в месиво полужидкой плоти, а затем и вовсе исчез. Сплюнув, я направился к кораблю.

Признаюсь, я оказался весьма неблагодарным и наложил вечные оковы на Лоретаг. А вот нобеков я оставил властвовать над планетой, назначив им в цари одного из генералов по имени Теш. Отныне Теш Первый правил планетой тварей, нареченной не мною Кутгар.

Еще не наступила ночь, когда с плато поднялся гигантский диск космического корабля. Он взмыл в небо и растаял точкой в шаре сиреневого солнца, нареченного мною Хатфур. А впереди ждала Земля.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ОХОТА ОХОТНИК

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сегодня утром - утро на космическом корабле понятие относительное - меня посетила удивительная мысль. Я внезапно осознал, что ощущаю себя не иначе, как тварью в кубе. Есть симпатичное выражение - дурак в квадрате. Квадрат законченная, совершенная форма. Следовательно, дурак, осененный ею законченный дурак, совершенный дурак. Это далеко до абсолюта, выражающегося идиотизмом. Идиота олицетворяет куб. Дурак в кубе - абсолют, претендующий на завершенность. Так вот, аналогично этому я чувствовал себя тварью в кубе. Я превратился в совершенную тварь. Мы со своей дарда были ничем по сравнению со мной. Го Тин Керша - пусть будет космос милостив к его телу, точнее к тому, что это тело занимало - можно было уподобить крысе, помещенной в одну клетку со львом, который, естественно, выражал меня. Лев, именно лев! Обожаю кошек громадных и грациозных, чьи увенчанные когтями подушечки прячут звуки шагов по камням. Кошки близки мне по духу. Они злобны, свирепы и независимы. В их ласковом тягучем "мяу" скрывается тайная угроза. Когда-то на Земле мне служили гигантские саблезубые барсы, самые прекрасные из кошек. Они погибли в битве у Замка, уничтоженные тварями из параллельных миров. А теперь в подобную тварь превратился я.

Я решительно не знал, что из себя представляю. Вот уже много дней, как человек оттеснен на задворки чужого сознания. Его место занял тумайт. Так решил зрентшианец, и он был полностью прав. Чтобы избежать неприятностей, я должен был скрыть свою человеческую суть. Сомнительно, чтоб тумайты с радостью приняли на борту своего корабля существо, истребившее множество их собратьев; пусть даже это существо избавило их от ненавистного капитана. Всеобщая ненависть еще не означала, что экипаж желал избавиться от своего повелителя. Приветствуя смерть тирана, порой рискуешь обнаружить, что оборваны цветочки, а впереди ожидают ягодки. К тому же ненависть была здесь абсолютно нормальным чувством. Тумайты ненавидели со вкусом, совсем так, как другие любят. В первое время удушливая атмосфера всеобщей ненависти подавляла, затем я привык.

Для того, чтобы без осложнений овладеть кораблем, мне пришлось принять облик капитана. Это было несложно, ведь суть тумайта уже стала одним из моих я. Капитан - или псевдокапитан, как уж угодно - явился на корабль и объявил экипажу, что их общий враг мертв. Затем он, не дрогнув, вынес гигантскую волну ненависти, заменявшую ликование, и отдал приказ об отлете.

Корабль был должен следовать в созвездие Ножей, однако я изменил курс. У меня не было причин выжигать систему пятой желтой звезды на том лишь основании, что из нее поступают оформленные сигналы. Один, два, три... И так до десяти - ровными правильными группами. Какие-то кретины изобрели радиосвязь и спешили объявить об этом братьям по разуму. Меня всегда поражало, как доверчивы и неосторожны порой мыслящие существа. Как вожделем они мечту о неведомых друзьях, живущих меж звезд, которые должны помочь им сделать их мир счастливым, не сознавая, что искать инопланетного благодеяния столь же глупо, как ждать милости от Бога. В лучшем случае ответом будет холодное звездное равнодушие, а особо упорствующим в своем стремлении вырваться в огромный мир грозит визит черных линкоров, для которых уничтожить планету столь же просто, сколь иному разбить хрустальный шар. Линкоры сдирают с планет кожу оболочек, и те расплываются огненно-мертвенными сгустками кипящей магмы. Разум, заменяющий душу, злобен. Душа, подменяющая разум, неспособна к великому. Пред вами выбор - быть слабым или сильным, добрым или злым. Добрый-слабый, злой-сильный - словно несуразная считалочка. А меж тем в ней заложена мудрость многих цивилизаций. Доброта, не свойственная величию. Злоба - проявление слабости, выжигающее слабость; как феникс, вечно умирающий и вечно возрождающийся. Лучше быть злым, и быть сильным. И никогда не посылать в пустоту строчки сигналов - один, два, три... И лишь тогда наступит день, когда вы станете искать эти сигналы сама

Я отвратил смерть от неразумных обитателей созвездия Ножей. Не потому, что пожалел их, просто мне нужно было попасть в иную точку Вселенной. Собрав старших офицеров, я объявил им, что поведу корабль к другой, одному мне известной планете, где живут уродливые существа, подобные тому, что обрело смерть на каменистом плато за лесом. Офицеры приветствовали мои слова, вскинув вверх левую руку. Три пальца были сжаты в кулак, а один вызывающе оттопырен. Это означало высшую степень восторга. Меня обдало удушливым облаком ненависти, различимым даже в хлористой атмосфере корабля. Я кашлянул, втянув в себя солидную порцию воздушной смеси, и

приказал вывести на полную мощность антигравитаторы. Офицеры жаждали большего. Они хотели сжечь отвратительную кислородную планету. Выпятив вперед губы, что означало улыбку, я важно произнес:

- Мы оставим здесь новейший вирус ро-сехт-у-гла-фф..., смертельный для обитателей планеты.

- Лау! - радостно откликнулись офицеры, приветствуя мою подлость. И корабль оставил Кутгар.

С тех пор прошло немало времени. Влекомое межгалактическими течениями, судно пересекло созвездия Игрока, Жирного Буа, Двух с половиной языков. У тумайтов были отменные карты - громадные фолианты из иридиевых пластин. Я без особого труда нашел в них нужное мне созвездие. Оно носило символическое название - Щит. В левой части Щита, если смотреть от созвездия Луска-не, сияла небольшая желтая звезда, которую я знал под именем Солнце. Неподалеку от этой звезды, всего в каких-то пятистах световых секундах, располагалась планета, где жили очень дорогие мне существа. Одних я ненавидел, других почти любил. Я мечтал вернуться на эту планету, я вел к ней корабль.

Мелькали мириады звезд - ослепительно белых, желтых, оранжевых, фиолетовых, малиновых, гаснущих черных. Корабль прорывался сквозь туманности и разбрасывал силовыми полями рои метеоритов. Неистово пульсировали квазары, поглощавшие любого, кто неосторожно приближался к ним. Манили золотистыми ожерельями черные дыры, из которых не было пути назад. Порой меня охватывало желание направить корабль в воронку черной дыры. Гаденькое любопытство подглядывающего в замочную скважину - а что там? Ничего - я был уверен в этом. Черная дыра была воротами в Вечность. Я еще не думал о Вечности. Меня манили удовольствия суетного мира. И я гнал корабль вперед.

Язык тумайтов причудлив. Они нарекли свой корабль с цветастым пышнословием фантазера Дали - "Утренний свет на лепестках агузми" (Агузми - подобие кристаллического растения с двенадцатигранными звездами-лепестками). Это был плавучий город, вытянутый в эллипсоидную, обтекаемую форму. Антигравитаторы, джамповые и ионные двигатели, дезинтегрирующие излучатели, лазерные батареи, четыре уровня защиты, способные уберечь даже от столкновения с кометой. Тысяча восемьсот шестьдесят отсеков и блоков, гигантские ангары, оранжевые, модули с припасами и оборудованием, оружейные казематы. Более восьми тысяч обитателей.

Более восьми тысяч ненавидящих меня, ненавидящих без всякой надежды воплотить свою ненависть в реальное действие. И лишь один из них был врагом, представлявшим опасность. Имени своего врага я не знал.

То, что меня желают убить, я понял почти сразу после того, как корабль оставил Кутгар. Я направлялся из капитанских покоев в рубку. Обычный маршрут. Мне приходилось проделывать его по многу раз в день. Сто пятьдесят три шага по неровной поверхности перехода. Ни на один больше, ни на один меньше.

Здесь требуется пояснить некоторые особенности конструкции "Утреннего света". Подобное гигантское механическое сооружение чрезвычайно уязвимо не только перед воздействием извне, но прежде всего изнутри. Наиболее опасные разрушения исходят именно отсюда. Вибрация вентиляционных шахт, циркуляция энергии в системе теплоснабжения, перемещение механизмов - все это может нарушить баланс, что, в свою очередь, приведет к катастрофе. Чтобы избежать невынужденных аварий, кораблестроители спланировали свое детище по законам волновой относительности. Подобное в иных мирах сочли бы недостатком, но у тумайтов оно превратилось в достоинство. Причудливые изгибы переходов и внутренних модулей, так изумившие меня некогда, придавали корпусу корабля дополнительную жесткость. Причудливость конструкции искупалась ее целесообразностью. Кроме того, к необычному быстро привыкаешь. Очень скоро я стал воспринимать причудливые конструкции судна как нечто само собой разумеющееся.

Итак, я совершал свой традиционный путь в рубку. Я не спешил. Ноги механически подстраивали шаги в соответствии с неровностями пола. Переход был совершенно пуст. Почетный караул из гвардейцев не стоял больше вдоль стен. Я распустил его под предлогом того, что гвардейцам необходимо усиленно тренироваться. Похоже, экипаж воспринял это как очередной каприз, но мне было решительно наплевать, что думают инопланетные ублюдки о своем капитане. Мне доставляло мало удовольствия шагать между шеренгами изливающих ненависть истуканов. Гвардейцы обосновались в своих казармах и почти не появлялись на восьмом уровне. Тем более необычно было видеть четыре плотно сбитые фигуры, застывшие у стены неподалеку от рубки. Я отметил этот факт с долей недоумения. И в этот миг Контроль уведомил об опасности. Гвардейцы одарили меня тупыми взглядами и разом ухватились за рукояти закрепленных на левом плече плазменных излучателей. Я разложил время, но проделал это весьма небрежно. Раздались два выстрела. Я успел вильнуть в сторону, но огненные брызги от расплавленной перегородки все же достали меня и прожгли левую штанину комбинезона, скользнув медленными каплями по угасающей спирали времени. Рассерженный и слегка озадаченный, я приблизился к нападавшим и обезоружил их. После этого я отпустил время, намереваясь просканировать их мозги. Я хотел знать, кем эти

четверо посланы и почему. Всего два вопроса.

Однако получить ответы на них мне было не суждено. Едва время приобрело свой обычный бег, как все четыре тумайта, обнаружив, что их затея провалилась, дружно рухнули на пол. Они были мертвы. Мне было над чем поразмыслить.

Я уже попадал прежде в схожую ситуацию. Когда-то подобным образом со мною пыталась покончить Леда. А еще раньше - Арий. Совершенный способ убийства. Исполнитель делает свое дело, а затем, подчиняясь внесенному в его сознание приказу, умирает. И никаких следов. Но чтобы проверить подобную операцию, ее организатор должен обладать могучим даром внушения. Я был уверен - среди тумайтов нет никого, кто располагает подобными способностями, иначе я давно ощутил бы его присутствие. Я осмелился предположить, что все происшедшее случайность.

Второе происшествие приключилось буквально на следующий день, когда мощнейший взрыв уничтожил ангар. Благодаря Контролю я успел выбраться оттуда прежде, чем раскаленная вспышка поглотила законсервированные истребители и два десятка обслуживавших их техников. Опять случайность?

Может быть. Но я как никто другой знал, что дважды повторившаяся случайность становится закономерностью. Тем более, что происшествия не прекращались, повторяясь с завидным постоянством. Кто-то, не слишком разборчивый в средствах, пытался уничтожить меня. Это было неприятно само по себе, но еще менее приятным следовало считать то обстоятельство, что я вновь не получил ответ на вопрос: кто. МЫ в конце концов назвали себя. О Го Тин Керше я узнал от Леды. Новый враг представлял загадку, разгадать которую мне предстояло самому.

Сегодня утром меня посетила еще одна прелюбопытная мысль. Она пришла следом за первой, являя собой плод анализа происходящего. Я вдруг подумал, что имею дело не с тварью. Это убеждение не было аксиоматичным, я не мог найти ему доказательств, но какое-то подспудное чувство твердило, что новый враг предстанет совершенно в неожиданном облике и уж никак не в облике твари. Я был почти уверен; почти - это очень много. Спросите: почему, я затруднился бы с ответом. Неожиданный вывод не поддавался логическому объяснению. Он шел не от ума, а скорее от сердца. Слабое осязание человеческой души вдруг уловило запах существа - не существа даже, а явления, а может быть, и чего-то иного. Чего-то, с чем зрентшианцу еще не доводилось сталкиваться. Не знали об этом и тумайт, и рептилия, и паук Тизли. Да и человеку это было не знакомо. Но человек обладал странным даром предвидения - грезами, которые зовутся мечтою. И человек увидел врага. Это был куб, небольшой серебристый куб с матовыми плоскостями. Возможно, куб имел кристаллическую основу, этого человек не знал. Это мог быть... А мог и... Это мог быть кто угодно. Каждое чисто гипотетическое предположение порождало массу вопросов. Каждый найденный ответ грозил новыми вопросами. Цепная реакция, паутиной обвивавшая корабль. И в центре этой паутины трепыхался я.

Подавив зевоту - это напоминал о себе человек - я потянулся к шару, висевшему над вертикальным ложем. Тумайты спят стоя, пристегнувшись ремнями к выгнутой раме. Это делается вовсе не из желания быть оригинальными, просто сила тяжести на корабле недостаточна, а вертикальное положение способствует лучшей циркуляции жидкости.

Едва моя рука коснулась шара, как ремни расстегнулись и уползли в пазы. Покинув ложе, я облачился в легкую накидку, напоминавшую греческий хитон, восточный халат и мексиканское пончо одновременно. На языке тумайтов она называлась терс-... плюс еще восемнадцать сложных звуков. Я накинул терс на плечи и направился к пластине голубого льда, заменявшей зеркало. В этот миг раздался негромкий звуковой сигнал. Послав мысленный импульс, я приказал двери открыться и обернулся. Вошел слуга, извещенный о пробуждении капитана.

- Ван-рф-псо-...

Он произнес традиционное пожелание хорошего утра, а его тайные мысли поведали, как он меня ненавидит. Это было нормально. Я насторожился б, если бы этого не случилось. Слуга принес завтрак - аккуратно выложенные пирамидкой пищевые кристаллы. Я внимательно следил за тем, как он ставит поднос на низенький столик. Это был новый слуга. Прежнего умертвили за то, что он попытался подложить в мой завтрак кристаллы замороженной воды. Смертельный яд для тумайта, но с каким удовольствием их сосал человек! Покушавшийся не смог ответить, зачем он это сделал. Ему отрубили голову, предварительно ошпарив кожу клубами кислорода. Я лично руководил казнью.

Слуга поставил поднос и тут же вышел. Подобно прочим он испытывал ужас передо мной. Как только дверь захлопнулась, я немедленно избавился от кристаллов, выбросив их в мусоросборник. Слишком невкусная пища, чтобы зрентшианец получил от нее удовольствие. Едва я покончил с завтраком, как звуковой сигнал повторился. На этот раз вошел дежурный офицер. Я терпеливо выслушал краткий рапорт о дежурстве шестой смены. Происшествий не было. "Утренний свет" приблизился к созвездию Щита на сто восемьдесят две тысячи световых секунд. Это было немного,

особенно в сравнении с теми расстояниями, которые преодолевал "Марс". К сожалению для меня, тумайты не умели использовать галактическую спираль. Их корабли передвигались по джамповому принципу. Подобный способ эффективен для перемещения в пределах одного или двух соседних созвездий, но практически лишен смысла, когда речь идет о более дальних расстояниях. Требовались сотни лет, чтобы достичь намеченной точки. Тумаитов это вполне устраивало - они были неторопливы даже в своей ненависти, я же приходил в бешенство от одной мысли, что рискую очутиться на Земле спустя тысячелетия после того, как умрет последний атлант. Время представляло для нас слишком разные величины.

Офицер закончил рапортовать и был отпущен. Уходя, он столь скверно подумал о своем капитане, что я едва не рассвирепел. Впрочем, через мгновение я успокоился. Офицер вел себя как подобает. Он должен ненавидеть - таковы правила игры.

В узком ромбовидном иллюминаторе показалась проплывающая мимо звезда. Огнедышащий гигант, накапливающий вокруг себя сгустки материи. Когда-нибудь его ярость ослабнет, и тогда вокруг зародятся планеты. И как знать, может быть, на одной из них будет разумная жизнь. А за мириады световых лет отсюда, в другом конце Галактики, звезда погаснет, и жизнь, питаемая ее светом, исчезнет. Вечная тайна, именуемая жизнью. Нечто большее, чем жизнь.

От этой мысли мне стало скучно. Нормальное чувство. Я редко предаюсь веселью. Жизнь скучна. Она сравнима с серым днем, заполненным мелким морозящим дождиком, сквозь который так редко прорывается солнце.

Звезда сместилась в левую часть иллюминатора, а затем и вовсе исчезла. Я сбросил терс и извлек парадный мундир: надлежало появиться на мостике, а затем я намеревался посетить третий уровень.

Плотная, слегка шершавая ткань туго обтекла тело. Я застегнул восемь тоненьких крючков, после чего перекинул через левое плечо перевязь. Снизу к ней крепился символ власти - пернач-каур, доставшийся мне в качестве трофея от Го Тин Керша, в контейнер на плече я сунул плазменный пистолет. В ледяном зеркале появилось блеклое отражение. Я выглядел внушительно, с долей угрозы, как и подобает тиранам. А я был тиран - в худшем смысле этого слова. Я был жесток, подл и коварен, как полагалось. Мне не стоило большого труда играть свою роль. Ведь я и в самом деле жесток, подл и коварен. В душе я всегда чувствовал себя немного Фаларидом [Тиран Сиракуз (6 век, до н.э.). "Прославился" своеобразными казнями. По приказу Фаларида осужденных на смерть сжигали в чреве медного быка.]. Почему бы и нет, если необходимо. Отвратительно не жестокость сама по себе, отвратительно, когда она преступает грань, за которой теряет всякий смысл. Отвратительно, когда жестокость превосходит значимость карающего. Наполеон вправе принять на себя кровь миллионов, злобного карлика Равашоля следовало б казнить за первую же каплю пролитой крови, за то, что он претендовал быть Наполеоном, не имея за душой ни Маренго, ни Аустерлица, ни Шампобера [Битвы, в которых наиболее ярко проявился полководческий талант Наполеона.].

Я имел право быть жестоким. Я редко пользовался этим правом. Слишком легко - быть жестоким. Попробуйте быть добрым, без юродства и покаяния, и без тайной гордыни в сердце. Это намного труднее.

Резные двери покоев сомкнулись за моей спиной. Сто пятьдесят три шага, осторожные и уверенные, как всегда. Возле рубки стоял один-единственный часовой. Он приветствовал меня, ударив ладонью по стене. Я ответил холодным любопытным взглядом. Часовой был подозрительно добр.

В рубке находилось семь... - чуть не сказал, человек. Впрочем, для меня они были вполне людьми. В равной мере, как и человек, тумайт во мне пользовался теми же правами, что и человек, а в данной ситуации первый был даже главнее. В рубке было семеро. Старший офицер Ге-счу-фк-лебр-... Я называл его Ге. Ге был моим первым помощником и обладал множеством достоинств. Его главным недостатком было чрезмерное честолюбие. Ге слишком рьяно мечтал о том дне, когда сменит меня в капитанском кресле. Кроме Ге в рубке находились три офицера и три сержанта. Пятеро имели на плече навигационную нашивку. Сержант с несуразным коротким именем Уртус-фл-свят представлял специальную группу, говоря иначе - службу безопасности корабля. Он был единственным нижним чином, чье имя я знал. Сержант Уртус заслуживал подобного уважения. Он один подозревал, что я ненастоящий капитан. Подобная проницательность заслуживала смерти, но я пощадил сержанта. Риск быть разоблаченным развлекал меня.

При моем появлении астронавты поспешили отдать честь, шлепнув четырехпалой ладонью по ближайшему ровному предмету. Для Ге таким предметом оказалась задница младшего офицера. Получив увесистый шлепок, офицер вздрогнул и посинел от стыда. Это могло б показаться смешным, если б не было нормальным.

Ге начал рапортовать, я прервал его, нетерпеливо дернув плечом, и подошел к гигантской панели

компьютера, управляющего кораблем. Компьютер был мозгом гигантского судна, нянкой и строгим воспитателем в одном лице. Он отличался умом и необычайной услужливостью. Я подозревал, что компьютер украден тумайтами у иной цивилизации. Уж слишком нетумаитским был его характер. Мы дружили. Обращаясь к компьютеру, я называл его Ттерр. Он уважительно именовал меня Большим Капитаном.

Подойдя поближе, я ознакомился с показаниями, выведенными на четырех дисплеях, после чего просканировал:

- Доброе утро, Ттерр.

Мой предшественник обучил компьютер телепатии, и поэтому мы общались без слов.

- Хорошо спали, Большой Капитан?

- Не очень, Ттерр. Что нового?

- Ничего такого, что могло бы заинтересовать Большого Капитана.

- Тогда твой ход.

- Конь А5-Б3.

- Пешка на Г5, - немедленно откликнулся я.

От нечего делать я ввел в Ттерр шахматную программу. Компьютер оказался слабоват в дебюте, но определенно хорош в окончаниях. Настоящая партия затянулась, и Ттерр имел вес основания рассчитывать на победу.

- Слон берет пешку.

- Шах королю!

Это был чистейшей воды блеф, но противник купился на него.

- Мне надо подумать.

- Пожалуйста. В таком случае, пока!

- До свидания, Большой Капитан.

Диалог с компьютером занял считанные доли секунды. Все выглядело так, будто я знакомился с показаниями приборов. Затем я обратился к старшему офицеру Ге.

- Я отправляюсь на третий уровень.

Офицер дернул головой. Повернувшись к нему спиной, я уловил грандиозную волну ненависти, объявляющую меня колючим ледяным панцирем. Старший офицер Ге ненавидел сильнее остальных, но он не являлся тем, кто был мне нужен.

Оставив рубку, я направился к световому колодцу и вскоре был на третьем уровне. Здесь жили семьи.

Удивительное дело! Будучи гораздо менее индивидуалистами, чем большинство других мыслящих существ, взяв к примеру хотя бы атлантов, тумайты допускали существование семьи. Тумаит обладал правом иметь собственную жену и собственных же детей. При всем неустройстве быта семьи были довольно крепкими. Жены беспрекословно подчинялись мужьям, дети с восхитительной непосредственностью ненавидели своих родителей.

Здесь все было предельно просто. Узкий пенал семейного блока, в котором заключены двое взрослых и до четырех малышей. Иметь большее количество детей запрещал устав корабля, хотя большинство семей было б не прочь сделать это. Иметь детей означало иметь привилегии. Муж исполнял свои служебные обязанности, жена, свободная от службы, заботилась о супруге, всячески ублажая его. Они в большей или меньшей мере ненавидели друг друга, но их союз был на удивление прочен. Тумаитам неведомо слово измена. Они подобны лебедям, связывающим свои судьбы на всю жизнь. Пусть вас не покоробит мое мы, - ведь я тоже отчасти тумайт, - но мы не находим различий между нашими женщинами, а значит, не имеем причин изменять или ревновать; да и женщинам мы кажемся одинаковыми. Тумаитский брак не является последствием любви. Он скорее долг, помноженный на плотское влечение, которое, впрочем, при желании легко удовлетворить кристаллами оне-тт-фм-сотл-... Вступать в брак позволено по преимуществу нижним чинам и лишь в виде исключения - офицерам. Я бы назвал эти браки вынужденной мерой. Странствия по Галактике продолжительны, необходима смена поколений.

Ни один из обитателей корабля не знал родной планеты. Ни один из них не видел родного солнца и даже его двойника. Зеленая звезда слишком редка, ее можно встретить лишь в немногих созвездиях. Это были люди, обречшие себя на вечное заключение в зыбкой скорлупе космического скитальца. Им не суждено любоваться хлористыми равнинами, как не суждено обрести покой в ледяных могилах. Их ждет вечная чернота космоса и кремация в кислородной ванне. Мне отчего-то становилось грустно, когда я думал об этом.

Я двигался по центральному переходу уровня, осматривая каюты. Порой я замедлял бег времени, что позволяло становиться незамеченным. Тогда я заставлял обитателей кают врасплох. Я вторгался в убогие синтетические жилища, врываясь в чужую жизнь. Я брезгливо сторонился бледных, словно вурдалаки, детей, и с кривой усмешкой взирал на убогие прелести жен. Я проникал в мелкие семейные тайны, которым не суждено дорасти до трагедий.

Порой я отпускал время и жил наравне со всеми. Меня подобострастно приветствовали, обливая волнами ненависти. Я не вызывал ничего, кроме ужаса. На этом корабле именем капитана пугали детей. Я привык к тому, что ужас неизменно сопутствует мне. Меня боялись все, с кем я так или иначе имел дело. Меня боялся даже собственный отец. Это было нормально. Страх гарантирует власть. А власть всегда занимала меня. Она давала мне стимул существовать. Без власти я обречен исчезнуть в бездне Вселенной.

Призрак... Обитатели блоков видели во мне призрак, вечного и неуязвимого. Что ж, это было так. Я был почти неуязвим и почти вечен. Мое почти было за гранью возможности этих людей. Они смотрели мне вслед с испугом и страхом. Я был выше их понимания и оттого был ненавидим во сто крат сильнее. Я олицетворял силу и успех, а они вечно ненавидимы. Я олицетворял тайну вечной жизни, а людям свойственно ненавидеть Вечность, когда они осознают, сколь мало значат пред ней.

Ужас витал над моей головой. Мужчины расступались предо мною, дети испуганно жались к матерям. Так приветствуют смерть. Я означал смерть. Взгляды невольно обращались на каур. Многим довелось видеть его в действии, другие питались ужасными слухами. Я вызывал ужас, и это было прекрасно. Чтобы править озлобленным миром, необходимо уметь вызывать ужас.

Не отвечая на приветствия, я шагал вперед, твердо ставя ноги на неровную поверхность пола, я заходил в жилища. Я со скукой внимал убогим мыслям моих невольных братьев. Право, они немногого хотели от этой жизни. Очередной чин и дополнительная порция кристаллов были способны вызвать в их сердцах неистовый восторг. Чувства были убоги. Они знали страх и радость, им неведома была любовь, и все прочее поглощала ненависть. Лишь она заслуживала почтения. Я преклоняюсь перед ненавистью.

Зорко поглядывая по сторонам, я шел дальше. Пройти через весь уровень, напомнив о своем существовании - именно в этом заключалась моя цель.

Я пронзал безмолвие, наполненное хаосом невысказанных слов. Слова были овеяны ужасом и ненавистью. Люди боялись поймать взгляд, брошенный мною. Они знали, что этот взгляд убивает. Откуда-то знали...

Внезапно гробовое молчание нарушил далекий крик. Я немедленно обернулся на него. Из бокового ответвления выскочил воин. Он был взволнован, а круглые глаза его превратились в вертикальные миндалины.

- Там ходит литинь!

Он кричал еще что-то, но я не слушал его. Оттолкнув воина в сторону, я бросился в боковой переход, на бегу замедляя время. Известие взволновало меня. Дело в том, что литинь-лф-бет-ссо-утушт-... можно перевести примерно как иное существо. В переходе скрывался мой неведомый враг.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я мчался по переходу, изогнутому причудливой соломиной, так, что свистело в ушах. Тоннель устремлялся вправо и чуть ниже, черные стены колебались, словно угрожая сомкнуться и сплющить меня в лепешку. Это был вспомогательный переход, обвивающийся спиралью вдоль обшивки судна. В случае аварии световых колодцев он должен был исполнять их функции. Членам экипажа почти не случалось бывать здесь. Немудрено, что литинь избрал для своего появления именно это место.

Пол накренился, резко уходя вниз, и я ускорил шаг. Я мог разложить время, но сам не знаю, почему не сделал этого. Я лишь немного растянул его, получив таким образом преимущество перед своим противником. Противником? По правде говоря, я еще не знал, кем окажется литинь - другом или врагом.

Переход резко свернул вправо, и я увидел спешащего навстречу астронавта. Он бежал изо всех сил, но приостановленное время делало его шаги комически замедленными. В них было что-то от

крадущихся движений ленивца. Шаг, точнее ша-а-а-аг, еще один... Я пронесся мимо словно молния, успев заметить, как на лице астронавта появляется выражение ужаса. Он не рассмотрел как следует меня, но наверняка догадался, кто оттолкнул его в сторону.

Справа показались остроугольные конструкции модуля. Здесь находились блоки питания и резервные функциональные выводы - нечто вроде маленького филиала Ттерра. Если вдруг что-то случится с базовым компьютером, его вполне мог заменить подобный модуль.

Еще несколько шагов... И наконец я увидел вдалеке смутные очертания фигуры. Она стояла посреди перехода, спиной ко мне. Она не пыталась убежать, и я замедлил шаг. Когда я подошел совсем близко, фигура резко повернулась.

- Клянусь звездами, я был уверен, что здесь не обойдется без тебя!

Конечно же, это была Леда. Но не совсем такая, как обычно. Леда казалась чуть выше, от ее фигуры исходило красноватое сияние. Я понял, что имею дело с фантомом... Леда ослепительно улыбнулась. На фоне ровной полосы зубов отчетливо выделялись четыре громадных клыка. Странно, но они ее совсем не портили, даже снабженная подобными "украшениями" Леда выглядела очаровательно.

- Тебе идет, - заметил я, скрывая усмешку.

Я был вправе рассчитывать на схожий ответ, однако вопреки ожиданиям Леда проигнорировала изменения, произошедшие с моей внешностью. Более того, она продолжала молчать, загадочно поглядывая на меня льдыстыми глазами. Ее молчание раздражало.

- Что ты молчишь? Чего ты добиваешься на этот раз?!

Как и прежде, Леда воздержалась от ответа. Внутри негромко заворочался Контроль. Я прислушался к его неуверенному брюзжанию. Эта Леда явно не нравилась моему охранителю. Тогда и осторожно вытянул перед собой силовые линии. Потребовалось совсем немного времени, чтобы определить, что безмолвный гость не является тем, за кого пытается себя выдать. Вне всякого сомнения, это был фантом, но структура его выглядела странно. Вначале я даже не поверил своим ощущениям и еще раз использовал силовые линии, прежде чем убедился окончательно. Передо мной стоял необычный фантом, располагающий мощным энергетическим потенциалом. Этим он походил на демона, но структура была совершенно иной. На ощупь она напоминала оплывшие пчелиные соты, переполненные энергией. Структура была нестабильной, я воочию видел, как золотистые сгустки энергии переливаются в разных направлениях. В этом существе не было той завершенности, которая отличает демона. Стоявший передо мной артефакт напоминал рыхлую снежную фигуру, которую в любой миг можно было развалить уларом лопаты или дополнить еще несколькими комьями. Я впервые имел дело с подобным существом. Не знаю, догадалась Леда или нет, что я раскусил ее. На всякий случай я решил скрыть то обстоятельство, что знаю чуть больше, чем положено. Не переставая изучать артефакт, я продолжал извергать пустые слова.

- Как поживает твой котик на Альтаире?

Я отчетливо ощущал, как энергетические потоки постепенно приобретают организованность. Гость готовился к какому-то действию. Я пытался предугадать, к какому.

- Надеюсь, он подрос?

Я нес откровенную ахиною, продолжая ощупывать артефакт. Тот не отвечал. От него не исходило ни единой мысли, что лишний раз подтверждало предположение о его незавершенности, но энергия, насколько я мог судить, уже была через край. Я не имел понятия, откуда она берется. Быть может, неподалеку от артефакта притаился его хозяин? Едва я подумал об этом, как началось извержение энергии. Она хлынула огромным, золотисто-обжигающим потоком по стене слева от меня. Воздух наполнился легким потрескиванием, какое бывает перед грозой, а затем лопнул, словно перетянутая струна. Из-за моей спины донесся оглушительный грохот, горячая волна пружинисто толкнула в ребра. Я обернулся. Перехода позади больше не существовало. Стены, пол и потолок были разорваны и перекручены ломаными спиралями. Глядя на эту мешанину металла, можно было подумать, что здесь поработал сумасшедший ваятель-абстракционист.

Демонстрация силы впечатляла, однако подобным меня было не испугать. Если потребуется, я был способен одним движением руки смять в лепешку весь корабль. Я усмехнулся.

- Продолжай. У тебя хорошо получается.

Леда ответила оскалом белых клыков.

Энергия побежала в обратном направлении. Я уже знал, что произойдет. И я не ошибся. Раздался

новый взрыв, и переход за Ледой расцвел причудливым сплетением металлических полос.

- Bravo! Первый приз - твой! - Я оплодотворил. - Но если тебе хотелось остаться наедине со мной, вовсе незачем было уродовать корабль.

Что-то дрогнуло в глазах Леды. Я был почти уверен, что она поняла мои слова. Я обвивал силовыми линиями зыбкие формы ее тела, внимательно следя за перемещением энергии. Артефакт оказался сильнее, чем я предполагал, надлежало быть готовым к неожиданностям. Тем временем Леда продолжала концентрировать энергию. Золотистые струйки изливались из ее тела, постепенно заполняя замкнутое пространство отсеченного перехода. Быстро начала повышаться температура. Изморозь на стенах растаяла и стекала вниз, образуя на полу синеватые лужицы. В воздухе появилось свечение, подобное тому, что издает раскаленный предмет. Красотка определенно намеревалась запечь меня заживо в гигантском котле. Зрентшианец в собственном соку, пожал-те! Я не препятствовал. Мое естество представлено ледяной сутью, но это вовсе не означает, что я плохо отношусь к огню. Я наслаждался раскаленным воздухом Гоби и принимал лавовые ванны в жерле Этны. При желании я мог утолить жажду раскаленным металлом. Так что повышение температуры мало взволновало меня. Я ограничился тем, что создал вокруг нежной тумантской кожи дополнительный жаронепроницаемый панцирь. При этом я продолжал контролировать действия артефакта. Строптивное создание вполне могло выкинуть еще какой-нибудь трюк. Однако вскоре я убедился, что все его усилия сосредоточены в одном направлении. Артефакт упорствовал в своем стремлении поджарить меня. Я развеселился. Угрожать огнем тому, кто сам в состоянии породить огонь, по крайней мере нелепо.

- Будь по-твоему, малышка! - воскликнул я. - Я поддерживаю твою игру!

Я выдохнул громадный язык пламени, отчего температура подскочила не менее, чем вдвое. Стены перехода засветились золотистой корочкой, а хлористая смесь совершенно испарилась, забившись в щели вентиляционных труб. Мы работали как две печки, поддавая все новые порции жара. Вскоре атмосфера накалилась настолько, что начал кипеть металл. Для меня это был далеко не предел, а вот мой противник стал сдавать. Энергетические потоки, исторгаемые его телом, вновь приобрели известную хаотичность, а затем начали истощаться. Я ощутил это своими силовыми линиями, словно угасающее биение пульса. Еще мгновение назад он был лихорадочным, затем стал слабеть и вот уже бился едва различимой нитью.

Сверкнула ослепительная вспышка. Этого и следовало ожидать. Артефакт перешел уровень своих возможностей и распался, не оставив даже следа. И лишь сейчас я осознал, что, увлекшись борьбой, не потрудился выяснить, откуда он появился. Сплюнув от досады - слюна моментально превратилась в облачко пара, взвившееся под потолок, - я осмотрелся. Переход был безнадежно изуродован. По этому поводу у экипажа могли возникнуть ненужные вопросы, на которые я не собирался отвечать. Я избрал самый простой выход из ситуации. Сконцентрировав энергию в длинный прочный бурав, я вонзил его во внешнюю оболочку. Я поворачивал бурав до тех пор, пока не пробил четырехслойную броню корабля. Завизжали остатки воздуха, втягиваемые пустотой в образовавшуюся дыру. В отверстие заглянул черный лик космоса. Я подмигнул ему и жадно вдохнул полной грудью. Пустота освежила меня. Холод растопил скопившийся в переходе огненный шар. Стало прохладно. Запахнув поплотнее полу мундира, я представил, как в навигационной рубке тревожно воеет сирена, сообщая о нарушении внешней защиты. Следовало поскорее убраться отсюда. Вытянув вперед руки, я очертил на стене овал, примерно соответствующий размерам моей фигуры, после чего прикрепил к металлу кончики силовых линий. Легкий толчок - и металлический диск мягко вошел внутрь. Я устремился следом. Проникнув в грузовой модуль, я поднял выдавленную часть переборки и приставил ее на прежнее место, через миг стена приняла обычный вид.

Когда в капитанские покои вбежал старший офицер с донесением об аварии, я встретил его, сидя на ложе для отдыха. Выражение моего лица не вызывало сомнений, что случившееся является для меня полной неожиданностью...

В полдень Ттерр нашел сильный ход и выиграл партию, после чего мы немедленно начали новую. Бригада астротехников латала пробитую метеоритом обшивку корабля. Работами руководил Ге, изо всех сил пытавшийся завоевать ненависть экипажа. В последнее время он слишком часто думал о том, что я не вечен.

После обеда, который подобно завтраку исчез в утилизаторе, я вызвал сержанта Уртуса. Признаться, я и сам не мог сказать точно, зачем он мне понадобился; это было частью игры. Когда Уртус появился в покоях, я велел:

- Доложи о происшествии.

Сержант оказался достаточно нагл, чтобы спросить:

- Каком?

Я терпеливо пояснил, о чем хочу услышать. На этот раз обошлось без комментариев, хотя на языке у сержанта вертелась фраза по поводу моего пребывания неподалеку от места аварии.

Уртус подозревал меня давно. Он был одним из тех, кто преследовал человека во время памятного бегства с корабля, когда Го Тин Керш похитил мою сверхсуть. Не знаю, как уж он сумел догадаться, что истинный капитан мертв, а его место занял самозванец. Возможно, мое поведение отличалось от поведения истинного хозяина корабля, а скорей всего, здесь имело место то могучее внутреннее чувство, которое присуще шпионам и бывалым воинам. Подобно преданной ищейке Уртус знал запах хозяина. Он не мог не заметить, что с тех пор, как корабль покинул Кутгар, капитан стал пахнуть иначе. Покуда Уртус не высказывал вслух своих предположений, что не мешало мне знать о них. Я забавлялся с сержантом, как кошка забавляется с мышонком, то и дело подбрасывая ему очередной повод для раздумий. В то же время я был наготове предотвратить нежелательное для меня развитие событий, если вдруг Уртус решится поведать о своем подозрении кому-нибудь из членов экипажа, хотя бы тому же старшему офицеру Ге. Шахматные баталии с компьютером, да игра с подозрительным Уртусом - вот все, чем мне предстояло развлекаться долгие годы. И, конечно же, таинственный враг, прячущийся где-то на корабле.

- Итак, что случилось на третьем уровне?

- Повреждение обшивки, - сообщил Уртус, стараясь не встречаться со мной взглядом.

- Серьезное?

- Вторая степень тяжести. Пробиты все четыре защитных слоя, уничтожен значительный кусок перехода.

- Метеорит?

- Трудно сказать. Внешне похоже на то, но самого метеорита не обнаружено.

- Возможно, он испарился?

- Возможно, - не стал спорить сержант. - Но обычно от метеоритов хоть что-то да остается.

Уртус замолчал, осекшись на полуслове. Я продолжал разыгрывать неведение.

- Хочешь сказать что-нибудь еще?

Сержант неопределенно мотнул головой. Лицо его посерело, в голосе появилась легкая дрожь.

- Странный характер повреждений, капитан. Что ты хочешь этим сказать?

- Панели перехода разорваны и скручены, металл оплавлен. Такое впечатление, будто он подвергся воздействию гигантских температур.

- Плазма?

- Нет, здесь следует вести речь о более мощной энергии. Подозрительно выглядит и пробоина в корпусе. Я осматривал ее снаружи. Она имеет идеальные очертания, и мне показалось, что ее проделали изнутри.

Я хмыкнул.

- Не понял.

- Я почти уверен, что метеорит здесь ни при чем, - медленно проговорил сержант, уперев взгляд в тускло мерцающий иллюминатор.

- Иными словами, ты хочешь сказать, что к этой аварии, возможно, причастен кто-нибудь из членов экипажа?

- Да, - с готовностью подтвердил Уртус.

- Ты знаешь, кто?

- Я не уверен...

- Сержант специальной группы должен быть готов ответить на подобный вопрос. Кто?

Весь облик Уртуса выражал нерешительность. Переступив с ноги на ногу, сержант слегка осевшим голосом промямлил:

- Я могу спросить у капитана?

- Что?

- Капитан был на третьем уровне, когда ему доложили, что обнаружен литинь?

- Да, кажется, было что-то в этом роде, - стараясь говорить небрежно, протянул я.

- Мне известно, что капитан, узнав о литине, бросился искать его.

Я сделал вид, что колеблюсь с ответом.

- Да... Да! Я побежал в ту сторону.

- Капитан нашел литиня?

- Нет, там никого не было. Воину почудилось. Кстати, узнай его имя и накажи.

- Будет исполнено.

- У тебя есть еще вопросы?

Уртус в волнении потер пальцами левую руку.

- Видевший литиня утверждает, что встретил его в том самом месте, где случилась авария.

- Я же уже сказал тебе - там никого не было! - воскликнул я, стараясь придать голосу раздражение. Признаюсь, мне доставляло удовольствие наблюдать за тем, как мой собеседник будет выбираться из этой пренеприятной ситуации, в которой он очутился по собственной воле.

- Значит, там никого не было?

- Да! Да!

- Понятно, - сказал Уртус. Он оторвал взгляд от иллюминатора и твердо посмотрел мне в глаза.

- Я готов назвать виновника случившегося.

- Весь во внимании.

- Это капитан.

- Что?! - Я давно ожидал подобного обвинения и, надеюсь, правдоподобно изобразил возмущение и гнев. Подражая свисту разъяренной кобры, я процедил:

- Чтобы выдвигать подобное обвинение, нужны доказательства! Они у тебя имеются?

- Нет. - Уртус был спокоен. - Но я знаю, что капитан не тот, за кого себя выдает.

- Как это понимать?

- Полагаю, что капитан на самом деле не кто иной, как литинь, с которым мы сражались на кислородной планете.

- И как же, по-твоему, этот литинь ухитряется дышать смертельно ядовитыми для него парами хлора?

- Литинь с кислородной планеты умел многое. Он очень силен. Он убил капитана и овладел его телом.

- Интересно придумано! - раздвинув в характерной ухмылке узкие губы, заметил я. - А ты не боишься, что литинь захочет расправиться с тем, кто узнал его тайну?

- Не очень.

- Почему? - искренне удивился я.

- Литинь слишком могуществен, чтобы бояться разоблачения. Я думаю, такая игра доставляет ему удовольствие.

Я хмыкнул. По знанию психологии этот сержантишка мог заткнуть за пояс Фрейда на пару с Юнгом. С подобным здравомыслием мне не приходилось сталкиваться давным-давно. События неожиданно для меня покинули намеченное русло.

- Все это чрезвычайно интересно. Что думаешь делать дальше?

- Что прикажет капитан.

- А если капитан литинь?

- Ну и что? Прежний капитан тоже был литинем.

- И ты знал об этом?

- Конечно. А он знал о том, что я знаю. Но что это меняло? Он был отличным капитаном, я не мог пожелать нашему кораблю лучшего. С другой стороны, я превосходно справлялся со своими обязанностями, у капитана не было претензий ко мне.

- Выходит, вы соблюдали нейтралитет?

- Именно, - подтвердил Уртус.

- Ты предлагаешь подобный нейтралитет и мне?

- Да, но при условии, что капитан не будет пытаться нанести вред кораблю. Я не знаю его целей, но в мою задачу входит охранять корабль. Если капитан замыслит недоброе, я попытаюсь принять необходимые меры, чтобы предотвратить опасность, угрожающую кораблю.

- Как хорошо сказано - попытаюсь! Это самое мудрое слово, какое я от тебя услышал. Я не литинь.

- Возможно.

Такой ответ слегка озадачил меня.

- Почему ты с такой легкостью отказываешься от своего прежнего утверждения?

- А что мне остается делать?

- Мой друг, да ты просто кладезь благоразумия! - восхитился я. - А игра, затеянная тобой, приводит меня в восторг. Только я намереваюсь слегка изменить ее правила. Я даю тебе срок, чтобы представить доказательства того, что я действительно литинь. В случае, если тебе не удастся убедить меня, ты будешь предан казни. Если же ты сможешь доказать свое обвинение, я исполню твое желание.

- Какое?

- Любое, - торопливо ответил я, но тут же поправился: - Почти любое. Я не исполню его лишь в том случае, если ты захочешь моей смерти или пожелаешь, чтобы я убрался с корабля. Как ты сам понимаешь, подобный исход событий не устраивает меня. Все остальное, - я широко развел руки, - в твоей власти.

- Я и в мыслях не имел убирать капитана с корабля. - (Это было правдой). Кораблю нужен сильный капитан. Я принимаю эти условия. Моей наградой в случае успеха должен стать пост старшего офицера.

- Сменить дурака Ге? Я давно подумывал об этом.

Уртус испустил в адрес старшего офицера волну ненависти.

- Срок? - деловито спросил он.

- Пока мне не надоест ждать.

- Это может случиться завтра.

- Значит, до завтра.

- Немного неопределенно, но я согласен. У капитана есть ко мне вопросы?

- Нет. А у тебя ко мне?

- Как я смею! - с фальшивым смирением протянул сержант. Мысли его были до того дерзки, что я едва сдержал улыбку. Я имел дело с умным и расчетливым нахалом. Подобные ему делают прекрасную карьеру. Обычно они становятся серыми кардиналами и правят миром. Подозреваю, Уртус желал именно этого, но он благоразумно прятал опасную мысль. - Я могу идти?

- Иди.

Через миг я остался один, в компании подглядывающих в иллюминатор звезд. Но день еще не был

закончен, и меня ожидало последнее, третье происшествие.

Если как следует разобраться, космос скорее пустота. Можно лететь не один день, а повстречать лишь рой метеоритов или пару огненнохвостых комет. И уж почти невозможно наткнуться на такого же космического скитальца. Вероятность подобного следует отнести скорее к исключению, чем к правилу. Как видно, сегодня был день, богатый на исключения.

Старшему офицеру Ге, верно, надоело бегать к капитану с донесениями, но такое сообщение он не решился передоверить кому-нибудь из своих помощников. На его памяти это, возможно, был первый случай, когда корабль наткнулся в открытом космосе на неизвестное судно. Да и на моей, если признаться, лишь второй.

Это была крохотная скорлупка, оснащенная радиомаяком. Она двигалась примерно тем же курсом, что и "Утренний свет", в скорости лишь самую малость уступая ему. Уже одно это обстоятельство вызывало удивление.

В рубке собрались все, кто имели, право находиться здесь. Астронавты неотрывно следили за зрачком гиперлокатора, поймавшего судно в свои сети. Дежурный навигатор оперировал балансирующими рулями, постепенно сбрасывая скорость. Рядом с ним застыли в креслах старший комендор дезинтеграторов и командующий лазерными батареями. Исходя из скромных размеров судна, можно было предположить, что оно не обладает мощным вооружением, но полностью за это никто поручиться не мог. И потому оба офицера не отрывали рук от пульта управления огнем, ожидая лишь моей команды.

Крохотное светящееся пятно на экране постепенно смещалось к центру, пока не устроилось в перекрестье красных лучей. Это означало, что "Утренний свет" лег на курс преследуемого судна. Расстояние между кораблями постепенно уменьшалось, и вскоре в обзорном иллюминаторе показался крохотный серебристый кристаллик, мерцающий между парой близнецовых звезд. Кристаллик постепенно увеличивался в размерах, пока не приобрел более или менее четкие очертания небольшого судна. Овальные обводы и планирующие плоскости свидетельствовали, что судно приспособлено к передвижению как в межзвездном пространстве, так и в атмосфере.

Дальнейшее сближение требовало опыта и отменной реакции, поэтому я решил взять управление на себя. Дежурный навигатор, узнав об этом, оскорбился и с ненавистью подумал обо мне. Отчасти он был прав, безмолвно протестуя против подобного решения - я уступал ему в умении управлять кораблем, но зато реакция у того, кто властвовал над временем, была несравненно совершенней, нежели человеческая. Осторожно двигая рычаги балансирующих рулей, я начал сближение. Чуть левее, чуть правее, джамповые двигатели реверсировали, поступательную тягу давали ионные. "Утренний свет" приближался к неизвестному кораблю гигантской скалой, грозя расплющить его в лепешку. Следовало быть предельно осторожным. Я приказал Терру взять под свой контроль процесс реверсии и принялся медленно наращивать мощь ионных двигателей. Столпившиеся в рубке астронавты почти не дыша следили за моими действиями. Серебристый кристалл кораблика рос на глазах. Вскоре уже можно было ясно различить сопла. За ними не тянулся характерный светящийся след, это означало, что двигатели бездействуют. Кораблик двигался за счет инерции. Затемненный колпак кабины усиливал ощущение омертвелости.

Стараясь не делать резких движений, я подводил "Утренний свет" все ближе и ближе. Вскоре кораблик оказался прямо перед обзорным иллюминатором. Тогда я передал управление озлобленному на меня астронавту и взялся за рукоять манипулятора. Мне удалось зацепить кораблик с первой же попытки. Гигантская титановая лапа с двумя магнитными зажимами сомкнулась вокруг веретенообразного туловища и повлекла добычу к грузовому ангару. Все приветствовали мой успех одобрительными криками и мысленным взрывом ненависти. Я почти не обратил на это внимания. Приказав Ге присвоить обиженному мной навигатору очередной чин, я поспешно оставил рубку и направился к ангару. Дело в том, что я узнал кораблик. Это был катер "Марса".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

История эта приключилась давным-давно. В те времена я еще не обладал сверхсутью, хотя зачатки ее, передавшиеся мне с кровью отца, уже начинали проявлять себя. Но они были почти неразличимы, и я не придавал значения своим необычным способностям. Тогда я был всего лишь человеком, одним из сорока беглецов с Атлантиды.

Межпланетная война закончилась катастрофой. Атланты были побеждены и оказались в рабстве у своих врагов. Лишь немногим, в том числе и мне, удалось покинуть планету. Нас взял на борт крейсер специального назначения "Марс", стремительный и неуязвимый рейдер, по праву считавшийся последним достижением атлантического кораблестроения. Мы отправились в неизвестность, на поиски планеты, где смогли бы возродить сокрушенную цивилизацию. Я знал, что на борту "Марса" находятся два существа, отличающиеся от прочих людей. Я знал, кто они, и даже их настоящие имена. Мне было известно, что они очень могущественны, но я не представлял в

полной мере степень их могущества. Одно из этих существ было моим отцом - я подозревал это, хотя и не был полностью уверен в справедливости своей догадки. Второе существо по имени Арий было моим злейшим врагом. Арий претендовал на власть над кораблем и видел во мне соперника. Он знал обо мне больше, чем сам я. Он ощущал ту гигантскую силу, которая зрела внутри меня. И он задумал избавиться от своего соперника. На пути к осуществлению этого замысла стоял мой отец, Командор Атлантиды. Арий был слабее его, поэтому он не решился действовать напрямик. Ведь помимо всего прочего он приходился братом Командору, а следовательно, дядей мне - ничего не скажешь, дружная семейка! Арий постепенно усиливал влияние на брата, пока, наконец, не подчинил его своей воле. Только после этого он принялся за меня.

Зрентшианцы - непревзойденные мастера на всякие хитрые уловки. Желая отвести от себя подозрения, Арий решил уничтожить своего противника чужими руками. Овладев сознанием корабельного механика Эра, он велел своему зомби убить меня. К счастью, я оказался достаточно проворен. В тот день, сам не осознав того, я впервые разложил время. Механик погиб, а я оказался цел и невредим. Но я не сомневался, что Арий предпримет новую попытку, ведь я слишком мешал ему, поэтому я должен был опередить своего врага.

Нас было четверо, дружная четверка, решившая покончить с; Арием: я, бывший разведчик Гумий - в те времена он считался моим лучшим другом, бывший десантник Давр и доктор Олем. Именно доктор придумал способ расправиться с Арием. И именно ему выпал жребий уничтожить нашего врага. Все произошло точно так, как запланировал Олем. Сам он сыграл роль подсадной утки, заставив Ария поверить тому, что доктор находится под его контролем. Арий купился и позволил завлечь себя в ловушку, Катер унес моего врага в неизвестность, где, как я полагал, он должен был обрести смерть. Однако Арий ухитрился уцелеть, и спустя годы я вновь встретился с ним, и был побежден. А сегодня меня коснулась еще одна часть далекого прошлого.

У грузового ангара я оказался первым. За мной подоспели и остальные. Дежурные офицеры разогнали любопытных, позволив остаться лишь нескольким высшим чинам специального отряда. Крадущимся шагом подошло подразделение гвардейцев, вооруженных плазменными пистолетами и пси-излучателями. Они должны были обеспечить безопасность. Скрывая нетерпение, все ждали, пока компрессоры не нагнетут в ангар хлористую смесь. Наконец над шлюзовой камерой вспыхнул зеленый огонек, и двери, распавшись на два частокола отточенных зубьев, ушли в верхний и нижний пазы. Скрывая волнение, я устремился к катеру. Следом хлынули остальные астронавты, держась, впрочем, от меня на достаточном расстоянии.

Вне всякого сомнения, передо мной был катер "Марса". Мне не раз приходилось путешествовать на борту его собрата, когда я был на Земле. Характерные линии и даже полустертая надпись на боку, от которой остались две едва различимые буквы - "М" и "р". Космические течения изрядно потрепали судно, отметив его борта вмятинами и царапинами от метеоритов. Одна из планирующих плоскостей была оплавлена - по всей очевидности, ее лизнул хвост кометы, - по темной поверхности керамического стекла кабины скользили сотни крохотных трещинок.

Взобравшись на планирующую плоскость, я попытался рассмотреть, есть ли кто-нибудь внутри. Стекло было мутным, едва прозрачным, однако мне показалось, что я вижу неясные очертания распластавшегося в кресле тела. Впрочем, я не был уверен, что все это не является игрой воображения.

Щелкнув пальцами, я подозвал стоявшего неподалеку сержанта Уртуса. Тот немедленно приблизился, по пути небрежно толкнув локтем Ге.

- Сержант, судя по всему, корабль мертв. Однако на всякий случай следует убедиться в этом.

- Прикажете вскрыть кабину?

- Да, но предварительно следует принять меры предосторожности. Полагаю, этот корабль принадлежит существам, чья жизнедеятельность основывается на кислородном обмене. Поэтому необходимо соорудить изолированную камеру, заполнить ее кислородом и лишь потом произвести вскрытие. - Заслышав, что речь идет о кислороде, brave вояки слегка попятились назад. Я позволил себе усмехнуться. - Немедленно доставить сюда герметичные панели, запас кислорода, скафандры и необходимое оборудование. Я сам осуществляю все работы.

- Позвольте мне быть рядом, капитан.

Я кивнул. - Хорошо, сержант.

Мой помощник Ге не мог вынести подобного нарушения субординации. Посинев от ярости, он крикнул так, что все невольно обернулись к нему:

- Я тоже должен быть здесь!

- Это невозможно, старший офицер, - отрезал я и тут же подсластил пиллюлю. - Приказываю

заменить меня в рубке!

Мое распоряжение несколько успокоило честолюбца, и он, скрывая облегчение, шлепнул ладонью о планирующую плоскость.

- Слушаюсь, капитан!

Следом за Ге поспешили исчезнуть и прочие зрители. Они знали, что с кислородом шутки плохи. На несколько мгновений я остался один. Меня охватило нетерпеливое желание выпустить силовые линии и вскрыть эту старую летающую посудину, однако я с трудом, но удержался. Если внутри и впрямь находился человек, и если он жив, то подобный шаг мог оказаться для него губительным.

Впрочем, сержант Уртус проявил чудеса оперативности. Очень скоро в ангаре появились прозрачные панели. Соединенные между собой, они образовали конусообразный кокон, изолирующий катер от агрессивной хлористой среды. Облачившись в скафандры, я, а следом сержант Уртус, вошли в эту импровизированную клетку. Панели сомкнулись, прокладки между ними заполнил гелий, обеспечивая полную герметичность. Мощные вакуумные насосы принялись выкачивать хлор, пока не свели его концентрацию к ничтожным долям. После этого Уртус открыл контейнеры с жидким кислородом и азотом. Пузырься, жидкость испарялась, в несколько мгновений заполнив оболочку воздушной смесью, примерно схожей по составу с земной атмосферой. Заработали обогреватели, повышая температуру. Вскоре условия внутри прозрачного кокона стали вполне приемлемы для человека. Я кивнул Уртусу.

- Приступай.

Мой помощник давно ждал этого приказа. Острый лепесток пламени вонзился в борт судна рядом с краем кабины. Полетели раскаленные брызги. Металл просекла узкая черная полоса. Несмотря на то, что напор огня был чудовищен, керамопластик поддавался с трудом. Он был рассчитан на громадные нагрузки, в том числе и температурные. Уртус медленно водил резаком, столь медленно, что заставлял меня изнывать от нетерпения. Наконец я не выдержал. Оглядевшись и убедившись, что ангар пуст - астронавты решили не рисковать и дружно покинули помещение, где велись работы с кислородом - я подтолкнул Уртуса под локоть. Тот вопросительно мигнул серым глазом. Я приказал взглядом, чтобы он отошел в сторону. Уртус догадался о моих намерениях и поспешно отступил к самому краю кокона. Теперь за дело взялся я. Приставив пальцы к броне, я вонзил в нее силовые линии. Какое-то время потребовалось, чтобы наполнить их энергией, затем я рванул линии на себя и вскрыл катер, словно консервную банку. В борту образовалось правильное четырехугольное отверстие, сквозь которое я без труда проник внутрь.

Здесь царствовала темнота, лики приборов безмолвствовали, а воздушная смесь была перенасыщена углекислым газом, наличие которого засвидетельствовали газовые анализаторы. Замкнутое пространство обычно свободно от пыли, но здесь она была. Тонкий серый слой, похожий на пушистый лишайник, покрывал пол, кресла, приборную панель, проступал причудливыми проплешинами на потолке и стенах. Потребовалась не одна сотня лет, чтобы образовался этот затейливый ковер. Такой же слой пыли покрывал и человека, который полулежал в кресле так, что его ноги и нижняя часть туловища свешивались на пол. Тело человека, облаченное в неопределенного цвета комбинезон, было изогнуто, словно он бился в агонии и так и застыл, внезапно окаменев. Я смахнул ладонью пыль с лица. Это был доктор Олем.

Уртус понял, что обнаруженное существо знакомо мне. Понизив голос до шепота, он скороговоркой спросил, чтоб его не могли понять следящие за нашими переговорами операторы:

- Капитан знает его?

Я утвердительно кивнул и попытался нащупать пульс. Пульса не было, рука на ощупь казалась каменной, но внутренние чувства подсказывали, что доктор жив и пребывает в странном состоянии, напоминающем летаргический сон. Об этом же подумал и Уртус.

- Он жив.

Это не было вопросом, это было утверждение. Кашлянув, чтобы прочистить горло, я принялся говорить.

- Старший офицер Ге, мы обнаружили существо, возможно, пребывающее в состоянии анабиоза. Скорей всего, это кислородное существо, представляющее интерес для нас. Приказываю немедленно подготовить герметичный модуль и заполнить его двадцатипроцентной смесью кислорода. Остальное - азот, гелий и немного углекислоты. Прикажи биохимикам изготовить пищевые концентраты на основе простейших белков, полинасыщенных жирных кислот и солей. Примерный состав должен быть им известен. Как только модуль будет готов, немедленно доложи. Я буду ждать.

Смахнув пыль с кресла стрелка, я уселся. Рука привычно легла на гашетку лазерных пушек. Уртус

внимательно следил за мной. Он догадывался, что внутри меня оживают давние воспоминания.

- Неплохой истребитель, - вдруг заметил он.

- Это не... - Я оборвал фразу на полуслове, осознав, что едва не проговорился. Конечно же, сержанту и без этого все было понятно, но прямая подсказка выходила за правила игры. Я почувствовал, что Уртус улыбается.

- Я лишь исполняю приказ капитана. После этого сержант не проронил ни слова.

Мои приказания были исполнены в самый кратчайший срок. Получив известие, что все готово, мы вынесли доктора из кабины. Уртус надел ему на лицо кислородную маску, а затем с моей помощью запеленал окаменевшее тело в теплонепроницаемую пленку. Вакуумные насосы откачали кислород, заменив его парами хлора, после чего связанные гелиевыми прокладками панели обмякли и распались. Я тут же взвалил сверток с доктором Олемом на плечо. Уртус дотронулся до моей руки, предлагая помощь. Я отрицательно покачал головой. Тогда сержант беззвучно сказал, заменив фразу мыслью - он уже понял, что я телепат:

- Лучше, если его понесут воины, за которыми присмотрю я. Капитану же следует отправиться к себе. Так будет лучше.

Странно, но я повиновался.

Станным было не только это. В настоящее время я являлся туманитом, но меня упорно донимали люди, точнее, их призраки. Меня не мучили безвинные жертвы Го Тин Керша, оставившего кровавый след на двадцати семи планетах. Меня донимали призраки моего человеческого прошлого, претендующие на то, чтобы считаться людьми.

Но обо всем по порядку. Вернувшись к себе, я обнаружил гостя, уютно расположившегося на ложе для отдыха. При моем появлении гость издал радостное восклицание, однако даже не подумал о том, чтобы привстать. Это был Гумий, точнее, его артефакт, в чем я сумел убедиться, исследовав гостя силовыми линиями.

На этот раз артефакт был выполнен куда более тщательно.

Я имел дело не со сгустком первичной энергии, воплощенным в нестабильную форму. Это был фантом, обладавший некоторыми признаками клона. Он имел белковую структуру, причем его органы были приспособлены к условиям корабля. Артефакт вел себя так, словно и впрямь являлся Гумием.

- Привет, приятель! - воскликнул он, не изменяя лежащему положению. - Как поживаешь?

Я не ответил, с холодным любопытством изучая существо. По виду это был настоящий Гумий. Его облик был соблюден полностью, до мельчайших деталей. Создатель артефакта позаботился даже о том, чтоб облачить свое творение в наиболее подходящие случаю одежды. На этом Гумий была туника желтого, его любимого цвета, отороченная красной каймой. Одежда на первый взгляд незначительное свидетельство, - но она заставила меня призадуматься. Дело в том, что мой бывший приятель неизменно облачался, как и подобает пророку, в белую полотняную хламиду. Желтый цвет был его тайной мечтой, о которой знал, пожалуй, только я.

Артефакт улыбался.

- Что-то ты негостеприимен, дружище! А помнишь, как принимал меня в былые времена... Золотые чаши, тридцатилетнее вино, голенькие нэрс, порхающие по зале!

Все это было. Ариман любил гулять на широкую ногу.

- Помню. - Подойдя к ложу, я приказал: - Слезай. Это мое место.

Гумий фыркнул.

- Как ты, однако, невежлив!

Спорить он не стал. Неторопливо опустив ноги на пол, артефакт с видимой неохотой поднялся. Я занял освободившееся ложе. Теперь все приличия были соблюдены.

Я молчал. И даже не смотрел на Гумия. Вместо этого я разглядывал свою четырехпалую руку, причем делал это с таким усердием, словно видел ее в первый раз.

Похоже, Гумий почувствовал себя уязвленным.

- Ты даже не поинтересуешься, зачем я здесь? - с обидой в голосе спросил он.

- Для начала я хотел бы выяснить, кто ты.

- Разве Русий не узнает своего старого друга?

- Друга - нет. Я вижу облик, который мне знаком, но это вовсе не означает, что суть соответствует облику.

Гумий как-то рассеянно кивнул.

- Оболочка и содержание не всегда идентичны. Но тебе придется согласиться с тем, что я Гумий.

- Допустим, я соглашусь, хотя отчетливо вижу, что это вовсе не так. Что дальше?

- Не знаю.

- Странно. Твой предшественник был более целеустремленным.

- Предшественник? - в голосе Гумия прозвучала заинтересованность. - О ком ты? Кто он?

- Она. Сегодня я уже имел счастье встретиться с кусочком прошлого. Меня посетил артефакт с обликом Леда. Этот артефакт пытался убить меня.

- Неудивительно. Леда всегда ненавидела тебя.

- В прошлом, - поправил я. - Теперь мы почти дружим.

- Ты видел ее?

- Да, пару раз с тех пор, как оставил Землю. Она неизменно бывала со мной очень мила.

- Это похоже на нее. Вонзая нож, она целует в губы. Мне кажется, это доставляет ей особое удовольствие. Леда сладострастна, словно царица Востока, - нравоучительным тоном проговорил артефакт.

Не знаю почему, но я вдруг оскорбился.

- Говори лучше за себя, умник!

- Ладно. - Гумий выглядел смущенным. - Ты, кажется, вел речь о каком-то артефакте?

- Даже о двух.

- Второй - это я?

На этот раз, похоже, собирался оскорбиться Гумий. Я оскалил в улыбке зубы. - Угадал.

- Здесь ты ошибаешься.

- Конечно! - Надеюсь, в моем голосе была солидная доза сарказма.

- Я настоящий и докажу тебе это.

- Попробуй.

- Спроси меня о чем угодно, что, по-твоему, я должен знать.

- Если ты настаиваешь... - согласился я без особого энтузиазма. У меня не возникало сомнений, что передо мной искусно сотворенный артефакт - артефакт высшего порядка. Он был значительно совершенней фантома, а по уровню организованности даже превосходил демона. Кое-какие из его функций можно было сравнить с моими, но, конечно же, он уступал мне, уступал решительно во всем. Я не исключал возможности, что артефакт способен зондировать сознание, и потому предпринял меры, чтоб мои мысли были надежно сокрыты. После этого я спросил:

- Название адмиральского линкора альзилов?

Это был вопрос из такого далекого прошлого, что почти никто уже не смог бы ответить на него. Однако Гумий не замешкался ни на секунду.

- "Черная молния".

- Правильно...

Я был слегка озадачен. Впрочем, об этом могли знать и Леда, и Арий, и кто-то третий. Поэтому я

задал еще один вопрос, ответ на который был известен лишь настоящему Гумию.

- Под каким именем тебя знали в позднюю эпоху варварских королевств?

- Риндиги Шестой, граф Обершира.

- Ты вновь прав, - констатировал я. - Но это невероятно.

- Что тебе кажется невероятным?

- Об этом мог знать лишь настоящий Гумий.

- Я и есть Гумий.

- Приятель, - протянул я, стараясь оставаться учтивым, - тебя, должно быть, не предупредили, что я способен видеть то, что недоступно обычному восприятию. Я ощущаю твою внутреннюю суть. Если будешь настаивать на этой глупости, я могу рассердиться и разложить тебя на первоначальную энергию.

Гумий всерьез задумался. Я наблюдал за тем, как его пальцы суетливо теребят алый подбой туники.

- Да, ты прав, такая опасность существует, - наконец промолвил он.

- И она куда более реальна, чем ты полагаешь. Мне начинают надоедать все эти загадки. Я хочу знать, кто ты и кем послал.

- Но я действительно Гумий. По крайней мере, я воспринимаю себя им.

- Возможно. Значит, тебе неизвестно имя твоего хозяина? - Артефакт сокрушенно покачал головой. - Тогда откуда ты взялся?

- Я всегда был в этой комнате.

- Ну, положим, не всегда. Ты мало напоминаешь предмет мебелировки. Что ты помнишь о своем прошлом?

- Все. По-моему, ты уже имел возможность убедиться в этом.

- Да, действительно. Когда ты осознал, что находишься в этом помещении?

Гумий недоуменно скривил губы.

- Мне кажется, я был здесь всегда.

- Ты не мог быть здесь всегда. Совмести свои воспоминания. Как ты мог находиться одновременно на Атлантиде и здесь?

Артефакт чисто по-человечески шмыгнул носом и вытер рукой выступившую на губе изморозь.

- Здесь прохладно.

- Да, для человека, но не для тебя. Не отвлекайся.

- Я стараюсь...

- Итак, каким образом ты здесь очутился?

Гумий беспомощно пожал плечами.

- Я не могу ответить на этот вопрос. Я просто не знаю ответа. Ты веришь мне?!

Артефакт воспринимал происходящее слишком близко к сердцу и, похоже, был на грани отчаяния. Он напоминал провинившегося данника, склоняющего повинную голову пред троном господина. В этой сцене было слишком много от Земли, но почти ничего от Гумия. Я не сомневался, что настоящий Гумий не стал бы так унижаться.

- Попытаюсь помочь тебе. Судя по тому, что нам известно, ты артефакт, созданный неизвестно кем, с неясной покуда целью, возможно, не враждебный мне. Ты обладаешь вполне сформированным сознанием, которое ко всему прочему синхронизировано с сознанием настоящего Гумия. Каким образом это сделано, мне не совсем ясно. Но можешь не сомневаться, я пойму, - я выдержал небольшую паузу. - Следующее, ты появился в этой комнате, изолированной от источников энергии. Выходит, ты обладаешь высокой способностью перемещения, если даже переборки не являются для тебя препятствием. Это не столь существенно, но позволяет сделать определенные выводы. А

теперь ты должен сосредоточиться и ответить - кто тебя послал?

Артефакт уловил в моем голосе угрозу - а не то хуже будет! - и съежился.

- Я не знаю. Правда, не знаю!

Все это напоминало сцену из дешевой пьесы.

- Но ты хотя бы должен знать - зачем?! - не выдержав, взорвался я.

- Должен, - с сомнением произнес артефакт. - Конечно, должен.

- Тогда постарайся вспомнить об этом.

Гумий задумчиво облизал губы. Вместо ответа последовал вопрос.

- А что хотел сделать мой предшественник, не помню, как ты его назвал?

- У тебя подозрительно короткая память! - заметил я. - Это был артефакт Леды, он пытался уничтожить меня.

- Может быть, я тоже должен... - Гумий не договорил и вопросительно взглянул на меня.

Я не смог удержаться от смеха. Я хохотал от души, так, что закололо в правом боку.

- Хорошенькое дело! Он сомневается, должен прикончить меня или нет!

- Но я и вправду не знаю.

- Это я уже слышал. Но у тебя должна быть какая-то цель. С чем-то ты ведь пришел сюда.

- Я просто очутился здесь - вот и все!

Действительно, все. Все возвратилось на круги своя. Давно я не испытывал удовольствия от столь бестолкового разговора.

- Хорошо, начнем все сначала, - терпеливо выговорил я. Ох, как дорого стоило мне быть терпеливым! - Ты увидел, как я вхожу. Что ты почувствовал в этот миг?

- Радость.

- Радость? Разве ты позабыл, что мы враги?

На этот раз удивился Гумий.

- Враги? Да ты в своем уме? Мы никогда не были врагами.

- А битва у Замка?

- Какая битва?

- Ты помнишь Замок?

- Замок Аримана в Заоблачных горах? Изумрудную жемчужину в оправе безжизненных скал? Конечно, помню.

- А теперь вспомни битву против Отшельника, Кеельсее и горстки сумасшедших кочевников. Я проиграл эту битву, потому что ты позволил нанести мне удар в спину. Помнишь?

Лицо Гумия выражало недоумение.

- Ничего не помню. - Он не лгал, я чувствовал это.

- Странно. Похоже, создавший тебя желал, чтоб мы оставались друзьями. Странно... Стой спокойно и не дергайся! - резко приказал я.

Вслед за этим я сконцентрировал потоки сверхсути, придав им нужную форму и направление. Тонкий, длинный, неразличимый обычному восприятию стебель с острым жалом на конце вонзился в грудь артефакта. Двигаясь ломаной волной, подобно песчаной змее, он пронизал естество артефакта насквозь. Он искал силу, организовавшую первичную материю в артефакт, он искал след, который мог бы дать подсказку. Он был мною.

Прорывая преграды, я летел вперед. Все было красным, близким к багровому. Так светятся

догогорающие дрова. Мириады тускло мерцающих раскаленных светляков, образующих причудливую мозаику, завораживающую своей монотонностью. Монотонность завораживает сильнее, чем красота. Как сладко спится под ровный шелест волн, навевающих грезы и покой.

Мне было не до покоя. Я искал ответ. Он был нужен мне, иначе вопрос мог оказаться последним. Выбрасывая хищное жало, стебель дробил багровое сплетение, разрывая его блеском голубых и зеленоватых искр. В этих искрах были крохотные кусочки информации, но они ничего не значили для меня. Я должен был собрать эту информацию воедино.

И я принялся сплести диковинный ковер красок и образов. Вначале этот ковер повествовал языком хаоса - несуразное переплетение разноцветных нитей и искр, исторгающих сумбурные звуки, но постепенно картина принимала определенные очертания. Нити растеклись контурами, которые были тут же заполнены полутонами сплавившихся между собой искр. Зазвучала торжественная музыка, кажется, это был спятивший Шуман, и передо мной возникло естество артефакта.

Это был фантазмагорический прообраз души Гумия. Я удивился, сколь он ярок. Гумий всегда представлялся мне более тусклым, почти серым. Я видел рваную мозаику образов, мгновений и эпизодов, что пережил мой лучший друг за свою жизнь. Я ощущал сладкие муки новорожденного и удивление первого вдоха, я с широко раскрытыми глазами взирав на чудо весеннего цветка и вдыхал аромат свежего кофе. Я учился в школе, колледже, работал на каких-то примитивных механизмах. Затем появились безликие и слегка странные люди. Они учили многому, в том числе и искусству убийства. Я ощущал гордость от осознания того, что вправе убивать. А потом была череда интриг, заговоров, крушений. Где-то посреди этого был первый поцелуй. И почти сразу за ним - арест по ложному обвинению. Здесь били, и кровь растекалась сочными плавающими каплями, похожими на небрежно наложенный мазок алой краски. Но в отличие от краски кровь была соленой.

Кровь сменил грохот. И вновь была кровь, а бластер дергал руку легкой отдачей. Падали стены, в воздухе висела густая едкая пыль, вызывающая слезы и кашель. Я слышал шипение гаснущих в толще керамобетона лазерных импульсов. Так шипит слюна, если плюнуть на раскаленный металл.

И пришло удивительное ощущение безграничной пустоты. Свобода и одиночество, парящие на невесомых крылах. Это чувство было захватывающим и пугающим, и почти сладострастным. Мне следовало умереть здесь, позабыв о поиске иных ощущений.

Но пустота ушла. Все вокруг было синим, зеленым и лимонным, цвета полуденного солнца. Я ощущал власть, почти безграничную, много власти. Я полюбил ее вкус, схожий со вкусом золота - чуть кисловатый, с металлическим оттенком, кружащий голову и вызывающий сладкое томление в чреслах.

Вкус власти - отныне он будет сопутствовать всегда. Этот вкус невозможно забыть. Я пил вино - сладкое и чуть кисловатое, пахнущее солнечными склонами, но оно не могло заглушить вкус власти. Я любил женщин; самых прекрасных, каких только можно вообразить. Любая из них была достойна стать королевой, для меня же они были не более, чем шлюхами. Это сладкий вкус власти, дающей право на боль. Я даровал им боль и наслаждался ею сильнее, чем любовью. Власть...

Катастрофа пришла малиновым шаром. В нем было мало поэтики, здесь присутствовал лишь колоссальный выброс энергии. Хотя не стану утверждать, что это не было захватывающим зрелищем. Напротив, я не видел ничего более прекрасного. Планеты расцветают очень редко, но их цветение стоит того, чтобы расплатиться за это зрелище собственной жизнью.

Земля цвела лишь один миг. Оранжевое сменилось черным, серым и сине-холодным, блеска стали. Века безвременья и неизвестности. Я стоял плечом к плечу с тем, кого любил, и любил его за то, что он позволял мне стоять рядом. Он научил меня пользоваться властью. Власть была почти невидимой, на кончике ножа, но грандиозной. Величие, которого я не достигал прежде никогда. Власть, равной которой мне не приходилось изведать. Я полюбил убивать, быстро и тонко, узким, отточенным жалом стилета, спрятанного в посох. Совершенная смерть, почти не оставляющая следов крови. Мне был отвратителен вид крови. Алой, густеющей до багрового.

Багровый. Образы вдруг покрылись морщинками смальтовой мозаики, а потом рухнули вниз. Цвета смешались, груды разноцветных осколков растеклись пелериной пламени. Когда языки ушли в небо, предо мной предстала лишь груда пепла.

Вздохнув, я втянул стебель сверхсути в себя. Артефакт ни о чем не подозревал. И он любил меня - это не вызвало сомнений.

Сейчас он стоял напротив и чуть рассеянно помаргивал. Вторжение в его суть повлекло определенный хаос. Артефакту требовалось время, чтобы стабилизировать формы. Я дождался, пока лицо Гумия не примет обычный вид.

- Я верю тебе, - сказал я, возвращаясь к разговору. - Я не знаю, зачем ты очутился здесь, но верю,

ты пришел не за тем, чтоб причинить мне вред. Вот только ума не приложу, что мне с тобой делать.

- Если это возможно, я хотел бы остаться здесь. Ведь мне некуда идти.

Немного поразмыслив, я решил:

- Ну хорошо. Назначаю тебя стражем моих покоев. Если захочешь, можешь побродить по кораблю, только старайся не попадаться на глаза моим подчиненным.

- Это несложно, - заверил артефакт.

- Тогда решено. Будешь жить у меня, пока я не придумаю, что с тобой делать. На ночь можешь расположиться здесь.

Поднявшись, я указал рукой на ложе.

- Спасибо, но мне это не нужно. Я не нуждаюсь в отдыхе.

- Конечно, - согласился я, ощущая легкое недовольство тумайта, вдруг обиженного за несовершенство своего организма. - Да, кстати, ты помнишь такое имя - Олем?

- Конечно. Это доктор с "Марса". А что?

- Сегодня мы выбрали тот самый катер.

- Но доктор должен быть мертв. Ведь прошло столько времени!

- Да, немало. - Я принялся возиться с застежками, пристегиваясь к раме. Удивительно, но, похоже, он жив. Странное состояние, вроде каталепсии. Завтра я попытаюсь привести его в чувство. - Тумаит издал рыкающий зев, отчего поморщился. Человек порой позволял себе непозволительно много.

- Все, отбой. Доброй ночи! - сказал я.

- Доброй ночи, Русий, - вежливо пожелал артефакт.

Я сомкнул тяжелые веки. Так закончился этот странный день.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Землянам известно восемь проявлений каталепсии и близких к ним, тумайтам три, принципиально отличающиеся от предыдущих, трофейные сути Го Тин Керша поведали мне еще об одиннадцати. Но все это ровным счетом ничего не значило, так как состояние, в котором пребывал доктор, не соответствовало ни одному из вышеперечисленных. Это было нечто странное, совершенно необычное.

Внешне доктор походил на статую - подобное сравнение так и напрашивается, но я осмелился б не согласиться с ним. Мне доводилось видеть статуи, выглядевшие более живыми, чем люди, с которых они были изваяны. Если уж сравнение необходимо воплотить в камень, то я предпочту сопоставить доктора Олема с куросом - аттическим каменным болваном, что во множестве высекались в эпоху Трои и семивратных фив. Та же омертвелость и схематичность едва схваченного движения. Вот только губы куросов изломаны вечной загадочной улыбкой, украденной у Сфинкса, гримаса лица доктора мало походила на улыбку. Она была полна боли и неосознанного ужаса, который возникает перед чем-то не до конца понятным, но наперед вызывающим страх - глаза выпучены, ноздри раздуты в тщетном усилии ухватить лишний глоток воздуха, рот оскален, словно готовясь укунить. Отвратительная физиономия. Химеры Notre-Dame de Paris потеснились бы, уступив ей, первое в ряду место. Доктор был известен мне как милейший человек. Должно было случиться действительно что-то невероятное, чтобы его лицо исказилось подобным образом. Я машинально размышлял над этим, пока мы проводили тесты.

Мы - означало я и Уртус. После всего того, что случилось накануне, Уртус оказался привязан ко мне прочной веревочкой. По крайней мере сержант воспринимал свое положение совершенно иначе, чем прежде, а я не протестовал против этого, отчего физиономия старшего офицера Ге расцвела стойкими синими пятнами негодования. Он предчувствовал опалу, но предчувствуя, не подозревал, что опала означает смерть.

Намечалась рокировка фигур, неизбежная в затянувшейся партии. Уртус куда более устраивал меня в звании королевы.

Оживление доктора началось с обычных тестов. Его сознание было наглухо заблокировано, поэтому я не рискнул взломать наложенные затворы, не убедившись прежде, что физиология в норме. Биохимическая лаборатория корабля располагала всем необходимым оборудованием.

Потребовалось лишь внести небольшие изменения, чтоб приборы-анализаторы стали пригодны для человека. Исследованию была подвергнута кровь, ткани мышц, в том числе и сердечной, печень, почки, а также тончайший срез мозговой коры. Я не считаю себя большим специалистом в биологии, однако даже мне стало ясно, что с организмом доктора все в порядке. Причины странной каталепсии следовало искать в глубинах сознания. Что ж, я был готов к этому.

Игнорируя стоящего рядом Уртуса, я снял с головы мешающий работе шлем сержант воспринял это с холодным любопытством, к которому примешивалась доля удовлетворения; он получил еще одно доказательство, что я кислородный литинь и встал на колени перед неподвижным телом доктора Олема.

Итак, я имел дело с каталепсией. Существовало несколько способов, с помощью которых можно было ввергнуть человека в подобное состояние. Прodelать это было весьма несложно, по крайней мере куда проще, чем вывести из каталепсии. Арий - а я не сомневался, что все это дело его рук - по всей вероятности, воспользовался заговором, забирающим сознание. Мне случалось пользоваться подобным приемом. В данный миг душа доктора Олема путешествовала в иных, фантастических и реальных мирах, и, как знать, возможно, ей вовсе не хотелось возвращаться в брeнную оболочку. Возможно... Но мне не было дела до подобных сантиментов. Приблизив ладони к плешиной голове атланта, я принялся совершать волнообразные пассы - от темени к лицу, затем мягкими движениями вдоль висков. Я нагнетал энергию, медленно возбуждая сознание.

Тело по-прежнему было недвижно, но мозг начинал вибрировать - медленно, едва заметно. От серой, покрытой сетью извилин поверхности скользнула короткая волна, во много раз стремительнее, чем самая быстрая мысль. Я едва успел уловить ее колебание - кто? Вопрос исходил от доктора, но задан был кем-то иным. Я усилил давление, осторожно поглаживая пробуждающееся сознание, а затем принялся плассировать его. Я плассировал короткими сильными всплесками, проникающими в самый центр естества. Как глубинные бомбы исчезают в толще вод, выворачивая их наизнанку, так и мои импульсы пронзали мозг, заставляя его возбуждаться. Постепенно нейроны оживали, отвечая на мои усилия смутными сплетениями образов. Осознанное еще не одолело бессознательное, но было близко к тому, чтобы осознать самое себя. Я брал золотистые иглы и вонзал их одну за другой в серую суть. Сотни и тысячи золотистых игл - они должны были составить костяк, который свяжет осколки и поможет им обрести образ. Золотистое и серое. Лишь серое и золотистое...

Где-то в самой глубине появилась крохотная черная точка. Поначалу я не обратил на нее внимания, но точка росла, подобно раковой опухоли, разбрасывая метастазы по гребням извилин. Еще не сознавая сути происходящего, я принялся окружать черное пятно золотистым частоколом. Тогда оно прекратило свой рост и начало концентрировать энергию. Черный зрачок пульсировал подобно опалу, помещенному в оправу с подложкой из платины. Пульсация становилась все интенсивней, черный переливался багровым, цвета переспелой вишни. А затем в центре багрового вспыхнул ослепляющий хризолитовый зрачок, и гигантская сила отбросила меня прочь от тела доктора.

В грудь толкнуло словно стальной пружиной, швырнув меня к переборке. Стремительный полет навстречу титановой стене не вызывал восторга, поэтому я разложил время и, сломав пространство, мягко приземлился на ноги. Уртусу, который попал под тот же удар, повезло меньше. Хотя он и находился достаточно далеко от доктора, ударная волна оказалась достаточно мощной, чтобы сбить его с ног и катить по полу, подобно беспомощной кегле. Перевернувшись вокруг своей оси пять или шесть раз, сержант врезался головой в стену, в результате чего потерял на какое-то время интерес к происходящему.

Сила, обрушившаяся на меня, обрела формы, трансформировавшись в фантом Изначального. Фантом был нестабилен и походил на трехмерное трехцветное облако - серые, ближе к пепельному, кожа и волосы, черные одежды. Темно-изумрудный плащ колыхался, словно от порывов ветра, от него отрывались небольшие кусочки. Пузырься, они поднимались вверх и исчезали.

- Как, это опять ты?! - Беззвучный вопрос, исходящий от фантома, был подобен реву раненого быка.

- Как видишь, - ответил я.

- На этот раз тебе не уйти!

- Рад это слышать, Арий.

Фантом взревел и принялся изливать энергию. Несколькими сильными ударами, стараясь не коснуться доктора, я загнал ее обратно, после чего посоветовал:

- Остынь. Давай на этот раз поговорим спокойно. Арий попытался исторгнуть еще одну волну, я прикончил ее так же легко, как и первую. Убедившись в тщетности своих усилий, фантом немного успокоился.

- Ты неплохо устроился, - пробормотал он, осматриваясь. - Военный корабль? - Я кивнул. Фантом со

свистом всосал воздух. - Жаль, что эта сучонка утащила тебя из-под моего меча!

- Я представлю тебе возможность сразиться еще раз.

- Если только вернешься.

- Не сомневайся, - я улыбнулся, вызвав у фантома новый приступ ярости.

- Я сожру тебя!

- Я это уже слышал. Правда, от другого.. Теперь он во мне. То же будет и с тобой. - Фантом зарычал.

- Спокойно. Сейчас ты сделаешь то, что я тебе прикажу. Немедленно освободи этого человека.

- И не подумаю.

- Тогда пеняй на себя. - Я чувствовал, как во мне начинает расти злоба.

Пришел в себя и поднялся на ноги Уртус. Быстро оценив ситуацию, он извлек из кобуры плазменный пистолет. Он занимал мою сторону и был готов в любой миг прийти на помощь. Я испытал прилив благодарности, однако в помощи я не нуждался.

Покончив с разговорами, я выбросил вперед силовые линии и перешел в наступление. Фантом был неуязвим, чего нельзя сказать о его хозяине, при условии, конечно, если я сумею добраться до него. Я имел определенное преимущество, так как мог оперировать энергией непосредственно, а Арию приходилось перебрасывать свою через бездонные просторы космоса. Заключив фантом в энергетический обруч, я пронзил его силовыми линиями. Все они были устремлены к невидимому пятну, через которое поступала энергия. Фантом моментально капитулировал. Съежившись, он попытался исчезнуть, но свернуть энергетический канал ему не удалось. Я преследовал, и настиг врага уже в теле Олема. Между нами завязалась отчаянная борьба. Арий пытался сохранить свою власть над плененным сознанием, я же стремился разрушить ее. Тело бедняги доктора напиталось энергией, рискуя быть разорванным на части.

- Ты убьешь своего приятеля! - хрипел Арий.

- Ну и пусть, - стиснув зубы, отвечал я.

У меня возник новый план, идущий куда дальше первоначального.

Арий был неглуп и раскусил мой замысел. Причудливо выругавшись, он начал сворачивать энергетический канал, изо всех сил тяня его к себе. Арий знал, что если не сумеет сделать этого, я смогу воспользоваться каналом и перемещусь на Землю, поглотив по пути значительную часть его энергии. В этом случае исход поединка был более чем очевиден. И потому Арий сражался изо всех сил. Энергетический канал дергался, извивался, препятствуя мне как следует уцепиться за силовые окончания. Гигантский питон рвался из моих объятий, бил тяжелой головой, напрягал бушующие энергией кольца. Тело доктора сотрясало в ужасных конвульсиях.

Враг был настойчив, но и я не уступал. Мне удалось присосаться к каналу и запустить силовые линии глубоко внутрь. Возможно, они уже добрались до Земли, мне даже почудилось, что перед глазами промелькнул кусочек земной зелени, но в этот миг Арий решился на отчаянный шаг. Он перерубил энергетический канал, уступая мне и доктора, и значительную часть своей энергии. Я моментально втянул последнюю в себя и раздулся, словно от хорошей выпивки.

Подозреваю, в этот миг из моих ушей вырывалось пламя. Возможно, все было не совсем так, но в любом случае Уртус получил еще пару доказательств к своей теории, а заодно стал свидетелем удивительного представления. Не уверен, что оно пришлось сержанту по вкусу, но степень его уважения ко мне, а вместе с ним и ненависти, моментально утроилась.

Тяжело отдуваясь, я повернулся к доктору. Его сознание было свободно, но он еще не до конца пришел в себя. Открыв глаза и узрев склонившееся над ним чудовище, доктор порядком смутился и задал самый нелепый вопрос, какой только можно вообразить.

- Который час? - вот что спросил он.

- Полшестого, - немедленно ответил я.

Доктор, пытавшийся примириться с моим обликом, воспринял ответ всерьез, но через миг в его мозгах прояснилось. Второй вопрос соответствовал ситуации.

- Где я?

- На моем корабле. Мы выбрали катер.

Пока я говорил, доктор пристально всматривался в мое лицо. После затянувшейся паузы он неуверенно произнес:

- Мне кажется, я вас знаю.

"Браво, док!" - подумал я. Подобная проницательность заслуживала награды, и я решил попытаться заменить телепатию голосом. Речевые органы тумайта устроены иначе, чем человеческие, поэтому мои слова звучали не очень внятно.

- Ты наблюдателен, доктор Олем.

При этих словах доктор вздрогнул, на его лбу образовалась вертикальная морщина. Опираясь на локти, доктор сел, а затем не без труда встал.

- Кто вы?

- Не нужно волноваться, доктор.

- Я спокоен, - размеренным тоном ответил Олем, но я ощущал, как в его голове бушует хаос потревоженных мыслей. - С кем я имею дело?

Я уже успел пожалеть, что опрометчиво форсировал разговор, но отступить было поздно.

- То, о чем ты сейчас узнаешь, возможно, шокирует тебя и уж наверняка покажется невероятным. Ты готов к этому?

- Да.

- Ну ладно.

- Ты помнишь свое путешествие на крейсере "Марс"?

- Отлично помню.

- У тебя было трое друзей. Вы желали избавиться от существа по имени Арий. Помнишь?

- Еще бы! Да не тяните! - не выдержал атлант.

- Извини, доктор, мне нелегко говорить. Моя гортань плохо приспособлена к произнесению подобных звуков.

- Так пользуйтесь телепатией.

Я проигнорировал совет.

- Полагаю, ты помнишь имена своих друзей.

- Конечно, Гумий, Ру... - Доктор Олем поперхнулся на полуслове. - Русский, протянул он, сломав голос до шепота. - Конечно же, Русский! Я узнал вас, Русский!

- Когда-то мы были на ты, - с улыбкой заметил я. - Но черт побери, как тебе удалось догадаться?!

Доктор попытался улыбнуться.

- Не забывай, что я все-таки недурной психолог.

- Я помню. Секунду... - Повернувшись к наблюдавшему за нашей беседой Уртусу, я заблокировал его сознание. Сержант обратился в статую, подобную той, что еще мгновение назад представлял из себя доктор. Затем я неторопливо избавился от скафандра и начал трансформацию. Обычно она занимала всю несколько мгновений, но сейчас я слегка волновался и оттого затратил немного больше времени. Разрываемый разбухшими мышцами комбинезон трещал по всем швам. Надев свое обычное человеческое лицо, которое было знакомо доктору, я улыбнулся.

- Похож?

- Да, это действительно Русский, - согласился доктор. - Но как тебе это удастся?

- Длинная история, док.

- Ты все же Расскажи ее мне.

Я немного поколебался и согласился.

- Ну хорошо. Время терпит.

Я принялся рассказывать, начав с того момента, когда катер с Арием и доктором исчез в черной бездне космоса. Я рассказывал о строительстве мира, о катастрофе, эпохе безвременья и эре людей и богов. Когда я упомянул о битве у Замка, доктор оживился.

- Я знаю о ней. Я видел, как сражается Арий, но не знал, что его врагом был ты.

Закончил я свое повествование рассказом о Кутгаре и путешествии на корабле тумайтов.

- Удивительно! - воскликнул Олем. - В жизни не слышал ничего более удивительного. - Доктор внимательно посмотрел на меня. - Так кто же ты сейчас: человек или нет?

Я ответил единственно так, как мог ответить.

- И человек, и нет. Порой во мне преобладает человеческое, порой господствуют иные сущности.

- А сейчас? - настаивал доктор.

- Конкретно сейчас я человек. Через мгновение мне придется стать предводителем этих существ. - Я ткнул рукой в сторону остолбеневшего Уртуса.

- Какое причудливое раздвоение личности! - В голосе доктора звучал чисто профессиональный интерес.

- Более, чем раздвоение, - поправил я. - Но это совершенно не тот случай.

- Конечно, конечно... - с поспешностью согласился Олем. Ему показалось, что я готов обидеться. - Теперь ты намереваешься вернуться на Землю?

- Да, но боюсь, это отнимет слишком много времени.

- Ну, не знаю, - заметил Олем. Мне показалось, что доктор недоговаривает.

- Что означает это "ну"?

- Арий сумел попасть на Землю в одно мгновение.

- Тебе известно, как?

- Допустим.

Я нахмурил брови. Доктор пытался играть какую-то странную игру, правила которой были неизвестны мне.

- Хватит вилить, док. Говори прямо, что тебе нужно.

- Я хотел бы определить свой статус на этом корабле. Я пленник?

- Номинально - да. Ты пленник тумайтского капитана, который вправе распоряжаться твоею судьбой. Но ты гость человека по имени Русий. Так что можешь не опасаться за свою жизнь.

- Как это благородно! - саркастически воскликнул доктор. - Надеюсь, что как человек ты не очень изменился.

- Ничуть, - подтвердил я, хотя не был на все сто уверен в искренности своих слов. - Ты мой гость и будешь пользоваться всеми привилегиями, положенными гостю. Кроме того, мне кажется, я вправе рассчитывать на благодарность, ведь это именно я изгнал из твоего тела беса, именуемого Арием.

Доктор сухо причмокнул.

- Да, я как-то упустил этот факт из виду. Ужасно кружится голова и хочется пить, - пожаловался он.

- Придется потерпеть, док. Сначала я хочу выслушать твою историю.

Олем пожал плечами.

- Хорошо, я расскажу все, что знаю. Возможно, это поможет вернуться нам обоим, - прибавил он после крохотной паузы.

- Конечно! Мы будем вместе. О чем речь, док! Рассказывай.

- В таком случае мне придется вернуться к самому началу этой истории. Я, пожалуй, присяду.

Лишь сейчас я обратил внимание на то, что ноги доктора Олема мелко трясутся. Частичная атрофия - вполне естественно. У меня мелькнула мысль, что, может быть, стоит дать доктору немного воды. Это было несложно. Достаточно прикоснуться к одной из вделанных в панель у лежа кнопок, и сосуд с жидкостью немедленно будет доставлен через посредство вакуумного конвертора. Немного поколебавшись, я решил повременить с водой. Жажда должна была сделать доктора более сговорчивым. Я примостился рядом с ним, всем своим видом показывая, что готов выслушать его историю.

- Как ты, Русий, наверно, помнишь, это я придумал, каким образом нам избавиться от Ария. По правде говоря, в тот миг я не подозревал, что все это придется делать мне самому. Я надеялся, что жребий выпадет кому-нибудь из вас.

- Почему ты боялся? Ведь твой план был вполне безопасен. Ты очутился внутри катера по чистой случайности.

- Случайность правит миром. Я предчувствовал, что все пройдет не столь гладко, как хотелось бы. Впрочем, скорее всего это только теперь кажется, что предчувствовал. Мы сильны задним умом и вспоминаем о приметах, лишь когда они сбываются. Я заманил Ария, захлопнул люк, и катер унес нас в пустоту.

- Сейчас, когда мне известно, что Арий очень могуществен, я не могу понять, почему он не воспользовался своей энергией, чтобы уничтожить катер и остаться таким образом на корабле.

- Наверно, что-то помешало ему. А возможно, он просто растерялся. Помню, Арий был ужасно зол. Он несколько раз ударил меня с такой силой, что едва не свернул мне шею. В моей памяти остались лишь три дня путешествия. В первые мгновения я думал, что Арий прикончит меня, однако очень скоро понял, что смерть видится ему слишком малой расплатой за то, что я совершил. Он замыслил куда более изощренную месть, требующую времени. А между тем со временем у нас было туговато. Хвала Разуму, курс катера оказался проложен таким образом, что нам не грозила опасность упасть на звезду, но зато куда явственней была перспектива подохнуть от жажды или задохнуться. И воды, и кислорода должно было хватить примерно дней на пять. Я вполне резонно предполагал, что это даст Арию еще один повод расправиться со мной. Я не знал, что он не нуждается ни в пище, ни в воде, ни даже в воздухе, и очень удивился, когда Арий швырнул оба сухих пайка мне. Мы летали меж звезд три дня. Тоскливое, признаться, занятие!

Раз или два я пытался прикончить Ария, нападая на него сзади, чтоб удушить, но в самый последний миг он ускользал из моих рук. По-моему, он даже не обращал внимания на мои выходки. Все эти дни он провел, практически не шевелясь, в кресле. Порой губы его приходили в движение, как будто он разговаривал. На исходе третьего дня он бросил на меня взгляд, и я понял, что меня больше не существует. Я не чувствовал собственного тела, а мир виделся мне глазами Ария. Малоприятное, скажу тебе, ощущение взирать на собственную оболочку, небрежно распластанную в кресле.

Я кивнул.

- Оно мне знакомо.

Олем поморщился. Я почувствовал, что он недоволен тем, что я вмешался в его монолог. Искоса поглядывая на меня, доктор продолжал:

- Все оставшееся время я был частью этого мерзавца, который таскал меня повсюду, где заблагорассудится. Земля была не только твоим домом, но и моим. Я повидал ее почти всю. Время от времени я натывался на знакомые лица. Я видел Гумия, Давра, девушку по имени Леда...

- Стоп! - воскликнул я. - Ты видел Давра?

- Ну не сам я, а Арий.

- Выходит, он очутился на Земле еще до катастрофы?

- Я ничего не знал о катастрофе. Похоже, когда она случилась, мы были где-то далеко. Я еще помню, что очень долго видел снег. Мы были там, где много снега. Но Давра мне приходилось встречать не раз, это точно!

- Попытайся припомнить, как ты очутился на Земле.

- Арий, - поправил доктор.

- Конечно же, Арий!

- Это случилось... - Доктор потер ладонью щеку. - Знаешь, я не могу сказать точно, как это

случилось.

- Неважно, пусть будет неточно. Как?

- Сначала были звезды, как всегда много звезд. Затем сверкнула вспышка, и я обнаружил, что стою посреди зеленой поляны. Там был еще какой-то человек.

- Какой? Попытайся вспомнить!

- Не знаю. Он был похож на человека. Но у него была серая кожа и такого же цвета волосы. Он коснулся ладонью плеча Ария и сказал...

- Что? Что он сказал?

Пальцы Олема принялись скрести плешь.

- Не помню точно...

- Постарайся вспомнить! - настаивал я. - Это очень важно.

- Кажется, он сказал: я принял тебя, брат.

Мой кулак врезался в переборку с такой силой, что титановая пластина не выдержала и погнулась.

- Я так и думал!

- О чем ты? - быстро спросил доктор.

- Ни о чем, - ответил я.

Мои подозрения подтвердились. Ария вытащил на Землю Командор. Но каким образом? Этого я не знал.

- Что ты помнишь еще?

- Многое. Всадники с мечами, диковинные существа, чудовища из подземного мира.

- Достаточно. - Все это было мне неинтересно. Главное я знал. - Сейчас ты получишь свою воду, - сказал я доктору.

- Очень любезно с твоей стороны.

Потянувшись рукой к блоку конвертора, я набрал заказ. Через несколько мгновений из стены выехал металлический контейнер. Я открыл его и достал емкость с дистиллированной водой.

- Держи.

Едва получив емкость, Олем тут же припал губами к ее краям. Кадык на тощей шее судорожно задергался.

- Хватит, - сказал я немного погодя и отобрал сосуд. - Ты должен пить понемногу. Если понадобится еще вода, нажми первую кнопку. Захочешь есть вторую.

Доктор усмехнулся.

- Удобно. Как в обезьяннике. - Я не отреагировал. - И как долго это будет продолжаться?

- До тех пор, пока мы не найдем способ вернуться на Землю. Постарайся понять, это зависит не от меня. Не думаю, что хлор и холод придутся тебе по вкусу. Впрочем, все это поправимо. Я прикажу изготовить для тебя скафандр, и ты сможешь передвигаться по кораблю, с моего, естественно, ведома.

- Спасибо, ты очень заботлив.

Я постарался не замечать иронии.

- И запомни, тумаиты, все поголовно, - твои враги. При первом же удобном случае они попытаются убить тебя. Так что будь осторожен. Здесь, - я ткнул рукой в блок конвертора, - есть третья кнопка - для связи со мной. Если возникнет опасность, не церемонься. Где бы я ни был, я услышу твой вызов.

Доктор хотел съерничать и на этот счет, но передумал и просто кивнул.

- Тогда побудь один. Я должен идти. Вечером постараюсь придти вновь.

Поднявшись и отойдя на несколько шагов, я стал трансформироваться в тумайта. Пока я менял облик и облачался в скафандр, доктор Олем успел заказать и получить еду. Это была отвратительная на вид серая масса. Доктор пожирал ее с жадностью изголодавшейся крысы. Сглотнув невольно подступившую к горлу тошнотворную слюну, я надел шлем и занялся Уртусом. Когда оковы с сознания были сняты, Уртус покачнулся, и мне пришлось поддержать его за плечо. Указав глазами на дверь, я сказал:

- Идем.

До сержанта не сразу дошло, что его жестоко провели. Тяжело вздохнув, он поплелся следом, изливая в мой адрес тягучую волну ненависти. Все было нормально. Все было лучше, чем нормально. У меня появился шанс.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мне уже доводилось упоминать о безумцах, алчущих встречи с братьями по разуму. Мне уже доводилось упоминать о том, что "Утренний свет", ведомый моим предшественником, сжег двадцать семь зараженных безумием постижения миров. Этот должен был стать двадцать восьмым и первым моим. Планета носила имя Марагас.

Сверхчувствительные антенны уловили едва различимый сигнал. Он был слаб, но отчетлив - алгебраическое изложение теоремы, прозванной на Земле пифагоровой. (А ргггг, я знал Пифагора. Человек не без способностей и со странностями, в нем удивительно сочетались задатки гения и шарлатана. Эдакий гениальный шарлатан. Он признавался, что хочет сотворить религию, в которой сам будет Богом. Увы, вакантные места и на небе, и в преисподней были расхvatаны. Пифагору пришлось довольствоваться званием загадочнейшего из мудрецов). За теоремой следовала серия музыкальных созвучий. Девять и еще три - на них основывалась гармония звуков.

Известие о сигналах чрезвычайно взбудоражило экипаж. Дикие инстинкты вырвались наружу. В рубку стали поступать донесения о решимости покорить и уничтожить планету. Подразделения докладывали о своей полной готовности к возможному столкновению. Офицеры ждали приказаний. Немного поколебавшись, я распорядился изменить курс и следовать к обнаруженной планете, чем вызвал бурю восторга.

- А что мне остается делать! - шепнул я стоящему рядом Гумию.

Артефакт умел ломать пространство, благодаря чему был неразличим для органов восприятия тумайтов. Заручившись моим согласием, Гумий сопровождал меня. Он одобрил принятое мной решение.

- Ты поступил правильно.

Кажется, эти слова немного успокоили мою совесть. В конце концов в том, что должно было произойти, не было моей вины. По крайней мере, я не ощущал ее.

"Утренний свет" изменил курс и устремился к планете, которая, не подозревая, что уже обречена, продолжала упорно исторгать в космос цепочки сигналов.

Ттерр сварганил замысловатый дебют. Я распутывал паутины ходов и искал возможности для контрвыпада, когда ко мне обратился Уртус.

- Я готов исполнить приказ капитана, - сказал он, шлепнув ладонью по ляжке.

- Какой?

- Я могу привести доказательства.

- Ты считаешь, что сейчас подходящее время?

- Да. - Сержанту не терпелось занять место старшего офицера.

- В таком случае тебе следует знать, что ты ошибаешься. Твое время еще не настало.

Окатив своего капитана взрывом ненависти, Уртус отошел. Разговор выбил меня из колеи. Я потерял нить игры и сделал бестолковый ход. В результате Ттерр проредил мою пешечную фалангу и совершенно истребил левый фланг. Король забился в угол и кутался там в потертую мантию. Сдается, ему было зябко.

Партия была загублена. Я чертыхнулся и пошел прочь из рубки. За моей спиной семенил Гумий. Он непрерывно смещал пространство, отчего приобрел диковинный вид - нечто похожее на рассеченную на тысячи фрагментов фигуру, девять десятых которой попеременно отсутствовали. Гумий неверно оценил свое положение и пытался исполнять роль преданной собачонки, всюду

таскающейся за своим хозяином. Это никоим образом не устраивало меня. Поэтому очутившись в переходе, я приказал артефакту убираться в капитанские покои, а сам направился в противоположную сторону. Световой колодец доставил меня на двенадцатый уровень, где располагались оранжереи и биохимические лаборатории. Здесь синтезировали пищевые кристаллы, а также вещества, необходимые для нормального функционирования замкнутой системы обеспечения. Моей конечной целью был модуль, где производили яды.

Если меня встретили здесь с оттенком уважительного страха, то мой заказ поверг ученых червяков в шок. В последнее время они и без того работали, не покладая рук, обеспечивая захваченного литиня водой, кислородом и пищевой массой. Исполнить то, что хотел я, представлялось червякам совершенно невозможным. Ругаясь, я взялся за дело сам. По моему требованию были извлечены на свет ампулы с полисахаридами, емкость с водой и белковый катализатор. Тщательно перемешав ингредиенты в герметичной камере, я подсоединил к ней перегонный куб и стал дожидаться результата. Обитатели лаборатории укрылись в самом дальнем углу, откуда внимательно следили за моими действиями. Я вызывал у них ужас и благоговение, отчасти из-за того, что работал без предохранительного костюма и маски - беспечность, граничащая с сумасшествием. Кроме того, у ученых червяков не было сомнений, что я изобретаю новый страшный яд. Они были правы, отчасти. Мой яд мог повлечь смерть, но в малых дозах он дарил радость.

На дно реторты уже упали первые прозрачные капли, когда Контроль уловил едва различимый сигнал. Смежив веки, я сосредоточился и телепатировал:

- В чем дело, док?

- Ты должен срочно придти. - Судя по синусоиде колебания мысли, доктор Олем был взволнован.

- Обожди немного. Я готовлю тебе сюрприз.

- Знаешь, боюсь, я могу не дождаться, - сообщил доктор, после чего буквально взвыл: - Приходи быстрее! У меня гости!

- Хорошо.

Подозвав к себе одного из ученых червяков, я велел ему присматривать за ретортой, ласково пообещав:

- Если вдруг что-то будет не так, я волью содержимое этой штуки тебе в глотку.

Червяк посинел от страха. Теперь я мог быть спокоен, моей выпивке ничего не угрожало.

Я не спешил. Доктор показался мне взволнованным, он лепетал о каких-то гостях. Чистейшей воды бред, вполне, впрочем, объяснимый, если учесть то обстоятельство, что сознание доктора еще не вполне освоилось с обретенным телом, а тело - соответственно с сознанием. Стоявшие у модуля, в который был заключен кислородный литинь, часовые имели строжайший приказ не пропускать внутрь никого за исключением капитана. У меня не было оснований сомневаться в их исполнительности.

Они стояли по обе стороны от двери - четыре молодца, вооруженные до зубов. Увидев меня, часовые вытянулись в струнку и дружно шлепнули ладонями по рифленой поверхности переборки. Я небрежно прикоснулся к бедру, после чего осведомился:

- Все в порядке?

- Да, капитан.

Один из часовых нажал на вмонтированную в стену кнопку, дверь распахнулась.

Я очутился в небольшом отсеке, значительную часть которого занимали скафандры. Предполагалось, что я должен облачиться в один из них. Естественно, я не стал этого делать. Взяв скафандр, тот, что был поближе, - я сделал это на всякий случай, ведь капитана могли хватиться, и если обнаружится, что он пребывает в наполненной ядовитым кислородом камере совершенно без всякой защиты, мне будет нелегко найти достоверное объяснение, - я шагнул в шлюз.

Двери сомкнулись. Вакуумные насосы принялись выкачивать хлор, затем хлынула пьянящая струя кислорода. Чтобы не терять даром время, я совершил трансформацию, приняв облик человека. Комбинезон, как и накануне, затрещал по всем швам. Я подумал о том, что неплохо б внести в свою экипировку кое-какие изменения. Что вы скажете насчет эластичных подвязок? Я усмехнулся. В этот миг над входом зажегся огонек, и двери начали разъезжаться.

Я намеревался одарить доктора ехидной фразой, но готовые сорваться с губ слова замерзли. У дальней стены, где смыкались перпендикулярные перегородки, образовывавшие угол,

разворачивалось удивительное представление. Доктор Олем, сжавшись в комок, корчился в углу, а перед ним, отрезая пути к бегству, стояли два громадных артефакта, не замедлившие обернуться на звук отворившейся двери.

Оторопело покачав головой, я выпустил из рук скафандр. События принимали все более неожиданный оборот. На смену призракам живых пришли призраки мертвых.

Ближе ко мне стоял огромного роста мужчина. Он был молод и был бы ослепительно красив, не будь на его лице рваного шрама, тянувшегося через всю щеку от виска к верхней губе. Но даже с этой отметиной он был чертовски привлекателен. При жизни его звали Кримом. Он был моим врагом, а однажды, не задумываясь, пожертвовал ради меня жизнью. Предо мной стояла точная копия Крима, один к одному, если не считать того, что она была примерно фута на четыре выше оригинала. На Криме были блестящие металлические доспехи панцирь, закрывавший грудь и спину, набедренники, поножи и шлем с высоким султаном из журавлиных перьев. В правой руке Крим держал громадный, под стать росту, меч.

Чуть позади располагалась девушка. Она была гигантски невысока - на две головы ниже своего напарника, однако на голову выше, чем я. На девушке было воздушное голубое платье, перетянутое под грудью тоненьким плетеным ремешком. Голову украшал золотой обруч, едва заметный в густой волне золотистых волос, падающей ниже спины. Я знал, что под левой грудью должна быть крохотная черная отметина от выстрела, предназначавшегося мне. Ее скрывало платье. Когда-то давно, сам того не подозревая, человек был безумно влюблен в эту девушку. Подозреваю, эта любовь не умерла в его сердце и спустя тысячелетия. Я смотрел в ее огромные глаза и чувствовал, как на губах непроизвольно появляется счастливая улыбка. Человек мог смотреть в эти глаза бесконечно долго, ведь куда они жили, он оставался человеком, когда же они сомкнулись навеки, человек превратился в меня. Порой он чувствовал себя от этого несчастным...

Я позволил человеку слишком многое. Артефакты не намеревались потакать моим слабостям. Крим сделал шаг навстречу и резко махнул своим громадным мечом. Я чудом сумел увернуться, выбросив вперед щит из силовых линий. Клинок с визгом отсек некоторые из них, брызнули снопы искр. В следующий миг мне пришлось упасть, потому что восьмифутовая красotka метнула в меня нож. Он просвистел над моей головой и, срезав прядь волос, вонзился в переборку. Крим вновь махнул мечом, заставив меня покатиться по полу. Истошно завопил доктор.

- Русий, кто это такие?!

- Заткнись, болван! - рявкнул я, рывком бросая тело в сторону. Меч смачно вгрызся в пол. Уйдя от очередного выпада, а затем и от ножа, который метнула в меня Ариадна, я разложил время. Но, похоже, этой парочке все было нипочем. Артефакты продолжали перемещаться так же легко и быстро, как и прежде. Я попытался отбросить теснящего меня Крима ударом силовых линий, но это ничего не дало. Энергия прошла через его тело, не встретив сопротивления, и я едва успел отпрыгнуть, ускользая от очередного выпада. Игра начинала принимать опасный оборот.

Зато моим противникам она пришлась явно по вкусу. Оба покраснелись, на лицах были написаны удовольствие и азарт. В их действиях прослеживалось четкое разделение. Крим преследовал меня с мечом в руках, Ариадна оставалась чуть в стороне и бросала ножи, которых у нее был солидный запас. Делала она это весьма ловко. Если бы не отменная реакция да помощь Контроля, подсказывающего оптимальный выход, я бы наверняка отведал вкус металла.

Со мной происходило что-то непонятное. Точнее, непонятным было то, что касалось моих противников. Они оказались в высшей степени неуязвимы. Силовые линии не причиняли артефактам никакого вреда. Очень быстро я отказался от этого оружия. Уведя Крима в угол, подальше от доктора, я бросил в него огненную волну. Артефакт прошел сквозь нее, словно имел дело не с пламенем, а с бестелесным облаком. Использовать дезинтегрирующую энергию я не решился, так как она могла причинить серьезный вред кораблю. Фотонные пучки страшили артефактов не сильнее, чем блошинный укус мохнатого сенбернара.

Интересненькое занятие! Гонки по ободу кольца. Я словно сумасшедший бегал кругами вдоль стен, а два энергетических чучела пытались проткнуть мою задницу хорошо отточенными клинками. Быть может, это выглядело смешно, но, право, я был далек от веселья. Увернувшись от нового выпада, я оттолкнулся от пола и взмыл вверх. Высота модуля была немалой, но верзила Крим, вооруженный семифутовым мечом, без труда мог дотянуться до потолка, что он и сделал, попытавшись нанизать меня на острие, словно залетного мотылька. Это с его стороны было не самым разумным решением. Криму следовало рубить.

Влив в руки побольше энергии, я поймал клинок и спикировал вниз, основательно врезав артефакту ногой по голове. Подобный ход оказался для врага полной неожиданностью. Оступившись, он выронил меч, который тут же стал моим трофеем. Со свистом рассекая воздух, я устремился вперед. Я был готов испробовать остроту клинка на шкуре артефакта, но тот решил не испытывать судьбу. Подмигнув подружке, он вошел в стену. Ариадна метнула в меня последний нож и исчезла следом

за своим приятелем.

Переводя дыхание, я подошел к бледному, как полотно, доктору.

- Кто это были? - спросил он, убедившись, что все закончилось.

- Если б я знал!

Не без труда подняв меч, я прислонил его к стене. Перекрестье рукояти находилось примерно напротив моего подбородка.

- Симпатичный ножичек, а, док?

- Он настоящий?

- Куда более, чем настоящий. Судя по весу, это титан, судя по спектру, здесь присутствует иридий. Из такого сплава отливают жерла дезинтеграторов.

Доктор осторожно потрогал меч, благоразумно не прикасаясь к острию.

- Да, впечатляет.

- А теперь поговорим о том, что произошло. - Я наконец совладал с дыханием. - Док, с недавних пор ты доставляешь мне массу хлопот. Откуда взялись эти двое?

- Я думал, ты сам расскажешь мне об этом.

- Я? Но когда я пришел, они уже были здесь.

- Примерно то же самое обнаружил я, когда проснулся.

- Что значит примерно то же самое?

Доктор натянуто засмеялся, продемонстрировав неровные зубы.

- Вообрази себе, Русий, открываю я глаза и вижу, как надо мной склонился громадный тип с этим, как ты выразился, ножичком в руках.

- А девушка?

- Что девушка?

- Она тоже была здесь?

Доктор замялся.

- Не знаю... Послушай, кажется, она появилась чуть позднее. Хотя я не уверен.

- Док, вспомни, как все это было. До мельчайших подробностей. Это чрезвычайно важно!

Я вдруг поймал себя на том, что почти слово в слово повторяю вопросы, которые задавал накануне. Похоже, душещипательные беседы с доктором становились дурной традицией. Олем не обратил на это внимания. Визит непрошенных гостей сделал его более чем сговорчивым.

- Попытаюсь. Я проснулся оттого, что захотел пить. Открываю глаза и вижу, что рядом с моей кроватью, то есть убогим ложем, - доктор указал на синтетическую подстилку, служившую ему ложем, - стоит этот огромный тип. Мне показалось, что когда-то я видел его лицо.

- Возможно, док. Он был на корабле, но не в нашу смену. Однако об этом чуть позже. Что было дальше?

- Я тут же вскочил. Представьте мои ощущения.

- Меня в обличье тумайта ты испугался меньше, - констатировал я.

Доктор не сразу нашелся с ответом.

- Не скажу, что это было приятное зрелище. Физиономия тумайтов, особенно после того, что я о них узнал, вызывает у меня мало симпатий, но по крайней мере эти существа вполне, выразимся так, приемлемы по размеру. Тот же, которого я увидел, был чересчур большой.

- Док, тебе не приходилось видеть больших существ, - машинально заметил я, вспомнив о многих.

- Возможно, но мне вполне хватило и этого. Так вот, я отскочил в угол, а этот тип говорит...

- Он разговаривал?

- Еще как! Он был весьма разговорчив. Мне показалось, что он знает меня. Тип с мечом говорит мне: "Не бойся". Я изо всех сил пытаюсь сделать вид, что не боюсь, но чувствую, что это получается у меня не очень. В этот миг начала появляться женщина.

- Она прошла через стену?

- Нет, я бы так не сказал. Она появилась в том углу. - Доктор указал рукой. - И не сразу, а как бы по частям, словно дым, приобретающий форму. Сначала возникло туловище, затем руки, ноги, а в довершение - голова. Было такое впечатление, что она как бы выливается, словно вода.

Я изобразил усмешку.

- Откуда же она вылилась?

Вместо ответа доктор спросил:

- А что это за небольшая черная штука в стене?

- Это резервные выходы. Блок питания и компьютер.

- Мне показалось, что она появилась оттуда.

- Ты уверен?

Доктор Олем покачал головой.

- Полной уверенности нет. Но мне показалось, что все было именно так.

- Любопытно, - заметил я. - Что было дальше?

- Дальше огромный мужчина сказал мне, чтоб я позвал тебя, иначе он пообещал... - Доктор замолчал, смущенно улыбаясь.

- Отрезать яйца?

- Да. Но как ты догадался?

- Это в стиле Крима. Он никогда не отличался хорошим воспитанием. - Я ласково посмотрел на доктора. - И ты позвал...

Олем всплеснул руками.

- А что мне оставалось делать? Он не замешкался б исполнить свою угрозу. Но, во имя Разума, объясни мне, кто это были?

- Артефакты. Искусственные создания. Один из них - увеличенная копия атланта Крима, другой - девушки Ариадны. Они оба погибли незадолго до катастрофы. И оба от руки Леды.

- Ай-я-яй! - Доктор сокрушенно покачал головой. - Кто бы мог подумать! Леда показалась мне такой очаровательной девушкой. А откуда эти артефакты берутся?

- Из стены, - пошутил я. - По правде говоря, я и сам не знаю, но очень хочу узнать. Кто-то пытается свести со мной счеты, используя для этого артефактов. Один из них, кстати, сейчас находится в моей каюте.

Олем охнул.

- Такой же здоровенный? С мечом?

- Нет, вполне беззлобный. Артефакт нашего общего знакомого Гумия.

- Как же, помню. Он тоже хочет убить тебя?

- Он сам не знает, чего хочет.

- Любопытно было б на него взглянуть.

- Это можно устроить. А теперь скажи, док, что ты думаешь обо всем этом.

- Прямо не знаю, что сказать. Мне никогда прежде не приходилось сталкиваться ни с чем подобным.

- Но ты же психолог.

- А разве психология здесь может помочь?

- Думаю, может. Понимаешь, док, все эти артефакты сотворены с необычайной тщательностью. Я имею в виду не строение, хотя и оно близко к идеальному. Артефакты не просто слепки с первозданных образцов, сделать которые само по себе не очень сложно. Сдается мне, все они обладают матрицами психологического образа. Например, артефакт Гумия полностью соответствует настоящему человеку, по крайней мере тому, которого знал я. Ему известно о себе все, что известно о нем мне. Он знает обо мне и остальных ровно столько, сколько должен знать. Если бы не диматериальная структура, я ни на мгновение не усомнился б, что передо мной реальный Гумий.

Доктор задумчиво хмыкнул и почесал пятерней щеку, по крытую короткой щетиной.

- Могу предложить лишь одно разъяснение. Кто-то залез в твои мозги и черпает оттуда информацию, а затем использует ее, создавая этих существ. Это единственная, на мой взгляд, приемлемая версия. Ты знаешь того, кто мог бы это сделать?

Я пожал плечами.

- Трудно сказать, док. По-моему, здесь нет никого, кто был бы способен на подобное.

- Ты все-таки подумай.

- Леда, - неуверенно произнес я. - Нет, вряд ли. Она может создать артефакта, но ей не по силам контролировать мое сознание. По крайней мере, если бы она попыталась сделать это, я непременно бы почувствовал. Остаются три зрентшианца. Арий далеко. Кроме того, он ничего не знал обо мне до того дня, пока не появился ты; артефакт же Леды напал на меня за несколько часов до этого. Командор? О нем мне ничего не известно. К тому же он мой отец. Черный Человек? Думаю, он смог бы осуществить подобный замысел. Но он никогда не проявлял по отношению ко мне неприязни, а, напротив, всегда помогал.

- Мир меняется, - заметил Олем.

Я не стал спорить.

- Хорошо, допустим, это он. Тогда многое становится ясным. Но непонятно главное - чего он добивается. Черный Человек может убить меня более простым способом.

- Ты же сам говорил, что зрентшианец не ищет в смерти простых путей. Убивая, он жаждет обрести наслаждение.

- Да. Но все равно, эта версия представляется мне неправдоподобной.

- А тот зрентшианец, с которым ты сражался? Может быть, он жив?

- Нет, он погиб. Я уверен в этом.

- А что ты скажешь насчет кого-нибудь из членов экипажа? Возможно, они узнали, кто ты, и пытаются избавиться от тебя.

Я отрицательно помотал головой.

- Не тот уровень. А кроме того, я постоянно общаюсь лишь с тремя из них, причем один из трех - тупой слуга, да и второй умом не блещет. Третий довольно умен и проницателен, но подобные фокусы ему не по силам.

И в этот миг в моей голове мелькнула острая, подобная магниевой вспышке мысль. Она ослепила меня своей простотой. Все было до смешного просто.

- Ладно, док, - сказал я. - Посиди немного один. Я сейчас вернусь.

- А если...

Раздался скрежет, и из стены высунулась громадная рука. Схватив меч, она утащила его за собой.

Доктор наблюдал за этим трюком, широко открыв глаза. Происходящее по-прежнему не укладывалось в его голове. Когда меч растворился в стене, Олем кашлянул и неуверенно

проговорил:

- А если этот здоровяк с девицей объявятся здесь?

- Не беспокойся, они не причинят тебе вреда. Ты им не нужен. А на меня они не нападут, по крайней мере, пока. Полагаю, они убедились, что я им не по зубам. Будь спокоен, док. Я скоро вернусь, и вернусь не один. И с подарком.

Я сдержал обещание. Я вернулся очень быстро. Вместе со мной были Гумий и бутылъ чистого спирта. Не будет преувеличением, если сказать, что мы превосходно провели время.

"Утренний свет" разрывал звездное покрывало космоса, а мы пили разбавленный спирт и пели старые-старые песни, которых я не слышал со времен сотворения мира.

Наутро человек проснулся с головной болью...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Белая кавалерия неслась по боевым порядкам противника, уничтожая пехоту и легкие фигуры. По диагоналям скользили слоны. Королева, бросив на произвол судьбы своего пьяненького короля, размахивала громадным семифутовым мечом. Стиснув остатки черной фаланги, посреди которых возвышались массивные тараны ладей, белое воинство с криками навалилось на врагов. Черный король всхлипнул и капитулировал, сорвав с плеч боевой плащ.

- Большой Капитан великолепен, - сообщил Ттерр, известив меня о сдаче.

- Спасибо, Ттерр. Это все благодаря моей матери, она здорово разбиралась в этой игре. Готовь новую партию.

Догадавшись, что я собираюсь уходить, компьютер поспешил заявить:

- Советую не оставлять рубку. Я вот-вот обнаружу ее.

- Хорошо, Ттерр, я буду здесь.

Я отошел от компьютера и повернулся к наполненному чернотой и звездами обзорному иллюминатору.

Уже шесть дней минуло с тех пор, как "Утренний свет" перехватил сигналы с Марагаса; шесть дней, которые ничего не прояснили. За эти дни мы преодолели расстояние, равное миллиону двадцати четырем тысячам световых секунд. Планета приближалась, и вот, наконец, она оказалась в пределах досягаемости локаторов.

- Я поймал ее! - провозгласил Ттерр, и в его голосе прозвучали кровожадные нотки.

Реакция присутствующих, не исключая и меня, была одинаковой. Все дружно устремились к дисплеям, на которых появились первые данные. С каждым мгновением световые строчки прибывали, пока не заняли дисплеи целиком. Здесь были сведения о планете - размеры, спектральный анализ атмосферы, траектория движения. Они свидетельствовали о том, что нам предстоит иметь дело с омерзительной кислородной планетой.

Смерть кислородным литиням! Я отчетливо различил этот вопль, исторгнутый убогим разумом тумайтов. Я ощущал волну ненависти, готовящуюся захлестнуть планету. Эта ненависть была лишь на грань меньшей, нежели та, которая адресовалась мне.

В последние дни меня стали ненавидеть еще сильнее, чем прежде. К ненависти прежней, скорей неприязни, полагавшейся мне, если возможно так выразиться, в силу высокого положения, прибавилась ненависть обычная, если хотите, тривиальная, совершенно неестественная для тумайта. На корабле творилось неладное. Экипаж подозревал, что в этом повинен капитан. Уртус благоразумно помалкивал, но обстоятельства кричали против меня. Астронавты были недовольны тем, что я велел сохранить жизнь кислородному литиню. Традиции требовали предать его торжественной казни. Смущение в умах вызвали громадные призраки, вдруг объявившиеся на "Утреннем свете". Более всего тумайтов пугала та непостижимая легкость, с которой эти призраки перебирались из отсека в отсек. Я отдал приказ найти и уничтожить артефактов, но плазменные ружья оказались бессильны против них. Гиганты бродили по переходам, распугивая встречных. Пару раз я сталкивался с Кримом. Во время первой встречи он попытался напасть на меня. Переход был слишком узок и невысок. Для того, чтобы как следует размахнуться, Криму пришлось опуститься на колени. Я мог бы с легкостью уклониться от удара, но не стал делать этого. Я лишь выбросил навстречу мечу руку с капитанским жезлом Го Тин Керша. Каур лишний раз доказал, что он стоит надо всем. Громадный клинок натолкнулся на один из лепестков, такой хрупкий на вид, и развалился надвое, чем здорово обескуражил артефакта.

- Отличная игрушка! - пробормотал он, плотоядно косясь на каур, после чего вошел в стену.

В другой раз Крим пробрался в капитанские покои. Я застал его за милой беседой с Гумием. Я прислушался. Артефакты упивались воспоминаниями об эпохе сотворения мира. Заметив меня, Крим слегка смутился, Гумий же повел себя с обычной бесцеремонностью.

- Русий! Дружище! Присаживайся! - завопил он, указывая широким жестом на свободный краешек ложа. - Мы тут болтаем о том, о сем.

Я не стал спорить или выказывать недовольство и сел. Какое-то время я терпеливо выслушивал разглагольствования Гумия, затем велел ему заткнуться. Артефакт Крима воспринял это как приглашение к разговору.

- Я долго ненавидел тебя, Русий, но сейчас во мне нет прежней ненависти.

- Я знаю.

- Ты всегда восхищал меня. - Во взгляде артефакта скользнуло подобострастие. Я кивнул. Я знал и это.

- Я подражал тебе, - продолжал делиться откровениями Крим. - Давай больше не будем ссориться. Никогда в жизни.

- Ты мертв, а говоришь о жизни, - сказал я. - Мертв не одно тысячелетие.

- Это ошибка. Я жив. Ты можешь видеть меня пред собой. Тогда я исправил ошибку. Я ударил по шее Крима хищно развернувшимся кауром. Гигантская голова отделилась от плеч и, звеня металлом шлема, покатила по полу. Грузное тело свалилось с ложа. Гумий с возмущением уставился на меня.

- Зачем ты так? - воскликнул он, стряхивая с полы туники капельки похожей на кровь жидкости.

- Он мертв. И не имеет права пребывать среди живых.

Тело Крима медленно таяло, впитываясь в блестящую поверхность пола. Последними исчезли великолепные доспехи.

- Он мертв, - как эхо повторил Гумий, когда от Крима не осталось и следа. Сдается, он тоже начинал ненавидеть меня...

Дежурные операторы пребывали в крайнем возбуждении. Уперев взоры в экран локатора, они попеременно выкрикивали:

- Один, два, один, группа не менее четырех, один... Ттерр принимал изображения и классифицировал их, определяя параметры объектов.

Навстречу "Утреннему свету" плыли эскадры боевых кораблей - крейсера, рейдеры, истребители, космобатарей. Стаи торпедных катеров мельтешили вокруг неуклюжих туш линкоров. Космический флот вышел навстречу пришельцу.

Планета Марагас оказалась не столь беззащитной, как представлялось первоначально. Она располагала наземными армиями и объединенным космическим флотом, внешне производящим достаточно грозное впечатление. Обнаружив приближение неприятельского судна, марагасцы немедленно двинули свои эскадры навстречу.

Они были мирным народом, насколько вообще могут быть мирными существа, стесненные границами одной планеты. Если им и приходилось воевать между собой, то все ограничивалось локальными ядерными ударами, не более. Здесь не было стимула совершенствовать оружие. Иное дело - флот. Он был гордостью Марагаса, выражением его технических достижений. Флот подчинялся общепланетному командованию, хотя и был составлен из эскадр различных государств. Обо всем этом поведал Ттерр, проанализировав информацию, перехваченную с орбитальных спутников и наземных средств связи.

- Каковы их намерения? - спросил я у компьютера.

- Они подозревают в нас врагов.

Резонно, подумал я. Громада "Утреннего света" вряд ли могла породить иные ассоциации. Наш корабль не походил на друга. Подобным обликом наделены корабли-монстры, корабли-завоеватели, корабли-убийцы.

- Вероятные действия?

- Они попытаются окружить нас, после чего вступят в переговоры. В случае, если те окажутся безрезультатными, нас атакуют.

- Оптимальный выход из ситуации?

- Узнать, что они хотят, после чего уничтожить их.

- Согласен. Сигнал общей тревоги. Усилить внешнюю защиту.

- Слушаюсь, Большой Капитан.

Ттерр, загудев, начал сыпать приказаниями. Я представил себе раздирающий уши визг сирен, который в эти мгновения наполнил все пятнадцать уровней корабля, суету в боевых отсеках и модулях. Я словно наяву видел, как жерла дезинтеграторов движутся по синусоиде, отмечая координаты целей, а из овальных люков выскакивают рои яйцевидных механизмов, которым предстояло сыграть роль боновых заграждений, приняв на себя удары ядерных торпед, составлявших, если верить утверждениям Ттерра, главное оружие марагасских судов. "Утренний свет", щетинясь жерлами орудий, готовился к битве.

Безмолвный, громадный, словно черная скала, он надвигался на планету, навстречу боевым отрядам марагассцев, сплетших на его пути паутину из сотен боевых кораблей. "Утренний свет" бесстрашно стремился прямо в центр этой паутины, где располагались пять линкоров. Эти дредноуты марагассцев были велики размерами, но уступали "Утреннему свету", гигантская туша которого была больше, чем все его враги вместе взятые. Они были грозны на вид, но я знал, что это впечатление обманчиво. Марагас ничего не мог противопоставить несравненно более совершенным технологиям. Планета была обречена. Но ее обитатели не подозревали об этом. Они надеялись на счастливый исход.

Гигантский корабль, вторгшийся в их пределы, пугал. В его стремительном молчании таилась угроза, отвратить которую было не по силам даже многомогущим ядерным торпедам. Марагасцы ощущали ее и теряли ту уверенность, что укрепляет правоту и придает мужества бьющимся за отеческие очаги. Они не находили в себе готовности умереть за родную землю - каждый их шаг свидетельствовал об этом. Не смея отважиться на решительные действия, марагасцы принялись окружать вторгнувшегося в их систему агрессора. Крейсера и быстрые рейдеры устремились вперед, обтекая "Утренний свет" по плоскостям. Я молча наблюдал за тем, как стаи стремительных серебристых рыбок пронзают небо, разбрасывая сеть, каждый узелок в которой представлял тот или иной корабль. Действия марагассцев были довольно четкими и внешне уверенными. По всей очевидности, им не раз приходилось отрабатывать подобный маневр, и он был доведен ими до совершенства.

Движение на контркурсах длилось лишь несколько мгновений. Вскоре передовые корабли фланговых групп начали разворот и устремились навстречу друг другу. Где-то далеко, в той точке пространства, где растворялся невидимый след "Утреннего света", они встретились, сомкнув горловину. Пришелец очутился в ловушке. Так, по крайней мере, считали марагасцы. Я решил подыграть им и приказал сбросить скорость. Джамповые двигатели были заглушены, корабль перемещался на более медленных ионных. Находившиеся в рубке астронавты напряженно ожидали развития событий.

- Сейчас они попытаются договориться, - объявил я и не ошибся. Марагасские вояки полагали, что зарвавшийся агрессор поставлен на место, и требуется совсем немного, чтобы поставить его на колени. Звездное ничто пронзили строчки сигналов.

- Они обращаются к нам, - сообщил Ттерр.

- Что они говорят?

Ттерр ответил не сразу. Какое-то время ушло на расшифровку послания. "Утренний свет" по-прежнему летел вперед, направляя свой затупленный нос точно в стоящий посередине вражеского строя линкор. Это был флагман, и я подивился рыцарской безрассудности врагов. Вместо того, чтобы руководить боем, прячась за бронированными спинами других кораблей, их адмирал вылез вперед, чем обрек себя на скорую неминуемую смерть.

Рубку заполонила гнетущая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием и мерным пощелкиванием приборов. Я вдруг ощутил, как лихорадочно колотится человеческое сердце. Оно было взволновано, хотя, право, повода для волнений не было.

Наконец Ттерр подал голос:

- Они запрашивают, кто мы, и приказывают остановиться.

- Ты сможешь ответить?

- Конечно.

- Тогда передай им, что я, капитан судна, предлагаю им сдаться. Прибавь, что в противном случае они будут уничтожены.

Терр послушно исполнил приказ. Ответом был торпедный залп.

Марагасцы верно оценили возможности вражеского судна и не стали размениваться на всякого рода бессмысленные мелочи, а сразу пустили в ход свое главное оружие. Линкоры выпустили навстречу "Утреннему свету" примерно с полусотни торпед. Пятьдесят серебристых рыбин, начиненных колоссальной энергией, которой было вполне достаточно, чтобы породить небольшую звезду. Торпеды летели навстречу, угрожающе отбрасывая за собой инверсионный след, делавший их четко различимыми на экранах локаторов - пятьдесят крохотных раскаленных ос, готовых влить многомегатонный заряд яда в неповоротливого черного медведя и с наслаждением разорвать его шкуру в клочья.

- Огонь! - приказал я, переключивая рули.

"Утренний свет" рванулся вниз и вправо, уходя от смертоносного вихря. Торпеды стали менять курс, теряя на этом скорость, отчего стали уязвимы перед лазерными импульсами. Двенадцать батарей заговорили все разом. Восемь установили перед торпедами зеленую завесу огня, прочие стреляли, метя в маячащих невдалеке рейдеров.

Кусок ничто над головой окрасился диковинным фейерверком. На фоне густой распутившейся зелени стали расцветать ослепительные огненные цветы. Один, два, десять; тридцать четыре, пятьдесят. Золотистые кляксы растекались сообразно одним им ведомой закономерности, перемешивая зелень с красно-желтым, кленовым буйноцветьем. Зелень постепенно гасла, уступая осеннему звездопаду, затем батареи дали еще несколько залпов, вернув в прозрачно-турмалиновое небо штрихи зеленых облаков.

Корабль тряхнуло так, что я едва удержал в руках рычаги управления. Ударная волна, вызванная гибелью торпед, стремительно расползалась во все стороны, рождая в безмолвном спокойствии космоса чудовищную бурю. Пол и стены вздрогнули еще раз и еще, с такой силой, что все находившиеся в рубке, исключая меня, оказались сбиты с ног. Я представил, каково сейчас приходится легким судам марагасцев, и улыбнулся. Вместо того, чтобы уничтожить пришельца, ядерные торпеды основательно потрепали свой же флот.

Тревожно мигнули огоньки на пульте.

- Все в порядке, Терр?

- Незначительные повреждения.

- Прикажи исправить их.

- Уже сделано. К нам приближается группа рейдеров. Я выставлю на их пути боновое заграждение.

- Действуй.

- Справа заходят катера.

Я посмотрел на экран. Катеров было слишком много. Поэтому для начала я поразил их рой дезинтегрирующей волной и лишь потом отдал приказ истребителям:

- Добить!

Два десятка сферических аппаратов покинули ангары и устремились навстречу потрепанному вражескому воинству. Через несколько мгновений в том секторе разыгралась схватка, перевес в которой был на нашей стороне.

Тем временем марагасцы оправились от шока и предприняли новую атаку. Рассыпавшись клином, линкоры наседали на "Утренний свет", норовя прижать его к фаланге из космических батарей, которая взяла вправо и приготавилась стать стеной, о которую разобьется дерзкий чужак. Корабли марагасцев вели огонь из орудий, но по-прежнему больше полагались на торпеды. Космические батареи вторили своим собратьям залпами ракет. Миллионы тонн взрывчатой энергии и стали летели в черное тело моего корабля.

Все это было не более чем детской забавой. Я мог включить джамповые двигатели и покинуть поле боя, развернуться и атаковать вражеские порядки с тыла. Я мог без всякого труда остановить огненный шквал и пустить в ход дезинтеграторы. Однако и не стал делать этого. Быстро манипулируя рулями, я увел "Утренний свет" в сторону предоставил своему экипажу возможность

полюбоваться самоуничтожением вражеских эскадр. Ядерные торпеды потеряли первоначальную цель и, приманенные сферическими остовами космических батарей, поразили их, а ракеты, выпущенные с последних, вонзились в бока линкоров. Черноту разорвали белесо-красные вспышки. Дезинтегрирующие лучи "Утреннего света" довершили разгром, покрыв черную пустоту обломками оплавленной стали.

После этого бой был фактически завершен. Марагасцы предприняли еще несколько дерзких попыток, но несмотря на отчаянную смелость, крейсера и рейдеры не могли причинить вред инопланетному монстру. Лазерные батареи азартно отбили их наскоки, записав на свой счет еще несколько десятков кораблей. Жалкие остатки флота в спешке покинули поле боя, рассчитывая найти убежище на планете. Я не препятствовал им. Бежавший с поля битвы, как воин безнадёжной мертвеца. Я ограничился тем, что отправил вслед беглецам сигнал:

- Приказываю приготовить место для посадки моего судна.

Вернув корабль на прежний курс, я передал управление навигатору, после чего оставил рубку.

Я шел к себе. Тускло мерцали огоньки, высвечивавшие небольшие фрагменты стен и пола. Полутьма рождала встревоженные тени, самой причудливой из которых была моя собственная. Представляя хаотичное переплетение пяти рельефов, она отражала мой истинный облик. Шаг за шагом.

Я остановился. На этом повороте всегда стоял часовой. Сейчас он был мертв, а склонившаяся над телом Ариадна пила кровь.

Заслышав мои шаги, она подняла голову. Из уголков рта капала голубоватая слюна. Я медленно, стараясь не испугать, приблизился к артефакту.

- Ты не должна была этого делать.

Ариадна ответила неосмысленным взглядом и облизала губы. Выпустив из рук мертвое тело, она распрямилась. Ее голос был подобен дуновению теплого ветра.

- Я пришла сказать, что люблю тебя, Русий.

Я внутренне усмехнулся. Артефактов, похоже, обязали признаваться мне в любви.

- Я знаю, дорогая, - сказал я. - Кто тебя послал?

- Никто. Я пришла сама.

Я почувствовал, что во мне пробуждается легкое раздражение. Мне почему-то казалось, что с этим артефактом удастся договориться.

- Конечно. - Мы стали совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. Я ощущал легкое дыхание, к которому примешивался кисловатый запах туманитской крови. - Где твой дом?

- На Земле. В гроте, погруженном под воду.

- А как ты очутилась здесь?

- Я пришла.

Я скривил губы, сознавая тщетность своих усилий докопаться до истины. Ариадна заметила мимолетную гримасу, но оценила ее по-своему.

- Ты не обижаешься на меня?

- За что?

- За то, что я пыталась убить тебя.

- Нет, ведь когда-то ты спасла мне жизнь.

- Это все он!

- Кто он?

- Он, который велел мне убить тебя.

- Как он выглядит?

- Он большой. - Подняв руку под самый потолок, Ариадна провела ею отметину. - И очень сильный.

Он... - Артефакт осекся и замолчал.

- В чем дело?

На лице девушки появилась лукавая улыбка.

- Он не велит мне рассказывать о себе. Он хочет, чтоб я занялась с тобой любовью.

Могучая рука схватила меня за плечо и прижала к горячему телу. Если это и была страсть, то я рисковал расплатиться за нее переломанными ребрами. Я уперся обеими руками в грудь артефакта, но Ариадна упрямо тянула меня к себе. С ее губ капала перемешанная с голубым слюна. Ну уж нет! Я присел и вывернулся. Однако стоило мне очутиться на свободе, как Ариадна вновь плотоядно потянулась ко мне.

- Я люблю тебя.

- Знаю, моя дорогая, - пробормотал я, отодвигаясь подальше.

- Я хочу тебя.

В мои планы не входило заниматься любовью с артефактом. Я сомневался в том, что подобная любовь может доставить удовольствие, а кроме того, это было острое ощущение из разряда тех, от которых зрентшианец предпочитал воздерживаться.

Артефакт напирал, тесня меня вдоль перехода. Я очутился в преглупой ситуации. Попытка разложить время ни к чему не привела, так как Ариадна поступила точно таким же образом.

Отступая, я достиг рубки. Стоявший подле нее часовой при виде громадного чудовища немедленно извлек плазменный пистолет. Огненный шар взорвался у самой головы артефакта, не причинив ему никакого вреда. Ариадна даже не удостоила это мелкое происшествие вниманием. Шепча слова любви, она упрямо преследовала меня. Мне не оставалось ничего иного, как юркнуть в дверь рубки, иначе любвеобильный монстр просто расплющил бы меня в своих объятиях. Часовой выстрелил еще раз, после чего попытался последовать моему примеру. Но не успел он сделать и шага, как гигантская рука Ариадны ласково опустилась на его шею, переломав позвоночный столб.

Я закрыл за собой дверь и для чего-то навалился на нее телом, словно надеялся таким образом помешать артефакту проникнуть в рубку. Артефакт не стал затруднять себя выламыванием двери, а просочился сквозь стену. Сначала появилась рука, затем ноги, часть туловища, голова, и наконец артефакт предстал перед изумленными взорами дежурной смены целиком. Меж астронавтов началась легкая паника. Кое-кто схватились за излучатели, но стрелять не спешили, то ли ожидая моего приказа, то ли сомневаясь в том, что смогут поразить чудовище. Другие прилагали усилия, чтоб оказаться подальше от невиданного существа. Я продолжал отступать, помахивая каурум. Я был готов пустить в ход свое смертоносное оружие, но что-то удерживало меня от этого шага. Какое-то подспудное чувство подсказывало, что следует выждать еще немного. Я пятился до тех пор, пока не ткнулся спиной в приборную панель.

- Я люблю тебя! - в очередной раз сообщил артефакт Ариадны и протянул руки, намереваясь заключить меня в объятия.

И в этот миг произошло то, что я, возможно, ожидал. Воздух пронизали три раскаленные невидимые полосы. Они вонзились в артефакта, и тот начал таять. Осев подобно рыхлой снежной бабе, он растекся в лужу жидкости, от которой через мгновение не осталось и следа.

Это был финал.

- Спасибо, Ттерр, - шепнул я.

- Мой долг помогать Большому Капитану.

Тумаиты зашевелились, вылезая из своих укрытий. Уперев кулаки в бока, я бодро провозгласил:

- Вы все были свидетелями того, как ваш капитан уничтожил литиня! Слава капитану!

Одни отреагировали сразу, другие немного замешкались. В результате мне ответил нестройный хор голосов.

- Слава!

Мне оставалось лишь растянуть бескровные губы в улыбке триумфатора...

По-видимому, это был день смерти артефактов. Сначала она пришла к Ариадне, а потом настигла и Гумия. Он ощутил ее приближение и пытался бежать. Он искал спасения в моих покоях, как будто

они даровали право Эдема. Ничто не обладает правом вечной жизни. Лишь сама Вечность. И потому ей так больно, как больно нам в мгновение смерти. Сладкая боль, но от этого не перестающая быть болью. Вечность испытывает эту боль перманентно. В своем постоянстве она достойна пера Мазоха, облекшего аморальное в красный плащ естественности.

Гумий не хотел умирать, несмотря на то, что был лишь артефактом. Оставив рубку, он бежал в мои покои и спрятался там, укрывшись за портьерой. Смешно, он рассчитывал обмануть смерть, отделившись от нее расшитой тряпкой; ее, которую не могла остановить даже золотая броня саркофагов.

Когда я вернулся, смерть уже пришла. Она была где-то рядом, я ощущал ее незримое присутствие, выдаваемое тяжелым горячим дыханием, от которого исходил запах жаркой крови. Гумий чувствовал его тоже. Выбравшись из своего укрытия, он улыбнулся жалкой гримасой протрезвевшего сатира. Я видел, как на его глаза навертывается паволока слез. Он не хотел умирать, он испытывал ужас от осознания смерти. Это был самый серьезный его недостаток, о котором я знал. Однажды на Земле он признался:

- Я дрожу от одной мысли, что когда-нибудь мне придется умереть.

Помню, я был слегка удивлен подобным признанием. Смерть, сама по себе, никогда не страшила меня. Я мог бояться боли, предшествующей ей, позора проигравшего, торжества недруга, ставящего на грудь ногу победителя, абсолютного чувства утраты - мир без меня и я без мира. Но бояться смерти как таковой? Старушки с тифозным выражением лица? Дюреровского старика с косой? Все это представляется мне глупым, более того - пошлым. Неприлично бояться того, что неотвратимо. Да и что есть смерть? Переход из одного бытия в другое. Пусть даже это другое - небытие. Из дерьма в дерьмо - как выразился б философствующий могильный червь, питающийся дерьмом. Нет более здорового цинизма, чем этот. Как приятно, должно быть, размышлять о жизни, выглядывая из пустой глазницы обглоданного черепа. Мой дорогой, я вижу мир твоими глазами, pardon, глазом. Жизнь потому и не очень скучна, поскольку за ней есть смерть. Жизнь лишь потому чего-то стоит. Убери смерть - и что останется от жизни? Ровным счетом - ничто. Райские кущи, полные пресыщающих плодов, облезло-ласковых кошек и пресных женщин. Стоило откусить от яблока, чтобы понять - что есть вкус. Стоило вкусить смерти, чтобы понять, - что есть жизнь. Увы, порой понимание этого приходит слишком поздно.

Мне просто рассуждать об этом. Ведь я даже не уверен, что смогу умереть. Умрет одна суть, две, три, все пять. Но что-то останется, непременно останется. Когда я размышляю над этим, мне становится скучно, я с тоской ощущаю на плечах плащ Иеговы. Право, в такие мгновения мне хочется променять его на пурпурную тогу Цезаря. Или Цезарь, или ничто. Мне не хотелось, да и не хочется быть ничем. Nihil - пустота из пяти букв. Почему-то их всегда ровно пять. Пять - знак пустоты, шесть - знак смерти, которая наполняет пустоту жизнью.

Смерть мерно колебала тяжелые портьеры. Горло Гумия раздиралось прерывистым дыханием.

- Она здесь, Русий, - прохрипел он. - Я чувствую ее.

- Я тоже, - сказал я, кивнув. - И что же?

- Я боюсь умирать.

- Это не больно. Я видел смерть тысячи раз. Она живет миг, прибавляя к жизни последний знак.

- Она с к-косой, - заикнувшись, произнес Гумий.

- Стыдись, ты же воин! - сказал я, и тут же ощутил, насколько фальшиво прозвучали мои слова.

Но Гумий, казалось, не заметил этого. Ухватившись рукой за край туго облегающей шею туники, он с силой рванул его, раздирая материю на две полосы. Они упали вниз вдоль трепещущего тела двумя багровыми языками подобно кровавым струям. Смерть восприняла это как приглашение и начала приближаться. Я лишь чувствовал ее, а Гумий мог видеть. Застонав, он широко раскрытыми глазами следил за крадущимися движениями смерти. Внезапно он ухватился за мое плечо, мне показалось, что в его глазах мелькнула сумасшедшая надежда на спасение.

- Я знаю, зачем пришел сюда!

- Зачем? - спросил я.

- Я пришел, чтобы сказать тебе, что я умер!

- Кто? Кто тебя послал?! - торопливо закричал я. Гумий открыл было рот, но вопрос остался без ответа.

Смерть исчерпала отведенный ею лимит времени и обрезала нить жизни косой, аккуратно проведя ею по горлу от уха до уха. Захрипев, Гумий рухнул на пол. Его губы так и остались открытыми, но они не могли произнести более ни единого слова. Через мгновение от Гумия не осталось и следа.

Я в который раз остался без ответа.

Впрочем, один ответ я все же получил. Я знал, что далеко-далеко на крохотной голубой планете в этот миг остановилось сердце человека, одного из многих тысяч, умерших в этот миг; человека, который смертельно боялся смерти и мечтал о том, чтобы жить вечно. Глупец, он так и не понял, что миг не вправе претендовать на Вечность.

Теперь он умер. Я не знал, рад этому или нет. Я должен был быть очень рад.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Разгромив флот, "Утренний свет" вышел на орбиту Марагаса. Он планировал на ней до тех пор, пока население планеты не выразило изъятия покорности и сообщило координаты точки, пригодной для приземления. Я позволил себе усомниться в искренности намерений побежденных. По моему приказу истребители обстреляли указанное место, взрастив на коже планеты веер громадных ядерных грибов. Бесхитростные марагасцы намеревались поджарить агрессоров в огненном котле. Так и должно было быть. Нормальная логика, чья слабость в предсказуемости. Выслушав доводы Ттерра, я принял его предложение и велел посадить корабль прямо на один из городов, сотни которых покрывали поверхность Марагаса. "Утренний свет" опустился на центр города, впредсав каменные побеги строений в серую землю.

Этим самым я продемонстрировал марагасцам, что пришельцы настроены решительно.

Сразу по приземлении вокруг корабля были раскиданы боновые заграждения. И очень кстати, потому что вскоре последовало несколько мощных взрывов. Нацеленные в корабль ядерные заряды взорвались, не достигнув цели. Ттерр засек координаты объектов, с которых были выпущены ракеты, и корабль немедленно нанес ответный удар, стерев в пыль два десятка городов и военных баз. Лишь после этого Консилиум народов Марагаса наконец-то соизволил принять решение выслушать пришельцев. К кораблю прибыла делегация. Облачившись в скафандр, я вышел наружу и беседовал с посланцами лично. Это были милые существа, весьма похожие на людей, и мыслили они очень по-человечески. Я уклонился от ответа о цели нашего визита, мягко пожурил марагасцев за неразумное поведение, повлекшее смерть двух членов моего экипажа, и потребовал оградить корабль от новых посягательств.

Сообщение о столь ничтожных потерях привело делегацию в уныние. За двух погибших пришельцев обитатели Марагаса расплатились десятками тысяч жизней. Кроме того, они лишились большей части флота и трех процентов промышленного потенциала. Значительные районы были умерщвлены радиацией. Изобразив сожаление, я констатировал, что причина всех этих бед кроется в неразумном поведении обитателей планеты, и сказал, что в случае, если подобное повторится, я готов возобновить войну. После этого сообщения послы стали послушны и предупредительны.

Нет, - ответили мне, мы не хотим войны, мы желаем мира. Я тоже сообщил о стремлении к миру. Тогда послы вновь вежливо поинтересовались об условиях, на которых пришельцы согласятся заключить мир. Я столь же вежливо уклонился от ответа, сказав, что сообщу о них позднее, и потребовал дать гарантии безопасности. Марагасцы заверили, что ни один из пришельцев не подвергнется нападению. Высказав свое удовлетворение беседой, я позволил послам удалиться, сообщив, что намереваюсь продолжить переговоры в самом крупном из городов. Едва послы отбыли прочь, я приказал уничтожить еще оставшиеся в распоряжении марагасцев военные объекты. Дезинтегрирующие волны сделали свое дело, и в небо взвились еще около сотни раскаленных грибов. Расставшись с черными ножками, они оторвались от планеты и исчезли в космосе. Это было красивое зрелище. Я наслаждался им с орбиты, куда поднял корабль, дабы уберечь экипаж от чрезмерного облучения. Когда наступило утро, я вызвал к себе сержанта Уртуса.

- Приземлимся здесь, около этого города. - Я указал на карту, зафиксированную на дисплее компьютера. - Я хочу осмотреть его. Обеспечь транспорт и охрану.

Сделав паузу, я дождался, когда во взгляде сержанта появится безмолвный вопрос.

- Полагаю, твое время пришло. - Уртус молча кивнул. - Командовать отрядом будет старший офицер Ге. Ты назначаешься его заместителем. - Сержант вновь кивнул и едва заметно усмехнулся. - А теперь убирайся.

Смачно шлепнув ладонью по бедру, Уртус развернулся и вышел. Я ощущал его удовольствие - почти плотское чувство. Избавившись от Уртуса, я вызвал Ге и объявил ему о предстоящей экспедиции. Узнав, что его заместителем будет сержант Уртус, старший офицер скривился так, будто разжевывал целый лимон, однако промолчал. Он не сомневался, что Уртус - мой любимчик. Корабль начал снижение, заходя на посадку, а я отправился к доктору Олему.

Последние два дня я не баловал его посещениями, и потому мой приход вызвал неподдельную радость.

- Какие новости? - немедленно заинтересовался доктор, вставая мне навстречу. Я позаботился о том, чтобы улучшить его быт. В модуле были установлены два кресла и низенький столик - Нас здорово трянули. Были проблемы?

- Никаких, - сказал я, усаживаясь в кресло. - На нас напали. А потом напали мы. Неприятельский флот уничтожен.

- Вот как! - Доктор оживился. - Хотел бы я видеть это.

Я презрительно махнул рукой.

- Там не на что было смотреть. Силы были слишком неравны. Все закончилось в несколько мгновений. А теперь, док, у нас есть возможность размять ноги. Мы высаживаемся на планету.

- Это здорово! - обрадовался Олем. - Что это за планета?

- Тебе понравится. Двадцать три доли кислорода, вредных примесей нет. Ты почувствуешь себя почти как дома.

- А ты?

Состроив грустную мину, я покачал головой.

- Мне нельзя. Я должен играть свою роль. Сейчас корабль приземлится, и мы отправимся в путь. Давай-ка, я помогу надеть тебе скафандр.

Пока я возился с вакуумными застежками на шее, доктор заглядывал в мои глаза. Не думаю, что он сумел рассмотреть в них грусть, глаза тумайтов маловыразительны, однако перед тем, как надеть шлем, Олем проникновенно сказал:

- Я так сочувствую тебе, Русий!

Я ничего не ответил, но внутренне расхохотался. Оказывается, я нуждался в сочувствии!

Уртус организовал выход на поверхность планеты, отдав должное как торжественности, так и соображениям безопасности. Нас должна была сопровождать колонна из шести тур-пиль-сф-тешг-..., сокращенно турпилей - так назывались бронированные гусеницеподобные механизмы, которые столь славно полыхали в лесу, подожженные огненными зарядами. Грохоча металлом, турпили съехали по пандусу вниз, образовав защитный полукруг, после чего на поверхность планеты стали спускаться астронавты.

Если Кутгар до того, как я навел на нем порядок, был самой отвратительной кислородной планетой во Вселенной, то Марагас, напротив, представлял идеальное место для жизни. Теплый, умеренно влажный климат, обилие кислорода, благоприятные космологические условия создавали великолепные условия для всего живого. Лучи спокойной желтой звезды ровно обогревали землю, одаряя марагасцев вечным летом. Обилие растительности поражало фактом полного отсутствия ядовитых видов. Плотоядные животные, рептилии и иные хищные существа на Марагасе не обитали. Залежи минералов располагались у самой поверхности планеты. Если Бог и впрямь сотворил Эдем, то он нарек его Марагасом.

Пока доктор Олем, скинув шлем, упивался насыщенным кислородом воздухом, чем вызвал непримиримую ненависть охранников-гвардейцев, дозорные осмотрели окрестности. Ничего подозрительного обнаружено не было, но на всякий случай в небо поднялись истребители, готовые, если возникнет опасность, прикрыть нас с воздуха.

Мы находились в непосредственной близости от цели. Корабль занимал покрытый сочной зеленью холм, с которого открывался великолепный вид на город. В более воинственном обществе город был бы заложен именно на этом холме высокобашенная крепость, постепенно обрастающая предместьями, - но история Марагаса знавала мало войн, и места для поселений выбирались, исходя не из военных, а из иных соображений. В низине было прохладней, а кроме того, она изобиловала ручьями. Эти аргументы оказались достаточными, чтобы основать город здесь.

Теперь он лежал у моих ног. Меня никогда не вдохновляли ценности побежденных, но я не мог не отдать дани уважения этому архитектурному чуду. Город походил на каменный сад, заполненный тысячами разнообразных форм. Он был необычайно красив, возрождая своим обликом волшебные восточные сказки о призрачных городах, исчезнувших в небытии веков. Тысячи, десятки тысяч строений, ни одно из которых не было похоже на другое. Ажурные линии, сплетения куполов и

легких арочных конструкций, стройные башенки и крутые эстакады, хрупкие матовые колонны и пирамиды, ярусы которых были раскрашены в разные цвета, строения, похожие на ионические храмы, и домики, плавными изгибами напоминавшие раковины морских моллюсков. Это была невиданная красота, оценить которую дано не каждому. Тумаиты остались равнодушны к ней, зато доктор буквально упивался, правда, я так и не понял, чем - восторгом или переизбытком кислорода. Он то и дело бросал взгляды в мою сторону, словно приглашая разделить его чувства. Но я оставался холоден. Спору нет, город был прекрасен, однако он проиграл. А я предпочитал дворцам побежденных убогие шатры победителей.

Подавляя зевоту, я повернулся к люку, из которого вереницей выходили гвардейцы. Некоторые из них занимали места на броне турпелей, другие выстраивались в цепи, образуя правильный четырехугольник. Помимо обычных плазменных ружей и пистолетов гвардейцы были вооружены переносными лазерными излучателями. Я не предполагал встретить сопротивления, но осторожный Уртус предпринял максимальные меры безопасности.

Последними появились сержант Уртус и Ге. Глядя на эту парочку, я не мог удержаться от улыбки. Старший офицер вооружился так, словно собирался в одиночку воевать с целой планетой, сержант, напротив, имел при себе лишь пистолет и бездну напускного дружелюбия. Уртус что-то говорил своему тайному врагу, тот рассеянно кивал в ответ. Следуя рука об руку, словно связанные невидимой нитью, оба подошли ко мне.

- Все готово, капитан! - отрапортовал Ге.

- Превосходно. В таком случае, отправляемся.

- А этот? - вмешался сержант, указывая на Олема.

- Кислородный литинь может нам пригодиться. Возможно, он знает местный язык.

Вряд ли этот довод показался Уртусу убедительным, но он кивнул, сделав вид, что отдает должное моей предусмотрительности. Последовало короткое приказание, и первый турпиль двинулся вперед. Второй и третий последовали за ним, образовав подобие клина. Следом шло подразделение гвардейцев и лишь потом основная группа, в которую входили я, доктор Олем, Ге и еще несколько офицеров. С обеих сторон нас прикрывали шеренги держащих наперевес ружья гвардейцев. Замыкали шествие три турпиля, готовые отразить нападение, в случае, если оно последует сзади.

Колонна начала медленно спускаться по склону. Турпили, рыча, уродовали нежный травяной покров, окончательно погибающий под ногами гвардейцев, ступавших по ярким цветам с почти садистским сладострастием. Я искоса поглядывал на доктора, которому было слегка не по себе от происходящего. Сам он старательно обходил неповрежденные растения и, если это было возможно, старался идти по колеям, выбитым гусеницами. Он не подозревал, что все это - и цветущий луг, и город, как и сотни других городов, и синеватый лес, и прозрачные реки с пологими песчаными берегами - обречено на смерть. Внезапно доктор повернул голову и поймал мой взгляд. Через миг я уловил безмолвный вопрос.

- Зачем все это?

Я не стал вдаваться в подробности, выясняя, что доктор подразумевает под это, я лишь сухо ответил:

- Так полагается.

Доктор замолчал. Его разум переполняла причудливая мешанина из обрывков возмущенных чувств и мыслей.

Мы сошли с холма и теперь двигались по ровной, чуть топкой низине. Турпили чавкали, выплевывая из-под гусениц комки грязи. Чтобы не запачкать белоснежные скафандры, шедшие впереди гвардейцы замедлили шаг. Нам пришлось сделать то же самое, колонна растянулась. Вскоре турпили выехали на дорогу и двинулись по ней, вдребезги разбивая блестящее зеленоватое покрытие. Город подступал все ближе. Он выглядел странно неподвижным, почти мертвым. Нельзя было заметить ни единого движения, если не считать таковым причудливую архитектуру, казалось, застывшую в стремительном прыжке.

Это заметил не только я. Из переговорного устройства донесся голос Уртуса.

- Капитан, похоже, жители оставили город.

- Не думаю, - ответил я. - Скорей всего они затаились.

- Капитан прав, - не утерпев, вмешался в разговор старший офицер Ге. - Эти твари попрятались.

Связавшись с истребителями, я велел им пройти над городом. Воздушные разведчики тут же рванулись вперед и растаяли вдаль. Мы одолели две трети отделявшего нас от города расстояния, прежде чем истребители вернулись. Они подтвердили правоту моего предположения. Население не оставило город. Просто оно переместилось с окраины в центр, собравшись на большой площади.

- Может быть, бросить туда парочку плазменных бомб? - смеясь, предложил Уртус. Я не ответил.

Сопровождаемые грохотом и лязгом металла, мы вошли в город. Нас встретило холодное молчание. Тумаиты, чьи скафандры препятствовали проникновению внешних звуков, отнеслись к происходящему спокойно, а вот доктору было не по себе. Он не переставая вертел головой, пытаясь понять, что происходит.

Эхо гулко металось меж витиеватых изгибов строений. Вблизи город не производил прежнего чарующего впечатления. Теперь, когда можно было рассмотреть все до мельчайших деталей, вылезли наружу прорехи, тщательно скрывавшиеся за фоном мишурного великолепия. Обнаружилось, что многие строения обветшали, причем некоторые настолько сильно, что были готовы развалиться. Другие находились на полпути к этому состоянию, улыбаясь разводами облетевшей краски. Действительность, спрятавшаяся за яркой оберткой, оказалась не столь радужной. Город походил на перезревшее яблоко, столь лакомое на вид, но уже основательно подпорченное прожорливым червем. Время поработало над ним.

Он был стар, очень стар. Я попытался определить число пережитых им эпох, основываясь на своеобразии стилей строений. Мне удалось насчитать тринадцать различных ордеров, но я не был уверен, что видел все. Тринадцать эпох, ни одна из которых не нанесла городу ощутимого урона. Марагас был на редкость мирной планетой.

Едва я успел подумать об этом, как прозвучал выстрел и огненная вспышка поглотила одно из окон. Гвардейцы немедленно вскинули ружья, взяв на прицел близлежащие строения. Один из офицеров поспешил узнать, в чем дело. Выяснилось, что воину, не в меру впечатлительному, почудилось, что некто целится в него из окна. Не тратя время на раздумия, воин выстрелил. Некто оказался маленьким существом, ребенком по здешним понятиям. Неизвестно, что он делал у окна, но покушаться на жизни пришельцев он явно не собирался. Я наказал воина, понизив его в чине., и велел ему сесть в один из замыкающих турпелей. Олем был возмущен.

- И это все? - прошипел он.

Я не собирался разбрасываться своими воинами и потому ответил:

- А ничего не произошло. Мы имеем дело с несчастным случаем.

Олем задохнулся от негодования.

Спереди донесся негромкий гул. По приказу старшего офицера Ге несколько гвардейцев отделились от общей колонны и исчезли за поворотом. Вскоре от них появилось донесение, что все нормально, и колонна продолжала путь. По мере того, как мы продвигались вперед, шум усиливался, а затем резко, словно его обрубил, исчез. Мы вышли на площадь, запруженную толпой. Здесь были многие тысячи марагасцев, что-то горячо обсуждавших. При появлении турпелей гул затих, поглощенный гробовой тишиной. Толпа всколыхнулась и начала распадаться на две части, образуя проход к возвышению, на котором виднелись несколько фигур. Я осмелился предположить, что это представители Консилиума народов Марагаса. Подозвав Ге, я велел ему разместить турпели и гвардейцев таким образом, чтобы они образовали коридор. Заревели моторы, заставив толпу испуганно попятиться назад, воины рассыпались в цепь и навели на безоружных марагасцев свои плазмометы. Все выглядело чрезвычайно эффектно, хотя и отдавало наигранным фарсом. Про последнее подумал доктор. Мне не было дела до его мнения. Доктор был такой же ничего не значащей марионеткой, как и собравшиеся здесь существа. Парад побежденных. Последний парад!

Небрежно помахивая кауrom, я двинулся вперед. За мной последовали лишь доктор и два офицера, настороженные и готовые в любой миг схватиться за рукоятку плазменного пистолета. Было до жути тихо. Тишина была тяжелой и жесткой, ее не могли разорвать даже моторы турпелей. Тишина исходила от толпы. Тишина и еще что-то... Через мгновение я понял, что. Это была привычная смесь ненависти и страха, ощущение столь родное, что я едва различил его, запутавшись в клейстере тишины.

Тишина густела, мои ноги начали завязать в ней. В мозгу возникали неприятные ассоциации. Тогда я принялся разрывать тишину, смачно впечатывая подкованные металлом ступни в зеленую мостовую. Подражая своему капитану, затопали и офицеры. Лишь Олем шагал едва слышно. Я ощущал, как в нем растет несогласие с тем, что я делаю. Он не принадлежал к числу привыкших побеждать.

Марагасцы любили яркие цвета, предпочитая их крикливые созвучия. Трибуну, на которой стояли

хозяева города, покрывало ярко-красное. Впитав в себя полуденные лучи, покрытие нагрелось и сверкало так, что было больно глазам. Я увеличил затемнение маски до максимальной величины. То же сделали и офицеры. Снявший шлем Олем был лишен подобной возможности. Он недовольно кривился и в конце концов, не выдержав, защитил глаза ладонью.

Как выяснилось, этот жест означал многое. Толпа охнула и дружно зашумела. По площади прокатился гул, подобный грохоту стартующей ракеты. Систему связи заполнили встревоженные выкрики тумайтов, заставившие меня обернуться. В толпе происходило неясное движение. Гвардейцы, подавленные необъятностью этого разбуженного монстра, занервничали и были готовы пустить в ход оружие.

- Спокойно! - крикнул я. - Оставайтесь спокойными! Они желают нам мира!

Гвардейцы послушались, стволы огнеметов медленно опустились вниз. Убедившись, что мои слова возымели воздействие, я обернулся к трибуне. Стоявшие на ней марагасцы дружно держали поднятой правую руку, прислоня ее ладонью ко лбу. Доктор Олем, невольный виновник происходящего, никак не мог понять, что так возбудило обитателей города.

- Что случилось? - спросил он, и я к своему удивлению заметил, что щеки доктора розовеют от смущения, вызванного тем восторженным вниманием, которое вдруг стали проявлять марагасцы к его особе.

- Ничего особенного. Ты случайно продемонстрировал жест, означающий у этих существ миролюбие. Они восприняли его как подтверждение того, что мы пришли с миром.

Доктор просиял.

- Выходит, я положил конец войне?

- Выходит, - согласился я и стал взбираться на трибуну. Здесь меня ждали шесть Отцов Консилиума, как именовали марагасцы своих лидеров. Я внушал им ужас, зато Олем, всем своим видом выражавший удовольствие от встречи с планетой и ее обитателями, вселял в их сердца надежду. Отцы приветствовали нас, приложив ладонь ко лбу. Доктор, улыбаясь, ответил тем же жестом, я сухо кивнул в ответ, чем вызвал легкое замешательство. Марагасцы не знали, как общаться со мной. Они рассеянно переглядывались, потом один из них, Старший Отец, волосы на голове которого были выкрашены черным цветом старости, ткнул рукой в свою грудь и произнес слово или фразу, состоявшую из нескольких тягучих слогов. Она означала нечто вроде - мы рады приветствовать гостей на нашей планете.

Говоривший не испытывал даже крохотной доли той радости, которую пытался выразить словами. Просто у него не осталось ни флота, ни ракетных баз. Он признавал это, а я имел возможность прочесть его скользкую мысль. Пришельцы не вызывали у марагасца ничего, напоминающего симпатию. Но он улыбался. Повторив миролюбивый жест, он произнес еще одну фразу, мало чем отличающуюся от первой. Он выговаривал слова без особого энтузиазма еще и потому, что не был уверен в том, что непрощенные гости понимают его. Тогда я положил конец его потугам.

- Думай о том, что хочешь сказать, - велел я, пристально глядя ему в глаза. Желтоватые миндалевидные зрачки марагасца испуганно дрогнули, затем рот растянулся в глупой улыбке, которая рассердила меня. - И перестань скалиться! - прибавил я грубо, ибо победитель может позволить себе быть грубым.

Старший Отец занервничал, но, надо отдать ему должное, быстро собрался с духом. В отличие от своих братьев, которые были глупы и трусливы, этот оказался довольно сильным экземпляром. Такие смеют говорить на равных.

- Мне нравится твой способ общения, - заискивающе улыбаясь, сказал марагасец.

- Мне тоже. Особенно потому, что я могу знать то, о чем ты не собирался мне сказать.

Отец побледнел, но продолжал улыбаться.

- Это плохо.

- Напротив, это хорошо.

- Как угодно. Тогда предлагаю перейти к делу. Чего вы добиваетесь?

- Я не готов ответить на этот вопрос. - И это было правдой. - Все зависит от того, что ты сможешь мне предложить.

Марагасец обрадовался столь деловому подходу. Завоеватели, по его мнению, не требовали ничего

неисполнимого. Выкуп был здесь вполне обычным делом. Набор предлагаемого для выкупа был также традиционен.

- Сапфиры, серебро, лепсал, ртуть, ковениловую пудру, имэнсапил, любое количество продовольствия... - Марагасец продолжал перечислять дары своей планеты, когда я почувствовал легкое прикосновение. Это был доктор Олем, пожелавший знать, что происходит.

- Русий, вы разговариваете?

- Да.

- О чем?

Навязчивость доктора слегка раздражала, но я ответил:

- Он пытается откупиться.

Доктор удивился.

- Но ради чего эти люди должны платить нам?

- Они вовсе не люди, - поправил я. - И они проиграли.

- Ну и что? А если бы проиграли мы? - От доктора припахивало дешевым морализмом. Не выдержав, я усмехнулся.

- Я не могу проиграть. А если вдруг это случится, платить придется мне. Горе побежденным - так сказали бы на Земле.

Ответ обескуражил доктора, и он заткнулся. И вовремя. Марагасец кончил перечислять свои сокровища и вопрошающе смотрел на меня. Мне стало скучно. Я не нуждался ни в серебре, ни в алмазах, пусть даже они были б размером с мифическую гору Брэддока Вашингтона [Персонаж новеллы Ф. С. Фицджеральда "Алмазная гора".], ни в рауссе, который по уверению марагасца был лучшим наркотиком на свете. К тому же стоило лишь захотеть, и я мог получить все это без каких-либо условий. Нет, это было не совсем то, что я желал. Выкуп не интересовал меня. Эта планета не могла дать того, в чем я нуждался. Здесь не было Кемта, Эллады или Персиды, а землю не сотрясала мерная поступь когорт. Здесь не было вина и женщин, приятных сердцу человека. Здесь была власть, но я ощущал пресыщение властью. Пресыщение, за которым следует скука. Здесь не было тех, с кем я мог бы померяться силой. Эта планета не родила ни Юльма, ни Кеельсее, ни неизвестного скифа, чьим потомкам предречено навести ужас на Ойкумену. Все, что здесь было, находилось передо мной. И, право, это было не слишком много.

- Меня не интересует подобный выкуп.

- Тогда скажите, что вам нужно.

Я вновь задумался. Высаживаясь на планету, я предусматривал два варианта развития событий. Пятьдесят на пятьдесят, чет-нечет, красное-черное. Все зависело от того, на что поставит марагасец. Чет и красное означали жизнь. Черное и нечет были заряжены в дула дезинтеграторов.

- Я хочу... - И я пояснил, что хочу.

Марагасец подозвал к себе стоящего у подножия трибуны слугу в зеленой одежде. Тот порылся в расклевшем рукаве и, извлекая нечто, передал его мне. Это была пластина величиной с ладонь, которую покрывали два изображения. На одной стороне сияло густо-желтое солнце, на другой синел кружочек, окаймленный пунктиром звезд - планета Марагас.

Осмотрев пластину, я протянул ее марагасцу. До Старшего Отца еще не дошло, чего я добиваюсь, он даже заподозрил, что имеет дело с сумасшедшим. Он вдруг подумал, что я назначил и получил выкуп. Я развеял его мечты. Улыбаясь, я сказал марагасцу:

- Сейчас ты бросишь эту штуку себе под ноги.

- Зачем?

- Таким образом я смогу определить размер выкупа. Если наверху окажется синий кружочек, мы немедленно уйдем...

- А если солнце? - нетерпеливо спросил марагасец, нарушая нарочно затянутую мной паузу.

- В этом случае я превращу твою планету в солнце.

Марагасец вздрогнул, от него дохнуло ужасом. Он лишь сейчас осознал, с кем имеет дело. Он понял, что флот и военные базы были лишь разминкой перед большой игрой, очень большой игрой. Это существо даже не могло вообразить, что в игре могут существовать подобные ставки. Руки Отца затряслись столь сильно, что он едва не выронил заветную пластинку.

- Держи крепче, - посоветовал я. - Если она выпадет из твоих рук, я сочту это за бросок. И, возможно, ты будешь раскаиваться. Недолго...

Недолго означало двадцать семь мгновений, именуемых секундами. Именно за это время включенные на полную мощь дезинтеграторы растворяют планету.

Старшего Отца посетила навязчивая мысль, что он имеет дело с сумасшедшим. Я решил поспорить.

- Не беспокойся, я нормален. Даже более чем нормален. Порой меня даже пугает, насколько я нормален.

Над площадью, как и прежде, висела тишина, нарушаемая лишь стуком бешено сокращающегося сердца марагасца.

- Бросай, - сказал я.

Все же тот, с кем я имел дело, был действительно кем-то. Он бросил. Один я знал, чего это ему стоило. Но, должно быть, марагасец был игроком. Он рискнул сыграть самую рискованную игру в его жизни. Пластинка взлетела вверх, несколько раз перевернулась в воздухе и упала на отшлифованную поверхность. Она еще вращалась, но уже было ясно, что выпадет солнце. И тогда марагасец взмолился, прося помощи у того, в чье существование не верил. Он не верил, но просил. А прося, прикидывал, сумеет ли извлечь из рукава длинную иглу и вонзить ее в мое горло. Это была столь великолепная комбинация чувств, что я не мог не оценить ее. Не давая пластинке замереть в неподвижности, я легонько толкнул ее ногой. Солнце исчезло, уступив место голубому знаку.

- Тебе повезло! - сказал я со смехом.

Марагасца колотила дрожь. Он был на грани обморока. Я почувствовал легкое разочарование, ведь только что он был так великолепен. Двадцать семь мгновений удивительно красивого зрелища. Я отказался от него, поддавшись глупому благородному чувству. Быстро коснувшись ладонью лба, я стал спускаться с трибуны. Стоявшие на площади радостно взвыли, решив, что переговоры окончились вполне благополучно. Рабы приветствовали милосердие победителей. И в этот миг я услышал голос Уртуса. Он говорил спокойно, словно речь шла о какой-нибудь мелочи, вроде пропущенного обеда.

- Капитан, только что ножом, брошенным из толпы, убит старший офицер Ге. Какие будут распоряжения?

- Приготовить оружие.

Я резко повернулся и направился к сбившимся в кучу Отцам. Спускавшийся следом Олем ухватил меня за руку.

- Русий, в чем дело?

Не отвечая, я резким движением освободил руку и прошел мимо доктора. Мой марагасец бледнел по мере того, как я приближался к нему. Подойдя вплотную, я спокойным тоном сообщил:

- Только что убит мой офицер.

- Мы немедленно найдем убийцу! Десять! Тысячу убийц! - торопливо выкрикнул марагасец. Не понимающие сути происходящего Отцы занервничали.

Я покачал головой.

- Мне жаль, но тебе выпало черное.

Поддев ногой пластинку, я перевернул ее. Из рукава марагасца вылетела игла, устремившаяся в мою грудь. Я увернулся, и она вонзилась в одного из телохранителей. Тот как раз поднял голову, рассматривая висящие над площадью истребители, и игла вошла в слабо защищенное сочленение шлема и скафандра. Всплеснув руками, офицер покатился по алым ступеням. Его напарник моментально выхватил плазмомет и выстрелил в Старшего Отца. Заряд попал марагасцу в грудь, прожгя ее насквозь подобно раскаленному ядру. Это послужило сигналом. Захлопали выстрелы, и площадь утонула в багровых подтеках пламени. Огненные струи залили плотную массу марагасцев, обращая ее в пепел. Над площадью повис длинный протяжный крик боли и страха. Несчастные, поражаемые плазмой и лазерными импульсами, бросились бежать в разные стороны, сбивая и

топча замешкавшихся. Смерть выкашивала марагасцев сотнями, проделывая в толпе широкие просеки. К избиению присоединились и истребители, залившие площадь раскаленными импульсами.

Негромко кашлянул Контроль. Я повернул голову. Доктор Олем, о существовании которого я, увлекшись зрелищем, позабыл, намеревался ударить меня. Без труда уклонившись, я обрушил кулак на его голову. Удар получился достаточно сильным, каким и должен был быть. Доктор лишился чувств, его тело обмякло и безвольно осело на парапет. Подскочивший ко мне телохранитель намеревался прикончить дерзкого литиня, но я жестом запретил ему делать это. Тогда офицер расстрелял пятерых Отцов, после чего, устроившись поудобнее на парапете, принялся расстреливать мечущихся внизу. Каждый выстрел, находивший одну, а то и несколько жертв, доставлял офицеру радость.

Не знаю точно, сколько продолжалось избиение, но оно было ужасным. Зеленая поверхность площади покрылась месивом изуродованных, разорванных на части тел. Я невольно подумал, хорошо, что на мне одет скафандр; в противном случае здесь можно было задохнуться от вони, издаваемой обожженной плотью. Я думал об этом спокойно, без намека на цинизм. Когда смерти много, она воспринимается обыденно. Куда труднее зарезать ножом одного, чем росчерком пера подписать приговор миллионам. Это даже не аксиома.

Солнце еще не успело спрятаться за горизонт, когда "Утренний свет", рванув землю ионными двигателями, прыгнул вверх и повис на орбите.

Я пил мелкими глотками чистый спирт и поглядывал на постанывающего доктора. Наконец тот соизволил прийти в себя и открыл глаза.

- С возвращением, док, - как можно дружелюбней сказал я.

- Подонок! - процедил в ответ Олем. Охая, он попытался подняться.

- Ну, не горячись, док! Ты же у нас психолог...

- У тебя патология.

- Какая? - живо поинтересовался я.

- Целый букет. Все, какие только можно придумать.

- Ты не прав, ох, как не прав! Я не страдаю kleptomанией и не испытываю неодолимой тяги к животным. И у меня нет ни одной фобии. Я вообще не испытываю страха. У меня очень здоровая психика.

- Ты болен, - упрямо стоял на своем Олем.

- Не стоит повторять это слишком часто, док, - я продолжал улыбаться, иначе это рискует превратиться в навязчивую идею.

Олему наконец удалось сесть.

- Как ты мог так поступить с этими людьми?

- А при чем здесь я? Стечение обстоятельств.

- Разве не ты создаешь эти обстоятельства?

- Что ты, док! Ты слишком высокого мнения обо мне. Я лишь скромный слуга их. Тебе налить?

- Хлебай сам!

- Пить в одиночку - неблагодарное дело, - заметил я, стараясь, чтоб моя фраза не звучала слишком нравоучительно.

Доктор проигнорировал мои слова.

- Где мы сейчас?

- А почему тебя это интересует?

- Я хочу вернуться на эту планету.

- Не советую, док.

- Я не боюсь этих людей. Они не желали мне вреда. Они хотели мира.

- А я вовсе и не думаю, что марагасцы захотят отомстить тебе.

- Тогда почему?

Я сладко чмокнул губами, втягивая в себя спирт. Он создавал иллюзию легкого опьянения.

- Жаль, док, что тебе не приходилось бывать в Японии, когда цветет сакура. Это незабываемое зрелище, достойное пера поэта. Но я подарю тебе другое. Ты увидишь, как распускается планета.

Олем вздрогнул.

- Что ты задумал, чудовище?

- Сейчас мы будем наслаждаться зрелищем цветущей планеты.

- Неужели ты осмелишься...

Я засмеялся, чувствуя, что мне приятен собственный цинизм.

- В чем дело, док? Относись к подобным вещам философски. Есть планета, нет... Одной больше, одной меньше. Какая разница! Если бы это хоть что-то меняло!

Доктор закипел от благородного негодования.

- Как ты можешь так рассуждать?!

- Как - так? Все просто, док. Иногда я испытываю желание полюбоваться распускающейся планетой. Наверно, это патология. В таком случае ты прав, у меня есть патология. Быть может, тебе следует заняться моим лечением?

- Если б у меня был нож, я бы тебя вылечил!

В голосе Олема звучала восхитительная ненависть.

- Спокойней, док, - посоветовал я, - иначе, неровен час, уподобишься своим пациентам. Ты готов?

- Я не буду на это смотреть.

- Будешь! - уверенно сказал я. - От такого зрелища невозможно отвернуться.

Коснувшись одной из вделанных в панель кнопок, я раздвинул защитные створки, открыв иллюминатор, о существовании которого доктор Олем и не подозревал.

- Смотри, док, какое красивое голубое яблочко. Сейчас я сдеру с него кожуру.

- Мерзавец! - заорал доктор и попытался броситься на меня. Я взглядом пригвоздил его к полу и заставил повернуться лицом к иллюминатору.

- Я убью тебя, подонок! Не хочу жить! Отпусти меня на планету!

Крики Олема начали раздражать меня, и я взглядом заткнул доктору рот.

- Я не потакаю самоубийцам, док. Если захочешь умереть, тебе придется подождать до Земли. Я хочу показать тебе свою Землю.

Доктор Олем не смог ответить, но его глаза говорили куда красноречивее слов. Не думаю, что у кого-нибудь хватило бы сил долго смотреть в эти глаза.

Я отвернулся. И представил неподвижные зрачки сотен и сотен тумайтов, нетерпеливо ожидающих у иллюминаторов обещанного им зрелища. Я был не вправе обманывать их ожидания. Они заслужили эту маленькую награду. Подняв с пола лежавший тут же шлем, я связался со старшим офицером Уртусом.

- Уртус?

- Да, капитан.

- Можешь начинать.

- Слушаюсь.

И смерть устремилась к планете. Накануне она забрала Гумия, сегодня ее ожидала невиданно богатая жатва. Столь обильная, что она даже не смела и мечтать о подобной. Смерть вырвалась из

огромных жерл четырех дезинтеграторов и прыгнула на яркую обертку Марагаса.

И начался отсчет двадцати семи мгновений.

Первое... - Синий кружочек на черном грунте холста подернулся легкой дымкой. Она светлее тумана и выглядит вполне безобидно, не страшнее утренней влаги, оседающей в заболоченных низинах. И лишь я знаю всю бездонную глубину пришедшего ужаса. В это мгновение смертоносные лучи достигли поверхности планеты и пропели первый аккорд гимна смерти.

Второе... - Синее наливается, зелению. Это исчезает влага, заполнявшая русла рек и впадины озер. В это мгновение рыбы вдруг осознают, что есть смерть, и начинают плакать скользкими слезами. Они плачут недолго, миг рыбьей смерти краток.

Третье... - Синее исчезает совершенно, уступая зеленому. И тут же появляются красные проплешины. Это начинают умирать трава и деревья. Но люди еще живы. Они невероятно живучи, эти люди.

Четвертое... - Красное расползается подобно пролитой крови. Оболочка планеты спекается и начинает рассыпаться на мелкие шестиугольные кусочки. Люди вдруг чувствуют, что их тела становятся легкими, почти невесомыми. А через мгновение им предстоит осознать, что в их легких больше нет воздуха.

Пятое... - Люди умерли, растворились ничем, не оставив и следа. Ажурные города опустели, превращаясь в сплетение мертворожденных конструкций.

Шестое... - Кровь принимает желтушный оттенок. Умирают города. Безжалостные лучи продолжают вгрызаться в плоть планеты, выжигая корни растений и подземных существ. Черная пыль переходит в невесомое состояние.

Седьмое... - Доктор Олем беззвучно рыдает. Из его глаз катятся крупные градины слез. Занятное зрелище. Я невольно засмотрелся и пропустил восьмое мгновение.

Девятое... - Багровое становится все более густым, превращаясь в цвет запеченного мяса. Это мясо подгорает, пока не становится черным. Песок и земля плавятся, образуя силикатный панцирь, а потом исчезает и он, разлагаемый дезинтегрирующими лучами на мельчайшие частицы.

Десятое... - Лучи достигают подземных резервуаров нефти, и она ярко вспыхивает, на мгновение окрашивая планету в алый цвет. Марагас подобен пылающему болиду. Я тянусь к столу, чтобы плеснуть еще немного спирту.

Одиннадцатое... - Прошло почти незамеченным. Лучи рвутся внутрь, пожирая остатки покровов.

Двенадцатое... - Цвет апельсинового сока. Брызнула магма - яркая, веселая, пылающая. Планета пульсирует. У меня зарябило в глазах. Доктор пытается прикрыть веки, но не в состоянии этого сделать. Я не солгал - от подобного зрелища невозможно оторваться.

Тринадцатое... - Магма пылает, разбрасывая вокруг алые протуберанцы.

Четырнадцатое... - Оранжевое начинает сменяться ярко-красным, раскаленным. Лучи достигают ядра. Док, как тебе эта геология в разрезе! - смеюсь, замечаю я. Олем не может ответить.

Пятнадцатое... - Красное доминирует. Оно смотрится чрезвычайно эффектно на черном фоне. Красное и черное - самое благородное цветовое сочетание, какое только можно вообразить. Двухцветье рулетки. Марагасец отважился сыграть в эту игру и проиграл. Впрочем, ему уже все равно. Да и смерть его заслуживает уважения.

Шестнадцатое... - Я выпил за смерть марагасца.

Семнадцатое... - В центре шара красное подергивается багровым. Края продолжают оставаться красными, а по самому ободу видна узкая, едва различимая оболочка желтого, черного и сине-зеленого. Не удивлюсь, если там еще кто-то жив. Обратная сторона планеты дарила своим обитателям несколько лишних мгновений жизни. Роскошный подарок!

Восемнадцатое... - Красное разваливается на куски.

Девятнадцатое... - Вновь приходит желтое. Оно выглядит уставшим, потухающим. Словно укоризненно вззирающая звезда.

Двадцатое... - Доктор Олем больше не рыдает. Глаза его широко раскрыты. Похоже, он впал в коллапс. Я снимаю затворы с его сознания.

Двадцать первое... - За Марагасом, подобно шлейфу, тянется длинный золотистый след. Планета

походит на кусочек яичной акварели, тающий в подсиненной воде.

Двадцать второе... - Доктор Олем привстает с пола с очевидным намерением броситься на меня. Планета разваливается на две части, одна из которых, меньшая по размеру, начинает медленно смещаться в сторону. Полагаю, Уртус догадается сместить прицел дезинтеграторов.

Двадцать третье... - Желтого совсем немного. Доктор потерял сознание. Крохотные осколки продолжают таять.

Двадцать четвертое... - Я пью за смерть.

Двадцать пятое... - Желтое исчезает. Немного серого, блеклого, похожего на туманность, сквозь которое подмигивают близкие звезды.

Двадцать шестое... - Я вижу лишь один крохотный кусочек планетарной плоти. Почему-то возникает мысль, что, быть может, на нем сохранился один из этих прекрасных ажурных городов, равных которым не встретить во всей Вселенной. Я еще могу сохранить ему жизнь. Было не встретить - кусочек растаял.

Двадцать седьмое... - Все.

Допиваю последний глоток. Я пью за смерть. Затем беру шлем и глухо бросаю:

- Уходим.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

И вновь была бесконечная паутина звезд. "Утренний свет" запутался в ней, словно жирная лакомая муха и, казалось, на свете нет силы, способной разорвать хаотичное однообразие космического небытия.

Мы плыли медленно, раздражающе медленно. Секунды тянулись днями, дни превращались в столетия. Во мне клокотала ярость, когда я начинал думать о том, что каждый день проведенный здесь, на борту "Утреннего света", равен годам на Земле. Я опаздывал, непозволительно опаздывал. Мир, какой я знал, умирал. Уходили враги, которым я не успел выплатить их долг. Уходя, они потешались над глупым Русиём. Я чувствовал это, но ничего не мог поделать. Я был заключен в огромную стальную клетку, едва влекомую космическими течениями к далекому неразличимому берегу.

Звезды, звезды, звезды... Они были нескончаемы. Желтые, оранжевые, лиловые. Я уже посвятил им немало восторженных строк, сейчас же мне хотелось написать эпитафию - эпитафию усопшей звезде. И произнести прочувственную речь на ее безграничной могиле.

- Друзья! - Я сомневался, что у меня таковые имеются но все равно:

- Друзья! Сегодня мы провожаем в последний путь маленькую апельсиновую звезду, достойную обительницу нашего недостойного мира. Ты родилась давно очень или не очень - что-то около двенадцати миллиардов световых секунд назад. Крохотный комочек - выращенное квазаром яйцо, оплодотворенное межзвездной спермой. Он зрел, вызывая опасливое любопытство мерцающих соседей, и в один прекрасный миг взорвался. Миг был прекрасен, ведь рождение всегда прекрасно. Крохотное, едва различимое ядро вдруг лопнуло, сбрасывая с себя шелуху чешуек, сквозь которые наружу вырвалось раскаленное тело. Оно блестело так, что у ближних звезд заболели глаза, и они поспешили прикрыть их ладонями далеких спутников, завистливо вздыхая при этом. Ведь они уже не могли позволить себе подобное расточительство молодости. А молодость предпочитает ослепительные цвета. Ты была ослепительно хороша - чисто отмытая космическими ливнями, с буйными, не поддающимися гребню кудрями, в меру раскрашенным лицом. Полагают, молодым чуждо чувство меры. Верно, но только не звездам. Они умеренны во всем, исключая лишь огненную страсть. В этом звезды не знают границ, одаряя горячей лаской окружающих. Своей любвеобильностью они напоминают ветреных красавиц, но это впечатление обманчиво. Звезды целомудренны, словно весталки. А любовь их обжигающе-платонична. Они дарят ее всем, не делая предпочтений или исключений. Они несут счастье, оставаясь несчастливы сами. Ведь ответная любовь неведома им. Они порождают, не познав сладости зачатия. А их дети так непохожи друг на друга, словно имели разных отцов. А быть может, так оно и было. И приходили тайно неведомые любовники, имени которых не знает даже Вечность, и восходили на ложе звезды. И удовлетворяли свою похоть, пока звезда спала, отдыхая от дневных трудов. Ведь днем близкая звезда спит, передавая эстафету звездам дальним, недостижимым, чей свет холоден, словно равнодушие или любопытство. Проходил назначенный срок, и рождался ребенок - буйный и крикливый. Он быстро надоедал своим плачем, и тогда мать поручала его воспитание тетушке Вселенной, чьи объятия наполнены холодом и разумом. Ребенок остывал и начинал жить своею жизнью. Но даже сделавшись самостоятельным, он оставался нахлебником своей огненной мамы, черпая исходящий от нее жар, подобно тому, как дети сосут материнское молоко. А все потому, что дети,

не знавшие материнской ласки, рождались недоношенными. Они были обречены на смерть без ее тепла.

И получалось так, что рожденная жить для себя звезда жила лишь для них, для своих детей, вечно озабоченная тем, чтобы они не испытывали недостатка в животворном тепле. Лишь это одно волновало ее. А дети платили равнодушием, словно были кукушкиными детьми. Звезда же не замечала их холодно-презрительных лиц, овеянных теплом ее лучей. Она тихо радовалась тому, что может дарить им свое тепло, а дети снисходительно принимали ее жертву.

Звезда сияла. И апельсиновый лик ее казался наполненным вечной молодостью. Но вечное - категория, недоступная для звезд. Подобно пирамидам они не боятся времени, но теряют свой жизнерадостный блеск перед непроницаемым ликом Вечности. Вечность жестока. Она собирает в пригоршни космическую пыль и осыпает ей пылающие диски звезд. В этом поступке есть холодное любопытство ребенка, кидающего песок на раскаленные багровым дрова. Но Вечность отнюдь не любопытна, она лишь исполняет свое дело, пусть жестокое, но дело.

Звезда овладела правом дарить - сладостное право, а за любое удовольствие должна быть назначена расплата. Осыпая звезды космической пылью, Вечность берет с них плату. Она забирает жар, молодой задор, скатывая из них крохотные комочки, которым предстоит в будущем образовать квазар и дать жизнь новому ослепительному диску. Звезды расплачиваются огненной кровью, жадно поглощаемой устами черного вампира. Непроницаемая патина опускается на их лики, и они тускнеют.

Звезды подобны людям. Они отживают свой век, и тогда наступает старость, к счастью, короткая. Судьба благосклонна к звездам. Им ведомо лишь два возраста - долгая молодость и короткая, в несколько мгновений, старость. Старость, когда золотистые волосы выпадают, а кожа приобретает черный оттенок. А потом слепнут глаза. И звезды умирают, обращаясь в ссохшуюся черную мумию. Ведь ничто в этом мире не может жить вечно.

И вот сегодня мы провожаем в последний путь маленькую апельсиновую звезду, родившуюся двенадцать миллиардов секунд назад. Ее век был короток, но полон смысла. Она дарила свет и тепло, полно и щедро, подавая пример другим, и потому, когда она умерла, мы вправе помянуть ее добрым словом. Dixi! [Я все сказал! (лат.).]

Это был монолог, обреченный быть обойденным восторженным вниманием слушателя, однако мне поаплодировали.

- Bravo!

Он скрывался под знакомой черной маской, хотя знал, что мне известно его настоящее лицо.

- Bravo! - повторил он и сухо сдвинул пару раз ладони. Я отвесил поклон.

Гость внимательно оглядел меня с ног до головы. Его глаза скрывались за непроницаемым забралом, однако я ощущал их властную силу. Еще я ощущал таящийся в них холод, непостижимый даже для меня. Молчание длилось довольно долго, за это время я подвергся самому тщательному осмотру. Наконец гость соизволил заговорить.

- Ты здорово изменился, - заметил он.

Я вежливо кивнул, соглашаясь, после чего поинтересовался:

- Ты пришел лишь за тем, чтобы сообщить мне это?

- А разве этого мало? Мне было интересно взглянуть на тебя.

- Тебе недоставало того, что доносили твои слуги? Гость с треском одернул полу щеголеватого черного плаща.

- Если ты имеешь в виду артефактов, то они не были моими слугами. Я не прибегаю к помощи искусственных созданий.

- Но ты знаешь о них.

- Естественно. Я знаю обо всем, что интересует меня.

- Ты знаешь, чьи они? - спросил я, старательно маскируя любопытство наигранным равнодушием.

- Конечно.

Я понял, что он ждет, чтоб спросил. Я чувствовал, что могу рассчитывать на ответ, как и то, что получив его, лишусь чего-то несравненно большего. Поэтому я не спросил. Вне всяких сомнений,

гость был доволен этим обстоятельством.

- Русий, ты погорячился с этой планетой, - сказал он, извлекая из пустоты длинную витую сигару. Сверкнула длинная искра, и кончик сигары вспыхнул алым угольком. В подобной атмосфере горение было невозможно, но тем не менее сигара благополучно тлела, испуская аппетитные синеватые клубы дыма. Гость испытующе смотрел на меня, ожидая, что я скажу.

- Разве ты поступил бы иначе?

- Да. - Вместе с "да" выпорхнули два ровных колечка.

- Быть может, ты станешь уверять, что никогда не поступал подобным образом?

- Когда-то давно. Но я отказался от этого. Достаточно того, что ты можешь это сделать. Если каждый из нас будет в мгновение решать судьбу миров, Вселенная очень быстро опустеет.

- Выходит, я был не вправе сжигать планету?

- Почему не вправе? Ты должен был поступить так, как считал нужным. Но прежде, чем уничтожать, тебе надо было вдоволь наиграться с нею. Игра судьбами дарует нам силу.

- Мне было некогда. Я спешил.

- Куда? - Гость усмехнулся.

- Меня ждут на Земле.

- Тогда почему ты до сих пор на этом корабле?

- А я могу попасть на Землю каким-то другим способом?

- Конечно. Ведь я сумел оказаться в твоей каюте.

- Я не владею подобным способом передвижения.

- Тут нет ничего сложного. Надо лишь очень захотеть.

Я попытался очень захотеть, но у меня ничего не вышло.

- Не получается, - сказал я.

- Значит, твое желание недостаточно сильное.

Гость наслаждался сигарой. Он пытался казаться безразличным, но я ощущал исходящее от него напряжение.

- Ты хочешь поговорить? - Гость безразлично пожал плечами. - Тогда, если тебе все равно, может быть, ты согласишься ответить на несколько моих вопросов?

- Смотря каких.

- Я не буду спрашивать тебя о способах, какие могли б помочь мне переместиться на Землю. Ты прав, я должен сам дойти до этого. Я не буду спрашивать и о том, что происходит на корабле, хотя не сомневаюсь, ты знаешь и об этом. Я лишь хочу знать, что связывает тебя с Ледой и почему ты помогаешь мне, рискуя порой собственной жизнью.

- Позволю себе не отвечать на второй вопрос. Ну а все, что касается меня и Леды, не составляет никакой тайны. Полагаю, ты не забыл последний день земной Атлантиды?

- Конечно, нет.

- Тогда, спасаясь от тебя, Леда обратилась ко мне за помощью.

- Я видел, как она исчезла в огненном смерче.

- Да, но как ты знаешь, огонь вовсе не означает смерть. Леда была не слишком почтительна, но я люблю дерзких. Кроме того, в ней есть нечто, что не оставляет равнодушным. - Гость хмыкнул, словно удивляясь собственным словам. Порой я задаюсь вопросом, как этому существу удалось разжалобить меня.

Я улыбнулся, не без ехидства.

- Она берет не только жалостью.

- Если ты имеешь в виду ее женские чары, то забудь об этом. Я равнодушен к тому, что называется любовью. Тогда я спас ее. Я вытащил Леду в огненном смерче и переправил ее на свою базу близ Альтаира. Сначала я не представлял, что буду делать с ней. Ну, хорошо б, это был фикаск из созвездия Марту или Фриттар с Зеленого хвоста, или что-то подобное. Те существа хотя бы обладают высокими жизненными качествами, могут аккумулировать энергию. Я не имею постоянных помощников, но изредка прибегаю к помощи подобных слуг, когда не желаю браться за дело лично. Но Леда не представляла из себя ровным счетом ничего. Я даже было подумал о том, чтобы избавиться от нее, переправив на Землю или Атлантиду. И вдруг... - Гость умолк, делая вид, что раскуривает потухшую сигару.

- Вдруг ты понял, что она нужна тебе! - подсказал я.

- Точно. Я с удивлением осознал, что из этой смазливой девчонки может выйти идеальный помощник. У нее изворотливый ум, поразительная выдержка и невероятное расчетливое сердце. Тогда я стал обучать ее всему, что считал нужным. Я научил ее перемещаться в пространстве, пользоваться энергией и многим другим, премудростям, которыми владеем мы, зрентшианцы. Она оказалась чрезвычайно способной ученицей. Вскоре я послал ее с заданием на Землю, и она справилась с ним.

- Вы играли против нас.

- Нет, я играл против Командора, ты же оказался в стане моих врагов лишь потому, что был рядом с ним. Леда должна была воспрепятствовать твоим замыслам, но в мои планы вовсе не входило причинить тебе какой-либо вред. Восток по-прежнему должен был оставаться в твоей власти. Владычествовать Западом я назначил Леде. Пытаясь овладеть миром, ты нарушал то равновесие, которое обеспечивает прогресс цивилизации. Это ошибка. Никогда не следует стремиться к тому, что бы овладеть всем. Лишившись естественного противовеса, рискуешь потерять вкус к жизни. Обладание неограниченной властью неизбежно влечет скуку. Став владыкой Земли, ты вскоре стал бы задыхаться от скуки. Тогда ты принялся бы предпринимать попытки выйти за пределы планеты, но так как Земля еще не готова к этому, ты погубил бы ее, а возможно, и себя. Я не желал твоей смерти, поэтому и должен был воспрепятствовать вашим замыслам. Необходимо было сохранить паритет, и я занял сторону враждебной тебе коалиции, уравнив тем самым соотношение сил. Но вскоре в игру вмешался третий. Как только я понял это, я предпринял все возможное, чтобы уберечь тебя от беды. Я мог занять нейтральную позицию и вновь выровнять тем самым силы противников, но я не знал возможности этого третьего. Он мог оказаться сильнее тебя или слабее. В обоих случаях паритет был бы неизбежно нарушен. Поэтому я ограничился тем, что поверг Командора, а в остальном позволил событиям развиваться по собственному усмотрению. Леда следила за происходящим в Заоблачных горах и выхватила тебя в тот самый миг, когда меч Ария был готов опуститься на твою голову.

- И забросила меня на Кутгар, - пробормотал я.

Гость развел руками.

- А что мне оставалось делать? Статус кво был уже нарушен. Царь погиб. Враждебная тебе коалиция лишилась своего вождя. Позволь я тебе вернуться обратно, и ты тут же предпринял бы новую попытку овладеть миром, и на этот раз она могла б оказаться успешной. А так я сохранил пусть хрупкое, но равновесие.

- Но мой отец...

- Он ничего не сможет сделать.

- Он погиб?

- Не думаю. Хотя мне очень хотелось бы, чтобы так оно и случилось.

- За что ты ненавидишь его?

- Это не имеет отношения к нашей истории.

- Почему ты в таком случае помогаешь мне, его сыну? - не удержался я.

- Это уже третья история. Тебя интересовала Леда, и я рассказал тебе о ней. Но это вовсе не означает, что я сообщу тебе что-то еще.

- Леда по-прежнему работает на тебя?

Гость кивнул, как показалось мне, не очень уверенно.

- В общем, да. Она считается моей помощницей. Но сейчас я разрешил ей работать самостоятельно.

Она проводит большую часть времени на Земле.

- Что она там делает?

- Пытается убедиться в смерти одного и найти второго, если он, конечно, еще на этой планете. Кроме того, насколько я понимаю, ей там нравится.

Я не хотел раскрывать всех своих карт, но не мог удержаться от того, чтобы не похвастать осведомленностью.

- Арий на Земле.

Гость даже привстал.

- Откуда ты знаешь?

- Имел счастье совсем недавно беседовать с ним.

- И чем завершилась ваша беседа?

- Мне не хватило совсем немного, чтобы оторвать ему голову.

- Жаль. Был бы тебе очень обязан. Ну да ладно. Я найду его сам, как бы он ни прятался. И клянусь, его смерть будет медленной.

В этих словах прозвучала такая ненависть, что я невольно вздрогнул.

- Ты умеешь ненавидеть.

- Да, - согласился гость и как-то странно взглянул на меня. - И потому я советую тебе, никогда не становись на моем пути. Ты стал очень силен. Мало кто из подобных нам сможет померяться с тобой силой, но если ты надумаешь избрать врагом меня, я сверну тебе шею,.

Я не испугался, я разозлился. Я не привык, чтобы мне угрожали. Я ответил волчьим оскалом зубов.

- Пока у меня нет причин враждовать с тобой, но если вдруг они появятся, никакие угрозы не испугают меня. Я дарю тебе Ария, но запрещаю трогать отца!

Гость медленным жестом вынул сигару изо рта. Мы разговаривали достаточно долго, но она продолжала жирно дымиться.

- Будем считать, я этого не слышал. - Он повернул голову в сторону, отводя взгляд, а потом спрячущейся за забралом шлема усмешкой посмотрел на меня. - А ты и впрямь здорово изменился. Ты стал жесток. Бойся этого чувства. Оно делает из зрентшианца человека. Если твоему врагу удастся вытянуть это чувство наружу, он раздавит тебя, каким бы сильным ты не был. Сила не в жестокости, она - в умении щадить, а точнее - быть равнодушным. Лишь сильный может позволить себе быть милосердным. Милосердие слабого - напускное. Внутренне он жесток. И если слабый не проявляет своей жестокости по отношению к прочим, это не означает, что он не обращает ее на самого себя. И все лишь потому, что слаб.

- Ты собираешься прочесть мне лекцию? - холодно осведомился я.

- Ты прав, это лишнее. - Гость бросил сигару и поднялся. - Я ухожу. И больше не приду. Ты стал негостеприимным и неблагодарным.

Я разозлился еще сильнее.

- По-твоему, я должен благодарить тебя всю оставшуюся жизнь?!

- Конечно, нет. Но беда еще и в том, что ты стал мне неинтересен. Прощай, Русский!

- Прощай, Черный Человек, - равнодушно сказал я, вставая вслед за гостем.

Черный Человек стал таять, медленно, подобно туманным бликам, растворяясь в воздухе. На полпути к исчезновению он вдруг задержался и замер, словно прислушиваясь.

- К твоему сведению, мой друг, захваченный тобою доктор в этот миг пытается свести счеты с жизнью. Похоже, ты порядком надоел ему. Пока!

Гость исчез. Нагнувшись, я поднял с пола еще дымящуюся сигару. Едва я сделал это, как она потухла. Неудивительно, сигара не могла тлеть в подобной атмосфере.

Я очутился у доктора как раз вовремя. Пленник пытался удавить себя рукавом комбинезона.

Малозффективный способ, скажу я вам. Единственное, чего ему удалось добиться, была незначительная асфиксия. Когда я вошел, доктор лежал навзничь, уперев выпученные глаза в волнистый потолок. Его взгляд был блаженным, словно у идиота. Я неторопливо освободил тощую шею Олема от небрежно скрученного жгута. Несколько резких ударов по щекам привели неудачливого самоубийцу в чувство. Обнаружив два неприятных обстоятельства, а именно меня и то, что он до сих пор жив, доктор огорчился.

- Черт тебя побери, Русский! - Он пытался прибавить еще что-то, но сдавленные голосовые связки исторгли лишь неясный хрип. Доктору пришлось помассировать шею, после чего он наконец сумел разразиться потоком ругательств. Выдав в мой адрес с десятков эпитетов, считавшихся на Атлантиде неприличными, доктор Олем успокоился. В конце концов ему уже расхотелось умирать. Правда, он еще пытался держать позу и гневно вопил:

- Зачем ты сделал это?

- Док, я же обещал доставить тебя на Землю.

- Зачем?

Я мило улыбнулся, стараясь растянуть тонкие тумайтские губы как можно шире.

- Я хочу этого, док. И я привык исполнять свои желания.

- Тебе нужна игрушка или покорный слуга? Говоря это, доктор с трудом взгромоздился в кресло.

- Клянусь, док, как только мы окажемся на Земле, я немедленно отпущу тебя.

Олему окончательно расхотелось умирать.

- И что я там буду делать?

- Что пожелаешь. Захочешь - и я сделаю тебя королем. Не хочешь быть королем - можешь стать Богом.

- Бога нет! - строгим тоном убежденного атеиста воскликнул доктор.

- Но его можно создать. Это совсем несложно.

- А потом тебе придет в голову сжечь и Землю!

- Что ты, док!

- Но ведь ты уничтожил Марагас.

- Это разные вещи. Кроме того, готов признать, что в случае с этой голубой планеткой я действительно несколько погорячился.

Доктор фыркнул, словно ошпаренный кот.

- Это ты называешь погорячился! Ты говоришь о гибели целого мира так спокойно, словно речь идет о разбитой чашке!

По моему убеждению, Марагас стоил немногим больше разбитой чашки, но я не стал говорить этого доктору Олему, дабы не вызвать у него новый приступ истерии. За прошедшие со дня гибели Марагаса дни доктор успокоился, бузя скорей из-за упрямства и скуки. Он даже, стал снисходить до разговоров, обличая мою гнусную сущность. Порой получались занятные перепалки, сводившиеся в конечном счете к одному и тому же. Доктор твердил о том, что я был не вправе так наказывать планету. Я же утверждал обратное. Олем оказался умелым спорщиком, ко всему прочему и неглупым. Выяснилось, в ранней молодости он увлекался запрещенной литературой и знал куда больше, чем мог позволить себе рядовой атлант.

Наибольшую остроту диспут принимал, когда разговор заходил о Боге. Доктор утверждал, что я не должен был уничтожать Марагас хотя бы на том основании, что уничтожая целый мир, я тем самым провозглашал себя Богом.

- Лишь Бог претендует на вседозволенность. Лишь он декларирует свое право карать народы. Уничтожая планету, ты таким образом пытался объявить себя Богом.

- Док, мне приходилось бывать Богом, - со смехом отвечал я. - Бог - моя последняя ипостась на Земле. Но данный случай - полная противоположность тому, что утверждаешь ты. Сжигая Марагас, я развенчивал Бога. Ведь я объявил право человека на абсолютную смерть, на то, что принадлежит лишь Богу. А значит, я низвергаю Бога до человека!

- Тоже мне богоборец! - фыркнул доктор. - Не-е-ет, ты делаешь обратное. Ты пытаешься возвысить себя до Бога!

Я возражал.

- Это было бы лишь в том случае, если бы я уничтожил Марагас собственной энергией, но ведь я воспользовался оружием, созданным человекоподобными существами. Значит, я передаю этим существам право на божественную кару!

- Ты фарисействуешь! - кричал доктор, и все возвращалось на круги своя.

Наблюдая за доктором, я сделал немало интересных открытий. В частности, я пришел к выводу, что человек не столь жалостлив, каким порой хочет казаться. Чаще жалость на деле является сентиментальностью. Человек скорее прольет слезу на страницу мыльного романа, чем на тело покинувшего этот мир приятеля. Он склонен внимать собственным чувствам, нежели чужим страданиям. Смерть реальная, но не очень близкая, воспринимается в значительной мере абстрактно. Бог дал, Бог взял. И еще даст.

Примерно так обстояло дело и с доктором Олемом. Как он рыдал над бренными останками Марагаса! Но вот прошло лишь несколько дней, и доктор успокоился. Внутренне он продолжал ненавидеть меня, но это было нормально. Я оскорбился бы, узнав, что доктор испытывает ко мне любовь.

Нагнувшись, я подобрал разорванный комбинезон.

- Я позабочусь о том, чтобы тебе дали новый. Только будь любезен, док, на этот раз не рви его в клочья. Моим людям не так-то просто изготовить материал, который не раздражал бы человеческую кожу.

Доктор покачал головой.

- Какой же ты все-таки редкостный, да еще и прагматичный подонок!

Я засмеялся.

- Точное определение, док! Я чрезвычайно редкостный подонок. Но тебе придется мириться с моим обществом, по крайней мере до тех пор, пока мы не достигнем Земли.

С этими словами я вышел. Говоря честно, я не был уверен, что доктор Олем сумеет дожить до того мгновения, когда "Утренний свет" очутится на орбите пестрой планеты с таким родным именем - Земля. Человеческая жизнь коротка.

Я возвращался по переходам, перебираясь с уровня на уровень. Встречные почтительно приветствовали меня. В последнее время тумайты стали испытывать к своему капитану нечто похожее... Конечно же, не на любовь. Хотя любовь совместима с ненавистью, но если к ненависти примешивается животный страх, о любви следует забыть. Экипаж испытывал ко мне чувство почтения. Для большинства Марагас был первой уничтоженной планетой, и астронавты чувствовали себя счастливыми от сопричастности к некоему великому чувству, которое суждено испытать лишь избранным. Творцом этого великого был я, и потому тумайты испытывали благодарность ко мне. Я упивался, ощущая себя погруженным в атмосферу всеобщей благодарной ненависти. Может показаться странным, но подобное ощущение было приятным. Я невольно улыбался, проходя через резные двери в свои покои.

То, что я увидел здесь, стерло улыбку с моего лица.

На столике сидел артефакт - невысокая молодая женщина-человек. У нее были голубые глаза и классические формы лица, из чего я сделал вывод, что ее прототипом, по всей очевидности, является атлантида. Странно, но она показалась мне знакомой. Я мог поклясться, что никогда не видел ее, и в то же время в чертах ее лица проскальзывало что-то неуловимо-известное, смутно-пережитое. Я присмотрелся повнимательней и внезапно понял, что женщина похожа на меня, человека по имени Русий. Это была моя мама.

В горле сухо щелкнуло. Проталкивая внутрь образовавшийся у кадыка комок, я шагнул вперед. Женщина поднялась. Ее голубые глаза лучились мягким светом, на губах играла добрая улыбка. Она была прекрасна той красотой, что дарована счастливым матерям. Она была прекрасна, но лишь миг, равный счастью. А потом она умерла. Ведь рождая зрентшианцев, матери умирали. Мне пришлось сглотнуть еще раз, но все равно первые слова дались с трудом.

- Здравствуй, мама.

- Здравствуй, сынок.

Она обняла меня, прижав мою голову к своей груди. Я почувствовал, как от естества артефакта исходят быстрые силовые импульсы, напоминающие биение сердца.

- О, Вечность, как же я мечтал увидеть тебя! - прошептали мои губы.

- Я знаю, мой родной.

От мягкого упругого тела исходило ощущение тепла и уюта. Я грезил об этом ощущении всю свою жизнь. Я вдыхал его, чувствуя, как внутри начинает дрожать крохотная зыбкая жилка. Биение было тонким, едва различимым, оно вселяло в грудь томление, словно от предчувствия невероятного восторга. Дрожа, я гладил рукой мягкие шелковистые волосы.

- Мама, я представлял тебя именно такой. Я почувствовал, что она улыбается.

- А я и должна быть такой.

Томление поглощало. Оно заполняло естество, изгоняя из него чуждые, нечеловеческие сути. Те сопротивлялись, громко возмущаясь. Особенно неистовствовал паук Тиэли. Он пытался кричать, но биение, исходящее от мамы, затыкало вопль пауку обратно в пасть.

Это напоминало сумасшествие, сладкое безумство. Я был на вершине восторга. Я касался материнских рук, наслаждаясь нежной бархатистостью кожи. Мои губы шептали слова любви, а лицо ощущало сладкое тепло материнских поцелуев. Мама ласкала меня, словно маленького ребенка. Лишенный в детстве материнской ласки, я даже не смел мечтать о подобном счастье. Мое детство, человеческое детство вернулось ко мне. Я ощущал тепло лучей солнца Атлантиды, упивался шероховатыми прикосновениями стебельков травы, щебетом птиц и смехом маленьких друзей. Я торопливо жевал подгорелые сладкие булочки, которыми укрдкой угощала меня девушка-воспитательница по имени Тегна. Кажется, одно время я считал ее своей матерью. Да она и была похожа на нее. Такие же мягкие руки, готовые в любой миг приласкать или легонько отшлепать за провинность. Но мамы, настоящей мамы, в моем прошлом не было. А теперь я обрел ее, и ко мне возвращалось детство. Ласковое, смешливое, беззаботное. Я лежал на пушистой траве, едва шевеля слабыми ручонками. А рядом была мама с добрым лучистым взглядом, столь похожая на Тегну. Или на меня?

Я поднял голову. Мама смотрела в мои глаза, и я отчетливо видел, как в ее зрачках играют холодные льдинки, как почудилось мне, насмешливые. Былое тепло куда-то исчезло, а руки потеряли прежнюю нежность. Я внезапно осознал, сколь они сильны в сравнении с моими вялыми детскими ручонками. Мама улыбалась, глядя меня по голове. Ее пальцы медленно сбегали от темени вниз, пока не сошлись на шее. Казалось, в них клокочет расплавленная сталь. Вот они сжались крепче, и тусклые картинки воспоминаний приобрели неестественную яркость. Солнце сияло так, словно в него влили пинту апельсинового сока, трава отдавала бриллиантовой зеленью, детский смех визгливо раздирал уши. И настал миг, когда ощущения достигли своего пика, расплавив сознание яркими сплетениями перекрученных полос. Полосы извивались змеями, заполняя вместилища моего я туго спрессованным клубком. По мере того, как они прибывали, клубок делался все более плотным и одновременно темнел, теряя хаос цветных извилин и становясь багровым, переходящим в черное. Где-то далеко в глубине мелькала ласковая материнская улыбка. Клубок был почти черным, когда сквозь жесткую паутину линий прорвался визг гибнущего паука Тиэли.

- Идиот, она убьет меня!

Крик был подобен ослепительной вспышке, разорвавшей мглу. Огненный жгут хлестнул по моему естеству, заставляя очнуться. Я открыл глаза, с трудом подняв тяжелые, словно налитые чугуном, веки. Мама больше не улыбалась. Плотно сжав губы и заполнив льдом зрачки, она душила меня, обхватив пальцами шею. Она добилась своего. Человек оторнул прочие сути, оставшись один на один с собой. Теперь он был бессилен перед стальными объятиями артефакта.

Отчаянно мотнув головой, я попытался вырваться. Видя, что я очнулся, мама усилила хватку. Шейные позвонки хрустнули, схваченные пальцами, сплетенными в раскаленную гарроту. Но было поздно. Мама опоздала на крохотный миг. Предприми она свое усилие мгновением раньше - и ее сын умер бы. А теперь было поздно.

Изгнанные сути стремительно возвращались в оболочку. Первым подоспел паук Тиэли. Он спас меня, чем заслужил право быть первым. Тонкие, покрытые шерстистыми волосками паучьи лапки влились в мои руки, возвращая им силу. Ухватившись за запястья артефакта, я что есть сил рванул. Мама не ожидала этого и разжала пальцы. Подоспевший зрентшианец дохнул ей в лицо огненной волной, и она, крича, отлетела к стене. Последним возвратился тумайт. Он хотел испепелить ту, что едва не стала причиной его смерти, но я не позволил. Я лишь укоризненно произнес:

- Что ты натворила, мама.

- То, что должна была сделать, сучонок! - ласково ответила мама. В ее глазах блестела ненависть. - Мне надлежало убить тебя в тот миг, когда ты появился на свет. И тогда всего этого ужаса не было б. Почему я не убила тебя раньше?!

Действительно, почему?

- Ты допустила промашку. Точнее, допустил. Тебе следовало сжечь меня вместе с планетой, пока была такая возможность, но ты позарился на лишнюю суть. - Я покачал головой. - А ведь я почти прверил тебе, мама.

- Так и должно было случиться, сучонок! Проклятый паук! Он всегда ненавидел меня.

- Еще бы! Ведь ты убил его.

Мама промолчала. Она выглядела огорченной, а от ее ласковой улыбки не осталось и следа.

- Как же я ненавижу тебя, тварь! - выдавила она спустя мгновение.

Мне было знакомо это чувство. Вот и сейчас я ощутил, как из глубины души поднимается, клокоча, невиданная жестокая ярость. Мама продолжала изливать оскорбительные слова.

- Недоразвитый щенок! Бастард! Сын проститутки! Тебя ожидает вонючая яма, наполненная гнилью Вселенной. Когда ты умрешь, мир раскрасится яркими цветами. Я буду танцевать вальс на твоей могиле...

Ярость, переполнявшая меня, выплеснулась наружу - огромный черный шар. Он вырвался из меня и вонзился в сыплющего проклятия артефакта. Раздался оглушительный взрыв, содрогнувший стены каюты. Артефакт бесследно исчез. Из выхода компьютерной сети выполз тонкий жгутик дыма.

Я не отдавал себе отчета в том, что творю. Я выбежал из покоев, убив взглядом стоящего у резных дверей гвардейца, и бросился к рубке. По дороге я испепелил еще троих встречных, швырнув в каждого из них по огромному черному шару, взрывающемуся глухой жестокой энергией.

Когда я ворвался в рубку, установилась тишина. Астронавты смотрели мне в глаза и понимали, что что-то случилось. К этому мигу я уже сумел немного совладать с собой. Стараясь говорить спокойно, я приказал:

- Выйдите! Все!!!

Приказ был исполнен незамедлительно и без лишних вопросов.

Едва рубка опустела, я направился к компьютеру.

- Нам надо поговорить, Ттерр, - сказал я, заговорщицки подмигивая.

- Большой Капитан хочет сыграть партию в шахматы?

Я покачал головой.

- Нет, Ттерр. Я пришел сказать, что никогда не знал своей матери!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ттерр остался на удивление спокоен. Он помигал индикаторами и констатировал:

- Так вот в чем заключалась моя промашка.

- Не только в этом. Ты использовал для создания артефактов выходы, в конце концов я обратил на это внимание. Но саму идею твоей причастности к происходящему мне невольно подкинул доктор.

- Я подозревал это, - глухо сказал Ттерр.

- А теперь, позволь, спрошу я.

- Спрашивай, - сказал Ттерр таким тоном, словно делал мне одолжение.

- Когда ты раскусил, что я не тот, за кого себя выдаю?

- Сразу, как только ты появился.

- Почему ты пытаешься уничтожить меня? Твой бывший Го Тин Керш заложил тебе в программу приказ уничтожать чужаков?

Ттерр глухо хохотнул.

- Какой же ты глупец! Да я и есть Го Тин Керш. Я слепок с его сознания. Мои матрицы, образующие личностный модуль, составлены на основе его образов и ощущений. Я мыслю его категориями. Мы составляли единое целое. И вот половина этого целого погибла. Как должна была воспринять это оставшаяся половина? Мстить!

- Много патетики и полное отсутствие логики.

- Почему? - озадачился Ттерр.

- Ты не в состоянии победить меня и должен был понять это с самого начала. Тем более, что позднее я не раз представлял тебе возможность убедиться в этом. Зато я могу без труда уничтожить твоё сознание. И тогда от тебя ничего не останется.

- Ну, если быть объективным, твоё превосходство стало очевидным лишь несколько мгновений назад. А до этого, уверен, никто не решился бы назвать победителя. Ведь я находился в более выгодном положении. Ты был у меня как на ладони. А2-А4! - Послышался ещё один смешок. - Когда телепатировал, следует быть осторожным, особенно в том случае, если не знаешь, с кем имеешь дело. Я копался в твоём сознании, словно в своём собственном. Я брал оттуда всё, что хотел. - Ттерр вздохнул. - Подумать только, мне почти удалось добиться своего!

- Почти! - подчеркнул я. - Но я перехитрил тебя.

- Ага! - согласился компьютер. Его тон был чересчур жизнерадостен. - Ты устроил мне ловушку и едва не попался в неё сам. Тебе повезло. Ты выбрался, но это вовсе не означает, что ты победил. Я ещё могу взять своё.

- Каким образом? Все, что ты делаешь, не может нанести мне вреда. Я сильнее.

- Посмотрим.

- Не глупи. - Я говорил спокойно, но в груди уже возникало знакомое ощущение подступающей ярости. Мне вдруг ужасно захотелось положить конец препирательствам, ударив по модулям компьютера огненной волной, и насладиться его предсмертным визгом. - Мы нужны друг другу, но если ты будешь продолжать испытывать мое терпение своими фокусами, клянусь, я избавлюсь от тебя!

- Интересно, кто в таком случае будет управлять кораблем? - с сарказмом в голосе спросил компьютер.

- Не беспокойся. Я создам новый личностный модуль, это куда проще, чем ты думаешь. Я выжгу твоё "я" и вложу на его место новую суть.

- У тебя не получится, - торопливо сказал Ттерр, но я не услышал в его голосе прежней уверенности.

- Ещё как получится! - заявил я, загоня сомнения в самый дальний уголок сознания, где до них было не дотянуться.

Моя решимость поколебала Ттерра. В нём боролись ненависть ко мне и инстинкт самосохранения. Та доля искусственного интеллекта, что была принесена умерщвленным мною существом, требовала решительных действий, однако собственное "я" компьютера было настроено куда более осторожно.

- Я должен ненавидеть тебя! - с вызовом сказал Ттерр, на что я легко согласился.

- Ненавидь себе на здоровье. Ненависть - вполне естественное чувство. Здесь ненавидят все.

- К тому же я просто обязан убить тебя!

Я пожал плечами.

- Пожалуйста, если придумаешь, как. Только перестань донимать меня дурно сделанными артефактами. Не взывай к моей совести и уж тем более оставь свои потуги уничтожить меня с помощью этих убогих созданий. Кажется, ты уже имел не одну возможность убедиться, что они не в состоянии справиться со мной.

- А что ты скажешь насчет большого взрыва?

- Ты хочешь сказать, что можешь уничтожить корабль?

- Именно.

- Но в таком случае погибнешь и ты, а насколько я понимаю, в твою программу заложен запрет на самоуничтожение.

Терр вздохнул.

- Правильно понимаешь. - Я слушал, как он просчитывает возможные ситуации. Чтобы не показаться беспомощным, компьютер поторопился заявить:

- В общем, артефакты были не более чем пробой сил.

- Ты хочешь сказать, что располагаешь иным оружием?

- Возможно.

- Ты лжешь. У тебя нет других козырей, иначе ты давно бы пустил их в ход.

- Кто знает. А согласись, мой план с твоей мамашей был совсем неплох.

- Мамой, - поправил я. - Да, это было придумано недурно, вот только, увы, с моей подачи.

- Ты знаешь, ведь она ненавидела тебя. Ох, как же она тебя ненавидела!

Злобный комок шевельнулся в груди, наливаясь черным.

- Откуда ты можешь об этом знать?

- Я знаю многое, о чем ты не подозреваешь, сучонок!

Терр ждал чувства ненависти, однако я расхохотался, чувствуя, как опухоль злобы рассасывается. Дышать стало легче.

- Дешевый трюк, приятель. Сначала ты пробовал пронять меня жалостью, липовыми воспоминаниями о детстве, теперь же ты пытаешься поселить в моей душе злобу, которая разорвала б меня. Я не куплюсь на твои уловки. Я буду холоден, словно уснувшая лягушка.

Терр даже не пытался скрыть, что разочарован.

- Последний козырь, - грустно пробормотал он. Словно желая еще разубедиться в моей силе, компьютер выплюнул из силового выхода шар размером с арбуз, начиненный энергией. Я испустил короткий фотонный пучок. Шар обмяк и исчез, а его энергия перелилась в меня.

- М-да, - задумчиво произнес Терр. - Кажется, ты прав, нам лучше договориться.

- Я рад, что ты подчинил чувства разуму. - Я похлопал ладонью по полированной панели. - Вот мои условия: ты прекращаешь всякие враждебные действия против меня, а за это я не меняю своего отношения к тебе.

- Это возможно? - удивился Терр.

- Почему бы и нет?

- Где гарантии, что ты не уничтожишь меня вместе с кораблем, когда достигнешь своей планеты?

- Мое слово.

- Оно ничего не стоит.

Я хотел оскорбиться, но передумал. Случалось, я действительно нарушал данные обещания. Терр, естественно, был в курсе этого.

- Не могу предложить ничего иного. Постарайся воспринять мои доводы. Мне незачем уничтожать корабль, я слишком привык к нему. - Надеюсь, мои мысли звучали достаточно искренне. - Перед тем, как высадиться, я заложу в твою память новый курс и сотру координаты Земли. Ведь это возможно?

- Вполне.

- Если ты вдруг захочешь вернуться, чтоб сквитаться со мной, тебе придется потратить на поиски не один миллиард световых секунд. За этот срок я сменю не только планету, но и галактику.

Замолчав, я ожидал реакции Терра. Она была примерно такой, как я и ожидал.

- Похоже, ты не лукавишь... - Еще бы! Я старался! - Так и быть, рискну заключить с тобой соглашение. Но если б ты знал, как я ненавижу тебя!

Я ответил ласковой улыбкой. Ттерр засмеялся и предложил:

- Может быть, партию в шахматы?

- Идет!

Спешить было некуда. Перебрасываясь шуточками, мы разыграли вариант сицилианской защиты. Партия закончилась вничью, что было само по себе удивительным. Если мне не изменяла память, это была наша первая ничья. Когда я уходил, Ттерр пожелал мне доброго пути. Мне почудилось, что в его словах промелькнула издевка, но я не придавал этому значения.

И напрасно...

Восьмой уровень был наглухо блокирован гвардейцами. Несколько десятков воинов образовали два заслона, заперев меня в коротком обрубке перехода. В мою сторону были нацелены не только плазменные излучатели, но и два снятых из боевых башен дезинтегратора. Я замер, понимая, что любое движение может спровоцировать залп, и тогда не поприветствует ни мне, ни кораблю. От шеренги воинов отделились двое, один из которых был облачен в скафандр.

- Вот уж никогда не думал, что человек и тумант могут мирно ужиться! - со смехом сказал я, когда странная парочка остановилась в нескольких шагах от меня.

- На какие только жертвы не пойдешь ради общего блага, - ответил Уртус.

Располагавшийся по правую руку от него доктор Олем не понял, о чем идет речь, но на всякий случай кивнул заключенной в шлем головой.

- Насколько я могу судить, это мятеж?

Уртус был хладнокровен и вежлив.

- Можно квалифицировать происходящее и подобным образом, но я предпочел бы употребить слово "замена".

- Какое безобидное слово! Я могу рассказать множество историй, когда подобная замена заканчивалась штабелями отрубленных голов. Впрочем, замена так замена. Вот только зачем вы притащили сюда эти большие штуки? - Я указал на широкие раструбы дезинтеграторов. - Случись что, они здорово попортят корабль.

- Лучше потерять руку, чем голову, - сказал старший офицер.

- Логичное замечание. Что ж, я готов выслушать вас.

- Оценивая ситуацию, сложившуюся на корабле, я требую, чтобы капитан сложил свои полномочия.

- И все? - удивился я. - Не так уж много.

- Нет, не все. Принимая во внимание то обстоятельство, что капитан представляет угрозу для корабля, я вынужден настаивать на его изоляции.

- Ах, какой он нехороший, этот капитан! Большая бяка! Как же ты намереваешься меня изолировать? Разве тебе не известно, что я могу проткнуть пальцем любую переборку?

- Мы приняли это во внимание. По моему приказу подготовлен специальный модуль, оснащенный пси-излучателями. Они помогут удержать капитана под контролем.

- Недурно придумано. - Я внимательно посмотрел на Олема, пытаюсь понять его роль в этой истории, доктор поспешно отвел взгляд. - А теперь объясни мне, с чего это вдруг я впал в немилость. Или, может быть, тебе просто захотелось покомандовать?

Уртус сделал протестующий жест.

- Мне достаточно моей власти. Я принял такое решение, руководствуясь соображениями безопасности. Капитан намеревается уничтожить корабль, а в мою задачу входит обеспечение его безопасности. Поэтому капитан должен быть изолирован.

- Скажи, Уртус, а с чего ты взял, что я хочу уничтожить корабль?

- Я знаю капитана. Его хорошо знает кислородный литинь, который думает точно так же. - Я

покачал головой. Доктор позволил себе слишком много. - А кроме того, я получил информацию от компьютера, нашего настоящего капитана. Теперь мне известно все.

Да, Ттерр честно заслужил право хихикать мне вслед.

- Ты ошибаешься. Я только что заключил с компьютером соглашение.

- А я только что получил от него приказ начать операцию. Итак, согласен ли капитан подчиниться моему требованию, или он предпочтет быть уничтоженным дезинтеграторами?

- А как же ты сам? А что будет со всеми этими бодрыми ребятами?

- Мы готовы встретить смерть.

Я прикинул, сумею ли разложить время. Дезинтеграторы работали очень быстро, за пределами моих возможностей.

- Что меня ожидает, если я приму условия? - спросил я, стараясь выгадать несколько мгновений.

- Мы немедленно меняем курс и возвращаемся на Туму. Твою судьбу будет решать весь наш народ.

Я присвистнул. Провести не одну сотню лет под пси-гипнозом в клетке, а в довершение подохнуть на мерзкой хлористой планетке - хорошенькая перспектива!

- Я принимаю ваш ультиматум, - сказал я, как бы невзначай кладя левую руку на холодную поверхность переборки.

Не успели заговорщики и глазом моргнуть, как я вскрыл пластиковый лист с такой легкостью, словно имел дело с бумагой. Еще миг, и я очутился в небольшом, совершенно пустом модуле вне зоны действия дезинтеграторов. И тут в мой мозг вонзились сотни огненных стрел. Они вгрызались внутрь, сдирая стружку с сознания. Я закричал от боли и яростного бешенства. Ттерр, - а все происходящее было, вне всякого сомнения, задумано им, - перехитрил меня. Он просчитал свою партию на несколько ходов вперед. Я еще не начал действовать, а уже был обречен попасть в ловушку. Ттерр хитростью затащил меня в модуль, утыканный раструбами пси-излучателей. Испускаемые ими волны парализовали мою волю, лишая способности к сопротивлению. Мысли стали медлительными, тягучими, движения тяжелыми и вязкими. Так ощущает себя попавший в топь. Тягучее нечто засасывает меня, смачно чавкая беззубым ртом. Вязкая сладкая белая тина липла на руках, оплетая ноги. Сознание наполнилось паточным безразличием, оно агонизировало. Я попытался исторгнуть яростный хрип, но меняхватило только на едва различимое шипение. И тогда я разозлился по-настоящему. Я не привык быть побежденным. Собрав воедино ярость, ненависть и злобу, я слепил из этой жгучей смеси миллион крохотных шариков и бросил их веером вокруг себя. Шарик принял удары пси-волн и поглотили значительную часть их. Сразу стало легче дышать, а сердце забилося в прежнем ровном ритме. Я обернулся. У проделанного мною отверстия копошились гвардейцы, устанавливающие дезинтегратор. Я бросил в них огненную волну. Раздались крики боли, и пылающие фигуры бросились бежать по переходу. Вытянув перед собой руки, я продолжал изливать огненную энергию, затыкая ею жерла пси-излучателей. Модуль сотрясали разрывы, темноту рассекали снопы разноцветных искр, пластиковые переборки плавилась и изгибалась. В меня стреляли. Сразу несколько человек. Кажется, я сумел различить между ними белую фигуру доктора. Причудливы повороты судьбы! Человек сражался против человека на одной стороне со своими злейшими врагами. Я бросил в стреляющих еще несколько огненных шаров. Переход затянуло жирным чадом. Пол колыхался, словно живой.

Пора! Разбежавшись, я вонзился в стену и пронизал ее насквозь. За первой последовала еще одна переборка, затем еще. Я прожигал пластик и металл, пока не очутился у светового колодца, позади перехода, в котором мне неудачно пытались устроить ловушку. Крича, я устремился в него, добывая немногих уцелевших. Я искал доктора и Уртуса, но не находил их. Возможно, они погибли. Тогда я бросился в рубку, где прятался мой главный враг.

Ттерр защищался. Он намеревался разыграть свою последнюю партию, почти не надеясь на выигрыш. Он выстроил против меня шеренгу астронавтов, за спиной которых толпились наспех созданные артефакты весьма замысловатых форм. Воины дали залп из плазменных излучателей. Я разложил время и увернулся, после чего срезал строй пешек скользким ударом силовых линий. Тумаиты рухнули, рассеченные надвое. Тогда вперед двинулись артефакты. Они были слишком плохо оформлены, чтобы представлять серьезную угрозу. Громадная, алая, словно раскаленная, ящерица, трехглавый монстр, вооруженный серповидным клинком, создание, напоминающее массивную колонну с головой вместо архитрава, пара синих спрутов, карлик с непомерно длинными руками, каждая из которых оканчивалась десятками отточенных когтей, и, наконец, артефакт самого Го Тин Керша, размахивающий точной копией пернача-каура. Некоторых из них я развеял, других выпил, опустошив оболочку, словно яичную скорлупу. Последним я покончил с Го Тин Кершем. Я вырвал из его щупальца пернач и ломал налитое энергией тело до тех пор, пока оно не рассыпалось на тысячи осколков.

Все. Я огляделся. Рубка выглядела так, будто в ней бушевало стадо многоногих. Аккуратно перешагивая через тела и осколки приборов, устилавшие пол, я направился к Ттерру. Он израсходовал на борьбу со мной слишком много энергии и теперь не мог отдышаться. Я ощущал его хриплое утомленное дыхание вха, вха. Из информационного блока, извиваясь, выползали струйки серого дыма, тут же превращавшиеся в стеклянное крошево.

- Ну что, приятель, доигрался?

- По-похоже, - задыхаясь, выдавил Ттерр. Его переполняли мрачные предчувствия.

- Ты проиграл свою партию. - Ттерр промолчал, и тогда я посоветовал: Тебе следовало уничтожить меня вместе с кораблем.

Ттерр возмутился:

- Позволь, а что было б в таком случае со мной?

- Ты все равно мертв.

С этими словами я поразил личностный модуль Ттерра тонким дезинтегрирующим лучом, выжигая память о былом. Ттерр перенес эту лоботомию молча. Когда я закончил, передо мной был обычный информационный центр. Ттерра не стало.

- Мат! - объявил я.

Теперь я мог получить информацию о том, что творилось на корабле. Заговорщики все же успели сделать один выстрел из дезинтегратора, повредив обшивку и три уровня. Связавшись с техническим отделом, я велел немедленно приступить к ремонтным работам. Специальная группа, - точнее, часть ее из числа воинов, сохранивших верность капитану, - получила приказ найти и доставить в рубку старшего офицера и кислородного литиня.

- Живыми! - прибавил я достаточно веско, чтобы не сомневаться, что мой приказ будет исполнен в точности.

Однако все оказалось не столь просто. Хоть мятеж и провалился, волнения продолжались. Уртусу удалось увлечь за собой часть экипажа, и теперь практически на всех уровнях происходили жаркие схватки. Я манипулировал верными мне воинами, выжигая очаги сопротивления.

Корабль трещал и стонал, получая раны куда более болезненные, чем от столкновения с вражеским флотом. Была уничтожена большая часть третьего уровня, где мятежники сопротивлялись наиболее отчаянно. Все живое на девятом и десятом было умерщвлено ворвавшимся сквозь пробойны холодом. В пятом воевали с применением ядерных микрогранат. Чтобы навести там порядок, я велел провести газовую атаку. Штурмовой отряд, облаченный в скафандры, выпустил из баллонов кислород, изготовленный для доктора Олема. Оборонявшиеся погибли в страшных мучениях.

Наконец поступило донесение, что кислородный литинь и бывший старший офицер Уртус замечены вблизи грузового ангара. Оставив рубку, я немедленно устремился туда. Уртуса схватили живым. Старший офицер отчаянно сопротивлялся и убил пятерых, прежде чем был обезоружен. Его подвели ко мне с заломленными за спину руками. Я хотел ударить предателя по физиономии, но это было лишним над ней уже неплохо поработали. Я лишь спросил:

- Где литинь?

Уртус попытался улыбнуться разбитыми губами.

- Ты опоздал. Он уже улетает.

- Улетает - не значит улетел! - процедил я и рявкнул: - Все вон отсюда!

Испуганные воины бросились вон из ангара, а я прыгнул к дверям. Они отказывались открываться, справедливо полагая, что космическое безвоздушие вредно тем, кто привык вдыхать кисловатые пары хлора. Тогда я разбил двери страшным ударом кулака.

Доктор Олем еще не улетел. Он лишь успел раскрыть створки внешнего шлюза и теперь сидел в катер. По моему приказу старую посудину отремонтировали и обеспечили энергией, сделав ее тем самым вполне пригодной к новым путешествиям. Доктор намеревался продолжить свою космическую одиссею. Без особой надежды, как и прежде, на то, что сумеет достичь цели, и даже просто выжить. Когда разлетелись металлические створки дверей, он обернулся. При виде меня по лицу Олема разлилась восковая бледность. Он не сомневался, что видит собственную смерть. Однако на этот раз доктор оказался никудышным психологом. Я не стал убивать его, быть может, потому, что был не совсем человеком. Человек не знает того, что подарить прощение порой куда

более сладко, чем отомстить. Я отпустил доктора.

- Пока, док, - сказал я, кладя руку на его плечо. - Надеюсь, еще встретимся.

Доктор Олем не желал еще раз встречаться со мной, но от моих слов в его зрачках что-то дрогнуло.

- Бежим со мной, Русский! - крикнул он. - Иначе погибнешь!

- Почему?

Доктор на мгновение заколебался, но все же решил ответить.

- Этот сумасшедший туманит собирается уничтожить корабль. Он сказал, что скоро корабль испарится!

Я подозревал, что Уртус способен на нечто подобное. Но даже угроза смерти не могла заставить меня бежать с доктором. Бегство в никуда означало смерть или бесчестье. Последнее было хуже смерти.

- Спасибо за приглашение, док, но я остаюсь, - сказал я и зачем-то прибавил: - Я обязательно выпутаюсь!

Олему моя судьба была безразлична. Он уже успел забыть о своем приступе благородства. Игнорируя протянутую для прощального пожатия руку, доктор залез в кабину катера. Взревели двигатели. Огненные инверсионные струи облизали мое тело, и катер прыгнул в сплетение звезд. Я смотрел ему вслед до тех пор, пока крохотный оранжевый огонек не растворился в черном бесконечье.

Уртус был бледен, но спокоен. Обозленные отчаянным сопротивлением воины разбили бывшему сержанту прикладами ружей лицо. Из многочисленных ссадин сочилась голубоватая вязкая жидкость, тут же застывавшая, отчего на щеках и подбородке Уртуса образовалась причудливая бахрома из небольших сосулек. Она раздражала Уртуса, и он пытался избавиться от нее, что со связанными руками было не так-то легко сделать. Уртус старательно терся щекою о плечо, но сосульки держались, накрепко пристав к коже.

Какое-то время я наблюдал за тщетными потугами пленника, потом приказал:

- Развяжите его.

Охранники неохотно подчинились. Они ненавидели своего собрата, даже куда сильнее, чем меня.

Едва руки оказались свободными, Уртус принялся избавляться от смерзшейся крови. Он с остервенением отдирал голубые наросты и бросал их на пол. Операция была весьма болезненной, раз или два Уртус поморщился, но не прекращал своего занятия до тех пор, пока не очистил лицо полностью.

Я терпеливо ждал. Я знал, что Уртус заговорит первым.

Так и случилось. Покончив с сосульками, Уртус удовлетворенно провел пальцами по щекам и взглянул на меня. В его глазах плескалось торжество.

- Тебе конец! - воскликнул он.

- Когда?

Уртус, не тая, назвал срок и прибавил:

- Если думаешь, что можешь предотвратить взрыв, поверь, это пустое. Дезинтеграторы заряжены на самоуничтожение. Процесс не остановить. Скоро начнется выброс дезинтегрирующей энергии, и ты исчезнешь вместе с кораблем.

- И ничего нельзя изменить?

- Ничего! - отчеканил Уртус.

- Что ж, желаю тебе быстрой смерти.

- И тебе.

- За меня не беспокойся, я уйду.

- Как? - презрительно оскалившись, протянул Уртус.

Не отвечая, я повернулся и пошел прочь. Я знал, что уйду, но не знал, как.

Вопросы, мучившие, меня долгие годы, исчезли. Остался лишь один огромный, жирный, короткий, жестко-смертельный.

КАК?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Как?

Мгновения стремительно уносились прочь, подталкивая меня навстречу гибели.

Уртус не солгал - я смог лично удостовериться, что дезинтеграторы и впрямь настроены на самоуничтожение. И ничего уже нельзя было изменить, любая попытка разрядить их влекла немедленный взрыв. Корабль был обречен умереть, растаять, не оставив следа. Мне была назначена такая же судьба.

А пока "Утренний свет" агонизировал. Экипаж знал об уготованной ему участи. Переполюющая туманов вечная ненависть разразилась бурей неистовой ярости. Гремели взрывы, сумрак раздирали плазменные вспышки. Астронавты начали свое последнее состязание, призом в котором должно было стать право умереть последним.

Я не обращал на пальбу внимания. Запершись в капитанских покоях, я мучительно размышлял, пытаюсь найти выход из почти безвыходной ситуации. Почти, ибо понятие ситуация не подчинено абсолюту. Я не спешил отчаиваться. Мне не раз удавалось избегать смерти, когда она приближалась куда ближе. Я должен был покинуть корабль, но сделать это иначе, чем доктор или несколько десятков туманов, которые захватили истребители, купив себе таким образом еще несколько мгновений жизни. Подобное бегство не было выходом, оно лишь продляло агонию. Я мог попросить помощи. Едва стоило подумать об этом, как передо мной возник призрак Леды.

- Попроси, - сказала она, ласково улыбаясь. - Я с радостью приму тебя.

Голубые глаза шептали: ну попроси, что тебе стоит! Ведь это же не обяжет тебя ровным счетом ни к чему. Я даже помогу тебе попасть на Землю. Только попроси!

Я отрицательно покачал головой. Легче было умереть. Я не мог даже вообразить, что значит признать себя побежденным. Все мои сущности были единодушны в этом. Даже не желавший умирать паучок Тиэли храбрился, бодро пошлепывая себя лапками по волосатому брюшку.

- Нет, - сказал я.

Призрак Леды исчез. Его место заняло огненное облако, ворвавшееся из перехода. Кровавые столкновения продолжались, кое-кто уже пытался добраться до капитана. Я швырнул в дверь несколько огненных шаров, раскрутив их таким образом, чтоб они волчком пробежали по переходу. Сквозь рев пламени донеслись крики умирающих. Дождавшись, когда они стихнут, я удовлетворенно откинулся на трансформированную спинку кресла и смежил веки.

К этому моменту я изменил облик и облачился в шкуру человека. Я хотел умереть с тем лицом, какое было даровано мне при рождении. Человеческая кожа отчаянно мерзла, и потому я непрерывно испускал тепло, окружая себя слоем горячего воздуха.

Надо было выбираться. Но я не знал, как.

Корабль вздрогнул. Это означало, что он получил еще одну пробоину. А может быть, и не одну. Еще немного - и "Утренний свет" пойдет ко дну, разваливаясь на сотни обломков. Я пожалел, что отпустил Олема. Через его сознание, возможно, я смог бы связаться с Арием. По крайней мере, я мог попытаться. И чем черт не шутит, возможно, мне удалось бы выбраться на Землю.

Стоп! Вдруг я поймал себя на мысли, что коснулся чего-то важного. Кем был Олем для Ария? Обычным передатчиком воли, биологическим аналогом искусственного артефакта. Я мог создать подобное существо, естественно, на энергетической основе.

- Допустим, я создам его, - пробормотал зрентшианец.

- Но что это даст? - с насмешкой воскликнул человек. - Ведь Арий использовал Олема в качестве принимающего. Связаться с Землей возможно лишь при условии, что демон очутится на ней!

Я горько пожалел, что рядом нет верного Хатфура.

- Но ведь демон сумел преодолеть ничто, - вновь подумал зрентшианец.

- Он шел, ориентируясь на сигнал, испускаемый твоим сознанием, и смог материализоваться лишь благодаря твоей воле, - возразил пессимистично настроенный человек.

- Но я могу настроить его на сигналы Земли. Я помню, как они звучат!

В мозгу зрентшианца возникла неистовая токката Баха. Орган рыдал, словно перетянутая, наполненная невидимым светом струна.

- Я могу отправить демона на Землю! Я найду путь!

- Хей-гей! Отлично! - обрадовался жизнелюб паук Тиэли. - Давай-ка поспеши, приятель! Побыстрее вытаскивай нашу задницу из этого пекла. Здесь становится жарковато!

Словно в подтверждение слов паука в покои ворвалось глухое эхо разрыва. Корабль задрожал от боли.

Прельщенный шансом выжить, человек занервничал. Он грыз ногти и бормотал:

- Ну и что? Ну, допустим, демон достигнет Земли. Что дальше? Ведь он не обладает собственной волей и не сможет принять нас.

- Да... - задумчиво выдавил зрентшианец, признавая, что человек полностью прав. Идея была хороша, но, похоже, обстоятельства обрекали ее на провал.

- Эй! Эй! Пойдите! - очнулся дремавший до сих пор тумаит. - Неужели на твоей планете не найдется никого, кто согласился б принять тебя?

- Неужели?! - завопил Тиэли.

- Не знаю, - неуверенно пробормотал зрентшианец. Но человек был в восторге.

- Надо попробовать! Непременно надо попробовать! Там остались Командор, Гиптий, а быть может, жив и Гумий. За дело!

- Хорошо, - согласился зрентшианец и тут же приступил к делу.

Напрягши суть, зрентшианец принялся изливать энергию, одновременно придавая ей форму. Демон выходил неуклюжий и даже уродливый, но, право, в этот миг мне было не до эстетики. Оставалось надеяться, что на Земле меня поймут и узнают, пусть даже я предстану в облике кургузой пирамиды с одним-единственным глазом на самой верхушке. Глаз этот, к слову, непрерывно хлопал, пока я стабилизировал формы.

И вот демон готов. Я дал ему имя, короткое и неестественное - Ккув - и приказал:

- Немедленно отправляйся на Землю!

- Но, хозяин, я не знаю пути.

- Я укажу тебе его.

Я поднялся с кресла и, ударив дезинтегрирующей волной в переборку, пробил ее насквозь, открывая доступ пустоте и холоду. Завизжали сирены, издали донесся грохот падающих переборок. Это корабль пытался бороться за свою жизнь, отрезая омертвевший восьмой уровень. В образовавшееся отверстие заглянули яркие звезды. Выбросив к ним силовую линию, я велел демону:

- Следуй за ней.

Ккув обратился в крохотное раскаленное облако и стремительно вырвался из оболочки корабля. Я ощущал переполнявшую его радость несмышленища, познающего мир.

- Пспеши! - сказал я. - У меня мало времени. Демон повиновался и устремился вперед. Я указывал ему путь. Обратившись в стремительный сгусток сверхъестества, я пронзал черное пространство, закладывая виражи вокруг звезд, планет и комет, которые могли поглотить моего посланца. Я расшвыривал мячики метеоритов, а однажды пронизал насквозь корабль, пробив его борта с такой легкостью, словно это была не трехслойная броня, а яичная скорлупа, Ккув неся следом, оглушительно вопя от восторга. Он был неопытен, и я опасался, что это может повредить мне. По дороге я учил его жизни, насколько знал ее сам.

Стремительно мчалась небесная карета, освещаемая вспышками через мгновение исчезающих вдали звезд. Блестели туманности, неизведанные и потому загадочные. Пугали провалами черные дыры, а квазары, неистово пульсируя, пытались завлечь меня на нескончаемую чашку чая. Я

мчался мимо натягивающего лук Стрельца, игриво шлепнул ладонью по голому задку Девы, внес раздор меж Близнецами. Грозно рычал Лев, блеял Овец, свистел Рак, а Рыба издавала звуки, которые воспринимались окружающими как молчание. Я видел звездный дождь. Он падал медленно и величественно, а звезды отдавали алым. Со стороны казалось, будто черноту орошает разбрызгиваемая из пульверизатора кровь. Кровавый дождь дурная примета, я пронесся сквозь него столь стремительно, что даже не замочил полы плаща.

Неподалеку от Весов я повстречал стоящего на одной ноге Странника. Он предложил мне передохнуть. Я отказался, сославшись на то, что спешу. Странник рассмеялся.

- Успевают лишь тот, кто никогда не спешит, - сказал он и исчез с непостижимой умом стремительностью. Я понял, что он действительно никогда не спешит.

Считается, пустота безжизненна и необитаема. Я мог убедиться, что это не так. Пустота просто переполнена диковинными существами. Я видел серебристых драконов и птиц, чье оперение отливало блеском сапфиров. Мне попались улыбающаяся кошка и бык с прекрасной девушкой на спине. Я повстречал крылатых коней и стаю псов, преследующих двуглавого медведя. Улепетывая, медведь прихлебывал из ковша. Когда он пробежал мимо, я ясно различил запах хорошего вина.

- Прозит! - рыкнул медведь.

Еще были сотни лиц. Полупрозрачные, они светились загадочным космическим блеском, словно лежащие на черном бархате посмертные маски. Одни из них улыбались, другие плакали. Были и такие, что пытались укусить. Это были лики Вечности, поработанные души побежденных скитальцев. Я желал им лучшей доли, зная, что если не успею, мой лик присоединится к ним.

Я превратился в лезвие брошенного в воздух ножа. Я продирался сквозь тугую пелену пространства, разрывая его отточенными плечами. Пространство сворачивалось и швыряло клубы искр. Малиновые, синие, золотистые и зеленые, они соединялись в причудливый китайский калейдоскоп и гасли, растворяясь в черном. А потом все сменила синева, а за нею - зелень. Это была Земля...

Я спешил.

- Ищи! - велел я демону.

Первым, к кому я собирался обратиться за помощью, был Командор. Я воскресил в памяти его лицо - суровое, с плотно стиснутыми губами. Такое холодное и такое родное. Я соскучился по нему.

Демон, словно хорошо натасканный пес, бросился вперед. Он рыскал по полям и дубравам, зарывался в бездну морей, обдававшую холодом и мраком. Но его старания долго оставались безрезультатными. Наконец Ккув взял след. Демон привел меня к бездонному провалу, созданному не естеством, а злой волей. Из провала веяло смертью. Я покричал, зовя отца, но тот не отозвался. Если он и был жив, то искать помощи надлежало скорее ему, чем мне. Я отступился, оставив попытки связаться с Командором. Ккув бежал от провала так, будто по его пятам гналась стая голодных волков.

Следующим должен был стать Гумий. На этот раз поиски были недолги. Ккув привел меня к небольшому холму, увенчанному диким серым камнем. Здесь нашел последнее пристанище Гумий. Он встретил меня за столом. В кубке плескалась затхлая вода, а в предназначенной на обед горбушке хлеба копошились черные жуки. Гумий выглядел неважно. Сквозь клочья одежды проступала полусгнившая плоть. Почесывая изъеденную могильными червями скулу, Гумий посетовал:

- Зудит. Извини, что так принимаю тебя, - прибавил он, указывая на свой убогий стол.

- Ничего, мне доводилось пировать на куда более жалких банкетах, успокоил его я и тут же перешел к делу. - Когда-то я выручил тебя, надеюсь, сейчас ты поможешь мне.

- Если смогу.

Я кратко изложил суть просьбы.

Гумий поскреб покрытый остатками волос череп.

- Извини, но ничего не выйдет. Нам запрещено вмешиваться в дела живых. Вот если бы ты был мертв...

- Ну, спасибо! - Я не испытывал ни малейшего желания быть мертвым.

Гумий дернул белыми шарами оголенных плечевых костей, словно говоря извини. Я почувствовал

себя неуютно. В могиле было промозгло и пованивало тленом. Я поспешил проститься, а уходя, не удержался от любопытства:

- Кто тебя?

- Леда, - ответил Гумий. Он грустно вздохнул, отчего одно из ребер треснуло и развалилось на две части. - Никогда не верь ей, Русий!

- Хорошо, - сказал я, с облегчением поднимаясь на освещенный солнцем холм.

Дальше в моем списке стоял Гиптий, но Ккув вдруг учуял другой, не менее знакомый запах. Здесь пахло Юльмом, и я велел демону взять след. Юльм был благороден, я мог надеяться на его помощь. Ккув увлек меня на вершину далекой горы. Запах был отчетлив. Демон обнюхивал камни, распуская цепочки следов. Он искал, но так и не нашел. Юльм был, и в то же время его не было. Я знал, что так бывает. Можете не верить, но я огорчился. Царь давно ненавидел меня, но он был одним из немногих, с кем я сочел бы за честь скрестить клинки. Он умел красиво жить и сумел красиво уйти. Я желал себе подобной смерти.

Корабль продолжал трещать по всем швам, которых у него не было. Взрывы уничтожили пять лазерных батарей, на нижних уровнях шло настоящее сражение с применением пси-излучателей и гранат. Один за другим погибли и были отрезаны непроницаемыми переборками три уровня. Теперь там властвовал холод, превративший плоть в ссохшиеся хрупкие комочки. Все, кто смогли, поспешили облачиться в скафандры, потому что теперь война велась по большей мере в условиях открытого космоса. Группа негодяев пробивала переборки, пытаясь в очередной раз добраться до меня. Их возглавлял вырвавшийся на свободу Уртус. Они уже пробрались на восьмой уровень и в настоящий миг были заняты тем, что вскрывали резную дверь. Раскаленный огонек лазера прожигал ее насквозь, плюя комочками жидкого металла. Я замороженно наблюдал за его скользким движением, а мое естество продолжало пребывать на Земле. Космос раздирали неистовые аккорды музыки Баха.

Солнце. Много солнца, желтого, как песок, который шуршал под ногами. Я был в Кемте, стране, подобной которой нет нигде в мире. Повсюду мертвый песок и лишь узкая полоска, напитанная влагой Хапи, земли, дарующая жизнь бесчисленному множеству ртов. Кемт изменился. Я видел знакомые восточные храмы, украшенные рельефами звероликих богов. Но рядом с ними стояли великолепные дворцы, перевитые легкими колоннами, и храмы, в которых прославляли людей-богов. Я заметил огромную статую отца, совершенно не похожего на самого себя. Повсюду блестела сталь, а воздух оглашал разноязыкий гомон. Кемт обрел величие, но потерял былую таинственность. Тайны жрецов ушли из дельты в верховья и недоступные оазисы. Именно в одном из таких оазисов я обнаружил Изиду.

Я не видел ее с тех пор, как погибла Атлантида, но сразу отметил, что Изида совершенно не изменилась. Только черты лица потеряли прежнюю женственность и стали более резкими. Такой она понравилась мне больше тонкие, строго очерченные линии, собранные в пучок волосы, яркие блестящие глаза.

Изида пребывала в келье. Она сидела за расположенным у узкого окна столом, испещряя папирус иероглифами. Почувствовав присутствие демона, Изида подняла голову и уставилась на зависшего под потолком артефакта. В ее глазах не было страха, а лишь удивление. Молчание длилось несколько дольше, чем следовало б, затем Изида спросила:

- Кто ты?

- Русий.

Тонкие губы едва заметно усмехнулись. Изида положила перо.

- Я слышала, ты умер.

- Я слышал о тебе примерно то же самое.

- Я не умирала, я просто ушла.

- А меня ушли.

- Но ты здесь и, значит, тебя можно поздравить с возвращением?

- Не совсем. Мы можем поговорить?

- Мы уже говорим. Что тебе от меня нужно?

- Помощь.

- Ты, такой могущественный, и нуждаешься в помощи?

- Мне случилось попасть в неприятную историю, выбраться из которой самостоятельно не могу даже я.

- Каким образом я могу помочь тебе?

Я обрадовался.

- Это несложно. Ты должна лишь принять меня.

- Как?

- Протянуть руку и принять.

Изида внимательно посмотрела на правую ладонь, словно ей предстояло лишиться ее.

- Где ты сейчас?

Вопрос пришелся мне не по душе, но я не мог уклониться от ответа.

- Я на космическом корабле, который с мгновения на мгновение погибнет.

Изида задумалась, и в этот миг послышался негромкий стук в дверь. Появилась девушка-служительница с подносом в руках. Изида властным жестом велела ей поставить поднос и удалиться. Это событие, прервавшее наш разговор, положило конец колебаниям атланти.

- Нет, Русий, - сказала она. - Я не приму тебя. Я не хочу вмешиваться в дела других. Кроме того, по моему мнению, ты лишний на этой планете. Извини.

Я засмеялся. Ккув передал мой смех истеричным визгливым кудахтаньем.

- Ничего. Это все пустяки. Мне не впервой рассыпаться на части. Надеюсь, смогу когда-нибудь отплатить тебе за твою доброту.

Изида плотно сжала губы и забормотала какое-то заклинание. Я почувствовал, что энергетические формы Ккува немеют.

Тогда я освободился от части энергии, наполнив келью Изиды огненным смерчем, и исчез.

Земля упорно не желала принимать меня...

Покинув огненную пустыню, я устремился туда, где был холод. Бескрайние равнины покрывали сугробы снега. Налетающий ветер вздымал белую пелерину вверх и перемешивал ее с тусклым солнечным светом. Казалось, в этом суровом краю не может быть жизни, но она была. Демон спешил к небольшому уютному домику, из трубы которого вился аппетитный дымок. Ухнув, Ккув свалился прямо в трубу и покатился по полу, разбрасывая вокруг себя оранжевые огоньки. Находившийся в комнате человек вскочил с деревянной лавки и принялся затапывать крохотных гонцов надвигающегося пожара. Для верности он плеснул на пол водой из кувшина и лишь потом обратил внимание на демона.

- Кеельсее? - спросил он неуверенно.

- Не угадал, - ответил я. - Это я, Русий.

Человек слегка побледнел. Он тоже считал меня умершим. А еще он опасался моей мести. Мне было за что мстить, в последнее время мы не были друзьями. А ему было известно, что я умею мстить. И он подумал, что миг мести настал. Я поспешил успокоить его.

- Не волнуйся, Гиптий, я не собираюсь причинять тебе зло. Забудем былое.

Из глотки Гиптия вырвался вздох облегчения. Он почувствовал мою беспомощность и преобразился. Сложив на груди руки, он сказал:

- Я и не волнуюсь. Почему я должен волноваться? - Атлант вопросительно уставился на демона, ожидая, что он скажет.

Я сильно сомневался насчет того, что мне удастся договориться с Гиптием, но попытаться все же стоило.

- Я нуждаюсь в помощи.

- Да? - спросил Гиптий. В его голосе звучала издевка. - А больше тебе ничего не нужно? Говори, не

стесняйся. Я просто горю желанием оказать тебе услугу. Может быть, прикажешь подать вина?

- В другой раз, - сказал я, стараясь оставаться спокойным. - У меня мало времени. Если ты согласен помочь мне, помоги, если же нет, оставим этот разговор.

- Какой ты гордый! - засмеялся Гиптий. - Тебе угрожает опасность?

- Да, и серьезная. Корабль, на котором я в данный момент нахожусь, очень скоро разлетится на куски. Я могу спастись лишь в том случае, если ты примешь меня.

Гиптий вскинул брови.

- И ты очутишься прямо здесь?

- Да.

- Ну уж нет! Это все равно, что пригласить в свою постель гремучую змею! Я еще не забыл, как ты трижды пытался прикончить меня!

- Но ведь не прикончил.

- Не ставь это себе в заслугу. Просто я оказался тебе не по зубам. Гиптий хмыкнул. - Я был бы последним идиотом, если бы предоставил тебе возможность предпринять четвертую попытку. Откуда мне знать, что ты не разыгрываешь фарс? И уж если говорить прямо, мне не по душе твое возвращение на Землю. Я предпочел бы, чтоб ты был подальше, а еще лучше, исчез совсем. По крайней мере, я с удовольствием выпью чашу за твою кончину...

Сверкающий луч замкнул овальную траекторию. Кусок металла с грохотом упал на пол. В образовавшееся отверстие пролезли три неуклюжие фигуры. Ослепленные ярким светом, они вначале не заметили меня. Я не стал дожидаться, пока враги догадаются увеличить затемнение шлемов. Размахнувшись, я ударил по ним силовыми линиями. Двое рухнули замертво, третьему я переломал обе руки, так что он не мог воспользоваться своим плазмометом. Это был Уртус. Постановивая, он опустился на пол и с ненавистью уставился на меня. Я расслышал его голос:

- Осталось всего сто секунд. Тебе крышка, литинь! Похоже на то, подумал я. Я переговорил со всеми, на чью помощь мог рассчитывать. Оставалось лишь умереть, либо, смирив гордость, просить помощи у Черного Человека и Леды, за что впоследствии придется расплачиваться сутями. Паук Тиэли был не прочь сохранить жизнь, поменяв хозяина. Он тихо уговаривал остальных повлиять на человека, но ни зрентшианец, ни тумайт не соглашались. Смерть казалась им менее оскорбительной. Унижение было страшнее смерти. Впрочем, оставался еще один, на чью помощь я не рассчитывал совершенно. Сколько я помнил себя, он всегда был моим врагом. Мы ненавидели друг друга еще тогда, когда я был лишь человеком, и ни на мгновение не переставали враждовать позднее. Несколько раз я был близок к тому, чтобы избавиться от него, и каждый раз он ускользал. А еще он был убийцей дорогого мне человека, чью смерть я никак не мог простить. По этой причине я не хотел просить у него помощи, да и, кроме того, я был уверен, что он все равно откажет мне в ней. Кеельсее, его звали Кеельсее...

- Осталось лишь пятьдесят, - прохрипел Уртус. В его голосе звучало торжество. Уртус был вправе торжествовать, ведь он победил самого могучего врага на свете. Я мог снести все, кроме этого торжества. И я решился.

- Ищи, Ккув! - прорычал я.

Кеельсее нашелся сразу, словно ожидал моего визита.

Он сидел в небольшой мраморной, увитой плющом беседке. За колышущейся стеной зелени шумело море, а налетающий ветерок трепал окладистую бороду Кеельсее. Мой враг наслаждался жизнью. На столике перед ним, в окружении аппетитно выглядящих блюд, возвышался громадный стеклянный кувшин, уже наполовину опустошенный. Когда я появился, Кеельсее приканчивал очередной кубок.

В отличие от остальных он не удивился и не стал спрашивать, с кем имеет дело. Он сразу узнал меня.

- Да это же Русский! - радостно завопил Кеельсее. - Привет, вражина! Что-то тебя долго не было видно!

- У меня проблемы, - без обиняков сообщил я, потому что оставалось тридцать секунд.

- Большие?

- Да.

- Как этот кувшин?

- Больше.

- Говори.

Пять фраз слопали еще десять секунд.

- Сейчас мой корабль исчезнет. Если ты не примешь меня, я исчезну вместе с ним.

- Грустно, - пробормотал Кеельсее, не подозревая, что в моем распоряжении осталось лишь десять крохотных мгновений.

- Ну так что? - спросил я, изо всех сил стараясь, чтобы слова звучали размеренно.

Кеельсее хмыкнул, и секунд осталось лишь пять.

- А знаешь, Русий, без тебя здесь чертовски скучно. Я приму тебя!

И он протянул мне руку. Я потянулся к ней, слыша отчаянный вопль обманувшегося в своих надеждах Уртуса.

Через миг "Утренний свет" исчез в огненной вспышке, тут же растекшейся в чернилах пустоты.

А еще спустя миг я обнаружил, что нахожусь в сверкающей зеленым беседке. Оглушительно трещали птицы. С моря тянуло солью и протухшей рыбой. Бородатый, пышущий здоровьем атлант протянул мне чашу с бордовым вином.

- С возвращением, Русий! - радостно хохоча, провозгласил он.

Я, улыбаясь, смотрел в его веселые хитрые глаза. Одному из нас предстояло убить другого. Но это случится спустя века. А пока я принял чашу и залпом осушил ее.

Спасибо, что скачали книгу в